

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

"АРХИТЕКТУРА"

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

Москва

Стройиздат 1985

**«Значительно улучшить подготовку
в вузах и техникумах специалистов
для ведущих отраслей народного
хозяйства, идейно-политическую
закалку студенчества».**

**Материалы июньского (1983 г.)
Пленума ЦК КПСС**

СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

"АРХИТЕКТУРА"

Редколлегия:

Л. Н. АВДОТЬИН,

Д. П. АЙРАПЕГОВ (ответственный секретарь),

В. Г. АКАТОВА,

Б. Г. БАРХИН,

П. Г. БУГА,

В. А. КАСАТКИН,

Б. В. МУРАВЬЕВ,

А. Т. ПОЛЯНСКИЙ,

Ю. Н. СОКОЛОВ (главный редактор),

А. В. СТЕПАНОВ (заместитель главного редактора),

П. П. РЕВЯКИН,

А. В. РЯБУШИН,

З. Н. ЯРГИНА

Н.П. Былинкин, В.Н. Калмыкова
А.В. Рябушин, Г.В. Сергеева

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ (1917–1954 гг.)

*Издание второе,
переработанное и дополненное*

Под редакцией Н.П. Былинкина и А.В. Рябушина

Допущено
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебника для студентов
архитектурных специальностей
высших учебных заведений.

Рецензент: кафедра теории архитектуры Ленинградского инженерно-строительного института

История советской архитектуры, 1917–1954 гг.:
И 90 Учебник для архитектурных вузов. Спец. «Архитектура»/Н. П. Былинкин, В. Н. Калмыкова, А. В. Рябушин, Г. В. Сергеева; Под общ. ред. Н. П. Былинкина и А. В. Рябушина.– 2-е изд., перераб. и доп.– М.: Стройиздат, 1985.–256 с., ил.

Рассмотрена история развития советской архитектуры, периоды ее становления до 1954 г. Рассказано о поисках новых социалистических принципов расселения и планировочных структур населенных мест, об архитектуре жилых, общественных и промышленных зданий. Освещены вопросы восстановления и реставрации памятников архитектуры. Изд. 1-е вышло в 1962 г. под загл. История советской архитектуры, 1917–1958 гг.

Для студентов архитектурных вузов и факультетов.

И 4902010000–581
047(01)–85 203–84

ББК 85.113(2)7
72С2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первое учебное пособие по истории советской архитектуры для высших учебных заведений архитектурного профиля вышло в свет в 1962 г. В нем рассматривался период с 1917 по 1960 г. Учебное пособие было подготовлено в Институте истории и теории архитектуры Академии строительства и архитектуры СССР и основывалось на опыте преподавания в Московском архитектурном ордена Трудового Красного Знамени институте, где с 1943 г. был введен курс истории советской архитектуры.

Положительное значение этого пособия определялось прежде всего тем, что в нем впервые был собран и систематизирован большой фактический материал. Впервые была сделана попытка изложить процесс развития советской архитектуры в аспекте народнохозяйственных и культурных задач, выдвинутых Коммунистической партией и Советским правительством в соответствии с объективным ходом строительства социализма в нашей стране.

Вместе с тем, когда создавалось первое учебное пособие по истории советской архитектуры, научная база для такого труда была еще весьма бедна. Так, исследования по истории архитектуры конца XIX и особенно начала XX в. почти не велись. Изучение ряда теоретических проблем, имеющих большое значение для понимания природы советской архитектуры и процесса ее развития, таких, как «Архитектура и общество», «Традиции и новаторство», «Национальное и интернациональное в архитектуре», «Архитектура и научно-технический прогресс», «Архитектура и экономика», «Художественный образ в советской архитектуре», находилось в зачаточном состоянии. Некоторые важные проблемы не разрабатывались вовсе.

Последние двадцать лет, составившие большой и кардинально важный период новейшей истории советской архитектуры, были достаточно плодотворны в области исторических, градостроительных, типологических и общетеоретических исследований по архитектуре. Закончена изданием многотомная «Всеобщая история архитектуры», первая книга XII тома которой посвящена советской архитектуре. Накоплен большой педагогический опыт. Обширный и разнообразный материал дал возможность подготовить настоящее издание истории советской архитектуры в виде учебника, изложив процесс развития советской архитектуры с позиций современных представлений архитектурной науки.

Главная задача, которую ставили перед собой авторы, состоит в том, чтобы изложить историю советской архитектуры как единый диалектически развивающийся процесс, связанный со всем ходом развития народного хозяйства и культуры в СССР. Вместе с тем историю советской архитектуры целесообразно разделить на четыре периода:

1. Архитектура периода гражданской войны, восстановления народного хозяйства и построения фундамента социалистической экономики СССР (1917–начало 1930-х годов).
2. Архитектура периода завершения реконструкции народного хозяйства и в предвоенные годы (начало 1930-х–1941 год).
3. Архитектура военных лет и послевоенного восстановления народного хозяйства (1941–середина 1950-х годов);
4. Архитектура периода построения развитого социалистического общества (середина 1950-х–1980-е годы).

Настоящее издание учебника состоит

из двух частей. Первая часть «История советской архитектуры» охватывает первые три периода, т. е. время до середины 50-х годов. Во второй части – «Современная советская архитектура» излагается история советской архитектуры с середины 50-х годов по 1980 г.

В учебнике не преследуется цель равномерного распределения изучаемого материала по отдельным республикам Союза, а рассматриваются только типические примеры, характеризующие развитие советской архитектуры в целом.

Обширный фактический материал по истории архитектуры каждой союзной республики, охватить который не в состоянии данное издание, может и должен быть изложен в специальных учебных пособиях, создаваемых на местном архитектурном материале.

Общий объем работы не позволяет также охарактеризовать творческую деятельность ведущих мастеров советской архитектуры в монографическом плане. Эта важная тема остается предметом изучения на семинарах по истории советской архитектуры.

В учебнике принят типологический принцип распределения материала. Педагогический опыт показал, что этот принцип – при всей его ограниченности – наиболее логичен для наших целей, поскольку позволяет студенту уяснить генезис таких больших областей архитектуры, как градостроительство, архитектура промышленных сооружений, жилых и общественных зданий, сельских зданий и сооружений, тем более, что эти области архитектуры являются также и сферами известной специализации студентов.

Вместе с тем, чтобы преодолеть ощущение расщепленности единого процесса развития архитектуры на узкие типологические области, каждая из двух частей учебника завершается развернутым заключением, где синтезируются и в сжатом виде обобщаются материалы со-

ответствующих периодов. В итоге первой части учебника подчеркивается внутреннее единство и целостность советской архитектуры как сложного социально-экономического и социально-культурного явления, неразрывно влеченного в систему общества. При всей сложности исторического становления советской архитектуры, наполненного напряженными поисками, борьбой творческих концепций, динамикой развития профессиональных установок, наша архитектура всегда была на переднем крае социалистического строительства и выполняла те задачи, которые общество перед ней ставило на том или ином этапе. Заключение второй части учебника анализирует итоги последней четверти века, ознаменованной общим переходом на рельсы индустриального массового строительства, последовательным выполнением крупномасштабных социальных программ и неуклонным развитием художественных аспектов зодчества развитого социализма.

Учебник подготовлен Кафедрой советской архитектуры Московского архитектурного ордена Трудового Красного Знамени института. Авторами учебника в целом являются сотрудники Кафедры советской архитектуры МарХИ (Н. П. Былинкин, А. В. Рябушин, Г. В. Сергеева, И. В. Шишкина), ЦНИИТИА (Ю. П. Бочаров, А. М. Журавлев), ЦНИИпромзданий (В. В. Блохин), кафедры архитектуры ВЗИСИ (В. Н. Калмыкова). Кафедра советской архитектуры и авторы приносят глубокую благодарность Центральному научно-исследовательскому институту теории и истории архитектуры (ЦНИИТИА) Госгражданстроя, а также Государственному музею архитектуры им. А. В. Шусева.

Введение и глава 2 написаны Н. П. Былинкиным, глава 1 – Г. В. Сергеевой, глава 3 и заключение – А. В. Рябушиным, разделы «Архитектура села» в главах 2 и 3 – В. Н. Калмыковой.

ВВЕДЕНИЕ

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества – эру крушения капитализма и утверждения коммунизма как реальной цели исторического развития человечества.

Социалистическая революция уничтожила частную собственность на землю и средства производства. Впервые в истории архитектура не на словах, а на деле стала архитектурой для всего народа, архитектор – государственным деятелем, что в корне изменило социально-идеологическую направленность, а следовательно, и все ценностные критерии архитектурной деятельности.

Перед архитекторами возникли совершенно новые социальные и идеологические задачи, не имевшие аналогов в истории человечества. Поиск методов наиболее полного решения этих задач, естественно, сопровождался борьбой мнений, взглядов и тенденций.

Уже в первые дни своего существования Советская власть проявила свою подлинно народную сущность. Крайне тяжелые жилищные условия рабочих в старой России еще более обострились в результате разрухи народного хозяйства, порожденной изнурительной империалистической войной. В то время, когда о массовом жилищном строительстве еще не могло быть и речи, Советское правительство, по инициативе В. И. Ленина, принимает закон «О реквизиции квартир богатых для облегчения нужд бедных». В Москве спустя всего 35 дней после Октябрьской революции – 12 декабря 1917 г. – постановлением Московского Совета были реквизированы все владения, дававшие свыше 900 руб. дохода в год, а 20 августа 1918 г. по декрету ВЦИК была отменена частная собственность на недвижимость во всех городах.

Переселение рабочих из окраинных трущоб в особняки и доходные дома центральных благоустроенных районов городов началось практически в 1918 г. и продолжалось несколько лет. Только за 1918–1924 гг. в Москве, например, было переселено 500 тыс. рабочих и членов их семей.

Другим важным мероприятием Советской власти была экспроприация дворцов царской фамилии и знати. Они были превращены в музеи, театры, а парки в места народных гуляний. В бывших усадьбах устраивались школы и детские дома, больницы и санатории, избы-читальни и др.

Социалистическая революция в России и образование первого в мире социалистического государства были злобно встречены мировой буржуазией. Партия большевиков, Советское правительство во главе с В. И. Лениным изображались в буржуазной прессе «узурпаторами власти, разрушителями культуры», тогда как уже в 1918 г. был издан Декрет Совета Народных Комиссаров, разработанный по инициативе В. И. Ленина, «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений», который положил начало большой работе по охране и реставрации архитектурных и других памятников культуры.

С первых шагов Советская власть принимает меры по налаживанию городского строительства. В 1918 г. была создана проектная мастерская под руководством А. Щусева и И. Жолтовского в Москве по работе над генеральным планом столицы. В Ярославле, где после левозсеровского мятежа в 1918 г. требовалось восстановление разрушенных зданий, мастерскую возглавлял Я. Тар-

таковских, мастерской в Петрограде руководили И. Фомин и Л. Ильин.

В 1918 г. сформировался ленинский план монументальной пропаганды, по которому предполагалось установить в различных городах Советской республики памятники выдающимся деятелям в области науки, философии, искусства и революционным мыслителям.

Однако мирное строительство после Октября было прервано гражданской войной. До 1921 г. Советское государство вело почти непрерывные войны против внутренней контрреволюции и иностранной интервенции. Страна была истощена разрухой, голодом и тем не менее нашла в себе силы начать под руководством партии восстановление хозяйства, развернуть культурную революцию — таков был подъем революционного духа народных масс.

На VIII Всероссийском съезде Советов (1920 г.) по инициативе В. И. Ленина был принят план электрификации России (ГОЭЛРО). В течение 10–15 лет рост промышленного производства намечалось увеличить на 180–200% по сравнению с довоенным уровнем 1913 г. По мысли Ленина каждая электростанция должна была стать и очагом культуры.

В декабре 1922 г. на I Всесоюзном съезде Советов был образован Союз Советских Социалистических Республик как добровольное объединение равноправных народов, а в 1924 г. утверждена первая Конституция СССР. Эти события имели огромное значение для нашего многонационального государства, развития его хозяйства и культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию.

Освобождающая сила Великой Октябрьской социалистической революции дала решительный толчок и простор для развития всего того прогрессивного, что накануне революции занимало оппозиционное положение по отношению к официально-буржуазному искусству. А картина в области архитектуры накануне первой мировой войны была довольно пестрой. В городах в качестве общего фона по-прежнему господствовала эклектика в самых различных стиливых комбинациях. В работах ведущих масте-

ров архитектуры присутствовал и ретроспективизм, и неоклассицизм, и модерн, который уже шел на убыль, и, наконец, мотивы рационализма, получившие наиболее яркое выражение в инженерных сооружениях вокзалов, мостов и некоторых крупных торговых зданий.

В начальный период после революции реальное строительство проводилось в объемах крайне ограниченных — страна отстаивала на фронтах свою свободу и независимость. Однако творческая жизнь была интенсивной. Проектировали много. Чрезвычайно распространены были конкурсы по различным программам. В этих условиях проект неизбежно превращался в конечную цель творческого процесса. Кроме того, система «архитектор — проект — здание — потребитель» нарушалась, из нее выпадало важнейшее звено — «здание», построенный объект, в результате чего прямая и обратная связь с потребителем исчезала. Проектный процесс не корректировался еще и народнохозяйственной необходимостью.

Таким образом, практически все первое пятилетие после революции было как бы периодом теоретического развития архитектуры. Мы имеем в виду не столько теоретические печатные издания, сколько сами проекты, поскольку каждый проект всегда есть и своего рода исследование той или иной проблемы.

В борьбе идей и мнений складывались различные представления о путях развития советской архитектуры, формировались архитектурные школы.

Училище живописи, ваяния и зодчества — школа станкового искусства и Строгановское училище — школа производственного (прикладного) искусства были слиты и реорганизованы в государственные мастерские. В 1920 г. создаются единые Высшие художественно-технические мастерские (Вхутемас), целью которых было подготовить архитекторов, художников — мастеров разного профиля для промышленности, а также конструкторов и руководителей для профессионально-технического образования.

На архитектурном факультете Вхуте-

маса Н. Ладовский разрабатывал новую методику преподавания архитектурной композиции с учетом объективных психофизиологических законов восприятия человеком формы и цвета в пространстве. А. Веснин как бы с другой стороны подходил к изучению различных аспектов создания и восприятия архитектурной формы – в единстве ее функционального, конструктивного и пластического качества.

Романтический период развития советской архитектуры (1917–1922 гг.) особенно ярко отразился в работах студентов Вхутемаса. Они принимали живейшее участие в общественной жизни, были самыми активными участниками творческих дискуссий. Курсовые и дипломные работы студентов публиковались и обсуждались наравне с работами архитекторов старшего поколения. Дипломные проекты таких студентов Вхутемаса, как И. Леонидова, И. Соболева, М. Синявского, М. Барца, А. Бурова, В. Лаврова и многих других, стали веками на пути формирования советской архитектуры.

В 1926 г. Вхутемас был переименован в Высший художественно-технический институт (Вхутеин). В 1930 г. на его основе были созданы Архитектурно-строительный институт, Московский полиграфический институт, художественный факультет Московского текстильного института.

Помимо этого в Москве архитектор готовил архитектурный факультет инженерно-строительного отделения при МВТУ им. Н.Э. Баумана. В подготовке специалистов в этом вузе большую роль играли А. Кузнецов, В. Веснин и др. Здесь в основе архитектурного образования лежала основательная методика формирования зодчего как будущего строителя, в натуре осуществляющего свои замыслы.

В Ленинграде в 20-е годы произошло аналогичное слияние Высшего художественного училища при Академии художеств с художественно-промышленным училищем, в результате чего образовался Ленинградский Вхутеин. Архитектурно-художественную подготовку возглавляли здесь И. Фомин,

Л. Бенуа, В. Шуко, А. Белогруд и др. Последовательная реорганизация архитектурной высшей школы была не случайна. Происходил целенаправленный поиск новых форм подготовки специалистов, способных решать многоплановые художественные и архитектурно-строительные задачи.

Вокруг лидеров, сумевших наиболее четко сформулировать новые творческие принципы архитектуры, стали формироваться группы. В 1923 г. оформилась как самостоятельная творческая организация Ассоциация новых архитекторов (АСНОВА). Ее вдохновителями были профессор Ахутемаса Н. Ладовский, Н. Докучаев и В. Кринский. Они называли себя рационалистами, поскольку стремились на научной основе обосновать восприятие пластических форм архитектуры. Хотя они и считали необходимым синтез технической рациональности («экономия труда и материала при создании целесообразного сооружения») и архитектурной рациональности («экономия психической энергии при восприятии сооружения»)¹, все же во главу угла ставилась формальная сторона творчества в связи с психофизиологией человеческого восприятия.

К 1925 г. относится создание Объединения современных архитекторов (ОСА). Лидерами ОСА были А. Веснин, В. Веснин, М. Гинзбург, вокруг которых группировались молодые архитекторы: М. Барц, А. Буров, В. Владимиров, И. Леонидов, Г. Орлов и др. С 1926 г. они начали издавать журнал «Современная архитектура», редакторами которого были А. Веснин и М. Гинзбург. Членов ОСА называли конструктивистами.

М. Гинзбург был их ведущим теоретиком и разработал рабочий метод конструктивистов – так называемый метод функционального проектирования. Цель современной архитектуры, по Гинзбургу, рациональная организация производственно-бытовых процессов. «Обычно цель, – писал он, – определяется часто одним лишь словом – фабрика,

¹ Ладовский Н. Основы построения теории архитектуры: Из истории советской архитектуры. 1926–1932 гг. – М.: Наука, 1970, с. 41.

клуб, жилье и т. д., тогда как она должна после тщательного анализа конкретизироваться и расчленяться архитектором в систему четких производственно-бытовых процессов. Отразить нашу эпоху в архитектуре — это значит построить идеально четкие и точные диаграммы процессов и умело определить для них нужную архитектурную оболочку».¹

Между АСНОВА и ОСА шла острая полемическая борьба. ОСА критиковала АСНОВА за формализм. В то же время АСНОВА критиковала ОСА за недооценку значения архитектурной формы, за то, что «их русский функционализм — отражение западной архитектуры, идеологически и генетически чуждой нашей современности»². Однако при ближайшем рассмотрении обвинения как той, так и другой стороны оказываются не вполне обоснованными. И ОСА не отрицала значения художественно выразительной формы и АСНОВА считала, что работа над пластикой архитектуры должна сочетаться с хорошей проработкой ее функционально-технической базы. Подчас практические работы членов той и другой организации в отношении реального формообразования мало чем друг от друга отличались — не в пример теоретическим доктринам, которые каждая из организаций рассматривала чуть ли не как обязательное условие возможности построения социализма в нашей стране.

Общее, что объединяло эти организации «новой архитектуры», — это борьба против эклектики и одновременно отрицание прогрессивного значения классического наследия для современной архитектуры. Общим слабым местом их теоретических концепций было и то, что в расчет бралась некая условная психофизиологическая единица или их механическая совокупность, но не реальные люди конкретного места и времени, закладывающие основы социализма в трудных условиях послереволюционного периода.

В 1928 г. возникло новое архитектур-

ное объединение — из АСНОВА выделилась Ассоциация революционных урбанистов (АРУ) во главе с Н. Ладовским, который ранее других понял, что при росте объемов реального строительства на первое место выходят проблемы градостроительные. Он и его сподвижники подчеркивали значение динамических планировочных композиций для города, обеспечивающих возможность его органического развития. Однако отрицание традиций зачастую превращало их планировочные структуры в самодавляющие графические схемы, лишенные реальных связей с жизнью, особенно когда речь шла о реконструкции существующих городов.

Тем не менее было бы неправильно думать, что люди, стоявшие во главе движения за «новую архитектуру», не знали истории архитектуры. Н. Докучаев, братья Веснины, А. Никольский и, тем более, М. Гинзбург неоднократно высказывали полное уважение классической архитектуре. Однако на деле превалировало отрицание опыта прошлого, отрицание традиций как существенного момента развития архитектуры. Упускалась из виду диалектическая связь традиций и новаторства, тот факт, что это две стороны единого процесса движения вперед, что всякое утверждение нового в практике неизбежно связано и с возникновением новой традиции и т. д. Ленинское учение о построении социалистической культуры предполагает диалектическое соединение прогрессивных демократических традиций прошлого с новаторскими исканиями.

В начальный период развития советской архитектуры творческие организации «новой архитектуры» сыграли большую положительную роль. Во-первых, они стали центрами популяризации теоретических идей и творческих поисков, до этого достаточно хаотичных, что позволило выявить основные тенденции, понять их и оценить по существу. Во-вторых, они показали большое значение науки для архитектуры. В-третьих, они объективно выявили формообразующую роль таких элементов архитектуры как функция, конструкции и материалы, экономика. В-четвертых, они сосредото-

¹ Из истории советской архитектуры. 1926–1932 гг. — М.: Наука, 1970, с. 74–75.

² Там же, с. 46.

чили внимание на разработке новых в социальном отношении типов зданий (клубы, детские дошкольные учреждения, фабрики-кухни, новые типы производственных зданий, жилище с элементами обслуживания и т. д.).

Наличие четко сформулированных программ новых организаций было весьма привлекательно, особенно для молодых архитекторов. «Силовое поле» новых архитектурных концепций воздействовало не только на молодежь. Так И. Фомин модернизирует классические мотивы, разрабатывая в теории и в творческой практике формы «красной дорик», А. Щусев откровенно стилизует некоторые свои работы под «новую архитектуру».

Ниспровергатели традиций и канонов, сами того не подозревая, создавали тем не менее новые каноны, которые оказались весьма расхожими, особенно для эпигонов, вчерашних эклектиков, сегодня работающих «под конструктивизм». Это беспокоило лидеров «новой архитектуры»¹, тем более, что примерно с 1928 г., когда практически все строительство развивалось под знаком «новой архитектуры», помимо взаимной критики творческих организаций, началась реальная и весьма жесткая критика со стороны потребителя. Эта критика, как и следовало ожидать, выражала недовольство чересчур решительным вмешательством архитекторов в установившиеся формы быта, разрывом с привычными эстетическими нормами, излишней упрощенностью геометризированных архитектурных форм, ибо, когда новый предмет игнорирует сложившиеся «эстетические ориентиры», воспринимающий остается равнодушным к тому, что ему предлагают как прекрасное.

В 1929 г. появилось новое творческое объединение — Всероссийское общество (впоследствии Всесоюзное объединение) пролетарских архитекторов (ВОПРА). Его членами-учредителями были К. Алабян, В. Бабенков, В. Бабуров, А. Власов, А. Заславский, Г. Кочар, М. Мазманян, А. Михайлов, И. Маца, Г. Симонов, А. Мордвинов и др. Отде-

ления ВОПРА были созданы также в Ленинграде, Томске, на Украине, в Грузии, Армении.

ВОПРА в своих концепциях исходила прежде всего из критики МАО, АСНОВА, АРУ и ОСА. Признавая положительную роль таких организаций, как АСНОВА И ОСА в их борьбе против эклектики и технического рутинерства, ВОПРА отвергала их теоретические концепции равно как и утопизм в области решения градостроительных проблем и социально-бытовых задач, механистичность трактовки конструктивистами эстетических задач архитектурно творчества, подмену реальной конкретной экономики строительства «экономией психофизиологической энергии восприятия архитектурной формы» (АСНОВА) и т. д.

Основой своего творческого метода воправцы провозгласили «всесторонний охват архитектуры во взаимосвязи всех ее элементов: социально-экономических, эмоциональных, идеологических и конструктивно-технических». Они вполне определенно отстаивали архитектуру как искусство, утверждая ее главенство при создании художественно организованного пространства. Важным тезисом их деклараций было утверждение о необходимости овладеть культурой прошлого в архитектурном творчестве — наряду с использованием всех достижений современной науки и техники. Вместе с тем в концепции ВОПРА явно присутствовал вулгарный социологизм. Эта новая организация самолично присвоила себе право говорить от имени «пролетарских архитекторов», ведя заушательскую подчас критику против своих творческих оппонентов, наклеивая политические ярлыки и т. п., что, естественно, осложняло внутривидовую обстановку.

Шли годы первой пятилетки. С огромным напряжением сил, невиданным энтузиазмом народ закладывал фундамент социализма. Уже работали электростанции, возведенные по плану ГОЭЛРО, строился Днепрогэс — крупнейшая гидроэлектростанция в Европе. В Москве, Ленинграде, в Донбассе, на Украине, на Урале и в Сибири поднима-

¹ Из истории советской архитектуры, с. 83.

лись промышленные стройки. Возводились дома и мартены Магнитки и Кузнецка, строились заводы машиностроения, тракторостроения, сельскохозяйственных машин и химии. В Фергане, Ташкенте, Ленинакане сооружались текстильные и меланжевые комбинаты. Создавалась промышленность строительных материалов — цемента, керамики и строительного стекла.

Развитие промышленности влекло за собой быстрый рост городского населения и, следовательно, обостряло нужду в строительстве жилищ и культурно-бытовых зданий. В этих условиях проблемы градостроительства приобретали огромное практическое значение. Между тем в вопросах расселения к 1929 г. выявились две теоретические концепции, родившиеся в организации «новой архитектуры»: урбанизм и дезурбанизм. Урбанисты стояли за превращение всех населенных пунктов страны в течение ближайших 10–15 лет в «социалистические города» с населением по 50–80 тыс. жителей, соединенные транспортными путями высокого класса. По мнению авторов, такое решение снимало сложнейшую проблему уничтожения противоположности между городом и деревней. Дезурбанисты принимали за основу создание по всей стране сети современных транспортных магистралей, вдоль которых осуществляется дисперсное расселение в виде индивидуальных домиков облегченных конструкций, в частности деревянных, которые могут замещаться другими более совершенными. Проблема связи и культурно-бытового обслуживания (здания для которого также размещаются вдоль дорог) должна была решаться при помощи личного автомобиля. В этой концепции город, село как определенные элементы расселения исчезают, а следовательно, исчезает и проблема противоположности между ними. Утопичность подобного рода концепции была подвергнута резкой критике на широкой дискуссии по проблемам расселения 1929–1930 гг.

На этой же дискуссии обсуждалась и проблема домов-коммун, т. е. жилых зданий с полным обобществлением быта. На этом пути предлагались ра-

дикальные средства освобождения женщин от тягот домашнего хозяйства. Возникли предложения, в которых обобществление было доведено до крайностей (отделение детей от родителей для общественного их воспитания, ликвидация личных кухонь и т. д.). В постановлении ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» (1930 г.) были резко осуждены крайности в предложениях по немедленному и полному обобществлению быта трудящихся, как оторванные от действительности в своих максималистских тенденциях.

Вместе с тем, и это очень важно отметить, постановление вовсе не отрицало необходимость работы по обобществлению быта, наоборот, оно прямо подчеркивало необходимость развертывания общественного обслуживания трудящихся (прачечные, бани, фабрики-кухни, детские учреждения) как в новостроящихся, так и в существующих городах и поселках. Осуждались лишь оторванные от жизни предложения, грозящие дискредитировать ценные начинания в этой области.

Нарастание объемов и темпов промышленного и городского строительства настоятельно требовало консолидации сил архитекторов, приближения их к потребностям реального строительства. Это ощущали и сами архитекторы. Уже к 1928 г. стало ясно, что замкнутость творческих организаций неизбежно придает всей их организационной и идеологической работе узкогрупповой характер. В. Веснин, М. Гинзбург, И. Леонидов, Р. Хигер и Г. Орлов выдвинули идею создания федерации революционных архитекторов, куда должны были войти все существующие творческие организации. Были и другие предложения подобного рода. Таким образом, желание объединиться шло снизу и потому, когда в 1932 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций», оно было встречено с глубоким удовлетворением. На основании постановления были созданы единые творческие союзы писателей, художников и архитекторов.

Перед вновь созданным союзом ар-

хитекторов, его отделениями в республиках и крупных городах с большой остротой возникла задача выработки творческого метода, на основе которого можно было бы объединить творческие усилия, сохраняя при этом полную свободу развития личного творчества. В этом и состояла главным образом подготовка к Первому съезду советских архитекторов. Союз архитекторов приложил много усилий к тому, чтобы связать общественную работу с реальными проблемами строительства.

В 1932 г. первый пятилетний план развития народного хозяйства был досрочно, в четыре года, успешно завершен. Январский (1933 г.) Пленум ЦК ВКП(б) имел все основания зафиксировать, что СССР из страны аграрной превратился в страну индустриальную. Были созданы новые отрасли промышленности: автомобильная, авиационная, тракторная, химическая, машиностроительная. Второй пятилетний план был также выполнен досрочно — за четыре года и три месяца. Во время второй пятилетки был завершен процесс коллективизации сельского хозяйства и шла интенсивная индустриализация сельскохозяйственного производства. Третий пятилетний план (1938–1942 гг.) был утвержден в 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б). Страна вступила в период завершения построения социалистического общества. Наряду с форсированным развитием тяжелой промышленности предусматривалось также расширение строительства предприятий легкой промышленности, пищевой и местной промышленности по производству товаров широкого потребления. Серьезное внимание уделялось промышленному развитию районов Урала, Сибири, Среднеазиатских республик. Продвижение промышленности на восток и юго-восток имело также большое оборонное значение.

Период второй и третьей пятилеток был насыщен важными событиями. В 1936 г. была принята Конституция СССР. Произошло воссоединение Западной Украины с УССР и Западной Белоруссии с БССР. В состав СССР вошли прибалтийские республики: Литовская,

Латвийская и Эстонская. Образовалась также Молдавская Социалистическая Республика на основе воссоединения Молдавской АССР с Бессарабией.

Такова в общих чертах обстановка, в которой происходило развитие советской культуры, искусства и архитектуры после исторического постановления ЦК ВКП(б) 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций».

Реалистическая, понятная народу идейно-художественная направленность литературы, живописи, скульптуры, музыки, новаторски развивавшая классические основы искусства, служила активным средством воспитания социалистического сознания советского человека, патриота своей родины. Творческим методом деятелей литературы и искусства стал социалистический реализм, который сложился в борьбе с различными антиреалистическими, в том числе модернистскими течениями, порожденными кризисом капиталистической культуры. Важнейшей задачей в это время стала разработка творческого метода социалистического реализма применительно к специфической природе архитектуры.

Архитектура, в отличие других искусств, создает материальную пространственную среду в виде различных зданий, городов, сел, в которых протекает вся материальная и духовная деятельность человека и общества. Соответственно, формообразование в архитектуре зависит от многочисленных и разнообразных сложной взаимодетствующих факторов: исторических изменяющихся социальных потребностей и культурных особенностей, природных условий места строительства, разнообразия материально-технической базы строительства, достижений науки, экономики строительства и эксплуатации, развивающихся эстетических идеалов общества и, наконец, от таланта и мастерства архитектора. Все это объективно осложняет решение проблемы творческого метода в архитектуре.

В 1933 г. была создана Академия архитектуры СССР для развития архитектурной науки и подготовки кадров архитекторов высшей квалификации через

институт аспирантуры и институт повышения квалификации. При академии было организовано издательство, которое за короткое время осуществило издание большого числа классических трудов по истории и теории архитектуры. Воздействие этой литературы на умы и чувства архитекторов было огромно, тем более, что в архитектурных вузах, которые кончали архитекторы в 20-х годах, история архитектуры, если и преподавалась, то творческого значения практически не имела.

Перед молодыми архитекторами открылись широкие возможности классической эстетики, выработавшей «законы красоты», которые столетиями служили человечеству. Решая практические задачи, выдвигаемые историей, эти «законы» позволяли одновременно создавать художественные образы, отражающие общественные идеалы и до сих пор волнующие человека.

Многоэтапный конкурс на Дворец Советов, в котором приняли участие представители практически всех творческих течений, многие архитекторы у нас и за рубежом, показал, что эстетика «новой архитектуры» не могла решить поставленные высокие идейно-художественные задачи. Становилась очевидной необходимость связи новой архитектуры и классической традиции. Архитектура Мавзолея Ленина – гениального произведения А. Щусева – была осознана именно как новаторское применение классических «законов красоты» в решении современного художественного образа.

Немаловажную роль в формировании направленности советской архитектуры в 30-е годы сыграла работа (под руководством академиков В. Семенова и С. Чернышева) над генеральным планом реконструкции Москвы. Разработанный план брал за основу исторически сложившуюся планировочную структуру, но подвергал ее решительной реконструкции. Постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР 1935 г. «О генеральном плане реконструкции г. Москвы» сформулировало основные положения советского градостроительства, определившие в основном большие работы по

реконструкции, планировке и застройке таких городов, как Ленинград, Киев, Харьков, Баку, Тбилиси, Ереван, Душанбе, Свердловск, Красноярск и многих других, а также новых городов, возникших в местах формирования новой промышленности, таких как Магнитогорск, Запорожье, Березники, Комсомольск-на-Амуре и др.

Еще достраивались многие сооружения «новой архитектуры» в Москве, Харькове, Ростове-на-Дону, но центр творческих интересов архитектурной общественности решительно перемещался в сторону освоения архитектурного наследия. Самые горячие дискуссии о путях развития советской архитектуры в начале 30-х годов вызывал уже не Дом Центросоюза (ныне ЦСУ) в Москве, сооруженный по проекту Ле Корбюзье, а дом на Моховой И. Жолтовского, в котором мастер продемонстрировал могущество классической гармонии. Несмотря на страсть, с которой конструктивисты и рационалисты отстаивали свои позиции, увлечение архитектурными традициями становилось всеобщим.

В чем же все-таки дело, почему подавляющее большинство архитекторов принялось изучать античность, греческую и римскую, архитектуру Ренессанса и английское палладианство, русский классицизм и ампи́р? Почему на Украине, в Грузии, Армении, Азербайджане, в республиках Средней Азии внимание архитекторов и ученых привлекли памятники исторического прошлого? Почему в высшей архитектурной школе теперь основательно штудировали историю архитектуры и искусства, а процесс курсового проектирования был на деле экспериментальным исследованием композиционных возможностей классики?

Во-первых, сама действительность, выдающиеся успехи в строительстве социализма, которые после завершения первых двух пятилеток вывели нашу страну в разряд передовых индустриальных держав, вызывали всеобщий подъем патристической гордости, естественное желание воплотить, выразить эти общенародные чувства в искусстве, в том числе и в архитектуре. Однако

в языке «новой архитектуры» того времени не находилось достаточно выразительных средств для выполнения такой задачи. В то же время чрезвычайная, по сравнению с «новой архитектурой», гибкость классических «законов красоты», удивительное разнообразие композиционных возможностей и пластических форм позволяли выразить в образах архитектуры богатство идейно-художественного содержания. Наконец, и это весьма важное обстоятельство, разрыв «новой архитектуры» с традицией не позволял практически подойти к решению очень актуальной и сложной проблемы национальной формы в архитектуре нашей многонациональной страны.

Важно отметить, что изменение творческой направленности вышло за пределы узко профессиональных интересов. Союз архитекторов, готовясь к своему Первому съезду, развернул большую работу по пропаганде советской архитектуры. Были созданы печатные органы союза — журнал «Архитектура СССР» и «Архитектурная газета». В витринах магазинов Москвы, Ленинграда, Киева и других крупных городов в майские и ноябрьские праздники устраивались выставки проектов текущего и намечаемого строительства, которые вызывали глубокий интерес населения, вовлекая его в обсуждение творческих работ архитекторов. Широкие массы трудящихся в целом поддерживали новое творческое направление в архитектуре.

К началу работ Первого съезда советских архитекторов (1937 г.) изменение направленности архитектуры уже дало количественно и качественно ощутимые результаты. Была построена первая очередь Московского метрополитена. Закончен огромный ансамбль зданий и сооружений канала им. Москвы. Построены крупные жилые дома и общественные здания. Все это поражаало разнообразием архитектурных форм. У съезда появилась возможность критически рассмотреть практику строительства, поддержать восстановление диалектического единства новаторства и традиций, решительно осудить поверхностное украшательство и эклектиче-

ские рецидивы в архитектуре. В резолюции съезда было записано: «Путь социалистического реализма, являющегося основным творческим методом советской художественной культуры, должен в области архитектуры привести к созданию сооружений, соединяющих высокие технические качества и экономичность с художественной простотой и выразительностью».

На съезде было обращено внимание на то, что в орбиту творческого внимания и заботы архитекторов должны войти прежде всего проблемы массового жилищного и культурно-бытового строительства, поскольку отставание в этой области тормозит и развитие промышленного производства СССР. В 1938 г. был создан Государственный комитет по делам строительства при СНК СССР, на который были возложены задачи развития типизации в области промышленного и гражданского строительства, разработка общегосударственных норм и стандартов как важнейшего условия развития индустриализации строительства. Во второй половине 30-х годов получили развитие новые методы поточного и крупноблочного строительства, ведущая роль в которых принадлежала в то время архитекторам.

22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно напала на СССР. Большинство архитекторов пошло на фронт, воевали и строили военные объекты. Оставшиеся в тылу проводили большие работы по маскировке военных и гражданских объектов, работали по строительству и приспособлению разного рода зданий для размещения эвакуированных в глубокий тыл промышленных предприятий из временно оккупированных районов Прибалтики, Белоруссии, Украины и РСФСР.

Огромный урон понесла наша страна в результате войны. Погибло 20 млн. человек. Многие миллионы остались без крова. В ряде случаев невозместимые потери понесла наша культура в результате преднамеренного разрушения выдающихся памятников в Ленинграде, Новгороде, Пскове, Минске, Киеве, Риге, Чернигове, Калининe, Орле, Вильнюсе

и многих других городах. Но народ верил в победу. В 1943 г. был создан Государственный комитет по делам архитектуры. На его обязанности была подготовка проектных материалов, норм и стандартов для широкого размаха восстановительного строительства.

Глубокая убежденность в правоте своего дела, восприятие войны, как войны справедливой во имя свободы и независимости Родины, осознание великой освободительной миссии советского народа в борьбе с фашизмом, — все это питало патриотические чувства всего народа и творческой интеллигенции в дни войны. Уже в 1942 г. проводятся конкурсы на проектирование монументов, долженствующих запечатлеть для потомства героические подвиги Советской Армии, советского народа. В этих обстоятельствах было совершенно естественным обращение к отечественной истории, художественному наследию.

В 1945 г. война победоносно завершилась. В марте 1946 г. был утвержден четвертый пятилетний план восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства СССР. Несмотря на тяжелые послевоенные условия и намеченное увеличение объема продукции к концу пятилетки на 48% по сравнению с довоенной пятилеткой, план был выполнен досрочно. В 1952 г. был утвержден пятый пятилетний план на 1951–1955 гг., предусматривавший рост уровня промышленного производства на 70% по сравнению с 1950 г.

Ситуация во всех отраслях строительства требовала строжайшей экономии. Благодаря успехам строительной архитектуры науки, потенциально сформировалась возможность перехода на сборное строительство из укрупненных элементов промышленного производства, которое обеспечивало рост производительности труда в два раза. Но реализация этой возможности тормозилась противоречием между новой технической основой и традиционной архитектурной формой. На первых порах стремились найти некий компромисс, как-то примирить методы заводского производства и стилевое направление, но скоро обнаружилась несо-

стоятельность этих попыток. Требовались решительные изменения принципов архитектурной композиции, разработка приемов выразительности, использующих специфические возможности индустриального строительства.

Чтобы ускорить процесс освоения новой техники в области строительства, в 1954 г. в Москве было создано совещание строителей, проектировщиков, научных работников для обсуждения проблемы решительного перехода на новые прогрессивные методы проектирования и строительства с использованием индустриальных конструкций.

В 1955 г. вышли постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР, посвященные строительству и архитектуре. Первое из них от 23 августа 1955 г. «О мерах по дальнейшей индустриализации, улучшению качества и снижению стоимости строительства» четко определяло задачи строителей, проектировщиков и научных учреждений в ускорении процесса внедрения полносборного строительства, указывало на необходимость совершенствования технологии заводского производства и теории расчета конструкций, повышение строительных и эксплуатационных качеств промышленных, гражданских и сельскохозяйственных зданий и сооружений.

Вслед за этим 4 ноября 1955 г. было принято постановление «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве», где была подвергнута резкой критике существовавшая направленность архитектуры, ее оторванность от всестороннего учета материальных факторов и сторон реального строительного процесса. Было показано, что этот отрыв препятствует развитию индустриальных методов возведения зданий.

Большим событием того же года был созыв Второго съезда советских архитекторов, проанализировавшего развитие нашего зодчества за прошедшие после Первого съезда 18 лет и подчеркнувшего значение новаторства и тесного взаимодействия в творчестве архитекторов, строителей и конструкторов.

Все эти события середины 50-х годов открыли собой третий современный период развития советской архитектуры.

Глава 1

АРХИТЕКТУРА ПЕРИОДА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ, ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ПОСТРОЕНИЯ ФУНДАМЕНТА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ СССР (1917 – НАЧАЛО 1930-Х ГОДОВ)

Градостроительство

Отмена частной собственности на землю и крупное недвижимое имущество, а также государственное планирование народного хозяйства определили новое содержание градостроительства, его направленность на удовлетворение интересов всех трудящихся. Потребности промышленного и сельскохозяйственного развития страны с неизбежностью связывались с проблемами расселения.

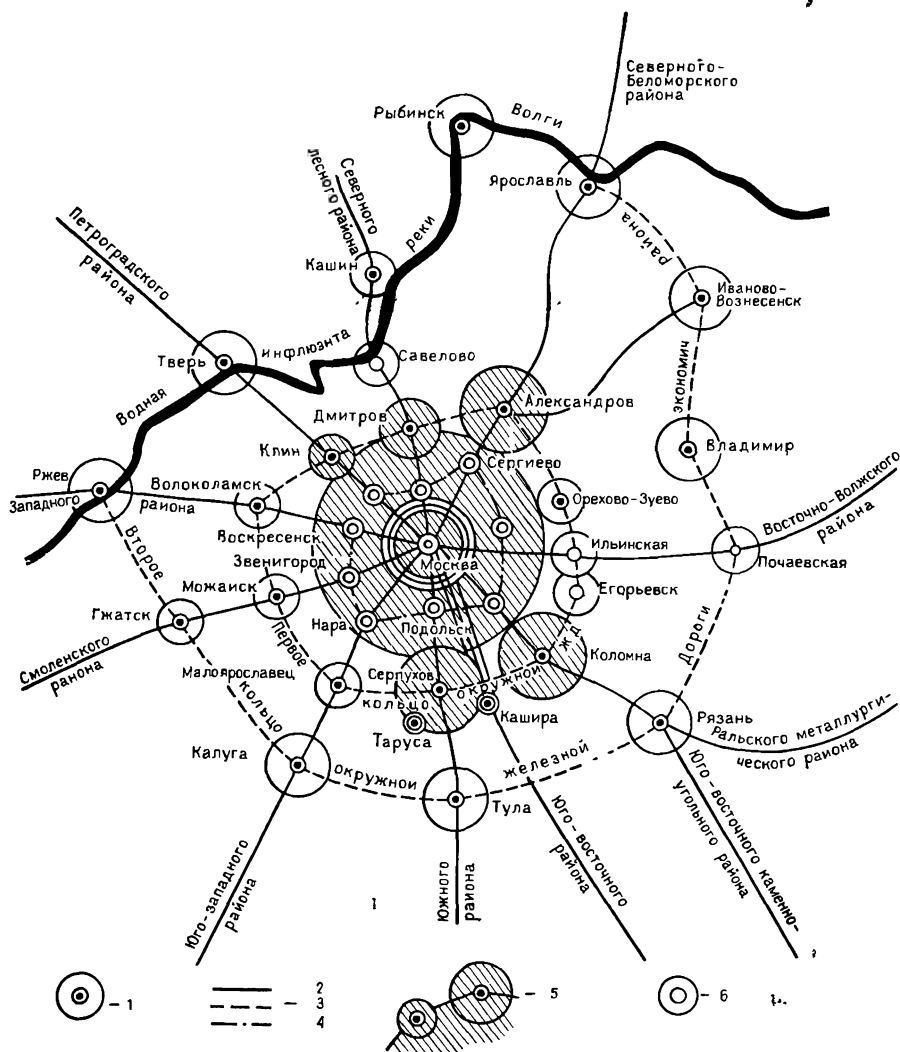
Период развития советской архитектуры с 1917 по 1932 г. в области градостроительства можно разделить на два этапа. Первый – это этап осознания архитекторами новых, дотоле необычных задач, проектных поисков, экспериментов и теоретических разработок градостроительных предложений, поскольку крупных градостроительных работ до 1926 г. практически не было. Второй этап связан с ростом объемов реального строительства, возникновением новых населенных пунктов, вызванных к жизни интенсивным развитием промышленности в годы осуществления первого пятилетнего плана (1928–1932 гг.). В этот период внимание архитекторов было сосредоточено как на общей проблематике социалистического расселения, так и на разработке принципиальной структуры социалистического города.

Первые градостроительные работы были связаны с созданием генеральных планов Москвы и Петрограда. В 1918 г. проф. Б. Сакулин, разрабатывая «Город будущего», составил план районной планировки большой территории, прилегающей к Москве. Это был один из первых примеров районной планировки, позволившей определить зону экономического влияния Москвы. Такие близле-

жащие города, как Звенигород, Наро-Фоминск, Подольск, Бронницы, Люберцы и др., расположенные в зеленом поясе, было намечено соединить между собой кольцевыми электрифицированными дорогами, а с центром столицы – радиальными магистралями. Далее шло первое кольцо окружной железной дороги экономического района, объединяющее 13 городов: Дмитров, Волоколамск, Можайск, Серпухов, Коломну, Каширу, Александров и др. Второе кольцо проходило через города Ржев, Калугу, Тулу, Рязань, Владимир, Ярославль и др. и также объединяло 13 городов. Таким образом, проект Б. Сакулина предусматривал развитие большого экономического района, центром которого была Москва. Это было, по сути дела, первое воплощение в проекте идеи группового расселения.

В специально организованной в 1918 г. архитектурной мастерской Моссовета под руководством А. Щусева и И. Жолтовского был разработан генеральный план столицы, получивший название «Новая Москва» (1918–1924 гг.). Этот план, рассчитанный на 25–30 лет, проектировался в пределах окружной железной дороги. Общая идея планировки основывалась на исторически сложившейся радиально-кольцевой структуре с сохранением существующей системы улиц и большого числа памятников старины. В местах пересечения радиальных магистралей с кольцевыми намечалось создание площадей и транспортных развязок. Были разработаны проекты отдельных городских районов, намечены работы по благоустройству окраин.

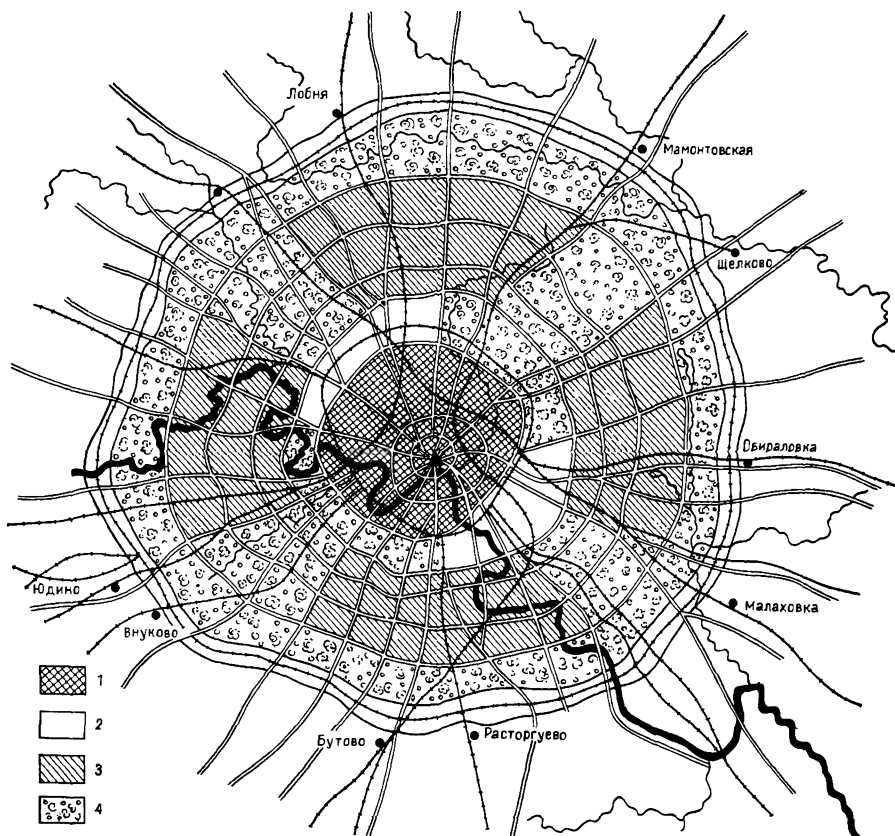
Центром Москвы оставался Кремль вместе с системой прилегающих к нему площадей. Кремль трактовался как му-

зей русской национальной культуры, открытый для народа. Генеральный план предусматривал замыкание полукольца А. Помимо существующих колец (Бульварного, Садового и кольца, проходящего по бывшему Камер-Коллежскому валу), предполагалось создать новое кольцо Г протяженностью 60 км в виде полосы, застроенной по принципу «города-сада». От зеленой зоны к центру го-

рода, по мнению авторов, должны были пройти три зеленых клина. Промышленная зона отводилась в юго-восточную часть города и ее дальнейшее развитие намечалось на основе уже существующей там промышленности.

Бережное отношение авторов к исторически сложившейся системе города было главным достоинством проекта. Впоследствии именно этот принцип был

1. Москва. Схема районной планировки 1918–1922 гг.

Б. Сакулан

1 – обозначение города с примерной площадью застройки и сферой экономического влияния, подлежащих обследованию;
2 – существующие железнодорожные линии;
3 – проектируемые железнодорожные линии;
4 – проектируемое электрифицированное шоссе;
5 – район экономического влияния Москвы с включением площадей промышленного значения,

подлежащих электрификации, примерной сети городов-садов и общей территории зеленого пояса;
6 – каменная и деревянная застройка

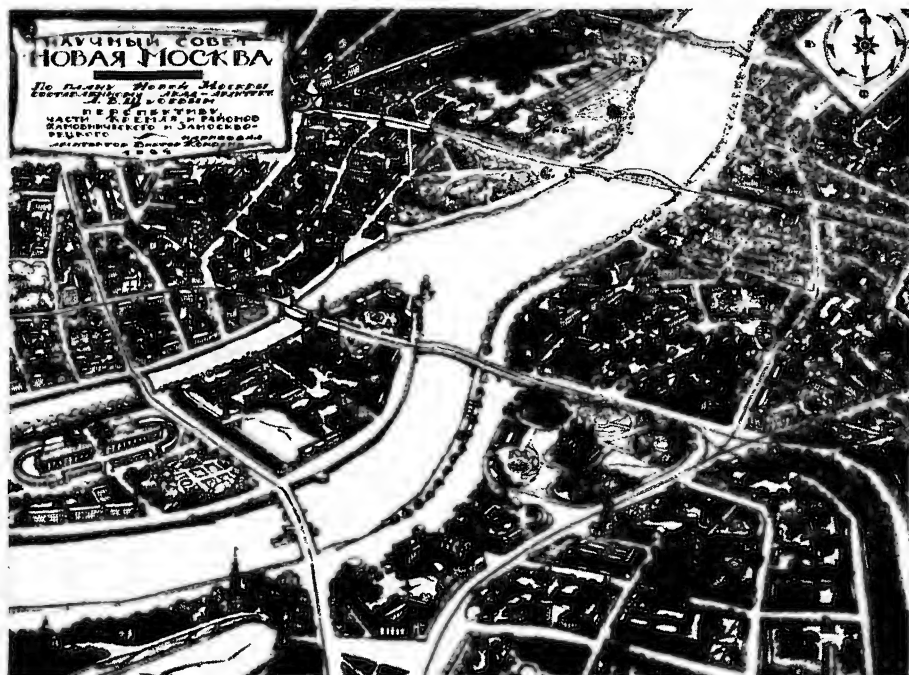
2. Проект «Большая Москва», (1921–1925 гг.)
С. Шестакова

1 – Центральный строительный район с общественно-политическим центром; 2 – промышленный район; 3 – новый строительный район; 4 – крупные зеленые насаждения

шенно естественно, что в начале 20-х годов авторы «Новой Москвы» еще не могли предвидеть масштабы развития столицы и намечали лишь ограниченные реконструктивные мероприятия.

В этот же период инж. С. Шестаков создает проект «Большой Москвы» (1921–1925 гг.), также основывающийся на исторически сложившейся радиально-кольцевой структуре города, общая территория которого увеличивалась до 200 тыс. га (территория Москвы была в 1912 г. 17,7 тыс. га, в 1929 г. 24,4 тыс. га, в 1933 г. 28,5 тыс. га). Историческое ядро города опоясывалось системой трех колец. Было предусмотрено комплексное развитие целого экономического района с учетом тяготеющих

положен в основу утвержденного в 1935 г. генерального плана реконструкции Москвы. Вместе с тем в 1935 г. предусматривалась решительная градостроительная реконструкция. Совер-

к столице городов. Звенигород, Подольск, Домодедово и др., находящиеся на расстоянии 40–80 км, составляли первое кольцо. Волоколамск, Можайск, Серпухов и др. на расстоянии 90–120 км образовывали второе кольцо. В этом предложении очевидно влияние идей Б. Сакулина.

Под руководством И. Фомина в 1918–1923 гг. разрабатывается проект урегулирования Петрограда. Так же, как и в проекте «Новая Москва», здесь предусматривалось сохранение исторически сложившегося центрального района города как единого ансамбля с расчисткой от поздних пристроек исторически ценных памятников архитектуры. Разуплотнение и введение в центр города зелени, размещение новых благоустроенных жилых районов на месте прежних рабочих окраин, а также создание зеленого пояса вокруг города с включением в зону его влияния пригородных поселков — все это были качественно новые черты, характерные для

3. Проект «Новая Москва», 1918–1924 гг. А. Шусев.
Перспектива части Кремля

и районов Химовнического и Замосворечного

социалистического подхода к реконструкции города.

В плане «Большого Ярославля», разработанном в 1920–1922 гг. под руководством С. Тартаковского, предусматривалось наряду с реконструкцией и восстановлением самого города создание пригородных малоэтажных поселков, например Дядьково, и др.

В 1924 г. А. Таманян создает проект планировки и реконструкции Еревана. Основной идеей генерального плана было создание города-сада с новым центром, застроенным монументальными общественными зданиями (в дальнейшем площадь Ленина). В последующий период проект был переработан. Тем не менее на протяжении ряда лет генеральный план Таманяна служил основой для работ по реконструкции города. Площадь В. И. Ленина — центральная площадь города — начала застраиваться

Таманяном в 1926 г. и была завершена уже после Великой Отечественной войны его учениками и последователями.

Первые проектные работы по реконструкции Москвы, Ленинграда, Еревана, Ярославля и других городов были нацелены на улучшение санитарно-гигиенических условий жизни трудящихся. В этих проектах впервые решалась важная в социальном плане задача смягчения контрастов между центром и окраинными районами города путем разгрузки центральной части и создания на периферии благоустроенных жилых районов.

Восстановительный период народного хозяйства закончился в 1928 г. Был утвержден первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Центральной задачей пятилетнего плана было превращение СССР из страны аграрной в страну индустриальную. Намечалось построить 17 новых городов с населением по 50–200 тыс. чел. В этот период создаются проектные институты градостроительного профиля – в Москве Гипрогор и на Украине Гипроград, которые развернули большую работу по составлению генеральных планов новых городов и по районной планировке. В течение 1929–1930 гг. проходили оживленные дискуссии по проблемам расселения. Столкнулись концепции урбанизма и дезурбанизма. Урбанисты считали, что единственно прогрессивной формой расселения является растущий город с высокой плотностью населения. Их идеолог экономист-статистик Л. Сабсович, принимавший участие в составлении первого пятилетнего плана развития народного хозяйства СССР, считал, что расселение в СССР должно быть решено сетью взаимосвязанных социалистических городов – промышленных, сельскохозяйственных и смешанного профиля с населением 50–80 тыс. чел. каждый¹. Эти новые рационально построенные города должны были заменить существующую сеть городов по всей стране в течение 10–15 лет. Создание таких городов рассматривалось как обязатель-

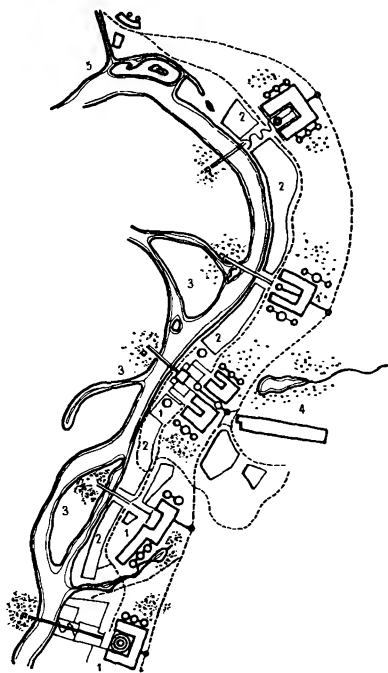
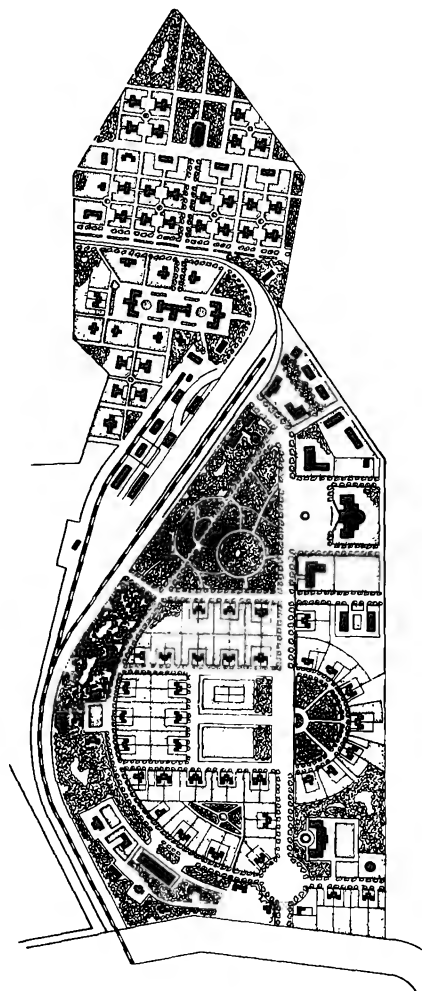
ное условие построения социалистического общества. В городах намечалось полное обобществление всех форм культурно-бытового обслуживания за счет государства (общественное воспитание детей, расселение взрослых в домах государственного типа, где каждый человек получает отдельную комнату, а дом в целом располагает различного рода обслуживающими учреждениями и помещениями для целей общения).

Идеологом дезурбанизма выступил экономист М. Охитович, которого поддерживали некоторые члены ОСА, в том числе М. Гинзбург. Дезурбанисты механически воспринимая справедливую критику капиталистического города Марксом, Энгельсом и Лениным, вообще отрицали города как перспективную форму расселения. Они предлагали создание сети современных разветвленных и технически оснащенных магистралей, вдоль которых располагаются ленты жилых поселений («ни город, ни деревня») и параллельно им полосы промышленности, аграрные комплексы, учреждения науки и культуры. Связи жителей ленточной структуры поселения предполагалось обеспечивать при помощи развитого в техническом отношении общественного и личного транспорта (автомобиль, как считали дезурбанисты, будет иметь каждый человек). Основным типом жилища предполагался индивидуальный домик на одного человека из легких конструкций (в частности, сборных деревянных) со сроком амортизации не более 10 лет. Все культурно-бытовое обслуживание предполагалось только обобществленным, причем отделение детей от родителей для воспитания и образования за счет государства намечалось еще более последовательно, чем у урбанистов.

Острота и сложность в решении проблемы расселения состояла в том, что подобного рода совершенно фантастические идеи разделялись многими архитекторами, рядом работников Госплана СССР и РСФСР.

В качестве примера урбанистского решения можно привести проект города-коммуны Автостроя (А. Крутиков, В. Лавров, В. Попов, 1929 г.) на 50 тыс.

¹ Сабсович Л. Социалистические города. М., 1930, с. 23.

4. Шатура. Проект планировки поселка, 1918 г. Братья Веснины

5. Волгоград. Проектное предложение по планировке города, 1930 г. А. и Л. Веснины

1 – жилые комбинаты со школами; 2 – жилищная застройка; 3 – зоны отдыха и спорта; 4 – парк культуры; 5 – канал Волга – Дон

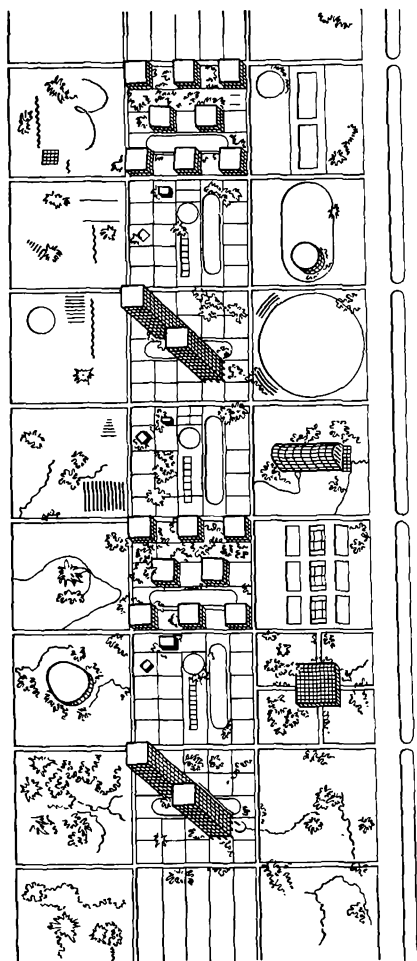
6. Магнитогорск. Конкурсный проект, 1930 г. И. Леонидов

чел. для начатого строительством автомобильного завода в районе Нижнего Новгорода. Предложенный ими город состоял из жилых комбинатов по 8 тыс. чел. каждый с обобщественной системой культурно-бытового обслуживания. В общественный центр входили зал собраний, столовая, спортивный зал, клуб, библиотека, амбулатория, хозяйственные учреждения, гараж, открытый стадион. Детские учреждения приближены к жилым комбинатам. Промышленность отделена от жилой и обще-

ственной зоны широкой полосой зелени.

Характерным примером урбанистского решения является также проект генерального плана Кузнецка А. и Л. Весниных (1930 г.), выполненный в связи с развернувшимся строительством металлургического комбината. По проекту весь город состоял из отдельных жилых комплексов – домов-коммун. Каждый дом имел полный комплекс обслуживания и детские дошкольные и школьные учреждения.

В том же 1930 г. А. и Л. Веснины за проектировали генеральный план Сталинграда. В одном из проектов они предложили расчленив всю протяженную вдоль Волги территорию на ряд планировочных структур, образующих как бы

пять городов. Каждый такой городской организм состоял из 4–5 жилых комбинатов, т.е. домов-коммун на 1,5–3 тыс. жителей с развитой системой обслуживания. Решение генерального плана города обеспечивало хорошую связь между жилищем и местами приложения труда (10–15 мин).

С рядом дезурбанистских проектов выступили архитекторы Стройкома РСФСР под руководством М. Гинзбурга. Дезурбанистские принципы линейного расселения, разработанные М. Гинз-

бургом и М. Охитовичем, нашли отражение в конкурсе на проект Магнитогорска в 1930 г. М. Барщ, В. Владимиров, Н. Соколов, М. Охитович разработали в 1929–1930 гг. проект города, получивший название Магнитогорье, основной планировочной идеей которого было создание восьми функциональных полос вдоль шоссе, на каждом километре которого располагался сектор общественных и культурных учреждений. По идее авторов, жилые пояса соединяют промышленность с центрами сельскохозяйственного производства, что, по их мнению, могло способствовать ликвидации различий между городом и деревней.

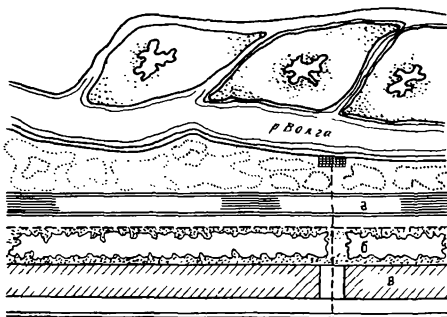
Близко к подобной структуре решал Магнитогорск в своем проекте И. Леонидов, пытаясь соединить в известной мере обе концепции – урбанизма и дезурбанизма. Схему линейного расселения он обогащает типично урбанистическими элементами – жилыми башнями. Композиция в виде многокилометровой зоны построена на основе четкого ритмического строя геометризованных объемов жилых домов (малоэтажных из дерева и стекла и многоэтажных стеклянных параллелепипедов), размещенных в шахматном порядке среди зелени. Здесь же располагаются ясли, детские сады, площадки для игр, бассейны. Пешеходные мосты перекинуты над скоростными магистралями. Протяженная многокилометровая зона, предназначенная для жизни, отдыха, творческого досуга, должна была соединить два современных промышленных комплекса – промышленный и сельскохозяйственный. Таким образом, расселение в Магнитогорске трактовалось авторами как линейный город-сад, призванный рационально решать проблемы взаимодействия труда, быта, отдыха и культурного общения людей.

В ходе дискуссии подверглись резкой критике и предложения урбанистов о «социалистическом городе» как единственном элементе расселения, их идея полного обобществления культурно-бытового обслуживания в качестве средства раскрепощения женщин от пут домашнего хозяйства и столь же утопичные предложения дезурбанистов.

Отмечалась экономическая необоснованность подобных рекомендаций, явное преувеличение материальных возможностей на ближайшую перспективу и жизнестроительной роли архитектуры, якобы способной собственными средствами перестроить жизнь. Такие предложения оценивались как «забегание вперед», «левая фраза», «полный отрыв от жизни» и т. п. Прозвучали также вполне обоснованные упреки по поводу всех «левых» проектов, что они игнорируют исторический опыт градостроительства и, в частности, проблему красоты города.

Дискуссия по вопросам расселения закончилась 21 мая, а 29 мая 1930 г. было опубликовано постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта», которое, поддерживая идею развития общественного питания, строительства детских садов и яслей, категорически осудило полуфантастические, а потому вредные попытки одним прыжком перескочить преграды на пути к социалистическому переустройству быта. Отметив максималистские идеи урбанизма и дезурбанизма в области обобществления быта, постановление констатировало, что «проведение этих вредных, утопических начинаний, не учитывающих материальных ресурсов страны и степень подготовленности населения, привело бы к громадной растрате средств и дискредитировало саму идею социалистического переустройства быта»¹.

Вместе с тем ряд проектных идей, переосмысленных в более реалистическом ключе, получил дальнейшее развитие и повлиял на предложения последующих лет. Так, в 1930 г. уже после выхода указанного постановления Н. Миллютин выступил с идеей зонального города. Он справедливо отмечал, что важнейшей проблемой в расселении является прежде всего равномерное размещение производительных сил по всей стране с учетом природных ресурсов и потребностей народного хозяйства. Предложенная им поточно-функциональная система построения города четко разграничивает все функции зональ-

7. Поточно-функциональная схема планировки города. 1930 г. Н. Миллютин

а – жилая зона; б – зеленая зона; в – производственная зона

ного города, где «наиболее разумно, рационально, целесообразно располагаются и увязываются между собой его основные части: промышленное и сельскохозяйственное производство, транспорт, энергетика, управление, быт, воспитание, учеба»¹. Совершенно очевидна связь с предыдущим этапом поисков его идеи создания жилой зоны, размещенной параллельно производственной, между которыми проходит широкая полоса зелени – не менее 500 м. Все функции зонального города четко разграничены в определенном порядке: 1) территория железнодорожных путей; 2) территория производственных и коммунальных предприятий, складов, станционных сооружений, а также связанных с ними научных и технических учебных заведений; 3) зеленая полоса (защитная зона) с шоссейной магистралью; 4) жилая зона, где в свою очередь, будут расположены: а) полоса учреждений общественного пользования (столовые, диспансеры, помещения горсельсовета и т. п.); б) полоса жилых зданий; в) детская полоса, т. е. ясли, детские сады, интернаты; 5) парковая зона с учреждениями для отдыха, площадками для физкультуры, водными бассейнами и т. п.; 6) зона садовых и молочно-огородных совхозов (поля ороше-

¹ Миллютин Н. Проблемы строительства социалистических городов. – Основные вопросы рациональной планировки и строительства населенных мест СССР. – М. – Л., 1930.

¹ «Правда» от 29 мая 1930 г., № 146.

ния, фермы и тому подобные сельскохозяйственные предприятия)¹.

Разработка Н. Милютиным принципов зонального города, несомненно, была вкладом в теорию градостроительства. На основе этой схемы в принципе можно проектировать реальный город с учетом всего своеобразия конкретных условий (климат, рельеф, природный ландшафт, профиль производства, транспортные связи и т. д.). В последующие годы идеи зонального города Н. Милютина нашли воплощение в реальной практике градостроительства.

Жизненные потребности строительства требовали определенности в вопросах градостроительства. 15 июня 1931 г. состоялся Пленум ЦК ВКП(б), который рассмотрел вопрос о московском городском хозяйстве и развитии городского хозяйства СССР. Еще раз были осуждены как недооценка темпов развития «бытового обслуживания рабочего и колхозного населения», так и «загибы левооппортунистического фразерства». Отметив большие достижения в городском хозяйстве Москвы по сравнению с дореволюционным временем (увеличение трамвайной сети на 61%, водопроводной сети на 50%, суточной подачи воды на 218%, появление новых мощных и асфальтированных проездов, строительство новых жилых районов), Пленум признал необходимость разработки на научной основе генерального плана реконструкции Москвы, в качестве документа, регулирующего реальное строительство и рост города. Одновременно было принято решение о строительстве канала Москва—Волга, позволяющего кардинально решить проблему водоснабжения города и улучшения судоходства в его пределах. На Пленуме были подвергнуты критике теории урбанизма и дезурбанизма как крайне односторонние и нежизненные, отвлекающие проектировщиков от насущных задач строительства.

Решение июньского Пленума ЦК ВКП(б) 1931 г. стали программным документом, в котором на основе опыта

социалистического строительства были сформулированы некоторые важные для дальнейшего развития градостроительства положения.

В 1932 г. Моссоветом был организован закрытый конкурс на идею генерального плана Москвы, в котором приняли участие советские и зарубежные архитекторы. Конкурс отразил различные творческие взгляды и теоретические концепции, различные направления поисков в области градостроительства. Ряд предложений ориентировался на сохранении исторического ядра города. Так, в проекте инж. Б. Красина планировка Москвы предлагалась в виде звездобразной структуры с относительно плотно застроенным центром, рассредоточенной поселковой застройкой вдоль радиальных магистралей, между которыми пролегалли зеленые клинья, идущие из Подмоскovie к центру.

Немецкие архитекторы Э. Май, К. и Г. Майеры оставляли радиально-кольцевую систему планировки и исторический центр города, сосредоточивая в нем культурную и административно-политическую жизнь. Развитие промышленности намечалось на юго-востоке. Группа городов-спутников соединялась с центром и промышленностью при помощи электрической железной дороги.

Ле Корбюзье, который в начале 20-х годов уже был широко известен своими работами по организации современного города, тоже не обошел проблем развития Москвы. Он полагал, что средневековая радиально-кольцевая структура плана не способна вместить новое содержание растущего города и предлагал оставить лишь наиболее выдающиеся памятники русского зодчества, прежде всего Кремль с его ансамблями, Красную площадь, а Москву построить как огромный город-сад из небоскребов, у подножия которых среди зелени парков будет располагаться все необходимое для жизни и отдыха человека. Осушествование такой концепции несомненно, как впрочем и некоторых предложений наших урбанистов и дезурбанистов, означало бы уничтожение Москвы.

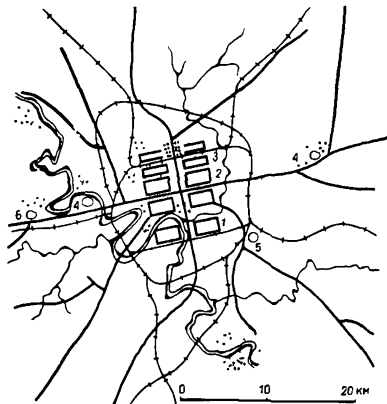
Н. Ладовский представил беспреце-

¹ Милютин Н. Проблемы строительства социалистических городов.—М.—Л., 1930.

дентный проект, в котором впервые была реализована идея динамичного города. Он предложил разорвать радиально-кольцевую систему планировки Москвы в северо-западном направлении вдоль улицы Горького, Ленинградского шоссе и далее. Вдоль этой оси жилое пространство города развивалось, расширяясь, а параллельно ему по параболе следовали зоны промышленности и сельского хозяйства. Идея построения города по параболе, выдвинутая Ладовским еще в 1929 г., предвосхитила зарубежные предложения 50–60-х годов¹. В Генеральном плане Москвы 1971 г. без труда обнаруживается та же идея разрыва радиально-кольцевой системы в юго-западном направлении.

Анализ конкурсных проектов способствовал выявлению принципов, которые затем были положены в основу работы по составлению генерального плана реконструкции Москвы в организованных Мосгорисполкомом мастерских. Проектирование велось под руководством выдающихся градостроителей В. Семёнова, С. Чернышева, А. Страментова и др.

Наряду с теоретическими и практическими поисками наиболее общих принципов расселения в масштабах страны, региона, крупного города уже с 1925 г. начавшееся жилищное строительство настоятельно требовало решения совершенно конкретных задач размещения новостроек в существующих городах и их новой функциональной организации. Возникают новые жилые районы и кварталы в Москве – Усачевка, Дангаузровка, Красная Пресня, в Ленинграде – Тракторная улица и Палевский массив, в рабочих районах Баку строятся новые поселки благоустроенных жилых домов им. Степана Разина и им. Шаумяна (Арменикенд). Эти первые советские жилые комплексы не имеют ничего общего со старой застройкой. Здесь много зелени, хорошее проветривание и инсоляция, предусмотрены элементы куль-

8. Проект реконструкции Москвы, 1932 г. Ле Корбюзье

1 – промышленность;
2 – жилье;
3 – административный центр,

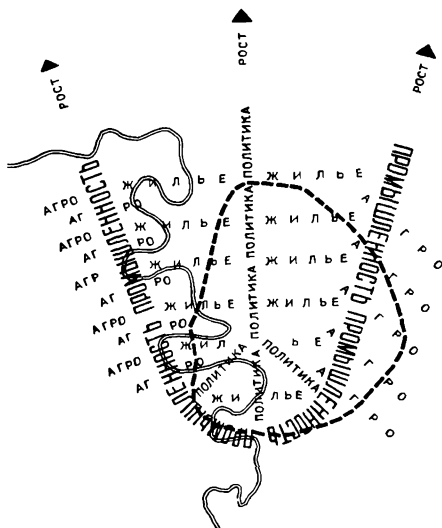
4 – спортивные центры;
5 – главный вокзал,
6 – университетский городок

9. Схема реконструкции Москвы, 1932 г. Н. Ладовский

турно-бытового обслуживания, приближенного к дому. Другими словами, ряд новаторских планировочных идей 20-х годов, соотносённых с реальной действительностью, получает в этих комплексах свое воплощение. Дальнейшее развитие многие градостроительные идеи получили в крупномасштабных работах второй половины 30-х годов.

В годы первой пятилетки началось строительство новых промышленных городов – Кузнецка, Магнитогорска, Дзержинска, Хибингорска, Березняков, Комсомольска-на-Амуре и др. Неблагоустроенные в прошлом городки и поселки намечалось превратить в большие современные города: Донецк (бывш. Юзовка), Челябинск, Новосибирск, Нижний Тагил и др. Строительство шло параллельно с разработкой генеральных планов. Работу над генеральными планами городов вели крупные проектные организации – Гипроград, Горстройпроект в РСФСР, Гипроград на Украине. Исходные данные (в виде перспектив промышленного развития), равно как и градостроительные установки, часто изменялись. В результате работа над генеральными планами затягивалась. Строили на основе детальных проектов

¹ В 50-е годы греческий архитектор К. Доксидис предложил структуру развивающегося города, по существу продолжая идею Н. Ладовского.

застройки отдельными районами, для которых решающее значение имел фактор приближения к промышленным предприятиям. Все это приводило к градостроительным ошибкам и экономическим потерям.

Примечательной страницей истории советской архитектуры является связанная с именем В. И. Ленина идея монументальной пропаганды. 17 июля 1918 г., по предложению Ленина, Совнарком принял решение «О постройке в Москве 50 памятников великим людям в области революционной и общественной деятельности, в области философии, литературы, науки и искусств». Этим путем городская среда должна была приобщить дополнительные возможности целенаправленного идеологического воздействия на формирование духовного облика человека и его образа жизни. В. И. Ленин придавал монументальной пропаганде большое значение и лично следил за ее осуществлением.

Первым памятником, выполненным по плану монументальной пропаганды в Москве, был обелиск Свободы (Д. Осипов, скульптор Н. Андреев), сооруженный на Советской площади на

месте снятого памятника генералу Скобелеву. Монумент был открыт в первую годовщину Советского государства — 7 ноября 1918 г. и простоял более четверти века. Он представлял собой обелиск на пьедестале. На первом ярусе пьедестала была поставлена статуя Свободы, по бокам на бронзовых досках был зафиксирован текст первой Советской конституции. Статуя была выполнена из бетона, сам памятник — из кирпича со штукатуркой.

Монумент «Голова Дантона» был выполнен по проекту Н. Андреева и установлен в Москве на площади Революции у стены Китай-города в 1919 г. При условности пластических средств образ предельно экспрессивен и по-своему выражает пафос и динамику эпохи Великой французской буржуазной революции. В связи с тем, что монумент был сделан из гипса, он просуществовал недолго.

В Ленинграде в 1919 г. на Марсовом поле была завершена монументальная композиция — памятник Жертвам революции по проекту Л. Руднева. После февральской революции 1917 г. на этом месте начали хоронить в братских могилах героев революционных боев. Здесь же были похоронены выдающиеся деятели Октябрьской революции — Урицкий, Володарский и др. Планировка окружающего памятник Марсова поля была выполнена по проекту И. Фомина. Регулярная композиция сквера, геометрическая, четкая разбивка газонов с низкими подстриженными посадками подчеркивали квадратный в плане памятник в виде монументальной стены длиной 45 м из массивных гранитных блоков. Характерная черта памятника — синтез поэзии и архитектуры. На торцах стены, обращенных мемориальными кубами к четырем проходам, — поэтические тексты, сочиненные А. Луначарским, воспевающие мужество и бесстрашие героев, отдавших свою жизнь за революцию: «Не жертвы — герои лежат под этой могилой. Не горе, а зависть рождает судьба ваша в сердцах всех благородных потомков. В красные страшные дни славно вы жили и умирали прекрасно».

Совместная работа Л. Руднева и И. Фомина в корне изменили восприятие бывшего Марсового поля, превратив площадь, ранее предназначенную для гвардейских парадов и смотров войск, в величественный монументальный ансамбль.

В первые послереволюционные годы появилось много памятников, некоторые из которых сохранились до наших дней, в том числе памятники А. Герцену и Н. Огареву во дворе Московского университета на проспекте Маркса (скульптор Н. Андреев, архит. В. Кокорин, 1922 г.), памятник К. А. Тимирязеву, созданный в 1923 г. скульптором С. Меркуловым и установленный у Никитских ворот, и др.

Наряду с произведениями реалистического характера появились в то время и скульптуры «левого» направления. Их авторы добивались активного пластиче-

10. Москва. Обелиск Свободы, 1918–1919 гг. Д. Осипов, Н. Андреев

11. Москва. «Голова Титана», 1919 г. Н. Андреев

12. Петроград. Марсово поле. Памятник Жертвам революции, 1919 г. Л. Руднев. План площади. И. Фомин, текст надписей А. Луначарский

ского эффекта нетрадиционными средствами, в том числе при помощи сочетания сдвинутых по отношению друг к другу геометризованных объемов, использования непривычных материалов: стекла, жести, картона, ранее не свойственных скульптуре. Подчас образные характеристики нарочито схематизировались. Естественно, что некоторые художнические эксперименты встречались неподготовленным зрителем с недоумением (например, памятник М. Бакунину скульптора В. Королева и др.).

В. И. Ленин придавал огромное значение монументальной пропаганде

и особо ценил доходчивость содержания и формы, однако никогда не стремился напрямую воздействовать на творческий процесс. Помимо памятников по его инициативе были установлены доски с лозунгами и цитатами из трудов революционных мыслителей. Так, на боковом фасаде здания бывшей Государственной думы (в настоящее время Музей В. И. Ленина) помещена доска со словами К. Маркса: «Религия — опиум для народа!». Над входом в это здание: «Революция — вихрь, сметающий всех, ему сопротивляющихся».

В первую годовщину Октября была открыта мемориальная доска на Сенатской башне Московского Кремля в честь борцов Октябрьской революции, выполненная из цветного цемента по эскизам скульптора С. Коненкова. При открытии доски со специально сооруженной трибуны выступал В. И. Ленин — событие, запечатленное кинохроникой. Несмотря на все тяжести переживаемого момента, архитекторы, скульпторы и художники были увлечены идеями плана монументальной пропаганды и напряженно работали над памятниками революционным мыслителям, деятелям науки и искусства.

Одним из первых мероприятий Советской власти была передача в пользование трудящихся бывших дворцов царской фамилии и знати, особняков крупной буржуазии. Они были превращены в общественные здания. Из Смольного (бывш. Института для благородных девиц) Ленин руководил Октябрьской революцией. Зимний Дворец стал Дворцом искусств. Великолепные ансамбли Царского села, Петергофа, Павловска, Гатчины с их парками превратились в любимые места народных гуляний, их дворцы — в общедоступные музеи. Во дворцах и особняках, не представлявших художественной ценности, были размещены школы, санатории, дома отдыха, рачочные клубы и Дворцы культуры.

Ряд законов, принятых в первые годы Советской власти, имел прямое отношение к охране памятников культуры и искусства. Так, 5 октября 1918 г., по инициативе В. И. Ленина, был принят дек-

рет Совета народных комиссаров «О регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений». Для осуществления этого декрета в системе Народного комиссариата просвещения была создана коллегия по делам музеев и охраны памятников искусства и старины из видных ученых, архитекторов, художников, возглавляемая мастером живописи и выдающимся ученым И. Грабарем. Кроме того, на местах создавались при отделах народного просвещения губернских Советов подотделы по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. Таким образом, сразу же в первые годы после Октября была создана единая государственная система охраны памятников культуры.

В июне 1918 г. была организована Всероссийская реставрационная комиссия, в дальнейшем переименованная в Центральные государственные реставрационные мастерские при отделе по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса. Она проводила большую работу по составлению паспортов на памятники, вела реставрационную работу и др.

Несмотря на сложные условия, переживаемые страной, в 1918 г. начались ремонтно-реставрационные работы по памятникам архитектуры Московского Кремля под руководством И. Бондаренко, Н. Марковникова и И. Рылского. Большое внимание реставрационным работам Кремля уделял В. И. Ленин.

Реставрационные работы проводились и по другим памятникам архитектуры Москвы (церковь в селе Коломенском, собор Андроникова монастыря и др.). В Ярославле во время белогвардейского мятежа пострадали многие памятники архитектуры. В процессе работы по их восстановлению были обнаружены новые произведения, скрытые поздними постройками или находящиеся в руинах, например Соборный дом на стрелке конца XVII в., Спасский монастырь и др.

В 20-х годах ремонтно-строительные работы проходили во многих городах страны: в РСФСР — Москве, Ленинграде,

Новгороде, Пскове, Владимире, Суздале, Угличе, Старице, Смоленске, Вологде, Загорске и др.; в республиках Средней Азии – Бухаре, Самарканде, Хиве и др.; в Азербайджане – Баку, Нухе; в Армении, на Украине, в Татарии и др.

Интересным моментом проводимой работы было создание подходов к научной методике реставрации памятников архитектуры. Были установлены некоторые общие положения, регламентирующие эту ответственную работу. Например: памятник архитектуры может быть реставрирован лишь при наличии уцелевших остатков, позволяющих возможно точно дополнить утраченные части; восстановление отдельных частей памятников следует производить из материалов, однородных данному сооружению, и выполнять техникой, близкой к той, что применена в памятнике; при земляных работах вблизи памятника необходимо проводить археологические исследования культурного слоя.

Эти первые положения послужили в последующем основой для выработки принципов научной методики реставрации памятников архитектуры в СССР. Некоторые архитекторы внесли в процесс реставрации ценные предложения. Так, И. Рылский разработал метод укрепления древней кирпичной кладки посредством инъекции раствора. П. Барановский предложил использовать каналы от старых деревянных связей в кладке стен каменных зданий для укладки в них новых железобетонных связей. С. Торопов разработал способ замены балок, пораженных грибом, оставляя нетронутым слой с росписью («Архангельское» под Москвой).

Особое внимание при реставрации памятников архитектуры уделялось собственно градостроительным проблемам. Так, было расчищено пространство перед зданиями музея Революции и института Склифосовского в Москве от торговых строений, находившихся перед ними, и восстановлены ограды художественной работы. Подобные мероприятия проводились в Ярославле, Костроме, Самарканде и других городах.

За короткий период (с 1918 по 1927 г.) было реставрировано 224 памятника ар-

хитектуры. С каждым годом Советское государство увеличивало средства на охрану и реставрацию памятников культуры и искусства, а советская реставрационная школа набирала силу.

В целом первые 15 послереволюционных лет были периодом разнообразных интенсивных поисков в области градостроительства. Сложность и беспрецедентность задач, их масштабы вели к возникновению разнообразных, часто противоречивых градостроительных концепций. Разобоченность творческих группировок, особенно обострившаяся к концу 20-х годов, неподготовленность архитекторов в вопросах конкретной экономики социализма, переоценка роли архитектуры в формировании нового социалистического общества – все это предопределило в ряде случаев односторонность, необоснованность, забегание вперед и оторванность от жизни некоторых предложений в области формирования социалистического города. Вместе с тем было рождено много идей, действительно опередивших свое время, оцененных и реализованных в последующие десятилетия.

Столкновение различных концепций, их критический анализ с учетом направляющих указаний партии позволили постепенно выработать реалистические подходы к решению проблем социалистического градостроительства.

Прежде всего утвердилось само понятие «социалистический город» в качестве основного элемента расселения, структура которого обеспечивает равные по удобству и уровню культурно-бытового обслуживания условия для всего населения. Наметились пути реконструкции городов с сохранением их исторических памятников и ценного жилого фонда, жилой среды города в целом. Положено начало работам в области районной планировки и проведены первые конкретные мероприятия в этом направлении.

Промышленные сооружения

После Великой Октябрьской социалистической революции одной из первоочередных задач было восстано-

вление и дальнейшее развитие промышленности и прежде всего энергетики. В 1918 г., намечая план работы Академии наук, В. И. Ленин прежде всего выдвинул проблемы, связанные с развитием производительных сил государства, в том числе электрификации страны.

В 1917 г. был утвержден проект строительства Шатурской электростанции. В 1920 г. она дала первый ток. Строительство проходило в очень тяжелых условиях. По распоряжению В. И. Ленина, котел для станции был снят с броненосца, а турбина перевезена с Обуховского завода.

В январе 1919 г. приступили к проектированию и строительству электростанции на р. Волхове в 120 км от Ленинграда; в 1926 г. она вступила в строй. Сооружение Волховской ГЭС было важным событием в истории промышленного зодчества. Строительство осуществлялось под общим руководством инж. Г. Графтио, архитектурная часть проекта была разработана О. Мунцем при участии В. Покровского, Н. Гундобина, инж. А. Тихомирова.

Комплекс электростанции состоит из глухой водосливной плотины, здания силовой станции и судоходного шлюза. Большие арочные проемы — главная архитектурная тема фасада — обеспечивают хорошее освещение внутреннего пространства, где разместились восемь турбин. Фасад станции со стороны верхнего бьефа решен вертикальным ритмом высоких прямоугольных окон. Строительство Волховской электростанции мощностью 60 тыс. кВт, по существу, решило две проблемы: обеспечило электроэнергией Ленинград и улучшило судоходство по р. Волхову. На строительстве комплекса Волховской ГЭС воспитывались первые кадры строителей, монтажников, которые впоследствии работали на строительстве Днепротэса и других крупных гидростанций.

21 декабря 1921 г. был утвержден план электрификации страны — ГОЭЛРО, разработанный по инициативе В. И. Ленина специально созданной комиссией под руководством Г. Кржижановского. В. И. Ленин, придавая вы-

полнению этого плана огромное значение как решающему фактору развития промышленности, называл план ГОЭЛРО второй программой партии. План, рассчитанный на 10–15 лет, к 1931 г. был выполнен, а к 1935 г. перевыполнен в 2,5 раза, хотя в свое время даже доброжелателями за рубежом был встречен как невыполнимая мечта. По плану ГОЭЛРО был построен целый ряд электростанций: Каширская (1922 г.) и Шатурская (1925 г.) под Москвой; Ярославская и Владимирская, работающие на торфе; Самарская (1928 г.), работающая на угле; Ленинградская в Армении др., а также гидроэлектростанции: Ивано-Вознесенская, Штеровская в Донбассе, Земо-Авчальская в Грузии (1927 г.); Волховская (1928 г.), Днепровская (1932 г.) и др.

В 1923–1927 гг. на р. Куре недалеко от Тбилиси была построена Земо-Авчальская ГЭС. Авторами архитектурно-строительной части были А. Калбгин, М. Мачавариани и К. Леонтьев. Комплекс ЗАГЭС расположен в горной местности и состоит из головных сооружений, образующих ряд ступеней, водотводного (деривационного) канала и узла гидростанции. Трехпролетная щитовая плотина с водосливом, рыбоходом и каналом для удаления ила несет два моста: нижний из металлических ферм для сквозного движения и верхний из железобетона, поддерживающий подъемные механизмы. В систему головных устройств входят еще две высокие плотины, снабженные необходимыми устройствами для регулирования уровня воды в водоприемнике и напорном бассейне, откуда поток направляется к турбинам.

Здание гидростанции обращено к долине р. Куры, его фасад решен системой стрельчатых арок, обеспечивающих хорошую освещенность турбинного зала. У плотины на высоком постаменте воздвигнут бронзовый памятник В. И. Ленину (скульптор И. Шадр).

Наиболее выдающимся событием как в электрификации страны, так и в советской промышленной архитектуре стало создание гидроэлектростанции

имени В. И. Ленина на Днепре (1927–1932 гг.).

В течение многих столетий судоходство по Днепру было затруднено грядями порогов. До Октябрьской революции было разработано одиннадцать проектов решения проблемы судоходства на Днепре, но необходимость поднять воду на 35-метровую высоту и, следовательно, создать огромную акваторию водохранилища неизменно сталкивалась с интересами частных владельцев, земли которых подлежали затоплению. Проекты оставались неосуществленными.

27 ноября 1926 г. ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР приняли решение о строительстве Днепрогэса. Объявленный конкурс выявил лучший архитектурный проект, выполненный В. Весниным совместно с Н. Колли, Г. Орловым, С. Андриевским. Общее руководство строительством осуществлялось академиками А. Винтером и Б. Веденевым. Проект гидротехнического комплекса в инженерной части был разработан проф. А. И. Александровым. Высота плотины определялась не только расчетной мощностью станции, но

13. Запорожье. Днепрогэс имени В. И. Ленина, 1927–1932 гг. В. Веснин, Н. Колли, Г. Орлов, С. Андриевский. Вид после восстановления. Г. Орлов

14. Москва. МОГЭС. И. Жотковский

и необходимостью перекрыть все пороги вверх по течению, мешавшие судоходству.

В апреле 1927 г. началось строительство, а 1 мая 1932 г. Днепрогэс вступила в строй. Днепровская ГЭС мощностью в 558 тыс. кВт была для того времени самой крупной станцией в Европе и одной из крупнейших в мире. Она имела большое народнохозяйственное значение. Вся Украина начала бесперебойно снабжаться электроэнергией; Днепр, ставший судоходным на своем протяжении (2200 км) и соединенный через свои притоки с реками, впадающими в Балтийское море, стал частью водного пути между Балтийским и Черным морями. Энергия Днепрогэса явилась мощной базой для развития промышленности; возникли такие предприятия, как Запорожский металлургический завод, алюминиевый и химический комбинаты, завод трансформаторов и др. На месте

небольшого городка Александровска было начато строительство современного города Запорожия.

В комплекс Днепрогэса входят: огромная железобетонная дугообразная плотина радиусом 600 м, по которой проходит автострада; прямоугольное здание электростанции (длина 250, ширина 20 м), примыкающей на правом берегу к плотине; трехкамерный шлюз, пробитый в гранитных скалах левого берега и обеспечивающий непрерывность судоходства. Зал с девятью турбинами освещается горизонтальным выносным эркером, расположенным на уровне пола. Благодаря этому солнечные лучи не перегревают зал и не попадают на турбины, несмотря на то что станция ориентирована на юг. Тремя километрами ниже плотины сооружены два моста через оба рукава Днепра. Они двухъярусные: внизу — шоссе и дорога, наверху — железнодорожный путь. На основе водох-

ранилища была построена целая сеть оросительных станций, позволивших превратить засушливые степи с неустойчивыми урожаями в богатые земледельческие районы.

Днепрогэс был инженерным сооружением новым, необычным и весьма сложным для тогдашних технических и материальных возможностей нашей страны. Его действительно строила вся страна. Окончание строительства было встречено с небывалым энтузиазмом. Есть все основания считать Днепрогэс выдающимся объектом не только архитектуры промышленных зданий и сооружений, но и советской архитектуры в целом. Его влияние на практику строительства гидростанций, промышленных зданий, научно-исследовательских учреждений несомненно. В нем воплощалась мечта В. И. Ленина о промышленных зданиях нового типа. В историю советской архитектуры Днепрогэс вошел как выдающееся произведение архитектуры социалистического реализма.

Авторы Днепрогэса — убежденные конструктивисты — были талантливыми архитекторами, подлинными мастерами своего дела. В. И. Ленин в свое время отмечал, что в искусстве весь «гвоздь» в индивидуальности¹. Можно утверждать, что независимо от известной ограниченности эстетических принципов конструктивизма авторы действовали как подлинные зодчие, художники, способные подчинить все элементы сложного комплекса единой художественной идее, извлечь из технологической функции, материалов и конструкций максимальный эстетический эффект. Пропорциональная разработка здания станции, фактура его облицовки в контрасте с зеркальным стеклом ленточного эркера, упругая сила выгнутой дуги плотины с ее ритмическим рядом устоев — все впечатляюще передает силу, напряжение, торжество человеческого разума над покоренной стихией.

Другой пример постулированного конструктивизмом единства архитектурной формы и содержания — строительство Всесоюзного электротехниче-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 49, с. 57.

ского института (В. и Г. Мовчаны, Л. Мейльман, И. Николаев, А. Фисенко, конструктор Г. Карлсен, под руководством профессора А. Кузнецова, 1928–1930 гг.). Комплекс института расположен на участке, примыкающем к шоссе Энтузиастов. В него входят три основных здания: лаборатория высокого напряжения, машинно-аппаратный и электрофизические корпуса. Авторы достигли согласованности отдельных элементов комплекса не только в интересах экономного и логичного построения технологии, но и в интересах образного решения по «законам красоты».

Каждое из зданий комплекса решено своеобразно в соответствии со своей функцией. Композиция каждого здания, обеспечивая максимум функциональных удобств, приобрела выразительность путем пластического освоения функционально необходимых элементов. Так, например, своеобразие фасада лаборатории высокого напряжения достигнуто прорисовкой на глади стены основного зала двух круглых отверстий для ввода линий высокого напряжения, перекрытых энергично выступающими полукруглыми козырьками. В другом случае в композицию здания в качестве главного элемента органично включается полукруглый объем лестничной клетки с узкими окнами или же прямоугольный высокий объем здания решается сплошным остеклением. Немаловажную роль в ансамбле зданий института сыграли гармония пропорций и согласованность архитектурного масштаба.

Возникновение машиностроительной, химической, энергетической и других отраслей промышленности привело к быстрому развитию новых типов сооружений. Именно в этот период начинается широкое строительство промышленных комплексов и сооружений. Ведущая роль в развитии отечественной промышленной архитектуры принадлежала В. Веснину и А. Кузнецову, создавшим советскую школу промышленного зодчества и воспитавшим плеяду архитекторов-специалистов по промышленной архитектуре.

Наряду с развитием тяжелой промышленности в этот период создается

и много предприятий легкой промышленности. Большая заслуга в их разработке принадлежит Б. Гладкову, И. Николаеву, А. Фисенко и др.

Развитие отечественного хлопководства в Закавказье и Средней Азии вызвало строительство текстильных комбинатов, в том числе в Фергане, Ленинкане и других городах. В центральной части России реконструируются и строятся новые предприятия: меланжевый комбинат (1926–1928 гг.) и прядильная фабрика имени Ф. Э. Дзержинского (1929 г.) в Иванове, ниточная фабрика в Глухове (Б. Гладков, Е. Попов, 1929 г.), льнокомбинаты в Касимове, Пскове, Орше (И. Николаев, А. Фисенко, 1927–1929 гг.), трикотажная фабрика «Красное знамя» в Ленинграде (А. Оль и немецкий архитектор Э. Мендельсон, 1930 г.) и др.

В лучших, с архитектурной точки зрения, образцах текстильных предприятий прослеживается процесс освоения новых технологических и конструктивных решений в качестве формообразующих средств в процессе создания архитектурного образа промышленного сооружения. Это видно на примере фабрики «Красная Талка» в Иванове (Б. Гладков и И. Николаев, 1928–1929 гг.), трикотажной фабрики в Ивантеевке под Москвой (Г. Гольц, И. Соболев, М. Парусников).

Фабрика «Красная Талка» представляет собой двухэтажное здание со сплошным ленточным остеклением. Корпус шириной в 38 м впервые в СССР был выполнен из железобетонных конструкций. Деление здания на два этажа строго отвечает технологическому процессу: первый этаж отведен для подготовительного процесса — здесь работают тяжелые чесальные и ленточные машины, банкброши; второй этаж предназначен для работы прядильного отделения, требующего постоянного режима влажности и хорошего освещения по всей площади, для чего над центральной частью цеха устроен треугольный фонарь. Вентиляционные короба, обеспечивающие нужный воздухообмен, скрыты подвесным потолком. Торцы здания замыкаются повышенными объемами бытовых помещений и вентиляционных

15. Иваново. Фабрики
"Красная Талка".

1928-1929 гг. Б. Гладков,
И. Николаев

установок. Выразительность общей композиции достигнута благодаря контрасту средней протяженной части здания с ленточным остеклением и глухих объемов торцов, прорезанных ритмом обычных окон.

Трикотажная фабрика в Ивантеевке под Москвой решена на тех же принципах формообразования. Шестиэтажное железобетонное сооружение хорошо вписано в сложный треугольный участок, разделенный на отдельные функциональные зоны. Перед зданием — большое озелененное пространство, организующее подход к фабрике, с противоположной стороны размещены вспомогательные корпуса и железнодорожный ввод. Такое решение общей композиции позволило разделить транспортные и людские потоки. Многоэтажный объем фабрики сплошь остеклен, торцы ограничены глухими стенами административно-бытовых помещений и двумя выступающими полукруглыми объемами лестничных клеток. Фасад расчленен по горизонтали рядом железобетонных полос. Вместе с импостами окон они придают плоскости фасада своеобразную ажурность, усиливающую ее контраст с глухими поверхностями лестничных клеток и торцовых стен.

Эти сооружения по простоте архитектурного решения, по функциональной логике построения плана, образной

характеристике являются типичными образцами раннего этапа развития промышленной архитектуры.

Годы первой пятилетки были временем широкого развития промышленной архитектуры. В связи с этим в конце 20-х и начале 30-х годов создаются такие крупные технологические и строительные проектные организации, как Теплопроект, Гидроэнергопроект, Гипромез, Гипромаш, Госпроектстрой (впоследствии Промстройпроект) и др. Всего за первую пятилетку было введено в строй 1500 промышленных предприятий. Впервые в СССР были созданы новые отрасли промышленности: авиационная, автотракторная, химическая. На новой инженерно-технической основе были построены крупнейшие в СССР промышленные объекты: Магнитогорский металлургический комбинат; первая очередь завода Уралмаш в Свердловске; вагоностроительный завод в Нижнем Тагиле и паровозостроительный в Луганске; автомобильные заводы в Москве; тракторные заводы в Ростове-на-Дону и Харькове. Начало строительство таких гигантов индустрии, как комбинат «Запорожсталь», Волховский алюминиевый и Новокраматорский машиностроительный заводы; построены крупные текстильные предприятия, элеваторы, хлебозаводы и др. В этой созидательной работе были использованы передовой зарубежный опыт и достижения отечественной промышленности. Создание крупных промышленных комплексов уже во второй

пятилетке превратило СССР в высоко развитое индустриальное государство.

Пример крупного промышленного сооружения – Магнитогорский комбинат, возникший в конце 20-х годов у горы Магнитной. Грандиозный комплекс с законченным производственным циклом состоял из самостоятельных специализированных цехов, фабрик, доменных печей, электростанции и других сооружений, размещенный на территории в несколько сот гектаров. Крупный инженерно-архитектурный комплекс играл большую градообразующую роль в общем объемно-пространственном решении Магнитогорска. Магнитогорский комбинат стал огромной экспериментальной площадкой, на которой отрабатывались вопросы комплексного проектирования и строительства, совершенствовались методы индустриализации строительного процесса. Опыт Магнитогорска был широко использован в строительстве второй пятилетки.

Уже на первом этапе развития промышленной архитектуры стала очевидной необходимость перехода к модульной системе проектирования и унификации основных элементов конструкций. В строительстве использовали сетку колонн, кратную 3 м, главным образом 6×6 и 9×9 м, что позволило унифицировать отдельные блоки и здания в целом. Началось широкое использование железобетонных конструкций и деталей зданий (одноэтажные и многоярусные железобетонные рамы, кровельные плиты, ступени и марши лестничных клеток и т.д.), изготовляемых индустриальным способом на заводах железобетонных конструкций или на полевых полигонах. Так строились одноэтажные корпуса заводов «Калибр», «Фрезер», ЗИЛ в Москве, Челябинский и Харьковский тракторные заводы, Днепровский алюминиевый завод, Новокраматорский машиностроительный завод и др.

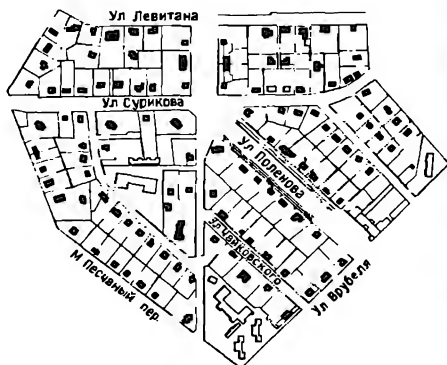
В композиции одноэтажных цехов широко использовались выразительные средства метрического или ритмического чередования простенков, пилоаст, вертикальных проемов. В многоэтажных зданиях (текстильные, швей-

ные и другие предприятия) применялась строгая сетка больших прямоугольных окон. Широко использовались горизонтальные тяги и пилоастры. Применение железобетонных и металлических каркасных конструкций в промышленной архитектуре подсказывало новые выразительные возможности. Так, в холодных цехах металлургических и машиностроительных заводов архитекторы использовали контраст легкой навесной фахверковой стены и элементов несущего каркаса. Получили распространение ленточные горизонтальные окна, акцентированные входы и лестничные клетки.

При разработке генеральных планов различных промышленных комплексов особое внимание уделялось зонированию территории по производственному и другим функциональным признакам. Выделялись зоны административных зданий, холодных цехов, горячих цехов, энергетическая группа, склады, подъездные пути и др. В отличие от дореволюционного строительства большое значение в архитектуре заводских комплексов приобрело благоустройство и озеленение. Впервые на территории заводов появляются пункты общественного питания и медицинского обслуживания. В годы второй и третьей пятилеток все эти начинания получили дальнейшее развитие.

Жилые здания и комплексы

В результате первой мировой и гражданской войн и интервенции страна понесла большие потери в жилище. В годы восстановления народного хозяйства и особенно первой пятилетки усилия государства были сосредоточены главным образом на строительстве промышленных предприятий. Жилищное строительство отставало, в то время как городское население росло. Нехватка жилищ обострялась. К концу 20-х годов объемы жилищного строительства стали увеличиваться. Так, в течение 1928 г. было построено уже свыше 1 млн. м² жилой площади. Это были главным образом малоэтажные жилые дома, так как материальные и финан-

16. Москва. Жилище для рабочих. Поселок «Сокол», 1923 г. Н. Марковников. Планировка, общий вид жилого дома

17. Москва. Жилые дома при заводе АМО, 1923 г. И. Жолтовский

совые ресурсы не позволяли строить дома многоэтажные. Не хватало кирпича, цемента, не говоря о металле. В связи с этим в строительстве широко применяли дерево, термолит, мелкие шлакоблоки, бетонитовые камни, различные местные материалы.

Пример комплекса малоэтажного жилища в Москве — поселок «Сокол», строительство которого началось в 1923 г. по проекту Н. Марковникова. Это было опытно-показательное строительство, где проверялись планировочные решения, материалы, конструкции, сантехническое оборудование (местное центральное отопление, местные облегченные типы канализации). В поселке «Сокол» осуществлены различные типы жилых зданий: одноэтажные, одноэтажные с мансардным этажом, с приусадебными участками, блочные многоквартирные дома с небольшими садами и др. Планировка домов самая разнообразная. Разнообразны и материалы — здесь можно встретить дома бревенчатые, щитовые, деревянные с засыпкой между стенами и оштукатуренные, кирпичные и т.п.

Свободная планировка поселка, жилые дома, окруженные зеленой приусадебной участком, напоминают об идее города-сада, высказанной Э. Говардом в начале XX в.

Другой пример малоэтажного строительства — поселок завода АМО (И. Жолтовский), где впервые у нас в стране был применен двухэтажный жилой дом с квартирами в двух уровнях, имеющими самостоятельные входы. Дома осуществлены из бетонитовых камней. В состав жилого комплекса, расположенного в сосновой роще, включались пункты общественного питания, детские учреждения, культурно-массовые учреждения с клубной частью и др.

В 1924–1925 гг. в Баку и районах нефтепромыслов строятся поселки им. С. Разина, им. Кирова, им. Артема и др. Впоследствии они превратились в развитые городские жилые районы

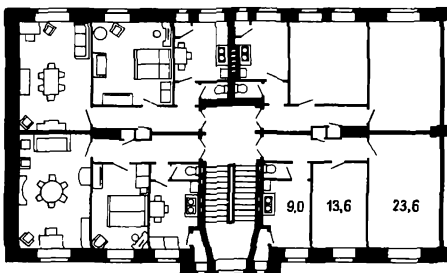
Баку. С этих благоустроенных поселков, застроенных одно-, двух- и четырехквартирными одноэтажными домами (А. Иваницкий и А. Самойлов), началась планомерная ликвидация трущобных районов старого капиталистического Баку.

Постепенно разворачивается строительство рабочих поселков в Харькове, Ереване, Тбилиси. Архитекторы стремились учесть местные климатические условия, разрабатывая соответствующие типы домов (лоджии, секции квартир со сквозным проветриванием и др.) и приемы застройки. Впервые трудящиеся получали квартиры со всеми удобствами. Застройка этих лет (1925–1930 гг.) велась достаточно крупными массивами, как правило, домами не выше двух этажей. Наряду с жилыми домами строились детские сады и ясли, коммунальные сооружения, спортивные площадки; внутриквартальные пространства обильно озеленялись.

Возраставший объем малозэтажного строительства, особенно в существующих городах, вел к перерасходу средств, поскольку требовал выделения крупных городских территорий и значительных затрат на их благоустройство. В связи с этим малозэтажная застройка начинает уступать место строительству жилых комплексов с домами в четыре-пять этажей без лифтов. В Москве новые жилые массивы строились на основе типовой секции квартир, разработанной по программе Моссовета.

Моссовет еще в 1925 г. объявил конкурс на экономичную типовую секцию. Программа конкурса предусматривала стандартизацию конструктивных элементов. Кроме того, учитывая, что в условиях острой нехватки жилья приходилось осуществлять покомнатное заселение, требовалась планировка квартир с изолированными комнатами.

Первая типовая жилая секция 1925 г. состояла из четырех квартир, выходящих на одну лестничную площадку. В каждой квартире были две-три изолированные комнаты, имевшие выход в узкий коридор-переднюю. В связи с необходимостью экономии средств приходилось применять ограниченное

18. Моссовет. Первая типовая жилая секция, 1925 г.

19. Мосвес. Жилой комплекс на улице Усачева, 1926–1927 гг. А. Мешков, Г. Мастенников и др.

санитарно-техническое оборудование – не было ванной комнаты, умывальник располагался на кухне, в наружной стене кухни устраивался холодильный шкаф для хранения продуктов. Подсобные помещения делались минимальными по площади. В целях уменьшения теплопотерь сокращали периметр охлаждаемых стен, отказались от сквозного проветривания квартир. Ширина секции составляла 13,54 м, высота от пола до потолка равнялась 2,7 м. Общая площадь квартиры была 40–45 м². Дома проектировались с подвалами для хозяйственных нужд, на чердаках размещались самодельные прачечные. В тяжелых жилищных условиях того времени получение комнаты в таких скромных по комфорту домах было настоящим благом.

Секции 1925–1926 гг. подвергались резкой критике санитарного надзора за отсутствие сквозного проветривания квартир. В результате в 1928 г. был введен в практику новый тип секций из двух квартир, каждая из которых состояла из трех непроходных комнат и включала развитый санитарный узел. Это уменьшило ширину корпуса до 11 м и, естественно, повысило стоимость квартиры, которая тем не менее по-прежнему была рассчитана на покомнатное заселение.

Кроме секционных квартирных домов в этот период строятся коридорные дома гостиничного типа, главным образом для малосемейных, в которых однокомнатные и двухкомнатные квартиры

с небольшими кухнями-нишами и санитарным узлом выходили в поэтажный коридор. Ванные комнаты были общими для всего этажа.

На основе первой типовой секции, утвержденной Моссоветом в 1925 г., создаются уже упоминавшиеся крупные жилые массивы в Москве. Близкая по типу застройка осуществлялась в Ленинграде, Баку и др.

Для новостроек Москвы (Усачевка, А. Мешков и др.; застройка по 1-й Дубровской ул., М. Мотылев и др.; Дангаузровка, Г. Бархин и др.) был характерен комплексный подход к формированию жилых образований. При разнообразии пространственных композиций в самих принципах застройки было много общего — хорошо проветриваемые озелененные дворы, наличие первичной сети культурно-бытового обслуживания, включая детские сады, ясли, школы, магазины и др.

В основном осуществлялась застройка четырехэтажными домами, как наиболее экономичными по одновременным строительным затратам. Внешний облик жилых домов был скромным. Как правило, дома не оштукатуривались вовсе или частично как комплекс Усачевки первой очереди. Балконов почти не было.

В Ленинграде в 1925 г. создается Тракторная улица в Московско-Нарвском районе (А. Никольский, А. Гегелло, Г. Симонов). Ее застройка четырехэтажными домами — пример реконструкции бывшей рабочей окраины

Нарвской заставы. Композиция начального отрезка построена по принципу сужающегося пространства, ступенчатый ритм домов зрительно обогащает перспективу. Дома окрашены в светлые тона двух цветов — желтый и белый. Между собой дома соединены полуарками, что разнообразит протяженный фронт застройки. Существенным недостатком данного жилого комплекса является отсутствие дворов. К строительству была принята секция из двух трехкомнатных квартир, в каждой из которых при входе размещены санузел и кухня.

В эти же годы в Ленинграде строились жилые комплексы в Московско-Нарвском и Володарском районах. В 1925–1928 гг. осуществляется застройка Палевского жилого массива (А. Зазерский и Н. Рыбин) двух- и трехэтажными жилыми домами, окружающими благоустроенные дворы с площадками для детей и участками для хозяйственных нужд. Три корпуса были предназначены для бытового обслуживания и детских учреждений. Архитектурное решение жилых домов близко по типу другим комплексам этого периода.

Типична для этих лет и застройка поселка им. Шаумяна — Арменикенд (А. Иваницкий, А. Самойлов, 1925–1928 гг.) в Баку. В первой очереди Арменикенда кварталы формировались трехэтажными секционными домами. В композицию кварталов были включены также школы, магазины, детские и коммунально-бытовые учреждения. Во второй очереди (конец 20-х годов) застройка осуществлялась уже четырех-пятиэтажными жилыми домами с плоской крышей. Большое число лоджий, эркеров и балконов создавало запоминающийся облик застройки. Применялась жилая секция из двух-трехкомнатных квартир, имеющих сквозное проветривание и лоджии, что очень важно в климатических условиях Баку.

В некоторых комплексах тех лет пытались создать новые по содержанию общественные центры, включающие рабочий клуб, фабрику-кухню, школу и другие учреждения, где доминирующее значение принадлежало клубу, помещения которого группировались не-

редко вокруг озелененного внутреннего двора. Три клуба такого типа в новых жилых районах были построены по проекту А. и Л. Весниных.

Поиски наиболее экономичных типов зданий активизировали работу над типовыми секциями, экономичными конструктивными решениями. Например, в Ленинграде в 1928 г. осуществлялось опытное строительство зданий с применением каркасной системы и использованием различного вида кладки с теплыми заполнителями, а также из крупных блоков. Так, на Крестовском острове было построено 12 корпусов из литого шлакобетона, на Сызранской улице – 5 крупноблочных домов и др.

В годы первой пятилетки жилое строительство развернулось по всей стране. Крупные жилые комплексы возникают в промышленных центрах Урала и Сибири: в Свердловске, Нижнем Тагиле, Магнитогорске, Новосибирске, Челябинске, Кемерове, Новокузнецке и других городах, а также вблизи крупнейших новостроек того времени – при Харьковском и Сталинградском тракторных заводах, Горьковском автозаводе.

В 1926–1931 гг. в Свердловске было осуществлено строительство ряда жилых комплексов: дома горсовета (С. Домбровский), дома Госпромурала (Г. Валенков и Е. Коротков), группа жилых кварталов в районе Уралмашзавода (П. Оранский). Особенно выделяется «Городок чекистов» в Свердловске как пример выразительной объемно-пространственной композиции развитого жилого комплекса (И. Антонов, В. Соколов, А. Тумбасов, 1931 г.).

В жилом районе Горьковского автомобильного завода применена строчная застройка. Протяженный ряд однотипных объемов создает четкий метрический строй магистрали. Перед торцами домов, выходящих в сторону проезжей улицы, предусмотрена широкая полоса зелени.

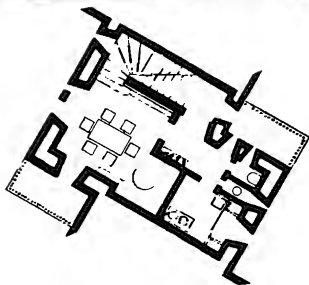
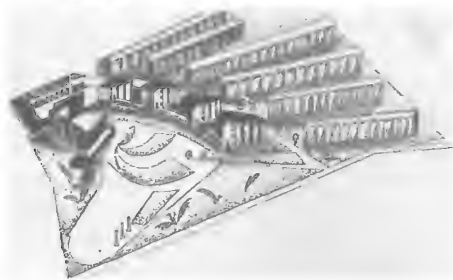
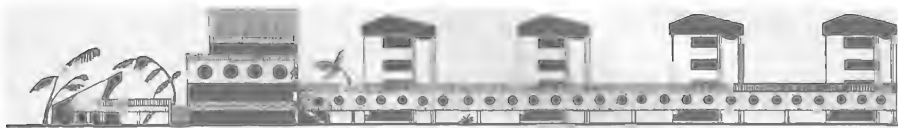
Заслуживает внимание строительство малометражных квартир в жилом массиве «Луч» для рабочих Харьковско-го электрозавода (Г. Вегман, Ю. Рубинштейн, В. Турчанинов). Двухком-

натные квартиры (28–32 м²), рассчитанные на заселение одной семьей, состоят из двух изолированных комнат, совмещенного санузла и кухни.

Развитие жилищного строительства в 20-е годы было крупнейшим завоеванием нового общественного строя. Впервые в истории архитектуры централизованно решалась важнейшая социальная проблема человечества – обеспечение жилищем всего народа.

Уже на первом этапе развития жилищного строительства проявились преимущества социалистической системы. Отсутствие частной собственности на землю позволило осуществлять застройку крупными жилыми массивами на больших участках. На месте трущоб на рабочих окраинах городов, перенаселенных казарм и коечно-камерочных домов возникали крупные рабочие кварталы с благоустроенными домами (электричество, водопровод, канализация), просторными озелененными дворами, детскими учреждениями, прачечными и другими элементами коммунального обслуживания. Было покончено с дореволюционной скученной застройкой, с мрачными и темными дворами-колодцами.

20. Баку. Поселок
им. Шаумяна. А. Иванцукый,
А. Самойлов. Жилой дом

показательных домов для
рабочих. 1922 г. Проект
К. Мельникова. Фасад,
аксонометрия, план квартиры

21. Москва. Всероссийский
конкурс на проекты

В первые послереволюционные годы жители домов нередко объединялись в определенные коллективы – коммуны, которые на первых порах преследовали не столько социально-политические, сколько чисто хозяйственные цели. Получая в бесплатное пользование жилую площадь (такое положение было до введения НЭП), жильцы создавали органы самоуправления, которые ведали не только эксплуатацией здания, но пытались улучшить организацию быта. Бытовая коммуна была весьма экономичной формой организации быта и отчасти уменьшала продовольственные трудности. На началах самообслуживания возникали детские сады, ясли, красные уголки, библиотеки, прачечные и т. п. Такая форма организации быта получила достаточно широкое распространение в первые годы Советской власти. Так, в Москве в 1921 г. насчитывалось 865 домов-коммун, в Харькове в 1922–1925 гг. было 242 дома-коммуны. С этой формой организации повседневной жизни начали связывать далеко идущие идеи перестройки быта на социалистических началах. Но постепенно по мере улучшения материального положения трудящихся интерес к этой форме общежития начал

угасать. Тем не менее некоторые архитекторы справедливо считая, что старые типы домов не соответствуют новым формам общественного быта, прямолинейно полагали, что только строительство соответствующих типов жилища с общественным сектором может дать новый импульс идее. Конкретные пути решения проблемы намечались в экспериментах, спорах и дискуссиях. Единого мнения по поводу домов-коммун не существовало. Одни считали, что следует развивать рабочий поселок-коммуну, состоящий из индивидуальных домов и сети общественных учреждений, другие предлагали строить многоэтажные жилые дома-коммуны с общественным обслуживанием в структуре самого дома.

Авторы стремились преодолеть замкнутость традиционной индивидуальной квартиры и в то же время противопоставить новый тип жилища казарменному общежитию. Несомненно прогрессивным надо считать острую постановку вопросов развития системы культурно-бытового обслуживания и общения людей – вопросов, которые и теперь не потеряли своей актуальности.

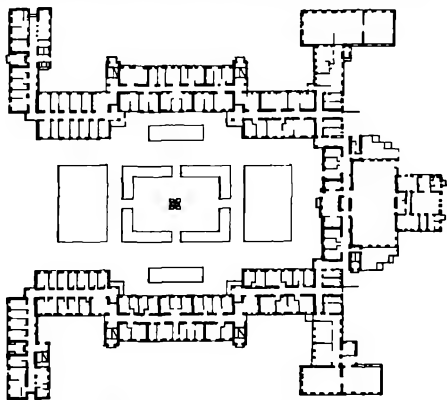
В первом конкурсе на проекты показательных жилых домов для рабочих (1922 г.) выделялся проект К. Мельникова. Он предложил дома с квартирами в двух уровнях – для семей и дома для одиноких, соединенные теплыми перехо-

дами с общественно-культурным центром. Была проведена четкая дифференциация жилых помещений в зависимости от состава семьи.

В 1926 г. Моссовет объявил конкурс на проект дома-коммуны для 750–800 чел. Целью конкурса было создание нового типа жилья для определенного контингента городского населения – одиноких и семей, не ведущих обособленного хозяйства.

Первую премию получил В. Маят, вторую – Г. Вольфензон и Е. Волков и гражданский инженер С. Айзикович. Их проект в дальнейшем был доработан и осуществлен в натуре на Хавско-Шаболовском проезде в Москве. В плане это П-образное здание, в центре композиции размещена группа общественных учреждений: столовая, детские ясли, детский сад, зал собраний, комнаты для работы кружков. На плоской крыше – солярий, гимнастическая комната и др. В боковых корпусах размещены общежитие и отдельные двух- и трехкомнатные квартиры с индивидуальными кухнями.

В 1929–1930 гг. в Москве в Донском переулке был построен студенческий дом-коммуна на 2 тыс. чел. (И. Николаев), состоящий из трех корпусов: восьмизэтажного спального корпуса с комнатами минимальных размеров на 2 чел., спортивного блока и корпуса общественных помещений, где запроектированы столовая на 500 мест, залы для занятий с раздвижными перегородками на

22. Москва. Хавско-Шаболовский проезд. Дом-коммуна, 1926–1928 гг. Г. Вольфензон, Е. Волков и С. Айзикович. Общий вид жилого дома план первого этажа

23. Ленинград. Жилой дом общества политкалоржан на площади Революции, 1931–1933 г. Г. Симонов, П. Абросимов, А. Хряков. Общий вид

300 чел., читальный зал на 150 чел. с книгохранилищем и др. Здесь же находились детские ясли на 100 мест, прачечная и пр. Корпуса образуют выразительную объемно-пространственную композицию. Многолетняя эксплуатация здания как студенческого общежития подтвердила правильность авторского решения. К явным недостаткам следует отнести слишком малые жилые комнаты – $2,7 \times 2,39$ м.

Интересные поиски новых типов жилища велись под руководством М. Гинзбурга в мастерской Стройкома РСФСР. По проекту М. Гинзбурга, М. Милиниса и инж. С. Прохорова в 1928–1930 гг. в Москве на Новинском бульваре был построен жилой дом для работников Наркомфина. В этой работе авторы ставили задачу наиболее экономичного расселения одиноких и семей различного состава и одновременно создания развитого комплекса культурно-бытового обслуживания и общения. Шестиэтажный параллелепипед жилого корпуса соединялся переходом по второму этажу с двухэтажным общественным

блоком. В доме предусматривались индивидуальные комнаты для одиноких, квартиры типа Ф (малометражные) и типа К (для больших семей). Квартира типа Ф в двух уровнях состоит из двух комнат – общей комнаты большей высоты с примыкающей кухней-нишей и спальни с санузелом меньшей высоты. Квартира типа К состоит из трех комнат, также размещенных в двух уровнях. Общественный корпус решен в виде замкнутого объема, сплошь остекленного с одной стороны. Он двухэтажный и включает спортзал, столовую, читальню и др.

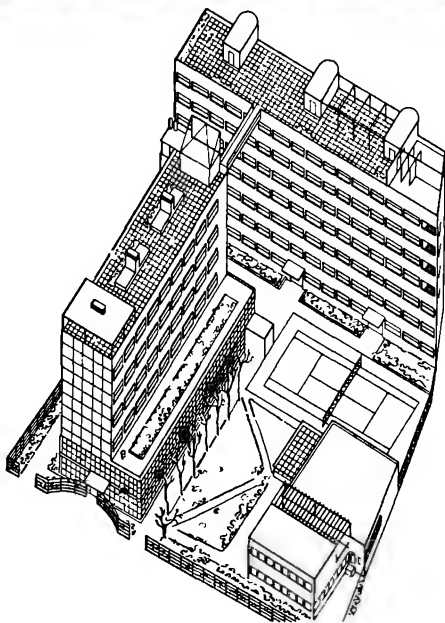
Среди проектов конкурса ОСА 1927 г. следует отметить предложение студентов ЛИГИ в Ленинграде К. Иванова, Ф. Терехина и П. Смолина. Избранный ими композиционный прием плана в виде трилистника позволял удачно разместить объект на участке. В первых этажах предусматривалось размещение общественных помещений – центров питания, культуры, воспитания детей. В верхних этажах находятся двух- и трехкомнатные квартиры, решенные в двух уровнях. Структура этих квартир превосходит в принципе послевоенные предложения Ле Корбюзье для Марселя, Нанта, Берлина и др.

В конце 20-х годов в различных городах было запроектировано много жилых домов и комплексов с развитым ком-

мунально-бытовым обслуживанием. Таковы, например, жилой комплекс на Берсеневской набережной в Москве (Б. Иофан, 1929–1930 гг.), где к жилым домам с благоустроенными квартирами непосредственно примыкают общественные здания (кинотеатр, магазин, столовая, клуб с театральным залом, детский сад и ясли), и дом-комплекс в Киеве на улице Революции (М. Аничкин, инж. Л. Жолтус, 1929–1930 гг.) — пятиэтажное здание, в первых этажах которого размещены общественные помещения. В Ленинграде на площади Революции в 1933 г. по проекту Г. Симонова, П. Абросимова, А. Хрякова был построен для общества политкаторжат — дом-коммуна, в котором общественно-коммунальные помещения удачно взаимодействовали с жилыми ячейками.

Три корпуса, два из которых галерейного типа и один секционный, соединены между собой внутренними переходами. В галерейных корпусах размещены двухкомнатные квартиры, в секционном — трехкомнатные. В расчете на общественное питание в квартирах предусматривались только кухни-шкафы. В первых этажах размещались вестибюли, фойе, зрительный зал, столовая, а

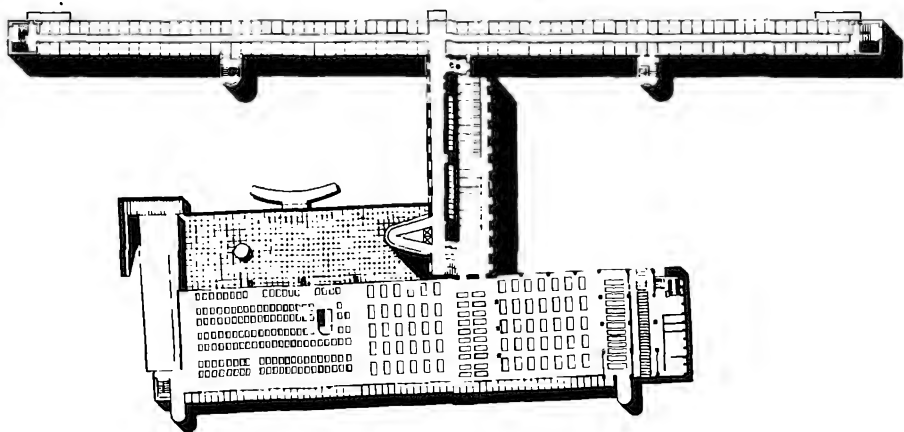
24. Москва. Жилой дом на Гоголевском бульваре, 1929 г.
М. Барц, В. Витвицков.

Общий вид жилого дома.
аксонометрия

25. Москва. Дом-коммуна
(студенческое общежитие)
1929-1930 гг. И. Николаев при

участии К. Соколова. Общий
вид, план, фрагмент
дворового фасада

в сторону Невы выходила открытая галерея. Фасад, обращенный на Кировский проспект, решен тремя уступами. В процессе эксплуатации здание перетерпело значительные изменения. Была проведена перепланировка квартир, в них устроили нормальные кухни. Внутридомовая система общественного обслуживания стала работать как общегородская.

Среди множества проектных идей

и построек нового типа не обошлось и без перегибов. Встречались предложения, противоречащие здравому смыслу. В Магнитогорске, например, появились общежития для рабочих без кухонь в расчете на общественное питание, что вызвало очень много жалоб со стороны рабочих. В 1930 г. в журнале «СА» был опубликован проект дома-коммуны на 5140 чел. И. Кузьмина, в котором полностью исключались привычные формы

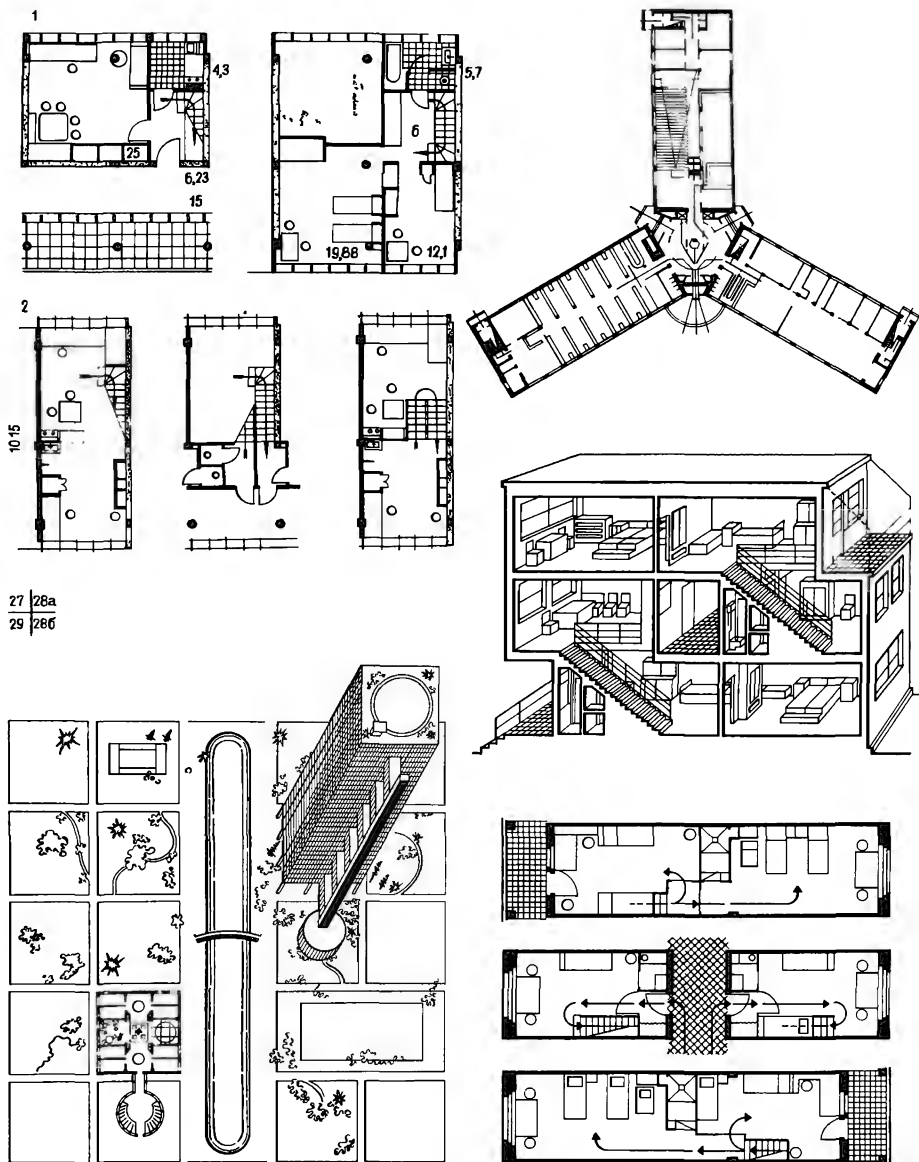
общежития. Семья по сути ликвидирована. Взрослые члены коммуны живут в отведенных для них помещениях раздельно. Дети отделены от взрослых и воспитываются в соответствующих возрастных коллективах. Для встреч с родителями отведены специальные помещения. В этом предложении человек трактуется в качестве стандартной биологической единицы, лишенной индивидуальности. Многообразие жизни подавлено стандартным расписанием. Налицо типичный образец «монастырского коммунизма», который резко осуждали К. Маркс и Ф. Энгельс. Подобные проекты дискредитировали саму идею поисков нового типа жилища.

В мае 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О работе по перестройке быта», где были подвергнуты острой критике стремления немедленного обобществления быта, в том числе посредством строительства по формалистическим проектам домов-коммун. Вместе с тем было подчеркнуто, что строительство рабочих поселков должно сопровождаться всеми видами благоустройства и коммунального обслужи-

26. Москва Жилой дом на Новинском бульваре. 1928–1930 гг. М. Гинзбург.

И. Милинис, С. Прохоров. Общий вид фрагмент дома

27. Москва
Пространственные жилые
ячейки типа Ф и К
разработанные в мастерской
Строекма РСФСР
и использованные в доме на

Новинском бульваре
1928-1930 гг.
1-трехкомнатная квартира
типа К, 2-двухкомнатная
квартира с кухней-нишей
типа Ф

28. Товарищеский конкурс на
проект жилища нового типа
для трудящихся 1927 г.
Проект А. Оля К. Иванова
А. Ладинского. План первого
этажа аксонометрия планы

пространственных квартир
29. Башенный жилой дом
Конкурсный проект 1930 г.
И. Леонидов. Аксонометрия
и генеральный план

живания – банями, прачечными, столовыми, детскими учреждениями и др. Реальная практика эксплуатации большинства домов-коммун подтвердила справедливость партийной критики – по мере повышения уровня материального благосостояния трудящихся они неизменно перестраивались под обычные квартирные жилища.

История проектирования и строительства домов-коммун, равно как и попытки глобально решить систему расселения по рецептам дезурбанизма или урбанизма, свидетельствовали о незрелости архитектурной теоретической мысли, преувеличении роли жилищно-строительных возможностей архитектуры, неумении сопоставлять цели архитектуры с материальными возможностями их осуществления. Вместе с тем вся эта работа таила в себе зерна будущего, которые во многом были дискредитированы «клеветскими загибами», но тем не менее не потеряли своего интереса и в наши дни.

В последующие годы развитие пошло по линии улучшения планировки квартир, типов жилых домов и, главное, совершенствования приемов планировки и застройки большого квартала, предусматривающих постепенное развитие сети культурно-бытового обслуживания. Такой квартал стал зародышем появившегося впоследствии понятия «жилой микрорайон».

Еще во второй половине 20-х годов в связи с ростом объемов строительства выявлялась потребность в развитии типового проектирования жилища. В мастерской Стройкома РСФСР (руководитель М. Гинзбург) была разработана научная методика проектирования различных типов квартир в соответствии с демографическими характеристиками населения и объемно-планировочными структурами жилых домов.

В условиях острого дефицита фондируемых строительных материалов (цемент, кровельное железо, стальной прокат и т. д.), направляемых в первую очередь в промышленное строительство, были развернуты экспериментальные работы по использованию в жилищном и культурно-бытовом строи-

тельстве местных строительных материалов и различных отходов промышленного производства. Большое значение приобрели опыты строительства сборного малоэтажного жилища. Так акционерное общество «Стандарт» (1924–1925 гг.) разработало систему стандартных деревянных элементов, из которых собирались малоэтажные жилые дома для рабочих поселков в Иваново-Вознесенске, Донбассе и др.

В эти же годы была начата работа по строительству домов из крупных шлакоблоков, так называемых «черных» блоков. В 1927 г. в Москве был построен первый жилой дом из шлакоблоков (инженеры Г. Красин, А. Лолейт). В этот же период над проблемой крупноблочного строительства работал А. Климухин. По его проекту осуществлен из шлакоблоков ряд жилых зданий и детских сооружений в Москве. В 1929 г. под руководством А. Ваценко была проведена исследовательская работа в области крупноблочного строительства в Харькове. По проектам А. Ваценко были застроены кварталы трехэтажных домов из крупных шлакобетонных блоков, строились и пятиэтажные дома.

Интересную экспериментальную работу в области строительства сборных жилых домов провел Н. Ладовский. В 1930 г. он предложил способ строительства малоэтажных и многоэтажных жилых домов из объемных элементов, полностью оборудованных на заводе, с тем, чтобы на строительной площадке осуществляли только процесс монтажа. Таким образом, Н. Ладовский предвосхитил будущее, сходные идеи получили реализацию только в 1965 г.

За период с 1918 по 1932 г. в городах и рабочих поселках было построено 81,6 млн. м² жилой площади, в том числе 25,3 млн. м² за счет средств населения, объединенного в жилищно-строительные кооперативы. Развитие архитектуры жилища проходило различные этапы, через преодоление противоречий объективного и субъективного характера. Движущей силой развития, в конечном счете, была реальная потребность в жилище, которая определялась процессом восстановления народного хо-

зайства и строительством экономического фундамента социализма.

Вначале строительство осуществлялось одно-двухэтажными домами, кварталы по традиции были малых размеров — 2–3 га. Но уже скоро вследствие роста объемов строительства этот тип жилых домов и застройки вошел в противоречие с требованиями экономики и возрастающими темпами развития народного хозяйства. Уже в 1925–1926 гг. был в основном осуществлен переход на застройку четырех-пятиэтажными домами кварталов в 5–7 га. Этот тип застройки был существенным шагом вперед. На заселение квартир велось по комнатной системе.

Принципиально новым в проектировании и строительстве жилищ был комплексный подход к застройке жилых кварталов и районов с обеспечением их культурно-бытовыми учреждениями (детские учреждения, школы, магазины, прачечные и др.). В качестве массового типа утвердился жилой дом секционной структуры.

Большая творческая работа была направлена на выявление новых в социальном отношении типов жилья, на поиски пространственных жилых ячеек, началась научная разработка методики типового проектирования.

В рассматриваемый период советские архитекторы оказали определенное влияние на общий ход развития мировой практики жилищного строительства. Первые советские рабочие поселки (Усачевка, Дубровка, Дангаузровка в Москве, Палевский массив в Ленинграде и др.), в которых применялись типовые секции квартир и предусматривалось культурно-бытовое обслуживание для всех живущих, а композиция застройки в целом учитывала требования гигиенических норм, возникли на несколько лет раньше, чем первые опыты немецких архитекторов В. Гропиуса и Э. Мая в создании жилых рабочих поселков в Германии. Опередила свое время и работа по проектированию жилищ нового типа.

Партия и государство неизменно поощряли новаторство в том случае, когда оно совпадало с целями быстрейшей ликвидации нужды в жилище и реально-

го улучшения бытовых условий, но в то же время, следуя ленинским указаниям, «не позволяли хаосу развиваться» и в нужный момент, поддерживая живые прогрессивные элементы развития, давали критический анализ движения, помогая формированию творческой направленности архитектуры жилища в соответствии с жизненными интересами и реальными возможностями молодого социалистического государства.

Общественные здания

Великая Октябрьская социалистическая революция пробудила к активной общественной и творческой жизни широкие народные массы. «Необъятно велика разбуженная и разжигаемая нами жажда рабочих и крестьян к образованию и культуре» — так характеризовал ситуацию В. И. Ленин в беседе с К. Цеткин. Не случайно поэтому внимание архитекторов сосредоточилось на поисках новых социальных типов общественных зданий для процессов труда, быта и культуры.

В многочисленных конкурсах после-революционных лет разрабатывались темы Дворца труда, Дворца культуры и т. п. Идея свободы и широчайшей демократии, представление о каждом общественном здании как о своеобразном народном форуме, месте общения многотысячных масс трудящихся рождала грандиозные композиции. О реальном строительстве таких зданий в тот период не могло быть и речи. Вместе с тем проектная работа стимулировала отработку выразительного языка архитектурных форм. Это время вошло в историю советской архитектуры как время революционной романтики.

Наряду с модернизацией стилей прошлого (романского, готического, Ренессанса) среди конкурсных работ 1918–1922 гг. все чаще встречались и принципиально новаторские предложения; во многих из них пафос революции выражался в невиданных ранее формах, связанных художественным осмыслением эстетических возможностей новых строительных материалов, конструкций, функциональных процессов.

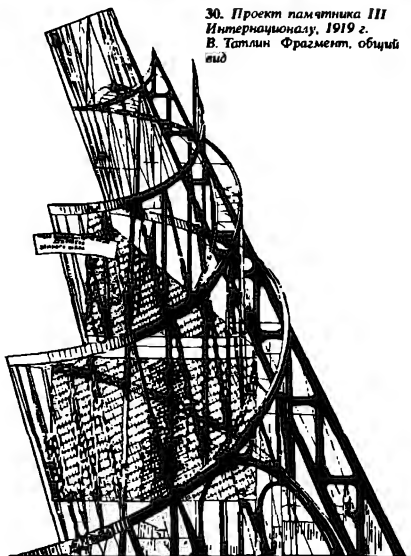
Ярким примером революционной романтики в области архитектуры может служить проект памятника III Интернационалу, созданный художником В. Татлиным. По идее автора, 400-метровая металлическая стержневая наклонная башня, спирально суживающаяся кверху, заключала во внутреннем пространстве, за сквозной решеткой «тела» основного объема четыре расположенных друг над другом объема, вращающихся с различной скоростью: нижний кубический объем, в котором размещались законодательные органы Коминтерна, должен был вращаться со скоростью одного оборота в год; второй объем в виде усеченной пирамиды, где располагались исполнительные органы, вращался со скоростью одного оборота в месяц; третий объем в виде цилиндра, где находился секретариат, вращался со скоростью одного оборота в неделю и четвертый, в виде полушария, завершал всю композицию.

Автор разрабатывал не столько утилитарный объект, сколько художественный символ революции, устремленный в будущее. В условиях, когда башня проектировалась, невозможно было даже помыслить о ее сооружении — это было вне тогдашних потребностей и возможностей. Тем не менее своим новаторским решением она привлекала всеобщее внимание и стала как бы знаком новой архитектуры. Практического значения башня Татлина, казалось бы, не имела, но ее творческое влияние было велико. Она показала пластические возможности новых конструкций и материалов.

В 1922 г. была построена радиомачта из стальных элементов — башня инженера В. Шухова, которая является произведением инженерного искусства, предвещавшим применение в строительстве гиперболоидов — конструкций двоякой кривизны, образованных движением прямого стержня по гиперболе. В. Шухов — гениальный русский конструктор, работы которого еще до революции предвосхищали многие инженерные решения, в том числе сетчатые конструкции, вошедшие в практику только в первой четверти XX в. Легкая, ажурная

30. Проект памятника III Интернационалу, 1919 г.
В. Татлин. Фрагмент, общий вид

радиомачта на Шаболовке высотой 148 м создала вертикальный акцент в застройке большого района Москвы.

Значительным событием в архитектурной жизни был конкурс на Дворец труда в 1922–1923 гг. Конкурс проходил в пору образования Союза Советских Социалистических Республик. Дворец предполагалось разместить на проспекте Маркса, примерно там, где в настоящее время находится гостиница «Москва». По программе в здании предусматривалось создание грандиозного зала на 8000 чел. и залов меньшей вместимости, помещения для народного университета, музея социальных знаний, центральной радиостанции, астрофизиче-

ской обсерватории, библиотеки, художественной школы, гимнастических залов, различных клубных помещений. Дворец труда должен был объединить функции общественного и культурно-просветительского центра.

Конкурсные проекты Дворца труда отразили представления различных архитектурных течений о направленности зодчества в условиях нового общества. Условно их можно разделить на три группы: архаизирующая романтика, индустриальная символика и складывающийся конструктивизм. Первую премию получил проект Н. Троцкого — наиболее яркий пример архаизирующей романтики. В основе композиции плана лежит большой зрительный зал, к которому примыкают малые залы и обслуживающие помещения. Грандиозный объем эллиптического в плане зала подчеркнут своеобразными абсидами, в которых размещены лестницы. Во всей композиции — монументальной и тяжеловесной — есть что-то от романской архитектуры.

Несмотря на первую премию, большинство архитекторов считали предложение Н. Троцкого не соответствующим идее Дворца труда ни с градостроительной точки зрения, ни по образным характеристикам.

Проекты И. Голосова и Г. Людвига — примеры индустриальной символик. И. Голосов строил свою композицию, стремясь добиться функционально четкой связи отдельных групп помещений и вместе с тем получить остродинамичное построение здания. В результате сильно расчлененный объем с господствующей формой большого зала, покрытие которого напоминает некий гигантский механизм и ассоциируется с турбиной, создает впечатление не единого здания, а целого конгломерата сочлененных вплотную различных по характеру и масштабу объемов. Акцентированное движение архитектурных масс, по мысли автора, должно было передать динамику революции.

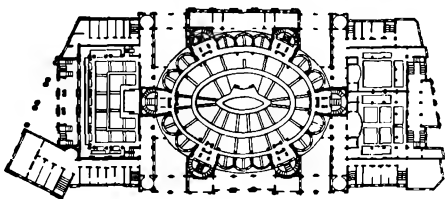
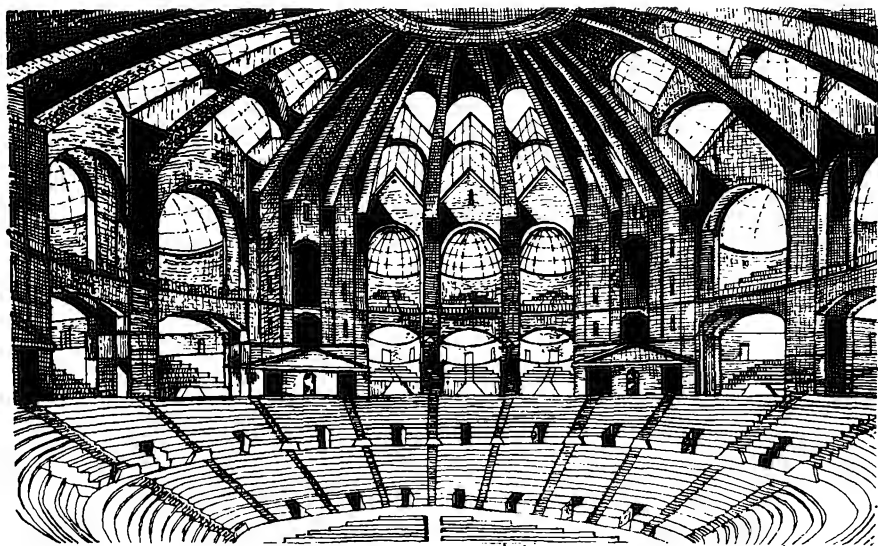
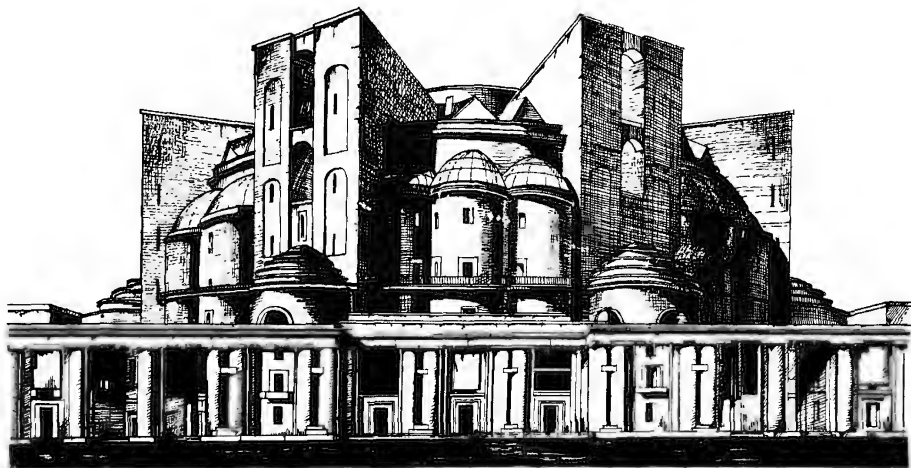
Самым значительным явлением был проект братьев Весниных. Они выступили как представители нового творческого направления в архитектуре — кон-

структивизма. И их проект был ясной творческой декларацией этого направления. Характерны тщательная проработка функциональной стороны замысла, расчет на его осуществление в новых железобетонных конструкциях. Зрительный зал, решенный единым амфитеатром, имел эллиптическую форму и был окружен пространством фойе. Горизонтальный висячий переход соединял объем зрительного зала с прямоугольным блоком, асимметрично завершенным 20-этажной башней, придавшей динамичность всей композиции. Башня завершалась своеобразной решетчатой мачтой-антенной с растяжками, образующей на фоне неба легкий геометризованный ажурный абрис.

Дворец труда не был построен. Сама программа конкурса предопределяла неосуществимость такого сооружения в условиях той поры. Но среди всех конкурсных проектов именно предложение Весниных воплощало в себе прогрессивные идеи новой архитектуры.

Впоследствии многие идеи конкурса нашли развитие в проектировании крупных общественных зданий. В середине 20-х годов широкое развитие получило проектирование и строительство Домов Советов. Типичен для этого времени по характеру архитектуры Дом Советов в Брянске, который был осуществлен по проекту А. Гринберга (1924–1926 гг.). Программа предусматривала помещения для губернских советов, партийных, профессиональных и комсомольских организаций. Для проведения съездов, собраний, митингов и т. д. предусматривался большой зал на 1000–1200 чел., а для клубной работы — малый на 200 чел., в котором можно было проводить спектакли, показывать кинофильмы и т. д.

В этот период были также осуществлены Дома Советов в городах Горьком (А. Гринберг), Хабаровске (И. Голосов и Б. Улинич), Новосибирске (Б. Гордеев и С. Турганев), Москве — пристройка нового корпуса здания Моссовета (И. Фомин). В Ленинграде Н. Троцкий возводит в конце 20-х годов Дом Нарвского райсовета. В эти годы были построены Дома правительства в Махачкале

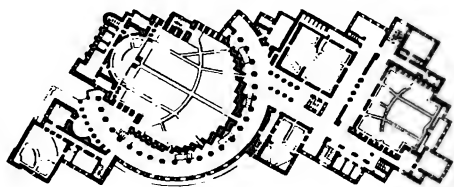

31. Москва. Конкурсный проект Дворца труда, 1923 г. Н. Троцкий (1-я премия). Фасад, большой зал, план

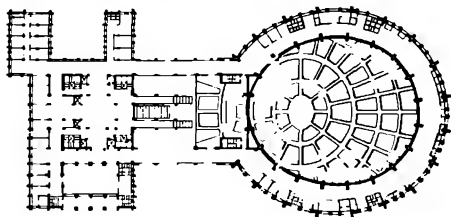
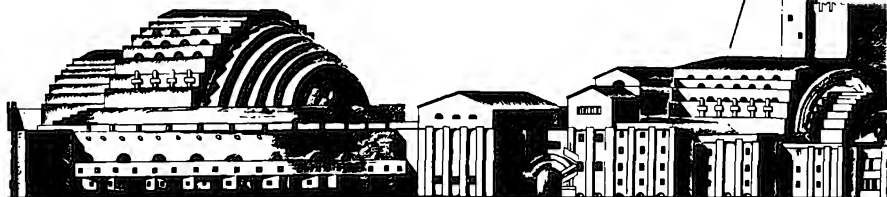
32. Москва. Конкурсный проект Дворца труда, 1923 г. И. Голосов (3-я премия).

Боковой фасад, план второго этажа

33. Москва. Конкурсный проект Дворца труда, 1923 г. Братья Веснины (3-я премия). Перспектива, план

31а	32б
	32а
31б	33б
	33а

(И. Жолтовский, 1926–1928 гг.), Элисте (И. Голосов и Б. Мительман, 1928–1932 гг.), Минске (И. Лангбард, 1930–1933 гг.), Ташкенте (С. Полупанов, 1929–1930 гг.). В большинстве указанных работ воплощались творческие принципы конструктивизма, правда, иногда поверхностно, подражательно. Исключения составляют работы И. Жолтовского (Дом правительства в Махачкале) и И. Фомина (новый корпус Моссовета), в которых варьируются мотивы Ренессанса и модернизированного неоклассицизма.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что программы, по которым велось проектирование Домов Советов, были явно завышены вследствие стремления совместить в одном здании столь разнородные функции: как административное управление, массовая политическая и просветительная работа, развлечение и отдых населения и т. д. Все эти функции имели различные и часто несводимые режимы работы. Все это чрезвычайно затрудняло пространственное решение, вело к потере площади и объема, усложняло эксплуатацию здания. Поэтому не случайно в ходе самого строительства программы часто пересматривались в сторону сокращения.

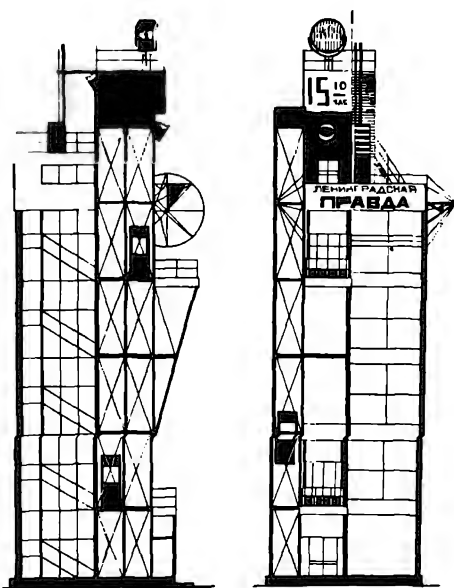
Развитие системы управления с различными звеньями народного хозяйства

потребовало разработки административно-деловых зданий. Одним из первых в этом направлении был конкурс на проект здания в Москве акционерного общества АРКОС (1924 г.) Среди конкурсных работ снова выделялся проект братьев Весниных. Они последовательно продолжали линию, заявленную ими в проекте Дворца труда, выявляя формообразующие возможности функции и конструкции. С большой тщательностью в проекте размещены различные по назначению помещения — банк, конторы, магазины, гостиница, ресторан. Авторы пластически выявили функциональную структуру помещений во внешнем облике здания, используя систему железобетонного каркаса с заполнением его большими поверхностями стекла.

Проект здания московского отделения газеты «Ленинградская правда» (1924 г.) наиболее ярко и художественно отражает характерные черты конструктивизма в остро индивидуальной трактовке братьев Весниных. На площади Пушкина, где был отведен небольшой участок площадью 6×6 м, нужно было разместить деловое здание, во внешнем облике которого, как это было сказано в задании, следовало «выразить агитационный характер сооружения». Веснины запроектировали квадратное в плане пятиэтажное здание высотой 26 м. На первом этаже разместили вестибюль (гардероб и торговый киоск), на втором — читальный зал, на третьем — контору и в двух верхних — редакционные кабинеты. Композиция фасадов строится на контрастном сопоставлении отдельных элементов, различных по форме, материалу и масштабу. Здание завершалось ажурной надстройкой с вращающимся прожектором, луч которого в вечернее время должен был пронизывать темноту неба, облака. Входные двери, лифты, решетка каркаса служили элементами выявления архитектурного масштаба. Веснины удачно нашли новый образ общественного сооружения, отразив при этом динамизм газетной информации.

В этот период административно-управленческие здания проектировались как развитые комплексные сооружения,

34. Москва. Конкурсный проект здания Московского отделения «Ленинградской правды», 1924 г.
А. и В. Веснины.

35. Москва. Конкурсный проект конторского здания для акционерного общества «Органеталл», 1926–1927 гг.
М. Гинзбург. Перспектива

включающие наряду с конторскими помещениями гостиницу, ресторан, кино-театр, иногда — жилье. Примеры — Дом кооперации (А. Голубев, 1925 г.), административно-жилое здание «Динамо» в Москве (И. Фомин, 1928–1929 гг.).

Среди осуществленных административных зданий следует только отметить здание Госторга в Москве на улице Кирова, построенное в 1925–1927 гг. по проекту Б. Великовского (при участии

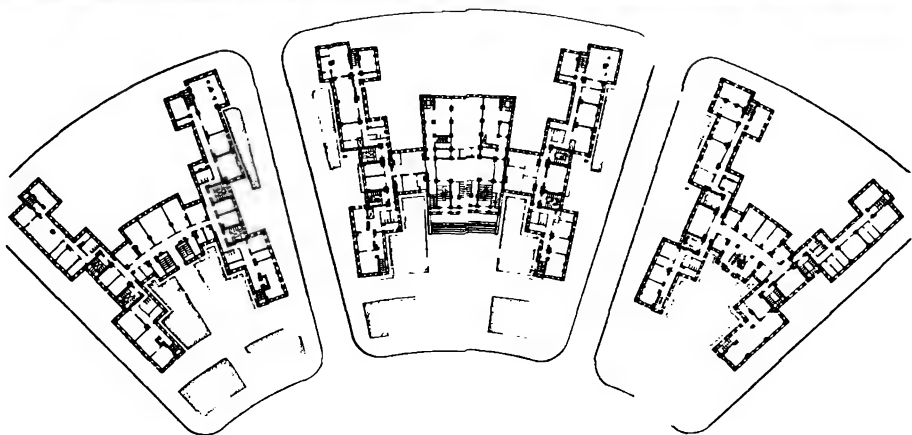
М. Барща, Г. Вегмана, М. Гакен). Это одно из первых крупных общественно-административных сооружений Советского государства. Симметричная форма плана здания Госторга четко выявила центральное звено. Два боковых корпуса с выступами образуют совместно с центральным блоком прямоугольные внутренние двory, весьма удобные для эксплуатации всего здания. В нижних этажах размещались вестибюль, обширные выставочные и операционные залы, два магазина, архив, склады, конторские помещения и др., в верхних — деловые помещения для сотрудников, зал собраний на 1000 чел., столовая и другие обслуживающие помещения. По первоначальному проекту предполагалось всю композицию завершить 13-этажной башней, придававшей комплексу высотную характеристику, но здание было осуществлено без башни. В разработке фасадов выявлена каркасная железобетонная конструкция с большими остекленными проемами.

Значительным событием в развитии советской архитектуры было сооружение Дома государственной промышленности, а затем и других объектов нового центра в Харькове. К этому периоду относится разработка генерального плана города. Харьков, бывший губернский город, с 1918 г. стал столицей Украинской Советской Социалистической Республики и превратился в экономический и культурный центр Украины. По генеральному плану города центральная площадь им. Держинского была скомпонована из круглой и примыкающей к ней прямоугольной частей (В. Троценко). По дуге, выявляя пространство круглой части площади, был размещен комплекс Дома госпромышленности, состоящий из девяти радиально ориентированных корпусов, сгруппированных в три массива с двумя проездами между ними. Выясние переходы над проездами связывают комплекс в одно целое. Многоплановая уступчатая композиция объемов производит сильное художественное впечатление. Высота отдельных объемов достигает 14 этажей. Материал — монолитный железобетон. Первоначально был построен Дом гос-

промышленности (С. Серафимов, М. Фельгер, С. Кравец, 1925–1928 гг.), по сторонам от него были сооружены затем Дом проектных организаций (С. Серафимов, М. Занберг-Серафимова, 1930–1934 гг.) и Дом промышленной кооперации (А. Дмитриев и О. Муц, 1929–1934 гг.). Несмотря на то что каждый комплекс решался разными авторскими коллективами, общее архитектурное единство ансамбля площади было достигнуто.

В разработке крупных общественных зданий значительную роль сыграли проектные предложения И. Леонидова — одного из наиболее ярких архитекторов, примыкавших к конструктивизму. Его дипломный проект Института библиотекведения имени В. И. Ленина оказался таким далеким прорывом в будущее, значение которого мы не оценили в полной мере до сих пор. Характерны его проекты Дома Центросоюза и Дома промышленности в Москве. В проекте Дома Центросоюза в Москве (1928 г.) И. Леонидов впервые в практике проектирования, используя возможности несущего каркаса, создает еще до Мис ван дер Роз универсальное пространство, позволяющее организовать внутренние функциональные зоны различного назначения. В проекте Дома промышленности (1929–1939 гг.) он развивает новую пространственную организацию рабочих мест для служащих. Вместо обычных конторских помещений создаются рабочие залы без перегородок, где функциональное распределение пространства осуществляется с помощью подвижной конторской мебели (прием, получивший широкое распространение на Западе). В параллелепипеде основного объема каждый этаж разделен на две части: зона работы — большой зал без традиционных перегородок и зона отдыха — зимний сад. Кроме того, один этаж открыт и превращен в террасу-сад, для этих же целей служит плоская крыша. Предложенная И. Леонидовым идея гибкого использования пространства на много лет предвосхищала сегодняшние принципы организации деловых зданий.

В 1925–1927 гг. сооружается здание газеты «Известия» в Москве (Г. Бархин

при участии М. Бархина). Участок, отведенный для строительства, был невелик, и первоначально авторы представили проект с 11-этажной башней. Но градостроительные соображения заставили отказаться от высотной композиции. Принят был вариант высотой в шесть этажей. Авторам удалось выявить типологическую суть здания и благодаря гармоничной разработке объемов и фасадных плоскостей получить выразительную композицию правильного градостроительного масштаба, хорошо согласованного с пространством площади и в то же время соподчиненного челове-

36. Харьков Дом
Гостромышленности
1926–1928 гг. С. Серафимов,
М. Фельгер, С. Кравец. Общий
вид до 1941 г. план

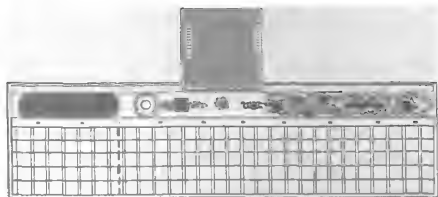
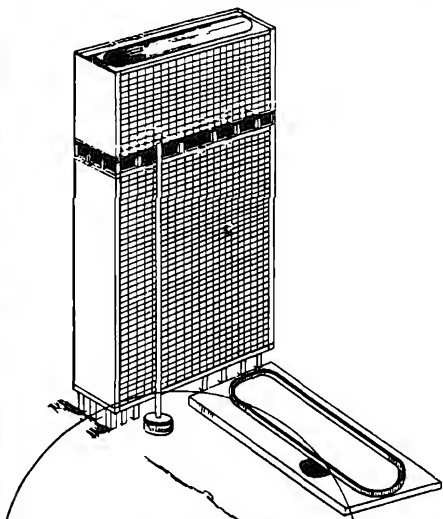
37. Москва Здание газеты
«Известия». 1925–1927
Г. Бархин при участии
М. Бархина

38. Москва Здание газеты
«Правда». 1930–1935 гг.
И. Гозосов

39. Москва Конкурсный
проект Дома
промышленности,
1929–1930 гг. И. Леонидов.
Аксометрия, план типового
этажа

ку. Здание прочно вошло в круг бесспорных достижений советской архитектуры.

Тип административно-производственного здания издательства получает дальнейшее развитие в осуществленном проекте комбината газеты «Правда»

в Москве (И. Голосов, 1930–1935 гг.). Комплекс состоит из административного семизэтажного корпуса редакции, выходящего на линию улицы, трех девятиэтажных корпусов, подходящих к нему перпендикулярно, и низкого производственного здания. Функции объекта весьма четко выявлены как в композиции, так и в трактовке фасадов, которые решены лаконично и в то же время выразительно.

После гражданской войны началось строительство новых школ. За годы первой пятилетки в СССР было построено 13 128 школ. На формирование типа здания средней школы в этот период оказали влияние так называемый лабораторно-бригадный метод обучения и требования политехнизации трудовой школы.

Новые школьные здания на 1–2 тыс. учащихся по программам, которые

предусматривали многочисленные кабинеты, лаборатории, мастерские, физкультурный зал, библиотеку, столовую, помещения для ученических организаций, рекреационные залы с возможным использованием их для собраний и различных мероприятий (спектакли, концерты, кино и др.). Нереальность подобной программы для решения конкретных задач всенародного образования состояла не только в том, что строительство таких школ было не по средствам государству. В стране не было и необходимых педагогических кадров для работы по лабораторно-бригадному методу. Тем не менее отдельные такие школы все же появлялись. Так, в 1926–1927 гг. была построена школа в Ленинграде в Московско-Нарвском районе на 1000 учащихся (А. Никольский). Расположена она на проспекте Стачек по оси Тракторной улицы. Это был первый пример школьного здания, запроектированного по новой программе. План здания точно отвечает функциональным требованиям программы. Предусмотрено разделение младших и старших классов, для них устроены отдельные входы в здание. Актный и физкультурный залы изолированы от учебных помещений, что позволяет использовать их вне учебного времени. В здании – 25 общих аудиторий, физический и химический кабинеты с лабораториями, три мастерские, обсерватория, класс для рисования, библиотека и медпункт. В сущности, А. Никольский предвосхитил принцип построения многокомплектной школы. Тем не менее большое число подсобных помещений, растянутость коммуникаций, излишний периметр стен делали подобные здания дорогими в строительстве, весьма неэкономичными в эксплуатации.

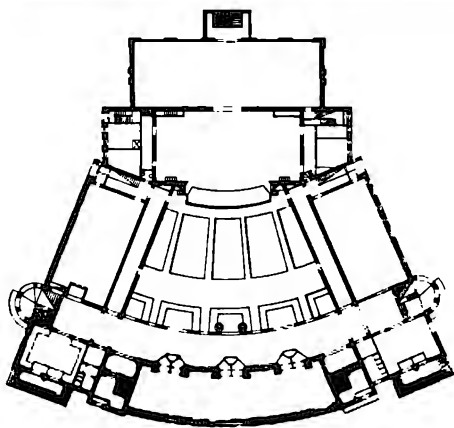
В связи с введением в 1930–1932 гг. всеобщего обязательного начального обучения и дальнейшим расширением школьного строительства появляются школы более компактной планировки на 600–700 учащихся. Типичными примерами школьных зданий в этот период являются в Ленинграде: на Лесном проспекте (А. Никольский, В. Гальперин, 1930–1932 гг.), на улице Ткачей (Г. Симо-

нов, 1928–1929 гг.), на улице Стачек (И. Фомин, 1930 г.); в Москве – школы на Русаковской улице (Н. Федоров, 1928–1929 гг.) и др. Эти школы удобны. В их асимметричной объемно-пространственной композиции тщательно учтены требования функционального процесса. Однако их стоимость была все же высока и темпы их строительства отставали от реальных потребностей.

Для начального периода типологического формирования зданий детских садов и яслей также была характерна чрезвычайно сложная и малозономическая структура здания, во многом обусловленная односторонними требованиями гигиенистов и отсутствием у архитекторов опыта разработки подобных типов зданий. Стремление к уменьшению контактов детей вело к проектированию большого числа мелких групп помещений – на 10–15 детей с самостоятельными входами, изоляторами и другими подсобными помещениями. Объем здания на одного ребенка в детских садах достигал 63 м³, в яслях – 65–82 м³. Примерами строительства подобных детских учреждений тех лет являются здания детского сада на 140 детей (А. Пастернак) и детских яслей на 100 детей (С. Антонов). Во второй пятилетке наметилась тенденция к более простым решениям – с уменьшенной строительной кубатурой, более экономичным.

Среди общественных зданий особое место занимали клубы как социально новый тип здания. В первые послереволюционные годы для клубной работы использовались особняки дворян и буржуазии. Но одновременно началось и проектирование специальных зданий клубов. Эта тема захватывала многих архитекторов своей новизной, глубоким социальным содержанием. Клубы в те годы подразделялись на четыре вида. Были клубы, связанные с домами-коммунами, клубы при производственных предприятиях, клубы отраслевых профсоюзов, районные и городские клубы местных Советов.

В 1922–1926 гг. проходят первые курсы на проектирование новых центров культурно-просветительной деятельности – Народного дома, Дворца для ра-

40. Ленинград. Дворец культуры им. М. Горького, 1925–1927 гг. А. Гегелло.

Д. Кричевский, В. Райлян
Общий вид. план первого этажа

бочих. Их максималистские программы (театральные залы на 1000–2000 мест, огромные аудитории и многочисленные помещения для клубной работы) были

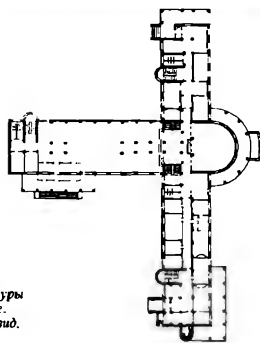
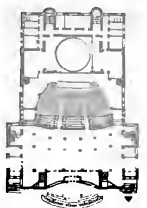
далеки от возможностей практического осуществления, но они способствовали выяснению типологической природы социалистического клуба, формированию мастерства архитекторов в решении сложных архитектурных программ клубного организма. В годы первой пятилетки развернулось строительство клубных учреждений. Была создана сеть клубов как центров общественной и культурной жизни трудящихся.

В те годы разрабатывалась тема Дворца культуры как наиболее развитого культурно-просветительного центра, способного обслуживать большие городские районы, и появляются первые реализации. К наиболее значительным следует отнести Дворец культуры им. М. Горького в Нарвском районе Ленинграда, выстроенный в 1925–1927 гг. по проекту А. Гегелло, Д. Кричевского, В. Райляна. Центром его композиции служит зрительный зал, имеющий секторальную форму и рассчитанный на 1900 чел. Места для зрителей располагаются амфитеатром, над которым на-

висает балкон. В интерьере ритмический ряд лож на боковых стенах подчеркивает значительность пространственного масштаба зала. В четырех этажах дворца вокруг зрительного зала группируются около 60 помещений для клубной работы, кинозал на 400 мест, библиотека, залы для танцев, игр и отдыха. За сценой зрительного сектора размещен большой спортивный зал. Нельзя не отметить, что стремление авторов во что бы то ни стало добиться компактности и цельности объема здания с весьма расчлененной функцией привело к некоторому затруднению связи между клубными помещениями, расположенными по обеим сторонам зрительного зала. Фасад решен метрическим рядом вертикальных пилонов с большими поверхностями стеклянных витражей между ними, сквозь которые освещаются вестибюль и фойе (зал освещается искусственным светом). По бокам ритм пилонов и витражей фиксирован объемами башен лестничных клеток.

Пример секторальной схемы зрительного зала получил распространение. Примером может служить Дворец рабочего, сооруженный в Харькове (А. Дмитриев, 1927–1930 гг.) со зрительным залом на 2000 мест.

В годы первой пятилетки в клубах при производственных предприятиях предусматривались группы аудиторий, лаборатории, экспериментальные мастерские, помещения для производственных выставок, техническая библиотека с группой соответствующих помещений и др. Клуб превращался в своеобразный цех культуры. Одним из первых таких комплексов был Дворец культуры им. Лихачева в Москве (братья Веснины, 1931–1937 гг.). Его композиция была запроектирована из трех самостоятельных объемов: Т-образной клубной части, непосредственно примыкающего к ней малого зала на 1200 мест, и отдельно стоящего здания большого театра на 4000 мест, которое так и не было осуществлено. Асимметричные формы Дворца культуры свободно komponуются на участке. Интересное для тех лет новшество — обсерватория в клубном корпусе с ори-

41. Москва. Дворец культуры им. Лихачева, 1931–1937 гг. Братья Веснины. Общий вид. план первого этажа

гинальной конструкцией вращающегося металлического купола — обогатило силуэт и архитектурный облик Дворца культуры. Вся композиция построена на выявлении внутреннего функционального содержания комплекса, что вполне естественно для работы лидеров ОСА. Веснины последовательно проводили принцип демократизации зрительного зала. Места в малом зале расположены пологим амфитеатром и на балконе. Сцена оборудована всем необходимым

42. Москва. Клуб им. Зуева.
1927-1929 гг. И. Голосов
Общий вид план

для осуществления театрализованных постановок. Пространство вестибюля и двусветного фойе соединено системой открытых лестниц. Удобно решена клубная часть, имеющая отдельный вход, но соединенный по второму этажу с фойе театра.

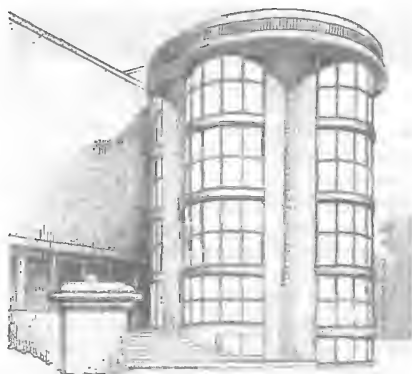
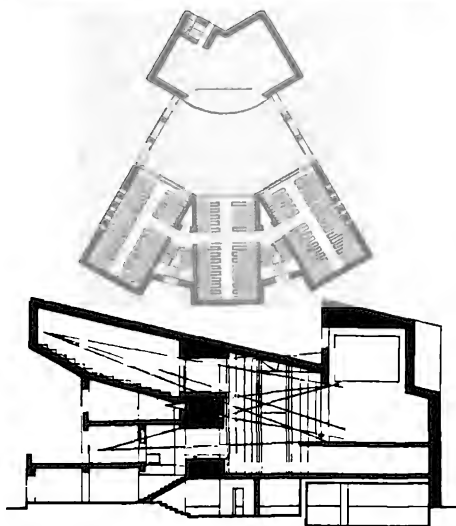
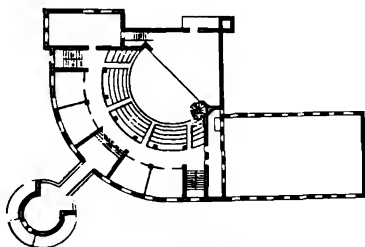
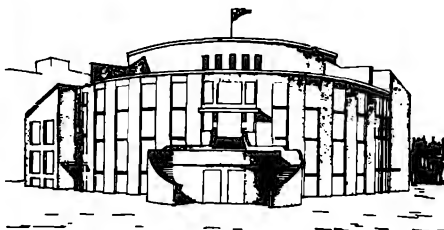
Во второй половине 20-х годов было запроектировано и осуществлено большое число рабочих клубов и Дворцов культуры, в том числе в Москве клуб завода «Серп и молот» (И. Милинис, 1929-1933 гг.), Дворец культуры им. Горбунова (Я. Корнфельд, 1929-1930 гг.), в Ереване - клуб строителей (К. Алабян, Г. Кочар, М. Мазманиян, 1929-1931 гг.) в Харькове - клуб строителей (И. Малоземов, И. Милинис и Я. Штейнберг, 1927-1928 гг.), Дом Красной армии в Минске (И. Лангбард) и др. Большинство клубных зданий воплотило принципы конструктивизма.

К числу наиболее своеобразных решений тех лет относится клуб им. Зуева (И. Голосов), построенный в 1927-1929 гг. на Лесной улице в Москве. Участок строительства в известной

мере повлиял на композиционное построение клуба. План здания прямоугольного очертания, вход расположен с короткой стороны. Зрительный зал находится на втором этаже, куда ведут две лестницы, одна из которых развернута по спирали, другая - двухмаршевая. Одну из них (спиральную, заключенную в стеклянный цилиндр) И. Голосов делает главной темой композиции и контрастно противопоставляет этот цилиндр массиву стены. В уровне пятого этажа стеклянный цилиндр пересекается прямоугольным консольно нависающим массивом. Такой прием позволил создать запоминающийся облик сооружения.

Среди архитекторов, отдавших много сил разработке нового типа клуба, особое место занимают И. Леонидов и К. Мельников. И. Леонидов стремился к научно обоснованному построению функционального процесса клубной работы. Он предложил пространственно разделить работу самостоятельных кружков «по интересам» и проведение общих мероприятий. Это на многие годы определило композицию клубов.

К. Мельников создавал свои пространственные решения, стремясь достигнуть не только удобства клубной работы, но и подчеркнуто экспрессивной архитектурной формы. К. Мельников построил в Москве и под Москвой ряд клубов оригинального объемно-пространственного решения. Примером может служить клуб им. Русакова в Сокольниках. В уровне четвертого этажа три балкона зрительного зала вместимостью по 250 мест каждый выступают наружу в виде скошенных объемов. Это придает зданию необычную форму, вызывая среди прочих и ассоциации с деталями неких гигантских механизмов. Зрительный зал и три консольных балкона-аудитории объединяются в единое двухъярусное пространство общей вместимостью 1500 чел. Трапециевидный план зрительного зала продиктован акустическими соображениями. Своеобразный облик этого клуба продемонстрировал присущие современным конструкциям возможности пластической выразительности.

43. Рабочий клуб
им. Русакова, 1927-1928 гг.
К. Мельников.
Общий вид, план, разрез

вверху - клуб завода «Кавучук»,
1927-1928 гг. Общий вид,
план, внизу - клуб фабрики
«Буревестник», 1928-1929 гг.
Общий вид, план

44. Постройки К. Мельникова
в Москве

К. Мельников был человеком талантливым с чрезвычайно развитым пространственным воображением. Работы К. Мельникова всегда были оригинальны, изобретательны по композиции, остры и поэтичны, естественно, вызвали противоречивые суждения. Некоторые его идеи обгоняли время.

Его увлекала идея трансформации пространства, возможность многоцелевого использования помещений.

20-е годы были временем необычайно интенсивного развития театрального искусства. Работы В. Мейерхольда, С. Эйзенштейна, Е. Вахтангова, А. Брянцева, К. Марджанишвили,

А. Таирова, Н. Охлопкова, П. Гайдебурова и других режиссеров вносили много необычного в сценографию спектаклей. Новаторская режиссура часто вступала в противоречие с каноническим построением театра, сложившимся еще в XVII–XVIII вв. В поисках новой пространственной структуры театра проводились конкурсы, в которых принимали участие и архитекторы других стран. Проектный материал конкурсов позволил выявить принципиально новые объемно-пространственные решения, воплощенные затем в театрах Ростова-на-Дону, Новосибирска, Харькова.

Большим архитектурным событием был международный конкурс на проект музыкального театра в Харькове (1930–1931 гг.). Высшей премией был отмечен проект братьев Весниных. Их композиция была во многом определена выявлением овальной формы зрительного зала. Авторы предусмотрели возможность разнообразной трансформации пространства.

Архитектор М. Бархин и Е. Вахтангов при активном участии В. Мейерхольда, в проекте театра его имени отказались от традиционной сцены, отделенной от зрительного зала порталом. Они создали в центре зала открытую игровую площадку, окруженную амфитеатром зрительских мест. Под амфитеатром располагались необходимые помещения, обслуживающие зрителей и актеров. Театр в таком виде построен не был. Осуществленные в натуре основные конструкции театра позднее были использованы archit. Д. Чечулиным для сооружения концертного зала им. Чайковского. Новые идеи в известной своей части нашли отражение в здании цирка в Иванове-Вознесенске (С. Минофьев, инж. Б. Лопатин, 1931–1933 гг.), где предусматривалась возможность выступлений мюзик-холла и сложных цирковых аттракционов. Вместе с тем в области театрального искусства к концу 20-х годов обозначился заметный поворот в сторону традиционализма – в соответствии с лозунгом А. Луначарского «назад, к Островскому».

Во второй половине 20-х годов развивается строительство спор-

тивных сооружений, потребность в которых была велика. Наиболее крупные из них – стадионы – состояли из большой открытой арены с трибунами и здания спортивного клуба. Широко использовались железобетонные монолитные конструкции, в частности железобетонные рамы. Пластичность этого вида конструкций, возможность придавать им самые разнообразные формы, в полном соответствии с условиями их статической работы, сделали их особенно популярными. Наиболее значительными для тех лет являются два спортивных комплекса общества «Динамо» в Москве (А. Лангман и Л. Чериковер, 1928 г.) и в Ленинграде (О. Лялин и Я. Свирский). Характерными для этого периода были стадионы, построенные в Ленинграде (мастерская А. Никольского): стадион им. Красного спортивного Интернационала, стадион «Красный путиловец» (1927–1928 гг.). Проектировали и крытые спортивные сооружения, например Дворец спорта «Авиаким» в Москве (Н. Метлин, 1932–1935 гг.).

В конце 20-х годов развернулось строительство больниц общего типа. Получила распространение главным образом павильонная структура. Эта структура возникла еще во второй половине XIX в. в качестве меры борьбы с эпидемическими заболеваниями. Павильонная структура, изолируя группы больных, позволяла также расширять больничный комплекс путем достройки отдельных корпусов. Но одновременно чрезмерно увеличивались территории, усложнялись связи между корпусами удлинялись инженерные коммуникации, что влекло за собой удорожание строительства. С середины 20-х годов и в годы первой пятилетки было построено и реконструировано значительное число больничных комплексов павильонного типа в Москве, Ленинграде, Новосибирске, Ташкенте и других городах. Эти больницы большой вместимости.

В начале 30-х годов впервые вводятся единые нормы на проектирование лечебно-профилактических учреждений, сыгравшие большую роль в становлении массового типа больниц. В конце первой

пятилетки появляются больницы централизованной структуры например новая клиническая больница на 285 коек в Свердловске и др.

В конце 20-х годов разворачивается строительство санаториев и домов отдыха. Здравницы различных типов возводятся в районах страны с наиболее благоприятными климатическими условиями, с наличием минеральных лечебных вод и т. п. Строятся они и в пригородах больших городов. Складываются новые типы лечебно-профилактических зданий. Примером загородных санаториев может служить комплекс в Барвихе под Москвой (Б. Иофан, 1929–1934 гг.).

В 1927–1928 гг. А. Шусев строит бальнеологический санаторий сердечно-сосудистых заболеваний в Маесте. Здание санатория состоит из спального корпуса коридорной системы с двухсторонним размещением комнат, медицинского сектора, помещений питания и клубной части. В композицию фасада спальных корпусов автор удачно включил систему глубоких лоджий, предохраняющих помещения от перегрева и в то же время соощающих фасаду пространственную пластичность.

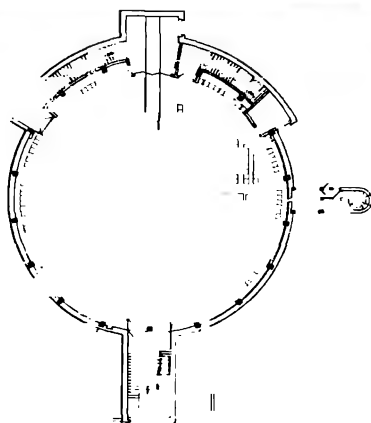
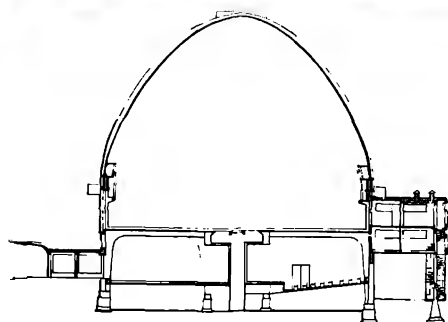
Санаторий «Горный воздух» в Сочи (В. и А. Веснины, 1931 г.) расположен на возвышении по дороге в Маесту. Свободная планировочная структура подчинена функциональным требованиям рациональной организации работы комплекса. Балконы, террасы-галереи, плоская крыша, используемая как солярий, смягчают лаконичность геометрии объемов зданий.

Санатории этих лет имели скромный набор обслуживающих помещений. Проектировалось только самое необходимое. В объеме спальных корпусов размещался, как правило, и лечебный, и пищевой блоки. Зрительный зал чаще всего отсутствовал, его заменяли развитые комнаты отдыха и холлы. Внешний облик был подчеркнуто прост, его выразительность определялась композицией объемов, гармонией пропорций.

Примером более развитой композиции санаторного комплекса тех лет является санаторий Советской Армии

в Сочи (М. Мержанов, 1931–1933 гг.). Санаторий расположен на склоне горы, главно спускающемся к морю. На верхней отметке расположен общественный корпус (столовая, кинозал, врачебные кабинеты и др.). Перед ним устроена площадка, с которой начинаются линии фуникулера и боковые лестницы, ведущие к морю. Слева и справа от этой главной оси по склону на террасах расположены спальные корпуса, связанные с окружающим ландшафтом открытыми террасами, подпорными стенками, различными спусками лестниц с видовыми площадками. Объем каждого функционального корпуса скруглен со стороны фуникулера. Решение комплекса строго функционально и вместе с тем создает выразительный ансамбль сооружений, ритмически расположенных среди природы.

Смелые работы советских архитекторов в области общественных зданий с их большими залами, повышенными нагрузками на конструкции, архитектурными объемами, требующими иногда больших консольных выносов, стали возможны благодаря развитию ко второй половине 20-х годов строительной науки и техники строительного производства. Хорошим примером в этом смысле может служить здание Планетария, построенное в Москве по проекту М. Барща и М. Синявского (1927–1929 гг.). Планетарий примыкает к территории зоопарка на Садово-Кудринской улице. Авторы создали композицию, состоящую из двух объемов – вытянутого прямоугольного параллелепипеда и цилиндра, перекрытого куполом. В цилиндрическом объеме расположен зал планетария «Звездное небо» общей вместимостью 1440 чел. Он занимает второй этаж и перекрыт железобетонным параболическим куполом с подвешенным к нему полусферическим экраном. Диаметр купола 28 м, общая высота от земли 26 м. Внутренняя оболочка купола представляет собой легкий металлический каркас, к которому изнутри и прикреплен матерчатый экран. Купольная часть сооружения покоится на цилиндре с большими поверхностями остекления в нижней части, выступаю-

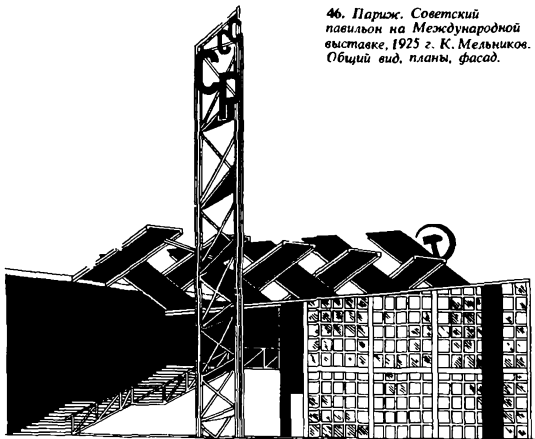
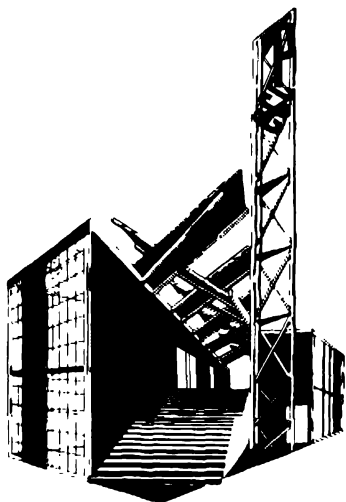
45. Москва. Планетарий.
1927-1929 г. М. Барц

и М. Синяевский. Общий вид.
разрез, план

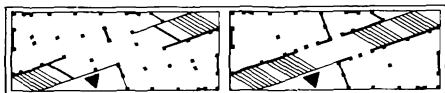
щими объемами кабин, открытыми лестницами. По тем временам это было сооружение высокого инженерно-технического класса.

В 1925 г. СССР впервые выступил на Международной выставке декоративно-го искусства в Париже. На проект Парижского павильона был проведен закрытый конкурс, в котором принимали

участие крупные мастера архитектуры, в частности М. Гинзбург, В. Щуко, В. Гельфрейх, Н. Ладовский и др. Наиболее интересным был признан проект К. Мельникова, который простейшими средствами добился остроты объемно-пространственной композиции, хорошо понимая, что для того чтобы привлечь внимание посетителей, надо сочинить

46. Париж. Советский павильон на Международной выставке, 1925 г. К. Мельников. Общий вид, планы, фасад.

такую форму, которая своей необычностью превратила бы сам павильон в своеобразный экспонат выставки. Мельников достиг этого, создав динамичную композицию, которая резко выделялась на достаточно однообразном эклектическом фоне большинства павильонов. В композиции наряду с объемными эффектами активно использована цветовая гамма, гармонично сочетающая красный, серый и белый цвета. Проект цветового решения павильона был разработан художником А. Родченко.

Немаловажное творческое значение имела Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка в Москве (1923 г.). Она была призвана, с одной стороны, отразить первые успехи возрождения и развития сельского хозяйства, а с другой – служить целям пропаганды передового опыта союзных республик и сельскохозяйственной кооперации. Для ВСХВ была отведена территория пустыря, находившегося на месте нынешнего Парка культуры и отдыха им. Горького. Строительство

выставки началось осенью 1922 г. по генеральному плану, разработанному И. Жолтовским. Он соединил преимущества регулярной организации территории, позволяющие принять большие массы посетителей, с принципами свободной (английского типа) планировки в зоне отдыха. Главным архитектором выставки был А. Щусев. В основном все павильоны выставки были построены из дерева, кроме павильона «Машиностроение», сооруженного из железобетона.

Выставка состояла из двух отделов: советского, занимавшего территорию нынешнего Парка культуры им. Горького, и иностранного, расположенного по другую сторону Крымского вала, которые соединил мост, сооруженный по проекту В. Шуко.

В основных павильонах выставки – «Шестиграннык», «Механизация», «Животноводство» (И. Жолтовский), «Мелиорация» а (Н. Колли) и др. – удобная экспозиция сочеталась с выразительной художественной формой. Но архитектура большинства павильонов национальных республик интерпретировала традиционные формы культовых монументальных сооружений или использовала мотивы народного жилища (павильоны Белорусской, Украинской, Та-

тарской и ряда других республик). На общем фоне пестрой и отчасти эклектичной архитектуры контрастно выделялись своим обликом павильоны «Махорка» (К. Мельников) и Дальнего Востока (Н. Ладовский).

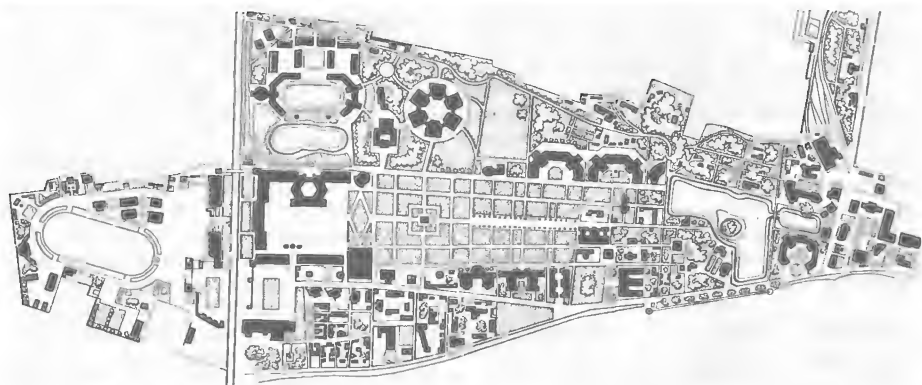
Тем не менее значение ВСХВ 1923 г. трудно переоценить. Во-первых, здесь была поставлена и удачно решена проблема архитектурного ансамбля, градостроительные принципы которого в известной мере сохранились в структуре позднейшей планировки ЦПК и О. Во-вторых, наместились пути творческого сочетания новаторской архитектуры и черт классического наследия и, в-третьих, впервые была поставлена, хотя и не вполне удачно решена, проблема национального своеобразия в советской архитектуре.

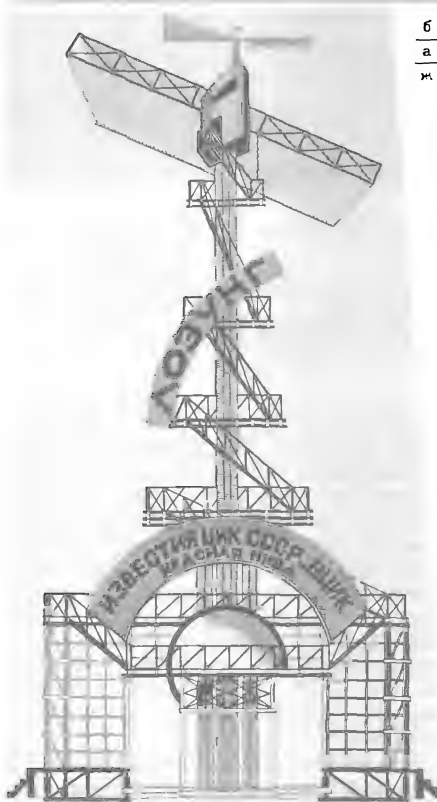
Наряду со зданиями подчеркнуто новой архитектуры в рассматриваемый период строились здания традиционалистического толка. Так, И. Жолтовский, глубокий знаток классической архитектуры и особенно Ренессанса, полагавший, что борьба с эклектикой и создание большого стиля архитектуры, достойного нового общества, должны идти по пути освоения принципов классики, осуществил реконструкцию здания Госбанка СССР (1929 г.). По его проекту было построено два крыла, средняя же часть здания осталась прежней. Проработка объемов, пропорциональный строй и общая композиция, рисунок деталей – все говорило о нарочитом использовании средств и мотивов эпохи Ренессанса и вызывало ожесточенные дискуссии и критику со стороны приверженцев новой архитектуры. Особо резко осуждалось изобразительное понимание мастером тектоники, в том числе в интерьере, где современные железобетонные конструкции были скрыты искусственными формами крестовых сводов.

Одновременно И. Фомин в своих творческих исканиях шел по пути современной интерпретации классической ордерной системы. При этом большое значение в своих экспериментах мастер уделял проблеме стандарта. По его мнению, советская архитектура должна была использовать композиционные зако-

номерности классики, но придавать ее пластическим формам более современное и строгое воплощение, выражающее, как он полагал, более правдиво содержание пролетарской идеологии. Новые формы, возникающие на этом пути, мастер называл «пролетарской классикой». В этот период он сооружает в Москве здание «Динамо» (1928–1929 гг.), расположенное на углу улицы Дзержинского и Фуркасовского переулка. Со стороны Кузнецкого моста были запроектированы два идентичных здания с башнями, соединенными переходным коридором-мостом на уровне верхних этажей. В натуре осуществлено только одно здание, включающее со стороны улицы Дзержинского клуб, универмаг, группу конторских помещений, – все эти элементы комплекса решены в функциональном отношении безупречно. Фасад общественного корпуса решен системой спаренных полуколонн, идущих на всю его высоту и завершающихся аттиковым этажом с круглыми окнами и простой плитой карниза. В корпусе со стороны Фуркасовского переулка и Малой Лубянки размещены удобные жилые квартиры. Между общественным корпусом, решенным в крупных формах, и жилым с его мелким членением оконной сетки на фасаде размещена 14-этажная башня, объединяющая все части в единое композиционное целое. Применение большого ордера спаренных полуколонн с их крупным масштабом, отличное качество работ, использование полированного гранита и светлого известняка придают образу здания представительный стилистический вид.

В 1928 г. проводятся открытый и закрытый конкурсы на здание библиотеки имени В. И. Ленина. В итоге конкурсов лучшим был признан проект В. Шуко. Совместно с В. Гельфрейхом была проведена многостадийная доработка проекта и осуществлено строительство комплекса, которое растянулось вплоть до 1941 г. (а интерьеры завершались уже в послевоенный период). Проект В. Шуко и В. Гельфрейха был подвергнут подобно проекту Госбанка И. Жолтовского резкой критике со стороны приверженцев «новой» архитектуры. Авто-

47. Москва. Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка. 1923 г.
а - генеральный план.
И Жолтовский, б - главный вход. И. Жолтовский;
в - главный павильон

И. Жолтовский; г - павильон «Известий ВЦИК».
Б. Гладков; д - павильон «Махорка». К. Мельников;
е - павильон Азербайджанской ССР. Н. Сырышев;
ж - развётка главной площади

ров упрекали в эклектизме. Тем не менее жюри выделило именно этот проект, и это ясно свидетельствовало, что в оценке архитектурных явлений наметились существенные изменения. Поворот направленности архитектуры явно ощущался в творческой позиции авторов.

Для строительства библиотеки был отведен участок по соседству с бывшим домом Пашкова. Комплекс библиотеки запроектирован из пяти частей, соединенных в единую систему вокруг внутренних дворов. Просторная площадь-плаза с лестницами во всю ее ширину на проспекты Маркса и Калинина ведет к главному входу, акцентированному стройным портиком. Из вестибюля мраморная лестница поднимается в зал каталога и распределительный холл, за которым размещены специализированные читальные залы. Высотный объем книгохранилища трактован нейтрально. Фасады корпусов, выходящие на проспекты Маркса и Калинина, решены при помощи метрического ряда лопаток с большими окнами между ними и металлическими вставками на уровне междуетажных перекрытий с бронзовыми горельефными портретами писателей и деятелей науки. Корпуса завершены скульптурами, выполненными В. Мухиной, С. Евсеевым, Н. Крандиевской, М. Манизером. Это один из первых в нашей практике примеров удачного синтеза искусств, углубляющего образные характеристики здания. Комплекс библиотеки имени В. И. Ленина удачен в градостроительном плане, выразительно формируя пространство перед Кремлем на пересечении двух столпных проспектов.

Огромное значение в архитектурной жизни этого переходного периода имело проектирование Дворца Советов СССР, начатое в 1931 г. Было проведено четыре этапа конкурса. Первый этап (февраль 1931 г.) носил предварительный характер, и его целью было уточнение конкурсной программы. Заказ на составление проектов получили ведущие архитекторы и бригады, представляющие различные архитектурные группы и течения. Всесоюзный открытый конкурс

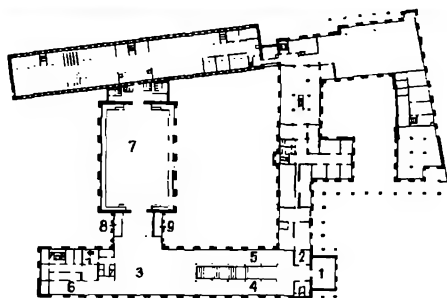
48. Москва. Дом общества «Динамо», 1928–1929 гг.
И. Фомин

49. Москва. Государственная библиотека имени В. И. Ленина. В. Шукро, В. Гельфрейх, 1928–1941 гг.
Общий вид, план второго этажа

1 – конференц-зал;
2 – справочный стол;
3 – читальный каталог;
4–5 – постоянная выставка;
6 – лекционный зал;
7 – читальный зал; 8 – выдача книг;
9 – сдача книг

на проект Дворца Советов проходил в том же 1931 г. Программа требовала соответствия здания его социальному назначению, характеру эпохи и статусу художественно-архитектурного памятника столицы СССР. Предусматривалось создание большого зала на 15 тыс. чел. для проведения съездов, малого на 6 тыс. чел. для конференций, митингов, театральных представлений и т. п. Кроме того, два зала по 500 чел., два зала по 200 чел. и большое число различных служебных и обслуживающих помещений.

На конкурс было представлено 160 проектов, среди них 24 проекта из других стран (США – 11, Германия – 5, Франция – 3 и др.). Совет строительства Дворца Советов не принял ни одного из представленных проектов, считая не без оснований, что все они не ответили на поставленную задачу – создание памят-

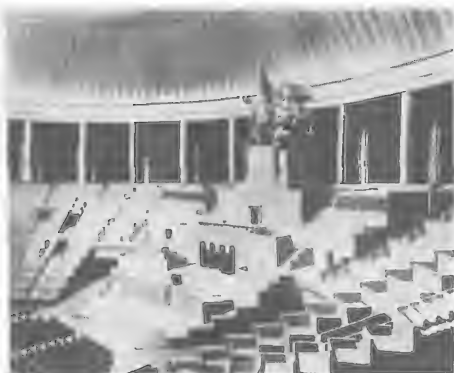
ника социалистической эпохи, однако наградил авторов 16 проектов, из которых три проекта были отмечены высшими премиями (проекты И. Жолтовского, Б. Иофана — СССР и Г. Гамильтона — США). Присуждение высших премий проектам различной творческой направленности подчеркивало необходимость дальнейших поисков и использования различных архитектурных средств для создания монументального архитектурного образа.

Совет строительства Дворца Советов в своем постановлении от 28 февраля 1932 г. ориентировал дальнейшие поиски на высотную композицию. В постановлении было также сказано: «Монументальность, простота, цельность и изящество архитектурного оформления Дворца Советов, должествующего отражать величие нашей социалистической стройки, не нашли своего закончен-

ного решения ни в одном из представленных проектов. Не предпрешая определенного стиля. Совет строительства считает, что поиски должны быть направлены к использованию как новых, так и лучших приемов классической архитектуры, одновременно опираясь на достижения современной архитектурно-строительной техники».

Следует отметить, что это указание относилось в основном лишь к художественным проблемам проектирования, в то время как создание полноценного архитектурного сооружения неразрывно связано с решением функциональных, технических, экономических и многих других задач. Однако многие архитекторы односторонне считали, что единственно важной стороной проектирования Дворца Советов является его художественный образ.

К третьему этапу конкурса, проходившему с марта по июль 1932 г., были привлечены 15 творческих коллективов-бригад, отмеченных премиями на предыдущем этапе. Большинство представленных проектов носило явно историзирующий характер, интерпретируя в грандиозных масштабах известные исторические образы Дворца Дождей, мавзолея Адриана, мавзолея Цецилии Метеллы и др. Конкурс опять не дал положительных результатов, и было решено провести четвертый этап, проходивший с августа 1932 г. по март 1933 г. К участию в конкурсе были привлечены

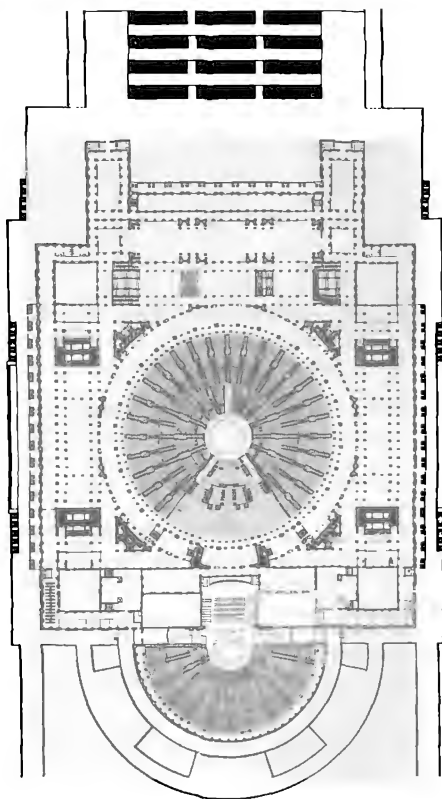
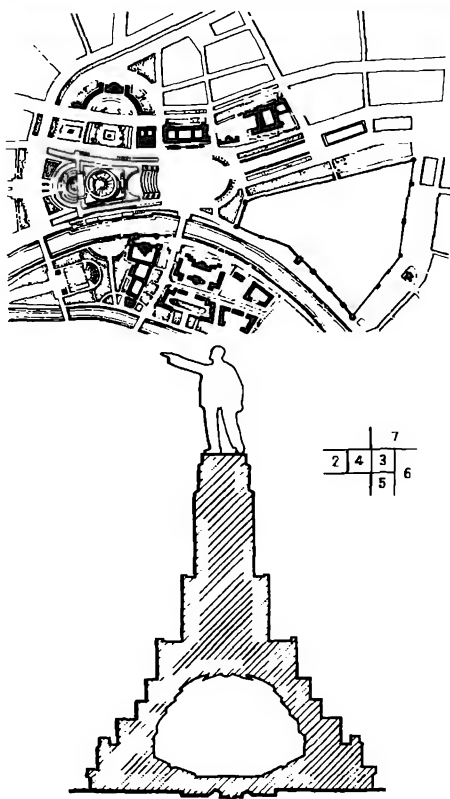
50. Конкурсные проекты
Дворца Советов в Москве
1 — проект И. Жолтовского,
1931 г. (высшая премия),
фасад; 2, 3 — эскизный проект
Дворца Советов,
1933—1935 гг. В. Гельфрейх,
Б. Иофан, В. Шуко, скульптор
С. Меркулов. Макет (общая
высота 415 м со скульптурой,
скульптура В. И. Ленина
80 м), план: 4, 5,

6 — технический проект
Дворца Советов,
1937—1939 гг. В. Гельфрейх,
Б. Иофан, В. Шуко, скульптор
С. Меркулов. Большой зал
(вариант бригады
А. Хрякова), разрез, план;
7 — проект Б. Иофана, 1933 г.
(был принят за основу для
дальнейшей разработки).
Макет

наиболее видные архитекторы. В итоге Совет строительства 10 мая 1933 г. постановил принять за основу для дальнейшей разработки проект Б. Иофана, который развивал высотную ярусную композицию. В одном объеме размещались большой круглый зал на 20 тыс. чел. и на этой же оси за ним — полукруглый малый зал на 6 тыс. чел. Все сооружение завершалось 18-метровой статуей «Освобожденный пролетарий». Общая высота здания со скульптурой составляла 260 м.

Постановлением от 4 июля 1933 г. Совет строительства Дворца Советов поручил вести дальнейшую работу над проектом коллективу архитекторов: Б. Иофану (руководитель), В. Шуко и В. Гельфрейху. Одновременно Совет строительства вынес решение о завершении композиции монументальной скульптурой Ленина высотой 50–75 м, трактуя здание Дворца Советов в качестве пьедестала скульптурного памятника.

В 1934 г. авторским коллективом

был создан эскизный проект Дворца Советов, представлявший сложную многоступенчатую композицию, высотой 415 м вместе с 80-метровой скульптурой вождя. В 1939 г. проектирование в основном было закончено. Был разработан технический проект и началось строи-

тельство, прерванное начавшейся Великой Отечественной войной. Проект Дворца Советов так и не был осуществлен.

Завершение проектирования Дворца Советов во второй половине 30-х годов проходило уже в условиях полного пере-

смотра творческих позиций и поворота направленности архитектуры в сторону взаимодействия с исторической традицией¹. Технический проект Дворца Советов отличался от эскизного укрупнением уступчатых объемов и сведением их к трем высотным вертикально расчлененным цилиндрам, увеличивающимся по высоте здания. Композиция дворца состояла из трех основных элементов – скульптуры, ярусного пьедестала и стилобатных прямоугольных частей (высота 210 м и 100 м высота скульптуры В. И. Ленина). В центре прямоугольного плана размещался большой зал, предназначенный для проведения сессий Верховного Совета СССР, митингов, собраний и др., рассчитанный на 20 000 чел., высотой 100 м и диаметром 160 м. К нему примыкал полукруглой формы малый зал на 6000 чел. Над большим залом в высотной части Дворца размещались залы Палат и Президиум Верховного Совета СССР.

Дворец Советов должен был стать грандиозным сооружением. Вся архитектурная часть здания трактовалась в качестве постамента памятника вождю.

Такая трактовка была во многом противоречива. Кроме того, установка скульптуры на огромной высоте, по-видимому, затруднила бы ее правдивое восприятие.

В 20-е годы было положено начало формированию выдающегося произведения советской архитектуры – Мавзолея В. И. Ленина.

21 января 1924 г. умер В. И. Ленин. Правительственная комиссия по организации похорон в ночь на 24 января поручила акад. А. Щусеву составить проект Мавзолея. В короткий срок зодчему предстояло решить сложные творческие проблемы.

У Кремлевской стены в братских могилах были похоронены борцы, от-

давшие жизнь за дело Октября. Здесь в первую годовщину Октябрьской революции выступал В. И. Ленин при открытии мемориальной доски скульптора С. Коненкова. На том месте, где Ленин произносил пламенную речь, и должен был быть воздвигнут Мавзолей. Ко дню похорон – 27 января 1924 г. – временный деревянный Мавзолей был открыт.

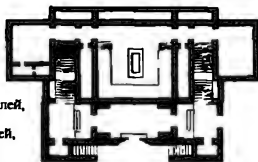
Проект первого временного Мавзолея представлял собой в плане параллелепипед, к которому с двух сторон примыкали Г-образные симметричные пристройки лестниц. Посетитель должен был спускаться по правой лестнице, обходить саркофаг с трех сторон и под-

¹ Строго говоря, тема Дворца Советов, особенно завершение его проектирования, должна была бы рассматриваться в гл. 2-й и хронологически, и по своей творческой направленности. Мы рассматриваем эту тему до конца здесь лишь в интересах ее монографической цельности.

51. Москва. Мавзолей
В. И. Ленина на Красной
площади. А. Шусев

слева, сверху вниз: проект
и общий вид первого
деревянного мавзолея,
1924 г.; деревянный мавзолей,
1924–1929 гг.;
справа – каменный Мавзолей,
1929–1930 гг.; общий вид,
план

ниматься по левой лестнице. Временный Мавзолей, лишь в основных чертах воплотивший проект, просуществовал два месяца.

А. Шусеву было поручено создать новый Мавзолей в том же материале, но в более совершенной монументальной форме. Второй деревянный Мавзолей строился с марта 1924 г. и был открыт в августе этого же года. Он представлял собой ступенчатую композицию. Трибуны для руководителей партии и правительства были расположены по бокам. Высота Мавзолея 9 м, длина 18 м. Чтобы сохранить деревянные детали на длительный период, их покрыли мас-

ляным лаком, что придало всему сооружению благородный светло-коричневый цвет. Тяги, двери, столбики венчающего портика были выполнены из черного дуба. Деревянную обшивку укрепили коваными гвоздями с большими фигурными шляпками. Над главным порталом сохранилась лаконичная надпись – «ЛЕНИН».

Внешние формы Мавзолея правдиво выражали внутреннее пространство. Уступы боковых пристроек соответствовали лестницам наружным и внутренним, а ступенчатая форма средней пирамидальной части – структуре внутреннего перекрытия траурного зала. Деревянные трибуны были несколько короче и выше, чем сооруженные впоследствии гранитные. Деревянный Мавзолей просуществовал пять лет – с 1924 по 1929 г.

Образ Мавзолея вошел в сознание народных масс, стал дорог как память о вожде. Поэтому было принято решение воспроизвести формы деревянного

Мавзолея в камне. Разработка была поручена также А. Шусеву. Каменный Мавзолей строился с июля 1929 г. по октябрь 1930 г. на том же месте, где стоял деревянный: у Кремлевской стены на поперечной оси Красной площади, образованной Сенатской башней и величественным куполом здания Верховного Совета СССР.

План мавзолея из гранита в принципе повторяет план предыдущего деревянного. Расположенный по оси главный вход ведет в вестибюль. Напротив входа на стене — барельеф советского герба, выполненный по эскизу скульптора И. Шадра. Из вестибюля идет вниз трехметровой ширины лестница, стены которой облицованы лабрадоритом. Лестница приводит в траурный зал кубической формы со стороной 10 м, завершающийся уступчатым потолком. По периметру зала идет черная широкая полоса из лабрадорита, на которую поставлены красные порфировые пилястры, подчеркнутые справа полосами из черного полированного лабрадорита. Между ними проходит зигзагообразной формы «лента» из ярко-красной смальты, напоминающая склоненные стилизованные Красные знамена. Конструкция Мавзолея — железобетонный каркас с кирпичным заполнением стен, которые облицованы полированным камнем. В Мавзолее применены многие породы естественного камня, привезенные из разных концов страны: мрамор, лабрадорит, гранит, порфир.

Объемно-пространственная композиция каменного Мавзолея также в основном повторяет композицию деревянного. Но у нового Мавзолея более крупно расчленены уступы и по абсолютным размерам он больше: длина по фасаду равна 24 м, высота — 12 м. Венчающая часть его смещена ближе к Кремлевской стене, в то время как в деревянном Мавзолее она была расположена ближе к главному фасаду. Ступенчато-пирамидальная часть состоит из пяти разных по высоте уступов — в деревянном Мавзолее их было шесть. На первом уступе в 1945 г. была устроена центральная трибуна.

В связи со строительством гранитно-

го Мавзолея были проведены работы по реконструкции Красной площади: устроены трибуны из гранита на 10 тыс. чел. (И. Француз). Бульжное покрытие площади заменили гранитной брусчаткой. Памятник Минину и Пожарскому был перенесен к храму Василия Блаженного и развернут лицом к потоку демонстрации. Произведена перепланировка братских могил у Кремлевской стены. Реставрирована Кремлевская стена между Спасской и угловой Арсенальной башнями. Для того чтобы Мавзолей занял самое высокое место и с целью технического усовершенствования была произведена вертикальная планировка всей площади.

Мавзолей Ленина является одновременно и надгробным монументом вождю и трибуной на площади, которая в дни революционных праздников и демонстраций превращается в центр всенародных торжеств. Монументальность сооружения, его глубокая идейность, органическая слитность с ансамблем площади, доступность для широких народных масс — вот черты, определившие выразительность образа Мавзолея.

* * *

В целом в рассматриваемый период происходило, как мы видели, становление новых и обновление сложившихся в прошлом типов общественных зданий. Закладывались типологические основы общественных сооружений, создавались первые нормы их проектирования. Формировался новый язык архитектурных форм. Было построено много новых общественных зданий, в ряде случаев обогативших социалистические города. Наряду с большими достижениями были в этой области и существенные недостатки.

Отрицание «новой архитектурой» значения традиций как отправной точки развития обедняло творчество, не позволяло убедительно решать сложные идейно-художественные задачи, что особенно ясно проявилось в процессе конкурсного проектирования Дворца Советов.

Начиная с конца 20-х годов в практике советской архитектуры постепенно начинают сказываться тенден-

ции новой направленности, связанной с акцентированием роли традиций в формировании образных характеристик архитектуры.

Архитектура села

На II съезде Советов 8 ноября 1917 г. был принят Декрет о земле, по которому частная собственность на землю заменялась всенародной, государственной собственностью. На месте мелких раздробленных отсталых хозяйств начали возникать первые государственные предприятия – совхозы, организовывались коммунуны и производственные артели. В начале 20-х годов проводился ряд конкурсов на типовые проекты сельских клубов, зданий волостных исполнительных комитетов, библиотек, сельских жилых домов и др.

На Всероссийской сельскохозяйственной выставке 1923 г. уже были представлены образцы различных новых производственных построек, общественных зданий и жилых домов для села. К середине 20-х годов наметился путь к созданию нового типа сельского жилого дома. В отличие от старой избы, которая делилась внутри только русской печью и где вся жизнь протекала в едином пространстве с маленькими окошками, в новом сельском доме проводилась четкая функциональная дифференциация помещений. Но реальное строительство было еще в зачаточном состоянии.

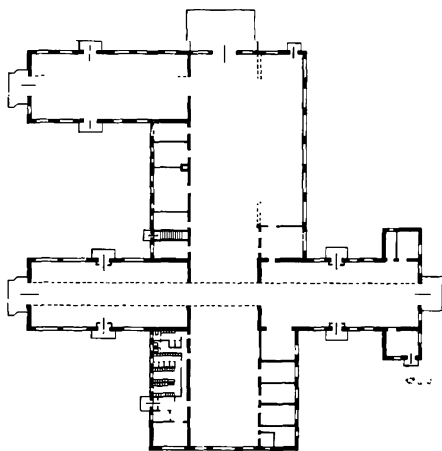
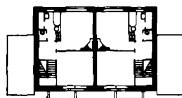
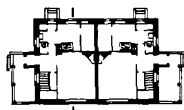
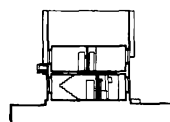
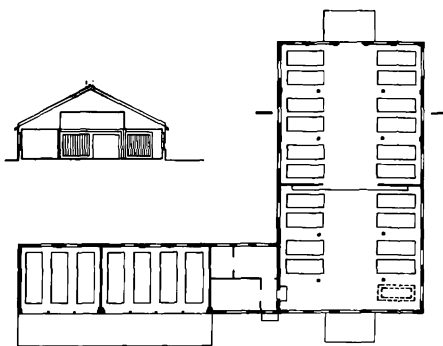
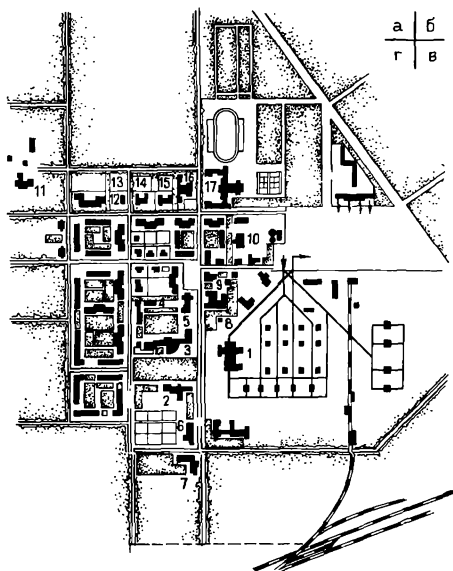
XV съезд ВКП(б) в декабре 1927 г. принял решение о развертывании коллективизации и наметил план расширения и укрепления колхозов и совхозов, а в 1929 г. было принято решение о массовом строительстве машинно-тракторных станций (МТС). В связи с этим возникают специализированные научные и проектные организации, такие как Научно-исследовательские институты по организации сельскохозяйственных территорий и по проектированию сельскохозяйственного строительства, призванные решать задачи проектирования и строительства различных сооружений в колхозах, совхозах и МТС.

За короткий срок специализированные научные организации разработа-

ли нормы и технические условия на проектирование, создали типовые проекты зданий и комплексов. В годы первой пятилетки в советской деревне развернулась массовая коллективизация, которая сопровождалась все более развивающимся строительством, прежде всего производственных сооружений: хранилищ для зерна, скотных дворов, силосных башен, ремонтных мастерских. К концу первой пятилетки на селе появляются новые жилые дома, которые в основном строились в совхозах и МТС, а также культурно-бытовые сооружения – ясли, школы, клубы и т. п.

В 1929–1930 гг. в Зернотресте проводится большая работа по проектированию и строительству зерновых совхозов (в 1930 г. было создано 585 таких совхозов), для которых создавались типовые проекты планировки на основе зонирования территории по функциональному признаку. Планировочная структура такого типового проекта совхоза состояла из трех самостоятельных зон: производственной, жилой и общественной. Поселок строился на прямоугольной сетке улиц и центром его композиции была общественная площадь, где размещались здания правления совхоза, торговли и просвещения. К центру примыкали жилые кварталы прямоугольного очертания с двухквартирными домами и домами-общежитиями для одиноких. Жилая зона отделялась от производственной зелеными насаждениями. Последняя представляла собой огромный двор, по периметру которого размещались отдельные хозяйственные постройки машинно-тракторного парка с ремонтными мастерскими и складскими помещениями, возводимыми из местных строительных материалов. Элеваторы с характерной цилиндрической формой объемов, водонапорные башни, большие объемы производственных зданий придавали поселкам своеобразные черты.

В конце 20-х годов наряду с обычными начали возводить учебно-опытные зерновые совхозы, целью которых было не только производство зерна, но и подготовка кадров для сельского хозяйства – механизаторов, агрономов и др.

53. Ростовская область.
Учебно-опытный совхоз
«Жерноград». Е. Ермишанцев,
П. Голосов, Н. Вавировский,
Ф. Андреев, В. Крылов,
1929-1930 гг.
а - планировка поселка;
1 - механическая лаборатория;
2 - агротехническая
лаборатория;
3 - инженерно-механический
вуз; 4, 5 - учебные корпуса
вуза; 6 - дом правления

совхоза; 7 - гостиница;
8 - столовая; 9 - универмаг;
10 - продмаг; 11 - больница;
12 - школа первой ступени;
13 - ясли; 14 - школа второй
ступени; 15 - детский сад;
16 - кинотеатр;
17 - клуб-театр; 6 - жилой
дом. Фасад, разрез, планы
этажей; в - механическая
мастерская. Фасад, план,
г - автогараж. Фасад, план,
разрез

В работе над крупными совхозами родилась идея агрогорода. Ее отдельные черты нашли реальное воплощение в строительстве образцовых совхозов, но в целом для массового строительства эта идея была явно преждевременной. Первенцем среди показательных совхозов был зерносовхоз «Гигант», рас-

положенный недалеко от Ростова-на-Дону в Сальских степях (Е. Ермишанцев, П. Голосов, Н. Вавировский, Ф. Андреев, В. Крылов, 1928 г.). В его планировочной структуре четко проведено зонирование территории. Планировка поселка построена на принципе двух пересекающихся под прямым углом

улиц. На месте их пересечения устроена площадь, застроенная общественными зданиями (дом управления совхозом, клуб, школа, универмаг, гостиница). Северная сторона площади граничит с производственной зоной. На южной стороне, отделенной зеленой полосой от производственной зоны, находятся жилые здания — общежития и четырех-восьмиквартирные дома. В западной части — квартал с больницей и поликлиникой. На южной окраине поселка — здания сельскохозяйственного училища. В целом на основе рационального зонирования территории был создан интересный, хорошо озелененный и благоустроенный, удобный для жизни и работы поселок совхоза. В связи с тем что *в последующие годы площадь посевов* увеличилась до 100 тыс. га, было произведено разукрупнение и на существующих территориях создано несколько совхозов.

Интересен по планировочному решению учебно-опытный совхоз «Зерноград» (станция «Верблюды» Северо-Кавказской железной дороги), созданный в 1929–1930 гг. авторским коллективом в составе Е. Ермишанцева, П. Голосова, Н. Вавиrowsкого, В. Крылова. Это был новый тип социалистического сельскохозяйственного поселения с четкой планировочной структурой.

Композиция генерального плана совхоза «Зерноград» проста по замыслу. От железнодорожной станции идет прямая дорога, переходящая в главную улицу поселка и образующая его композиционную ось. К ней примыкают прямоугольные кварталы с производственными и общественными зданиями (мастерские, лаборатории, электростан-

ция, водонапорная башня, Институт механизации и др.) и жилая зона.

Производственные здания придали поселку совершенно новые характерные черты и иной масштаб, ранее неизвестные селам с единоличным хозяйством. Жилая зона состоит из двух-трехэтажных корпусов общежитий, жилых домов секционного типа и коттеджей. Жилые дома построены на основе применения единой типовой секции, состоящей из двух квартир. Квартиры двухкомнатные (комнаты 15 и 25 м² при высоте помещений 2,8 м), имеются передняя, кухня, санитарный узел, душевая, кладовая, встроенные шкафы. Двухквартирные коттеджи состоят из квартир в двух этажах. Внешний облик жилых домов прост. *На глади стены выделяются балконы, вертикальные полосы остекления* лестничных клеток и горизонтальные ленты, объединяющие окна.

В поселке предусмотрены все виды современного городского благоустройства (водопровод, канализация, электроосвещение, телефон, радио и др.). По сравнению с традиционными русскими деревнями это была модель несравнимо более высокой культуры — первый опытный шаг по пути преодоления известной противоположности между городом и деревней.

Центральные поселки совхозов «Гигант» и «Зерноград» стали прообразами новых сельских поселений и оказали большое влияние на общий ход развития сельского строительства. Но в силу неразвитости материальной базы строительства, еще не окрепшей экономики сельского хозяйства все эти поиски носили в основном экспериментальный характер.

АРХИТЕКТУРА ПЕРИОДА ЗАВЕРШЕНИЯ РЕКОНСТРУКЦИИ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ (НАЧАЛО 1930-Х – 1941 ГОДЫ)

Градостроительство

В связи с развитием промышленного производства во вторую и третью пятилетки процесс роста городского населения продолжался в возрастающих масштабах, в результате чего все большую остроту приобретали проблемы градостроительства.

Сложные взаимосвязанные вопросы размещения промышленных предприятий, энергетических узлов, связанных с ними населенных пунктов, транспортных путей, инженерного освоения обширных территорий – все это требовало развития работ по районной планировке, методика которой начала складываться в первую пятилетку.

Строительство новых промышленных предприятий приводило к появлению первых градостроительных агломераций. Так, создание и развитие второй металлургической базы в Западной Сибири обусловило образование агломерации в составе Новокузнецка, Прокопьевска, Ленинска-Кузнецкого, Кемерово. Процесс развития агломераций, в свою очередь, требовал проведения работ по районной планировке, чтобы обеспечить взаимосвязанное их развитие, в частности определение направления их территориального роста, кооперацию транспорта и др. Однако масштабы работы по районной планировке не соответствовали действительным потребностям.

Районная планировка по логике должна предшествовать проектированию и строительству промышленных предприятий и населенных пунктов. Между тем своеобразие рассматриваемого периода состояло и в том, что такую последовательность осуществить не удавалось, что, естественно, в ряде случаев

вело к просчетам. Приходилось одновременно проектировать и строить, поскольку выигрыш времени в решении основной задачи – построение социалистической экономики – имел огромное политическое и оборонное значение, по сравнению с которым отдельные профессиональные просчеты отступали на второй план. Нельзя забывать, что в 1933 г. в Германии к власти пришли фашисты, и угроза войны становилась реальным фактором.

Содержание работ по районной планировке сосредоточено было тогда на решении чисто практических задач текущего строительства – разрабатывались планы общего зонирования территории, схемы размещения промышленных предприятий и населенных пунктов, энергетических узлов, железнодорожных, автомобильных и водных трасс, схемы водоснабжения и канализации, инженерной подготовки территории и др. Таких проблем, как сохранение и выявление ценных природных ландшафтов, организация рекреационных территорий, разработка туристских маршрутов и т. п., районная планировка того времени почти не решала. Впервые эти проблемы были сформулированы А. Иваницким в работах по Горьковской агломерации и практически решались в проекте районной планировки южного побережья Крыма (руководитель М. Гинзбург) в конце 30-х годов.

Процесс проектирования и строительства населенных мест протекал в сложных условиях. С одной стороны, не хватало квалифицированных кадров градостроителей (архитекторов, экономистов, инженеров), с другой стороны, необходимость практического решения многообразных задач в условиях конкретной экономической ситуации сразу

же обнаружила несовершенство теории градостроительства. Предшествовавший период 20-х годов выдвинул много смелых градостроительных идей, но все они, за редким исключением, были мало соотнесены с текущими потребностями и возможностями страны. Это стало очевидным при проектировании таких новых городов, как Магнитогорск, Новокузнецк, Соцгород Горьковского автозавода, при реконструкции Новосибирска и др.

Желая ускорить решение градостроительных проблем в связи с быстрыми темпами промышленного развития, Советское правительство пригласило для работы в СССР ряд зарубежных специалистов во главе с крупным архитектором того времени Э. Маей из Германии. Э. Май был представителем чистого функционализма, положения которого в 20-е и начале 30-х годов в известной мере были близки и многим советским архитекторам. В проекте генплана Новокузнецка (тогдашнего Сталинска), так же как и Магнитогорска, Э. Май в 1933 г. применил прямоугольную сетку магистралей и улиц, исходя из идеи кратчайших расстояний между производством и жильем, не особенно считаясь при этом с реальными гидрогеологическими, топографическими и прочими условиями территории. Сведение сложной социальной проблемы формирования города к элементарной схеме, естественно, привело к отрицательным результатам. Так, Магнитогорск оказался под дымами металлургического комбината, а Новокузнецк расположен частично на торфяном болоте; что же касается проектов застройки жилых кварталов первой очереди, то они были композиционно примитивны и, исходя из требований освещенности и инсоляции, подчинены единственному принципу меридиональной ориентации зданий (строчная застройка). Сам по себе принцип строчной застройки в конкретных условиях возможен, но, превращенный в канон, он создавал удручающее однообразие.

Коренные недостатки планировки Магнитогорска и Новокузнецка были очевидны и для заказчика, и для утвер-

ждающих инстанций. И потому в том же 1933 г. было принято решение о переносе строительства Магнитогорска на правый берег водохранилища, образованного плотиной, перегородившей р. Урал. Разработка нового генплана Магнитогорска была поручена ленинградскому филиалу Горстройпроекта и осуществлена в 1934 г. (руководитель Б. Данчич). В новом проекте жилая застройка размещалась на берегу водохранилища, вдоль которого намечалось устройство развитого парка. Поперечные бульвары раскрывали выход застройки на акваторию водохранилища. Это решение стало основой последующих градостроительных работ по городу.

В 1936 г. подобную идею Б. Данчич развил в генеральном плане Комсомольска-на-Амуре, основанного в 1930 г. энтузиастами-комсомольцами на левом берегу р. Амур. Композиция застройки города на высоком берегу реки была подчинена двум главным осям: береговой линии с парком и широкой магистрали с бульварами, перпендикулярной реке и соединяющей береговую линию с городским вокзалом. Территория за железной дорогой отводилась под промышленность (сталелитейная, нефтеперерабатывающая, машиностроительная).

Коренной переработке подвергся и генеральный план Новокузнецка (Л. Букалова и А. Смолицкий). От безличной сетки Э. Мая осталось лишь несколько кварталов строчной застройки.

В первом генеральном плане Новосибирска, разработанном в начале 30-х годов, проектировщики также полностью игнорировали сложившуюся сеть улиц, плотно застроенных двухэтажными деревянными и частично кирпичными домами. До сих пор сохранились следы этого творчества «на чистом листе бумаги» в виде отдельных зданий в гуще застройки, которые были поставлены вдоль «будущих красных линий», так и оставшихся нереализованными.

Вышедшее в 1933 г. постановление ЦИК СССР и СНК СССР о составлении и утверждении планировки и социалистической реконструкции городов

наметило реальные основы проектирования населенных мест. Устанавливались номенклатура проектных материалов, их объем, порядок утверждения, делался акцент на всесторонний учет местных природных условий, строительных возможностей и соблюдение интересов развивающейся промышленности, а также материальных и культурных потребностей народа.

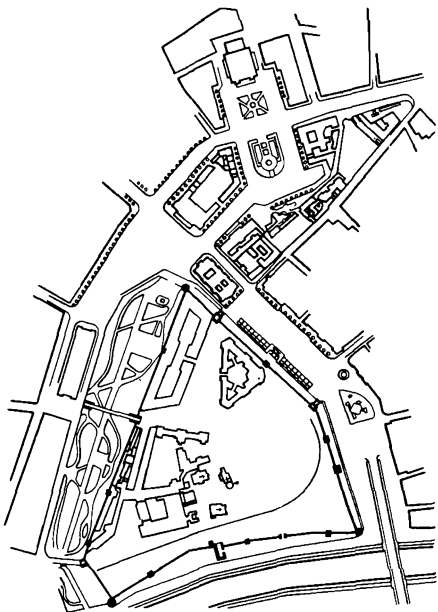
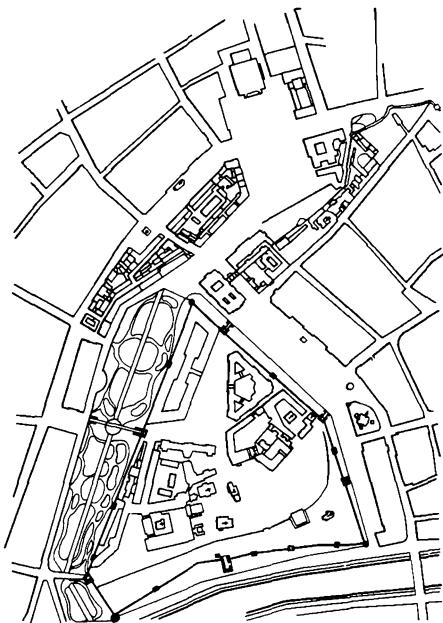
Особенно большую положительную роль в формировании принципов социалистического градостроительства сыграла работа по созданию Генерального плана реконструкции Москвы.

53. Генеральный план реконструкции Москвы, 1935 г. В. Семенов, С. Чернышев, А. Страментов и др.

54. Москва. Центр города до реконструкции, схема планировки (вверху). Центр после реконструкции 1936–1941 гг. (внизу)

В 1931–1933 гг. в системе Московского Совета для разработки Генерального плана Москвы и регулирования текущей застройки, были созданы проектно-планировочные мастерские. Работа по генплану проходила под общим руководством архитекторов В. Семенова, С. Чернышева и инженера А. Страментова.

Проектирование генплана велось

комплексно, различные варианты планировочной структуры города подвергались архитектурному, инженерному и экономическому анализу. Одновременно с этим производились подробные разработки крупных инженерно-технических проектов, таких как метрополитен, обводнение города, реконструкция наземного транспорта, строительство мостов и т.д. В процессе такой комплексной работы перспективные расчеты и предложения сопоставлялись с реальными потребностями текущего строительства. В 1935 г. работы над Генеральным планом Москвы были закончены. ЦК ВКП(б) и Совет народных комиссаров СССР приняли развернутое постановление «О Генеральном плане реконструкции г. Москвы».

Значение Генерального плана реконструкции Москвы и постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР далеко выходило за пределы интересов собственно Москвы. В постановлении были сформулированы основные принципы социалистического градостроительства, оказавшие мощное влияние на его практику и теорию в течение последующего периода.

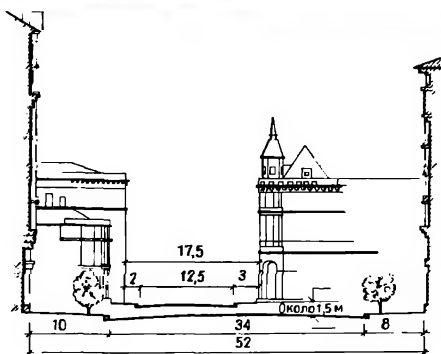
Генеральный план реконструкции Москвы имел под собой твердую материально-техническую и финансовую базу, он входил в государственные планы развития народного хозяйства СССР, и за его выполнением был установлен требовательный государственный контроль. К моменту утверждения генерального плана по нему уже велись крупные градостроительные работы. Достаточно сослаться на завершение в 1935 г. первой очереди метрополитена и развернувшиеся проектные и строительные работы по сооружению канала им. Москвы. Осуществление канала в 1937 г. не только соединяло Москву с пятью морями, но одновременно решило кардинальным образом крайне важную для Москвы проблему водоснабжения.

Основополагающими идеями Генерального плана Москвы были регулирование численности населения города в соответствии с развитием его промышленности; сохранение исторически сло-

жившейся планировочной структуры города с решительной ее реконструкцией в соответствии с требованиями современного развивающегося транспорта, благоустройства и инженерно-технического оборудования; коренное решение проблемы водоснабжения; обводнение города и создание вокруг Москвы мощ-

ного лесопаркового пояса для оздоровления воздушного бассейна столицы; озеленение города за счет развития парковых массивов, создания зеленых клиньев, соединяющих центр с лесопарковой зоной, и озеленения жилой застройки; осуществление застройки города большими кварталами (9–15 га)

55. Москва. Реконструкция Охотного ряда, 1935–1937 гг. Площадь 50-летия Октября. Гостиная «Москва». А. Шусев и др. Здание Госплана СССР
А. Лангман.

56. Москва. Улица Горького до реконструкции

57. Москва. Жилые дома по улице Горького (корпуса А и Б), 1936–1939 гг. А. Мордовinov, П. Красильников

58. Москва. Реконструкция улицы Горького, 1936–1940 гг. Поперечный разрез

с организацией обязательной сети культурно-бытового обслуживания населения в составе предприятий торговли, детских дошкольных учреждений, школ, клубов, поликлиник и т. п. Развитие города намечалось прежде всего в юго-западном направлении, свободном от промышленных предприятий, навстречу

здоровым господствующим ветрам. В постановлении было особо отмечено значение художественно-образного решения столицы.

В течение второй и третьей пятилеток, т. е. с 1931 по 1941 г. вплоть до Великой Отечественной войны, работы по практическому осуществлению Генерального плана Москвы протекали непрерывно, нарастал объем всех видов строительства. Наиболее значительными градостроительными мероприятиями по реализации Генерального плана Москвы были: строительство первой и второй очереди метрополитена, реконструкция основных магистралей города – улицы Горького, Можайского шоссе (ныне Кутузовский проспект), 1-й Мещанской улицы (ныне проспект Мира), Калужской улицы (ныне Ленинский проспект), реконструкция центра города, создание девяти новых речных мостов через Москву-реку и Яузу и реконструкция их набережных.

Реконструкция основных радиальных магистралей была признана первоочередным мероприятием. Развитие городского транспорта препятствовали узкие и зачастую кривые московские улицы. Так, напряженная в транспортном отношении и важнейшая в плане города радиальная маги-

страль – улица Горького – только в отдельных местах достигала 18 м ширины, имела булыжную мостовую. Можайское шоссе было обстроено разнокалиберными домиками с покосившимися заборами и грунтовыми тротуарами. Узкая проезжая часть Калужской улицы тоже была замощена булыжником, тогда как по плану она должна была превратиться в магистраль, связывающую центр города с обширными территориями новой застройки.

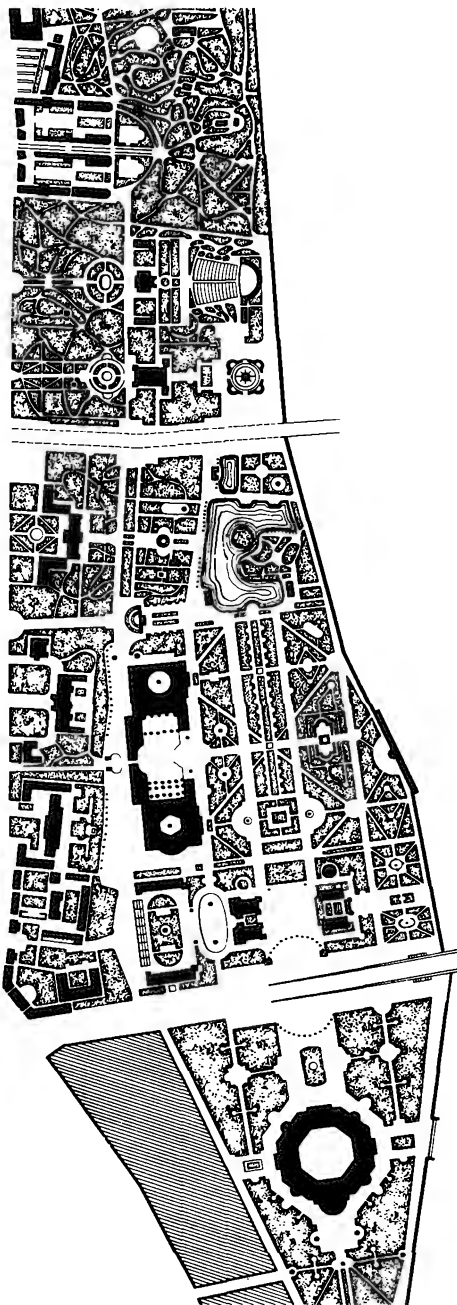
Магистрали спрямлялись и расширялись до 60 м и более, устраивались широкие тротуары, производилось озеленение, булыжные покрытия менялись на асфальтовые, вдоль магистралей прокладывались тоннели коллекторов, объединявших инженерные коммуникации. Магистрали застраивались многоэтажными зданиями. При реконструкции улицы Горького впервые в практике градостроительства не подлежащие сносу ценные здания передвигались в глубины кварталов.

Большие работы были проведены по реконструкции центра столицы. Он трактовался в виде обширного расчлененного пространства связанных друг с другом площадей – Красной, Революции, Свердлова, проспекта Маркса (бывш. Охотный ряд) и площади им. 50-летия Октября (бывш. Манежная). Это обширное пространственное образование было органически связано с основными радиальными направлениями городского плана. Пространства соединенных площадей – 50-летия Октября, Революции и Свердлова – становились как бы аванзалами идеологического центра города – Красной площади с Мавзолеем В. И. Ленина. Кроме того, центр Москвы получал достаточно выраженную пространственную ось, которая вопреки концентрической форме плана намечала движение на Ленинские горы. В настоящее время эта композиционная ось получает все более определенное выражение. Таким образом, выдвинутая в 20-е годы Н. Ладовским идея разрыва концентрической планировочной структуры города получила здесь свою реализацию, но в совершенно преобразованном виде и в другом направлении.

Формирование нового центра Москвы потребовало больших работ. Были снесены постройки старого Охотного ряда (антисанитарное скопище торговых ларьков, лавок, складов). На освободившемся месте были построены гостиница «Москва» (А. Шусев, Л. Савельев, О. Стапан) и монументальное здание Дома Совета Труда и Оборона (А. Лангман). Снесены были постройки, затеснявшие выход с улицы Горького на Манежную площадь. Убрана хаотичная застройка конца XIX – начала XX в. у собора Василия Блаженного со стороны Москвы-реки. Проведенные реконструктивные мероприятия дали впечатляющий художественный результат. Москва получила центр, отвечающий реальным жизненным потребностям и одновременно представляющий, соответствующий государственному значению столицы.

Новые высокие незатопляемые набережные общей протяженностью 52 км, облицованные гранитом, со спусками, парапетами или чугунными решетками, были закончены к 1937 г. В период с 1936 по 1938 г. в Москве были не только сооружены девять новых, но и реконструированы три старых моста. Это были сложные технические работы, пролеты мостов доходили до 168 м при ширине проезжей части не менее 40 м. Новые мосты принадлежали к числу крупнейших в Европе. Они строились с таким расчетом, чтобы пропускать большие волжские суда, поскольку 1 мая 1937 г. уже вошел в строй канал им. Москвы. Обводнение волжской водой системы рек и каналов столицы, создание мощных водохранилищ в ее окрестностях не только обеспечило город водой для промышленных и питьевых целей, но и способствовало улучшению микроклимата города.

Большие работы были проведены по озеленению города. Идея генерального плана состояла в том, чтобы превратить набережные Москвы-реки и Яузы в зеленые артерии, развить зеленые клинья

вдоль радиальных магистралей – вплоть до центра города, крупной зеленой полосой пройти от Манежной площади до Лужников на соединение с зеленью Ленинских гор. Осуществление этих планов началось путем создания Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького на месте первой Всероссийской сельскохозяйственной выставки 1922–1923 гг. Проектирование парка было поручено коллективу архитекторов под руководством А. Власова – мастера садово-парковой архитектуры.

Работа над проектом детальной планировки этого парка проводилась в 1934–1936 гг. Одновременно проводилась разбивка парка. Его размеры не ограничились территорией бывшей выставки, они увеличились до 560 га, включая Нескучный сад. В композиции парка авторы предусмотрели открытые пространства для проведения массовых мероприятий, в зоне отдыха была предусмотрена живописная планировка.

Большие работы были начаты по созданию нового зеленого массива на северо-западе столицы для открытой в 1939 г. новой Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. В результате образовался крупнейший массив зелени, вобравший в себя Парк культуры и отдыха им. Дзержинского, а впоследствии – парк «Останкино» и Главный Ботанический сад.

Составление Генерального плана города Москвы, решение ЦК ВКП(б) и СНК СССР по этому плану, проведение обширных работ по его реализации стали мощным фактором развития градостроительной мысли и градостроительного мастерства советских зодчих. Московский опыт оказал сильное влияние на планировку и застройку городов Советского Союза и прежде всего на реконструкцию второго крупнейшего города страны – Ленинграда (авторы генерального плана Л. Ильин и В. Витман).

Ленинград в градостроительном отношении коренным образом отличается от Москвы. Само возникновение Петербурга было актом человеческой воли. В основе его построения и развития всегда лежал чертеж. В Петербурге XVIII

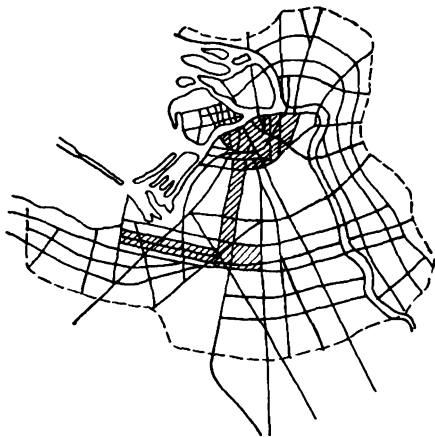
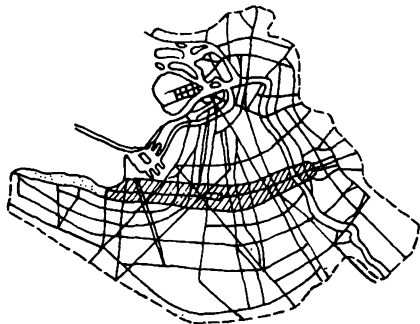
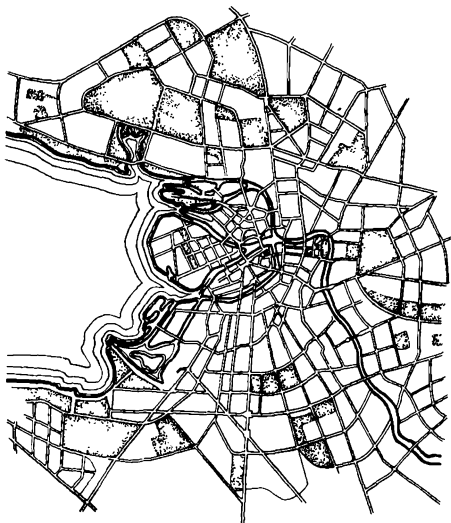
и начала XIX столетий формирование архитектурных ансамблей было делом государственным. Даже конец XIX в. с его бурным, но стихийным капиталистическим развитием не мог исказить строгие черты столицы Российской империи, хотя классовые противоречия роскошного центра и нищеты и антисанитарии рабочих окраин именно в Петербурге выступали с особенной остротой.

Идея сохранения сложившейся градостроительной структуры оказалась для Ленинграда особо плодотворной, поскольку с самого начала исключила возможность появления каких-либо крайних предложений. Продолжение и развитие лучевой планировочной системы центрального района делало вполне логичным всемерное размещение новых территорий города на юг, юго-запад и юго-восток. Эти территории по отношению к приморской части были расположены на более высоких отметках, что защищало их от наводнений. Основной композиционной осью южного, наиболее интенсивно застраиваемого направления становился Московский проспект — продолжение Международного проспекта, идущего от Сенной площади.

60. Москва. Мосты
вверху — Москворецкий мост,
1937 г. А. Шусев,
П. Сардарян, В. Кириллов
и др.; внизу — Крымский мост,
1936–1938 гг. А. Власов,
Б. Константинов и др.

61. Ленинград. Варианты
планировки
вверху — схема планировки
города, 1935 г. Л. Ильин,
В. Витман, в центре — схема
развития города по проекту
1935 г. Л. Ильин;
внизу — схема развития центра
города по проекту 1940 г.
Н. Баранов

Для транспортной связи новых районов, намеченных генеральным планом по обе стороны Невы, была запроектирована дуговая магистраль, которая через новый Володарский мост выходила на правый берег в районе Малой Охты, обеспечивая тем самым развитие города в восточном направлении. Вся территория между новыми лучевыми направлениями делилась системой поперечных улиц на большие кварталы (9–15 га) — впоследствии микрорайоны.

В отличие от Москвы в Ленинграде не возникала необходимость первоочередной реконструкции центральных районов и магистралей. Это обстоятельство предопределило размещение нового жилищного строительства Ленинграда на практически свободных территориях. Проектирование новых жилых комплексов и отдельных зданий осуществлялось на основе всесторонне разработанных проектов застройки больших кварталов и целых районов, хотя и здесь реальное строительство зачастую располагалось прежде всего вдоль главных магистралей. В первую очередь застраивались Автово, расположенное на юго-западе (за Кировским заводом), район Московского шоссе, расположенный за заводом «Электросила», район Щемиловки, ограниченный дуговой магистралью и Невой, и район Малой Охты на противоположном берегу Невы, примыкающий к будущему мосту им. Володарского.

Однако в новом генеральном плане Ленинграда были и существенные недостатки. Чрезмерно низка была норма плотности, принятая для новых жилых районов, — не более 3000 м² жилой площади на 1 га. Резко были преувеличены размеры новых городских площадей вопреки сложившемуся пространственному масштабу города. Особенно ярко это проявилось в попытке переместить центр города из исторически сложившегося района и создать фокус притяжения общественной жизни всего города в новой части. Для этой цели создавалась огромная площадь на месте пересечения Московского проспекта с дуговой магистралью. На этой площади в 1940 г. было в основном закончено строительство

крупного сверхмонументального по архитектуре здания Дома Советов (Н. Троцкий, Я. Свирский и др.).

В 1938 г. при корректировке генерального плана Ленинграда Н. Баранов и А. Наумов (при участии Е. Катониной) решительно пересмотрели его экономическую основу и, сохраняя те же планировочные принципы, подняли плотность до 5000–5500 м² жилой площади на 1 га, что позволило сократить территорию города с 55 тыс. до 48 тыс. га, повысить экономичность текущей застройки, сделать ее более компактной и выразительной. Одновременно много внимания было уделено обводнению и озеленению города. Главное же достоинство скорректированного генерального плана состояло в реализации идеи выхода городской застройки к морю.

Учитывая микроклиматическое значение больших массивов зелени в городе, было запроектировано развитие Центрального парка культуры и отдыха на Каменном, Елагином и Крестовском островах. Были предусмотрены также общегородские парки, в частности на Озерках, в северо-западной части города. На новых магистралях предусмотрены были зеленые бульвары, обильная зелень – в новых кварталах застройки. Для Ленинграда эти мероприятия имели особо важное значение, поскольку старый Петербург, даже в аристократической части, почти не имел в застройке зелени, не говоря уже о рабочих районах вблизи крупных заводов.

Была отклонена идея переноса центра города, и это, несомненно, было правильно как в функциональном, так и в архитектурно-художественном отношении. Мастера архитектуры XVIII и первой половины XIX в. создали поразительный по силе художественного воздействия городской центр. Ансамбли Петербурга вошли в сознание людей как замечательные слагаемые великой русской культуры. Авторы нового варианта генерального плана хорошо понимали это.

В связи с ростом объемов промышленного строительства неудержимо росли и объемы градостроительных работ по всей стране. В 30-х годах были со-

зданы крупные проектные специализированные организации: Гипрогор в Москве с филиалами в Ленинграде и Харькове, Горстройпроект с филиалом в Ленинграде, Гипроград в Киеве.

География возникновения новых городов в 30-е годы определялась размещением новой промышленности, в том числе связанной с переработкой природных богатств страны. Так, на Кольском полуострове еще в конце 20-х годов была начата разработка апатитов и нефелиновых руд, на основе которых производились ценные фосфатные удобрения, сода, цемент, алюминий. Это послужило началом создания Хибингорска, переименованного позднее в Кировск, который во второй и третьей пятилетках превратился в крупный центр горно-рудной промышленности. В междуречье Волги и Урала возникла и развивалась химическая промышленность, а с нею и города Дзержинск и Березники. В подмосковном угольном бассейне развитие химической промышленности вызвало строительство нового города Новомосковска, а возникновение металлургии специальных сталей повлекло за собой строительство города Электросталь.

30-е годы связаны с началом освоения Северного морского пути, что потребовало строительства портовых и одновременно промышленных городов – таких как порт и центр лесопильной промышленности Игарка в устье Енисея. Освоение Приамурья на Дальнем Востоке повлекло за собой не только возникновение Комсомольска-на-Амуре, но и строительство портов Магадана в бухте Нагаева на Охотском море и Советской Гавани на берегу Японского моря.

Строительство крупных гидроэлектростанций и теплоэлектростанций послужило основой появления новых видов промышленности, а следовательно, и новых городов – подобно Запорожью на базе Днепрогэса.

Новые предприятия автомобильной, авиационной, тракторной промышленности, промышленности сельскохозяйственного машиностроения, возникавшие в существующих городах, требова-

ли их реконструкции. Так, мощное развитие промышленности Среднего Урала повлекло за собой реконструкцию таких городов, как Свердловск, Нижний Тагил, Челябинск, Златоуст. Образование новых промышленных районов Сибири было связано с необходимостью реконструкции Новосибирска, Омска, Орска, Кемерово, Прокопьевска, Красноярска, Иркутска и др.

Развитие легкой промышленности, в частности текстильной, влекло за собой реконструкцию таких промышленных центров, как Иваново, Орехово-Зуево, Калинин, Ташкент и др. Бурно росла промышленность Украины, и это приводило к необходимости реконструкции Киева, Харькова, Донецка, Полтавы и др.

Реконструкция многих городов была вызвана ростом их административного и идеологического значения. Это прежде всего касается столиц союзных и автономных республик и областей. Несомненно, и в этих городах важную роль играли градообразующие факторы в виде развивающейся промышленности, но большое значение имело и повышение роли политико-административных учреждений, появление крупных научно-исследовательских институтов, различных высших учебных и культурно-просветительных учреждений.

Небывалый в мировой истории объем реальных градостроительных работ во второй и третьей пятилетках служит ярким свидетельством грандиозного преобразования всей экономики и культуры СССР. Чрезвычайное разнообразие природно-климатических и конкретных экономических условий, национальных, бытовых и культурных традиций требовало от архитекторов в каждом конкретном случае поиска своеобразных архитектурно-планировочных решений, развивающих, однако, общие принципы социалистического градостроительства, в частности зафиксированные в плане реконструкции Москвы. Правда, в отдельных случаях специфический московский — столичный опыт воспринимался некритично, без учета своеобразия конкретной среды, и это наносило серьезный ущерб делу.

Для периода второй и третьей пятилеток характерным примером реконструкции сложившихся промышленных городов может служить Свердловск, в прошлом Екатеринбург, возникший в начале XVIII в. как центр горнозаводской промышленности Урала. Как все промышленные города того времени, он получил регулярную планировку. В конце первой пятилетки в Свердловске начинается строительство новых крупных промышленных предприятий и прежде всего огромного завода тяжелого машиностроения (Уралмаш). Генерального плана, который учел бы воздействие новых мощных градообразующих факторов, город еще не имел, поэтому отвод новых промышленных территорий производился на основе предварительных эскизных соображений. Так возникли промышленные территории на севере, юге, западе Свердловска со своими жилыми районами.

Регулярный план города определяли две магистрали: проспект Ленина, протянувшийся на 4 км с запада на восток от медицинского городка к новому комплексу Уральского индустриального института (Г. Вольфензон), и проспект Луначарского, прошедший с юга на север в сторону новой промышленной зоны. Эти две магистрали подобно осям координат четко фиксировали структуру города. В 1936 г. работу над его генпланом возглавил С. Домбровский, который, сохраняя сложившуюся планировочную структуру, сосредоточил внимание на разработке планировочного соединения старой части города с новыми промышленными районами.

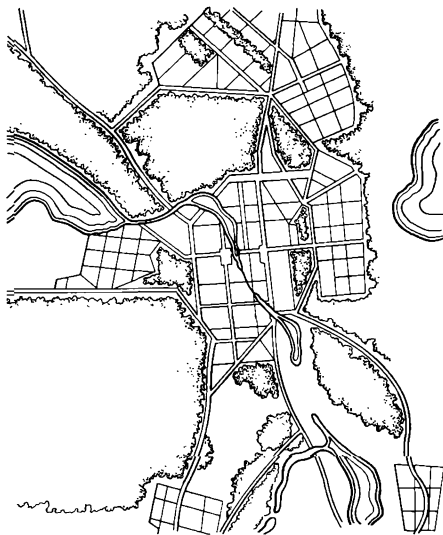
Геометрическая структура старого плана оживлялась живописной долиной реки Исеть и обширным водохранилищем, созданным еще в XIX в. в центре города для нужд тогдашних промышленных предприятий. Именно здесь было заложено пространственное ядро городского центра. Большое внимание было уделено благоустройству, в частности сооружению монументальной гранитной набережной по берегам водохранилища с красивыми сходами и чугунными ограждениями. Это сразу превратило водохранилище в архитектурно

значимый элемент городской структуры. В связи с тем, что новые промышленные районы уже имели свои центры в виде предзаводских площадей, особой задачей стало соединение этих площадей с общегородским центром.

В 1936–1940 гг. параллельно с работой над генеральным планом Свердловска осуществлялось крупное строительство жилых и общественных зданий. Интенсивно застраивался центральный проспект Ленина. Здесь возводились большие жилые дома, было сооружено здание обкома и облисполкома. Возник обширный ансамбль Городка чекистов, была построена гостиница «Большой Урал» и т. д. Широкие проспекты, их озеленение, возведение больших общественных зданий и целых ансамблей сообщили городу крупный масштаб и облик подлинной промышленной столицы Урала.

Конечно, одновременность работы над генеральным планом и над проектами текущего строительства не могла не привести к ряду градостроительных потерь. Уже само размещение промышленных предприятий на свободных территориях, часто удаленных от города, и рассредоточение жилой застройки затрудняли построение компактного города, решение транспортных задач, объединение инженерных сетей, обслуживающих промышленные районы.

Подобные градостроительные потери были типичным явлением данного периода, когда отвод территорий для промышленных предприятий и жилой застройки осуществлялся раньше, чем появлялся утвержденный генеральный план. Возникали отдельные промышленные спутники, располагавшиеся в отрыве от города со своими жилыми поселками. Проектировщикам приходилось считать за подобными обстоятельствами и вносить по ходу дела коррективы в генеральные планы. Опять-таки возникали многие неувязки и просчеты. Их мы можем проследить на реконструкции Нижнего Тагила, Челябинска и большинства старых промышленных городов России, вошедших в орбиту мощного развития производственных сил страны.

62. Свердловск. Застройка 30-х годов

слева – схема генерального плана города, 1936 г.
С. Домбровский и др.;
сверху – проспект имени
Ленина, 1936 г.

С. Домбровский и др.;
внизу – жилой комплекс
Городок чекистов, 1931 г.
И. Антонов, В. Соколов,
А. Тумбасов. Макет
комплекса

В отличие от реконструкции сложившихся в прошлом проектирование и строительство новых городов позволяло значительно полнее реализовывать концепцию социалистического города (хотя и здесь были свои специфические трудности). В этом отношении характерен город Запорожье, созданный на месте ряда рабочих поселков, возникших во время строительства Днепровской ГЭС имени В. И. Ленина и новой энергоемкой промышленности – завода трансформаторов, сталелитейных и прокатных заводов. Проект планировки Запорожья был утвержден в 1932 г. (И. Малоземов, В. Орехов, А. Касьянов, П. Хаустов и др.). Авторы сумели органически сочетать прогрессивные функциональные принципы, разработанные еще в 20-х годах, и новые достижения градостроительной мысли.

Идеи генерального плана города просты и логичны. Рационально проведено зонирование. Основной массив жилой территории располагался на левом берегу Днепра. Его главная ось —

проспект имени Ленина. Параллельно жилым образованиям за широкой зеленой защитной полосой с подветренной стороны располагаются промышленные районы, удобно связанные с жилищем. На правом берегу, где существовал старый городок Александров, умело введенный в планировочную структуру нового города, проектировщики расположили предприятия, обслуживающие городской быт и не связанные с необходимостью устройства защитных зон. На острове Хортица генпланом намечалось

создание Центрального парка культуры и отдыха.

Проекты застройки, по которым велось строительство первых жилых районов на левом берегу, предусматривали сооружение сети зданий культурно-бытового обслуживания. Продуманная пространственная композиция и хорошее благоустройство создавали удобную и уютную жилую среду.

Решающее значение в формировании архитектурного облика города получал проспект Ленина. Проектировщи-

ки под руководством В. Веснина, а с 1933 г. – Г. Орлова хорошо понимали недостаток большой длины проспекта (имея в виду утомляемость восприятия) и потому большую роль отводили архитектурным акцентам, фиксирующим поперечные бульварные магистрали.

Запорожье – убедительный пример градостроительных возможностей в условиях социалистического общества. Город к 1940 г. имел уже 200 тыс. жителей. Его застройка велась без особых отклонений от градостроительных идей, заложенных авторами генерального плана и детальных проектов застройки.

Во всех столицах союзных республик в 30-х годах производились те или иные реконструктивные работы. Рассмотрим некоторые примеры. До 1936 г. столицей Украинской Советской Социалистической Республики был Харьков. До революции промышленность в городе была развита относительно слабо. Но в советское время в Харькове были построены крупнейшие тракторный, а позднее турбинный заводы. Как столица республики Харьков нуждался в строительстве зданий многих административных и правительственных учреждений, научно-исследовательских и учебных заведений и т. д. Потребовалась разработка генерального плана реконструкции города. Он был разработан в Гипрограде в 1936 г. (А. Касьянов, А. Эйнгорн и др.). Новую развивающуюся промышленную зону авторы расположили вдоль Чугуевского шоссе и параллельно этой зоне за защитной зеленой полосой за проектировали жилой район.

В связи с переносом столицы Украины в том же 1936 г. потребовалась корректировка и реконструкция генерального плана Киева. Эта работа была выполнена Гипроградом УССР (П. Хаустов и др.). Одновременно с разработкой генерального плана города шло строительство таких крупных объектов, как Дом Верховного Совета УССР (В. Заболотный), здания СНК УССР (И. Фомин и П. Абросимов) и др.

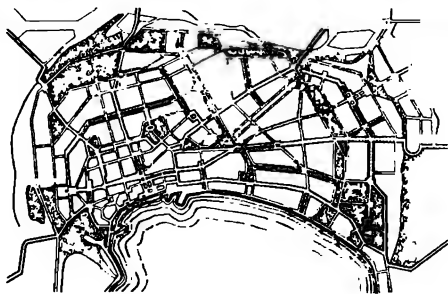
Интенсивное промышленное развитие Закавказских республик во вторую и третью пятилетки, успехи культурной революции вызвали существенный рост

городского населения. Возникла необходимость реконструкции городов и прежде всего столиц республик. Своеобразие региональных условий Азербайджана, Грузии, Армении, в том числе сложившаяся структура городов, чрезвычайно разнообразие рельефа, различные варианты климата, национальные особенности быта и т. п. – все это требовало различных приемов конкретного решения градостроительных задач.

Крупные реконструктивные работы проводились в Баку – столице Азербайджанской ССР. До революции бакинские нефтепромыслы подобно угольным шахтам Донбасса были примером жесткой эксплуатации рабочего класса. Жилищные условия рабочих, даже в официальных отчетах санитарных инспекторов того времени, потрясают бесчеловечностью. Баку был практически единственным в нашей стране местом добычи нефти и связанных с нею химических производств. Именно поэтому в самом начале перехода на мирное строительство после гражданской войны и интервенции Советское правительство особое внимание уделяло реконструкции нефтепромыслов и, соответственно, жилищному строительству в рабочих районах.

Первоначальный генеральный план Баку, разработанный А. Ивановичем и В. Весниным в 1925–1927 гг., не был доведен до утверждения. В 1938 г. генеральный план был переработан (Н. Баранов, В. Гайкович при консультации Л. Ильина). Если первый генплан имел в виду город, окруженный сателлитами в виде отдельных поселков, то новый проект преследовал цели создания компактного городского организма. Новый генплан основывался на более точных прогнозах развития города как промышленного центра и одновременно столицы Азербайджанской ССР.

Основная градостроительная идея нового генерального плана заключалась в использовании под застройку территории естественного амфитеатра, уступами спускающегося к красиво изогнутой линии побережья. Другими словами, проектировщики хотели открыть всему городу выход к морю. Для этого намеча-

63. Баку. Панорама
набережной с Нагорного
парка. Схема планировки

города, 1938 г. Н. Баранов,
В. Гайкович и др.

лось освободить береговую линию от складов, разного рода хозяйственных баз, стихийно возникших причалов и т. п. В разработке центра города был использован опыт Москвы. Центр формировался из объединенных в единую систему площадей. Были намечены новые магистрали для соединения центра с рабочими районами, а для соединения восточной и западной частей города проектировались две полукольцевые магистрали.

Важное композиционное значение приобретал нагорный парк им. С. М. Кирова, разработанный Л. Ильиным. Учитывая скалистую поверхность, автор применил смешанную систему зеленых посадок и «сухих» садов Японии. В парке, завершая его композицию, на высоком месте был воздвигнут памятник С. М. Кирову, революционная деятельность которого в течение многих лет была связана с Баку.

Город в прошлом сильно страдал от северо-восточных холодных и пыльных ветров. Положение усугублялось крайне низким уровнем благоустройства, почти не было зеленых насаждений. Огромные работы, проведенные по озеленению города во вторую и третью пятилетки, развитие инженерных сетей водоснабжения и канализации, обводнение города в виде фонтанов и бассейнов решительно способствовали улучшению городского микроклимата. Из пыльного «города ветров» Баку быстро превращался в благоустроенный город-сад. Вместе с тем преимущественное расположение новых жилых и общественных зданий вдоль красных линий магистралей и площадей затрудняло комплексное решение про-

блем культурно-бытового обслуживания. Однако в целом последующее развитие города, формирование его архитектурных ансамблей, застройка естественного амфитеатра бухты крупными зданиями, возведение монументального Дома правительства Азербайджанской ССР (Л. Руднев) – все это подтвердило архитектурную содержательность генерального плана города, созданного в 30-е годы.

Большие реконструктивные работы проводились в столице Армянской ССР – Ереване. Реконструкция началась сразу после образования советской Армении. Автором первого генерального плана был акад. А. Таманян, крупный мастер архитектуры, приобретший известность еще до революции. А. Таманян хорошо использовал своеобразие топографической структуры Еревана. На плато, которое с юга ограничено крутым скалистым обрывом, спадающим к долине реки Раздан, он расположил центральную часть города. Отсюда открывался великолепный вид на Арагат. Расчетный предел роста населения города был определен в 150 тыс. чел. (в то время в Ереване было около 50 тыс. жителей, и цифра в 150 тыс. казалась далеким и трудно достижимым пределом). Однако уже в 1935 г. население города превысило эту цифру, и рост города продолжался. Потребовалась разработка нового генерального плана. Он был разработан Ленинградским отделением Гипрогора (И. Малоземов, Н. Загорян, С. Клевичкий). По новому генеральному плану территории города сильно увеличивалась. Река Раздан и бульварное кольцо, которые были границами в плане Таманяна, оказались теперь внутри города. Норкские и Канакерские склоны высот, расположенные на севере и северо-западе, становились лесопарковыми зонами, что вместе с обильным озеленением и обводнением города имело большое значение для смягчения резко континентального климата. Особое внимание уделялось инженерному оборудованию города. В частности, генеральный план намечал ряд крупных мероприятий по борьбе с селевыми потоками, которые ранее приводили к катастрофиче-

64. Ереван. Памятник С. Шаумян. Скulptор С. Меркулов, архит. И. Житовский. Площадь В.И. Ленина. Генеральный

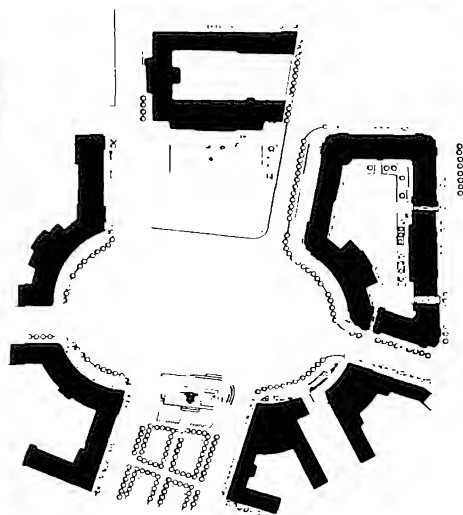
план, общий вид. Схема планировки города, 1936–1937 гг. И. Малоземов, Н. Загорян, С. Клевичкий

ским разрушениям. Реализация этих мероприятий начала проводиться с 1936 г., но особенно большие работы были осуществлены после Великой Отечественной войны.

Решающее значение для архитектурно-художественного облика города приобрели композиции пространственных узлов – площади Ленина, Театральной площади и Вузовского городка, заложенных А. Таманяном. Они определили архитектурный масштаб города и направление поисков самобытной, связанной с традициями архитектуры Армении.

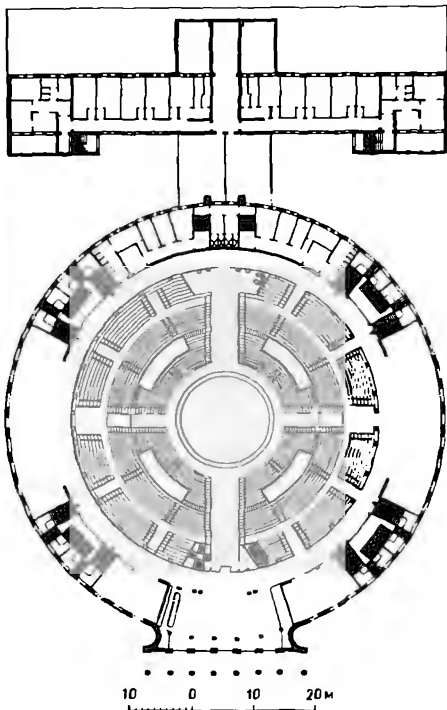
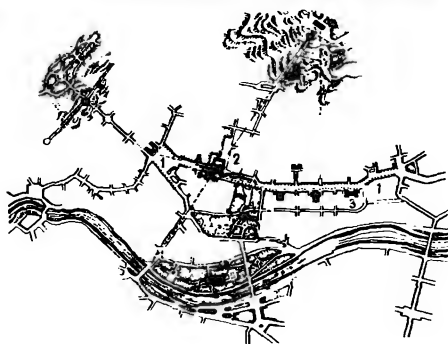
Большие градостроительные работы проводились в Тбилиси. Потребность в строительстве новых правительственных, административных, научных и культурно-бытовых учреждений, промышленных зданий и сооружений не могла уложиться в рамки прежнего Тбилиси. Переуплотненные жилые районы старого города лепились вдоль реки Куры и прорезались сетью узких петляющих по рельефу улочек. Благоустройство и инженерное оборудование города было на крайне низком уровне. Воды не хватало, озеленение было недостаточным. Летом город, расположенный в котловине, плохо проветривался и сильно страдал от перегрева.

В 1934 г. был разработан гене-

ральный план реконструкции Тбилиси (З. Курдиани, И. Малоземов, Г. Гогава, экономист Г. Шелейховский). Авторы сохранили исторически сложившуюся планировочную структуру города, но одновременно подвергли ее реконструк-

ции с учетом перспектив развития города и улучшения его микроклимата. По генеральному плану предусматривалось преимущественное развитие города на запад вверх по течению Куры. В целях решительного улучшения транспортных

65. Тбилиси. Застройка 30-х годов
вверху слева и справа – цирк,
1940 г. Н. Непринцев,
С. Сатуни. В. Урушадзе.
Общий вид, план; внизу
слева – схема планировки
центральной части города,

1934 г. З. Курднани,
И. Малоземов, Г. Гогава,
1 – проспект Шота Руставели,
2 – Дом правительства
Грузинской ССР, 1938 г.;
3 – Институт истории партии
при ЦК КП Грузии, 1938 г.
А. Щусев.

условий параллельно проспекту Руставели был запроектирован дублер вдоль правого берега реки. Большое внимание в генплане и при его практическом осуществлении было уделено реконструкции набережных Куры. Они были благоустроены, на них были созданы открытые зеленые пространства, связывающие город с рекой.

Размещая общественные здания в плане города, архитекторы стремились использовать разнообразие его рельефа. Примером может служить постройка здания цирка на холме в конце проспекта Руставели (Н. Непринцев, С. Сатуни, В. Урушадзе). Архитектура цирка с его канонической формой построена на ос-

нове творческого применения закономерностей ордерной системы. Лаконичный объем здания, красиво скомпонованный подъем создают выразительный образ в обширном пространстве центрального района города.

По генеральному плану Эриванская площадь получала значение главной площади города, здесь снесли старый караван-сарай и построили правительственные трибуны. В 1934 г. было начато строительство Дома правительства Грузинской ССР (В. Кокорин, Г. Лежава). В старом городе было пробито несколько широких благоустроенных магистралей, объединивших его с новой частью города.

Общая площадь озеленения города (142 га) была увеличена почти в два раза. В 1936 г. по проекту З. Курдиани и Н. Хмельницкой на горе Мтацминда, господствующей над котловиной города, была начата разбивка большого парка площадью 50 га, осуществлено строительство фуникулера, позволяющего быстро подняться в парк.

Особое место в развитии советского градостроительства занимают социалистические республики Средней Азии и Казахстан — бывшие полуколонии царской России с их полуфеодальными до революции производственными отношениями, неграмотностью подавляющего большинства населения. Промышленность, в современном понимании этого слова, здесь до революции почти не существовала. Городское население не превышало в среднем 6–12%. В старых городах, таких как Ташкент, Самарканд, Бухара, Хива, еще возвышались приходившие в ветхость величественные памятники средневековья, сами же города представляли собой скопище глинобитных домишек в кривых узких улочках и тупиках. Только в районе, где жили чиновники и буржуазия, имелось городское благоустройство и кирпичные дома.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла широчайшие перспективы для развития республик Средней Азии.

На протяжении короткого времени (с 1922 по 1940 г.) в республиках развилась современная промышленность, наука, культура и искусство. Широко развернулось строительство школ, детских садов и яслей, строились высшие учебные заведения, театры и кинотеатры, поликлиники, больницы, возникли курорты, крупные общественно-административные здания. Быстрыми темпами росло городское население. Возникла необходимость в градостроительных планировочных работах, связанных с реконструкцией старых и строительством новых городов.

Природно-климатические условия в каждой республике Средней Азии своеобразны, но в целом климат можно охарактеризовать как резко континен-

тальный, особенно в Казахстане, Таджикистане, отдельных районах Узбекистана и Киргизии: жаркое сухое лето с температурами, доходящими до 45° выше нуля, и жаркими ветрами пустынь, с короткой, но иногда холодной зимой.

Своеобразие градостроительных работ в этих условиях состояло в том, чтобы средствами архитектуры и техники преобразовать среду города, сделать ее более комфортной и здоровой для жизни населения.

Потребовалось обильное озеленение и обводнение городов, организация точной арычной сети, создание больших открытых водных бассейнов и парков, увлажняющих воздух фонтанов и т. д.

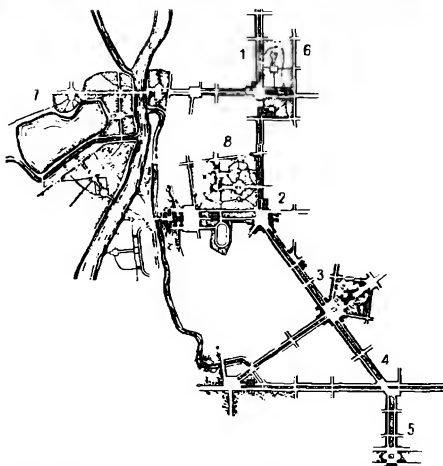
Наиболее убедительным примером в этом смысле является реконструкция, а вернее создание заново столицы Таджикской ССР г. Душанбе на месте кишлака того же названия.

Таджикская ССР была образована в 1929 г. Правительство республики в качестве столицы избрало кишлак Душанбе ввиду его выгодного географического положения, более благоприятных климатических условий, наличия железной дороги. По генеральному плану города Душанбе, разработанному в 1938 г. Ленинградским Гипрогором (Н. Баранов, В. Гайкович и др.), здесь было предусмотрено размещение промышленного района с крупным энергетическим узлом. Старый Душанбе представлял собой типичную для Средней Азии застройку в виде одноэтажных глинобитных домов, лишенных элементарного благоустройства. По генеральному плану этажность жилой застройки была принята в два-три этажа вследствие высокой сейсмичности. В планировочной структуре городского плана организующую роль играла главная магистраль — проспект Ленина, широкий и озелененный, связывающий в единую просторанственную систему ряд площадей, включая центральную правительственную площадь. На главной площади возникло правительственное здание (С. Анисимов), на площади им. Москвы в 1938 г. было начато строительство театра (Д. Билибин, В. Голли, М. Захаров).

Пространственная система города включала и ряд поперечных магистралей, выводящих на набережную реки Душанбинки, вдоль которой формировалась парковая зона. Было запроектировано обильное озеленение проспекта Ленина и поперечных бульваров, создание больших массивов зелени (городской сад, парк им. Кирова, парк, прилегающий к площади им. Москвы). Было намечено создание крупного водохранилища, впоследствии оно стало центром отдыха и спорта: здесь появились водные станции, яхт-клуб, хорошо оборудованные пляжи. Строительство города началось еще в 1930 г. на основе первого варианта генплана, намечавшего только основные направления преобразования кишлака в современный город – столицу Таджикской ССР, а к моменту составления генерального плана (1938 г.) в городе уже формировались крупные ансамбли правительственного и культурного центра.

Подобного рода картина решительных преобразований была характерна для городов Средней Азии. Кроме того, как и в центральной России, в местах вновь создаваемой промышленности здесь возникали и новые города

66. Душанбе
1935 г.

сверху: площадь перед театром оперы и балета (ныне площадь им. 800-летия Москвы), 1941 г. В. Голли, Д. Битибин, М. Захаров; внизу: схема центрального района города, 1935 г.

Н. Баринов. В. Гайкович и др., 1 – площадь Путовского, 2 – площадь Ленина, 3 – площадь им. 800-летия Москвы; 4 – площадь Айна; 5 – площадь Куйбышева; 6 – парк им. Кирова; 7 – Комсомольское озеро; 8 – городской сад

(Чирчик в Узбекистане, Балхаш и Ленгер в Казахской ССР и т. п.). Однако наиболее значительные и своеобразные градо-

строительные работы в Средней Азии и Казахстане относятся к послевоенному периоду.

Особая сфера проектных работ была связана с курортным строительством. До революции оно было в руках частных предпринимателей, и никаких вопросов общего градостроительного характера здесь, естественно, и не возникало. После революции впервые в истории курортное строительство было подчинено интересам обслуживания широчайших масс трудящихся. Курорты превращались в общенародные здравницы. Это обстоятельство выдвинуло на первый план проблемы районной планировки. Примером работ этого рода служит прежде всего районная планировка Минераловодческого района Северного Кавказа, где еще в XIX в. началась эксплуатация различных целебных минеральных источников и сложились постепенно города-курорты – Железноводск, Ессентуки, Пятигорск, Кисловодск. Районная планировка была выполнена под руководством В. Семенова и позволила на научной основе установить оптимальные территории для строительства лечебных учреждений, охранные зоны каптажа источников, наметить рекреационные территории парков и устройство терренкуров, размещение обслуживающих промышленных предприятий и культурно-бытовых учреждений, т. е. создать предпосылки системного развития курортов.

Начиная с 1938 г. большой коллектив проектировщиков, включающий архитекторов, инженеров различных специальностей, экономистов, врачей-курортологов, агрономов и садоводов, под руководством М. Гинзбурга начал разрабатывать районную планировку Южного побережья Крыма. Освоение этой территории было связано с весьма разнообразными и сложными задачами. Прежде всего надо было решить проблему водоснабжения, поскольку Крым всегда испытывал недостаток в пресной воде. Немаловажное значение приобретала транспортная проблема. Серьезное значение имела также проблема укрепления берегов в целях предупреждения оползневых явлений, опасных для ново-

го строительства. Надо было разработать инженерные и архитектурные решения, обеспечивающие прямую связь санаторных территорий с морем. Работа эта была прервана в 1941 г. Великой Отечественной войной. После войны М. Гинзбург и его коллектив вернулись к этой работе.

Значительные по объему планировочные работы были проведены по реконструкции курорта Сочи – Магеста (группа проектировщиков под руководством В. Семенова-Прозоровского). Соединение Сочи с Магестой авторы решили не только как чисто функциональную транспортную задачу, но одновременно и как задачу архитектурную – в виде современной по техническим данным широкой автомагистрали, обработанной каменными подпорными стенками на поворотах, с мостами и виадуками, каждый из которых являлся самостоятельным архитектурным произведением. По проекту В. Шуко и В. Гельфрейха был построен мост через реку Магесту, мост через реку Сочи – по проекту И. Жолтовского, Верещагинский виадук – по проекту Н. Соколова.

* *

Особым разделом работы, непосредственно связанной с градостроительной проблематикой, является реставрация и сохранение памятников архитектуры. В начале 30-х годов в практике еще наблюдались явления нигилизма по отношению к памятникам архитектуры прошлого. Так, в эти годы была разобрана триумфальная арка, сооруженная О. Бове у Белорусского (бывш. Александровского) вокзала в память о событиях Отечественной войны 1812 г. Та же участь постигла «Красные ворота» XVIII в., стоявшие в центре нынешней Лермонтовской площади, – творение Д. Ухтомского. Была снесена Сухаревская башня, единственный в своем роде памятник XVII в., в которой размещалась первая в России математическая навигационная школа. Были снесены стены и башни Белого города. Невосполнимые потери оправдывались необходимостью пробивки новых магистралей для быстрого городского транспорта, но при

этом никаких попыток найти компромиссные решения не делалось.

Такое положение отчасти было вызвано тем, что идеи рационализма и конструктивизма воспитали, особенно у молодежи, известное пренебрежение к памятникам прошлого. Немало способствовала неоправданному сносу ведомственная принадлежность памятников архитектуры, при которой судьба их зависела подчас от равнодушных людей или даже от активных противников сохранения всего того, что было связано с религиозным культом или дворянско-помещичьим бытом.

Положение стало улучшаться после 1932 г., когда был создан межведомственный орган – Комитет по делам исторических памятников при ВЦИК СССР. Но особенно благотворное значение имело для дела охраны и реставрации памятников в СССР постановление «О генеральном плане реконструкции Москвы» 1935 г. Одно из центральных положений этого постановления, как мы знаем, состояло в том, что реконструкция столицы должна исходить из сохранения исторически сложившейся радиально-кольцевой структуры города, и это сделало беспочвенными разного рода утопические, оторванные от действительности предложения советских и зарубежных урбанистов и дезурбанистов. Внимательное отношение к истории города, а следовательно, и к его историческим памятникам стало обязательным.

Убедительный пример дают реконструктивные мероприятия, которые были проведены в связи с формированием центра столицы, созданием системы площадей, подчиненных Красной площади и ее ансамблю, завершенному выдающимся произведением советской архитектуры – Мавзолеем В. И. Ленина. Были снесены малоценные строения на Моховой улице, открыт вид на Кремль со стороны улицы Горького и увеличено пространство Манежной площади (ныне площадь 50-летия Октября), что позволило воспринимать во всем величии ансамбль Манежа О. Бове и старого здания университета, созданного М. Казаковым и Д. Жилянди. Столь же последо-

вательно был произведен снос хаотической застройки, возникшей в начале XX в. перед собором Василия Блаженного, что сделало возможным восприятие ансамбля Кремля и собора со стороны Замоскворечья.

Со второй половины 30-х годов работы по охране, консервации и реставрации памятников архитектуры производились уже во многих городах Советского Союза. К 1936 г. развернулись работы по реставрации выдающегося памятника русской архитектуры XII в. Дмитровского собора во Владимире, исторических памятников Новгорода и Загорска. Под руководством Комитета по делам исторических памятников с энтузиазмом работали коллективы архитекторов, художников, ученых и мастеров-строителей.

Так, в Азербайджане С. Дадашев и М. Усейнов – большие знатоки национальной культуры, – много сделавшие для сохранения и реставрации памятников архитектуры в Баку и других городах республики, провели подлинно научные обмеры ансамбля Дворца Ширваншахов в Баку; их предложения по сохранению своеобразной среды старого средневекового города сыграли большую роль в становлении методов охраны и реставрации памятников архитектуры в СССР.

В связи с 800-летним юбилеем великого национального поэта и гуманиста Низами Ганджеви в Азербайджане были предприняты работы по реставрации ряда замечательных памятников архитектуры эпохи Низами, в том числе Девичьей башни в Баку, крепостных башен, минаретов и мавзолеев в Мардакянах, Барде, Карабагларе.

В Грузии, в старой столице Мцхете проводились работы по реставрации собора Свети-Цховели. Для изучения и пропаганды памятников грузинского зодчества много сделал известный грузинский ученый Г. Чубинашвили.

Большое значение в этот период имели обмеры сохранившихся памятников архитектуры, позволившие накопить богатый и ценный материал для последующего становления научной реставрации в СССР, разработки подлинно научной

методики реставрации и охраны памятников истории и культуры. В Узбекской ССР благодаря инициативе ученого-энтузиаста Б. Засыпкина были проведены обмеры и изучение выдающихся памятников Самарканда, Бухары и других городов, в частности начата работа по реставрации выдающегося памятника Бухары мавзолея Исмаила Саманида.

Недостаток квалифицированных кадров архитекторов и особенно мастеров строительных и отделочных работ, неразработанность многих теоретических проблем в деле реставрации памятников приводили к тому, что преимущественное развитие получил метод консервации, состоявший в укреплении и защите сооружений от разрушительного воздействия природных факторов. Так, многие известные памятники Ярославля удалось спасти для последующей реставрации только благодаря проведенным консервационным работам. Были завершены реставрационные работы по Соборному дому на Стрелке, продолжались работы по Спасо-Преображенскому монастырю.

В этот период особенно остро стала ощущаться необходимость разработки общих методических основ охраны и реставрации памятников архитектуры. Специалисты руководствовались, как правило, личными соображениями, производственными секретами, основанными на личной практике, собственно научного метода не существовало. Не была определена цель реставрации – сохранение руин или восстановление по руинам первоначального вида памятника, определения ценности поздних дополнений и переделок, часто отражавших развитие искусства и культуры разных исторических периодов. Ждали своего решения вопросы приспособления и использования памятников и др. Для научной разработки теоретических основ реставрации в Академии архитектуры СССР была создана Комиссия по охране и реставрации памятников архитектуры, которая объединила крупнейших специалистов-реставраторов и историков архитектуры Д. Сухова, П. Бессонова, П. Барановского, Н. Соболева, Д. Глазова и др. Эта комиссия стала методическим

центром, проводившим обширную работу по консультации реставрации наиболее значительных памятников. Академия организовала обмерные работы по наиболее выдающимся памятникам архитектуры. Эти подробные обмеры сыграли большую положительную роль после войны, когда реально встали вопросы восстановления памятников, разрушенных фашистскими захватчиками.

В целом, 1930-е годы были временем бурного развития градостроительства в СССР. Накопленный багаж теоретических идей широко внедрялся в практику, хотя архитекторов-специалистов в области планировки и застройки городов не хватало. Проектирование для различных природно-климатических районов строительства с разнообразной экономической ситуацией, промышленным потенциалом и демографией населения крайне нуждалось в обоснованных рекомендациях. Поэтому в крупных проектных организациях были созданы специальные подразделения, в задачу которых входило обобщение опыта повседневной работы и проведение исследований по частным вопросам градостроительства. Только после создания в 1933 г. Академии архитектуры СССР стала возможной разработка проблемы создания города в целом как социального организма, среды обитания людей. Архитектурная наука во второй половине 30-х годов много сделала и в области истории градостроительства. Был издан ряд ценных переводных работ. Однако разработка комплексной всесторонней методики проектирования города все же отставала от нужд практики. В этом смысле работы по генеральному плану Москвы имели особое значение и впервые по-деловому в рамках конкретных экономических возможностей дали пример всестороннего решения сложнейшей проблемы реконструкции крупнейшего развивающегося города. основополагающие принципы градостроительства, реализованные в генеральном плане реконструкции Москвы, оказали практическую помощь в решении многих градостроительных задач по всей стране.

Промышленные здания и сооружения

Создание мощной социалистической промышленности и последовательная индустриализация сельского хозяйства были главным содержанием процесса развития народного хозяйства СССР во вторую и третью пятилетки. Гигантские объемы строительства промышленных зданий и сооружений, их чрезвычайное типологическое разнообразие требовали подготовки специальных квалифицированных кадров архитекторов-промышленников. Ведущую роль в решении этой проблемы сыграли архитектурное отделение Инженерно-строительного факультета Московского высшего технического училища (МВТУ) и персонально профессора Л. и В. Веснины, а также руководитель отделения проф. А. Кузнецов. Такие воспитанные ими архитекторы, как Б. Гладков, В. Мовчан, Г. Мовчан, Н. Морозов, В. Мыслин, И. Николаев, Г. Орлов, Е. Попов, А. Фисенко и другие, критически развивая проектный и строительный опыт 20-х годов, своими творческими работами и научными исследованиями заложили основы научной методики проектирования промышленных зданий и сооружений.

Быстрый рост объема проектных работ в области промышленного строительства сопровождался укреплением сложившихся в первую пятилетку и созданием новых проектных организаций – Гипромеза, Промстройпроекта, Текстильстройпроекта, Теплоэнергостроя, Гидроэнергопроекта и др. Проектные организации того времени были одновременно и ячейками архитектурно-строительной науки. Здесь формировались основы типологии промышленных зданий и сооружений, создавались нормы проектирования, разрабатывались принципы типизации и унификации архитектурно-планировочных и конструктивных параметров.

В проектировании промышленных зданий и сооружений получили практическую реализацию предложения по типизации отдельных компоновочных узлов, впервые были созданы унифициро-

ванные секции одноэтажных зданий. Сначала все эти начинания реализовались в пределах наиболее крупных промышленных строек, но с момента создания Государственного комитета по делам строительства при СНК СССР в 1938 г. они приобрели и междоуведомственный характер.

Обязательность соблюдения технологических требований процесса производства в проектировании промышленных зданий, несомненно, сдерживала проникновение в эту область тенденций формализма и стилизаторства. Вообще следует иметь в виду, что критика «новой архитектуры» – конструктивизма и рационализма в конце 20-х годов – относилась главным образом к сфере жилища и общественных зданий. Новые промышленные здания и сооружения, в которых с наибольшей полнотой проявлялись творческие методы конструктивизма, воспринимались как подлинные произведения архитектуры.

В этом нет ничего странного, учитывая, что дореволюционное фабрично-заводское строительство было вне творческих проблем архитектуры, тогда как метод «новой архитектуры» рассматривал технологический процесс, гигиенические условия труда, пластику новых конструкций в качестве факторов объемно-пространственного формообразования в целях создания сферы, комфортной для человеческого труда. Введение в структуру промышленных сооружений объектов культурно-бытового обслуживания рабочих (бытовки с индивидуальными шкафчиками, развитые санузлы с душевыми, столовые, пункты медицинской помощи, комнаты отдыха и т.п.), благоустройство территории, подчинение всех этих элементов гармонизированному порядку превращало новые промышленные здания и сооружения в произведения архитектуры, сочетающие пользу, прочность и красоту.

Вместе с тем в эти годы усиливалось внимание к поискам выразительности композиций. Если в первую пятилетку для объемно-планировочных композиций промышленных зданий еще характерно полное подчинение требованиям технологического процесса, разрабаты-

ваемого технологами, то во вторую и третью пятилетки архитектор, овладевший существом технологических процессов, все чаще выступает активно и в этой области. Обладая развитым пространственным воображением, архитектор, не нарушая требований технологии, находит возможность подчинять построение пространства и объемов законам красоты.

В этом отношении показательна работа по реконструкции Московского автомобильного завода им. И. А. Лихачева. До Великой Октябрьской социалистической революции на месте нынешнего гиганта автомобилестроения были построены мастерские по ремонту и сборке грузовых автомобилей АМО для нужд армии. В 1928 г. здесь был построен уже автозавод. Во вторую пятилетку потребность в автомобилях резко возросла и потому с 1934 по 1939 г. была проведена решительная реконструкция завода, мощность которого увеличилась с 28 до 90 тыс. машин, выпускаемых в год.

Территория завода расширялась, поскольку увеличивались все сопутствующие основному производству службы и здания (подсобные цеха, склады материалов и готовой продукции, испытательные стенды, лаборатории, блоки питания и т. д.). Коренные изменения претерпели внутризаводской транспорт и вся инженерная сеть (водопровод, канализация, теплоснабжение и т. п.).

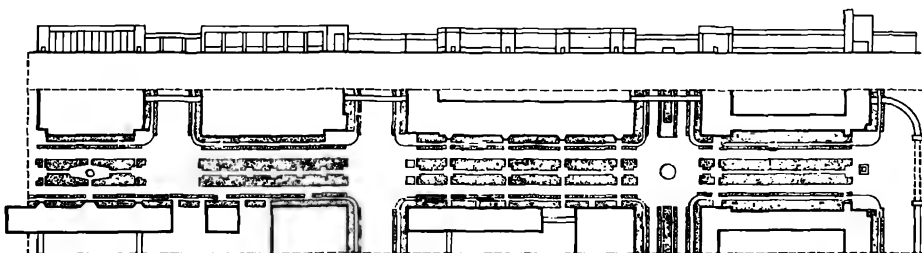
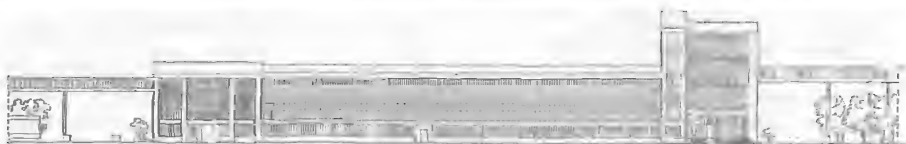
Коллектив проектировщиков — А. Зильберт, В. Златолинский, Н. Морозов, А. Гуля, Ю. Жданович, В. Калинин под руководством вначале А. Фисенко, а впоследствии Е. Попова, при консультации А. и В. Весниных большое внимание уделил прежде всего рациональному зонированию территории завода. Вся территория была разделена на взаимно функционально связанные зоны — производственную, энергетическую, складскую и т. д., что сразу внесло логику и порядок в разработку генерального плана. Одновременно с генеральным планом завода авторы разработали и проект застройки жилого района, примыкающего к заводу, добившись при этом композиционного единства заводского комплек-

са и жилой застройки. Этот новый тогда прием до сих пор не потерял своего значения.

Главная магистраль жилого района (улица Автозаводская, бывш. Амовская) была как бы продолжена по заводской территории и превращена в основную композиционную ось всего заводского комплекса. Эта магистраль играет важную функциональную роль, она принимает на себя основные потоки людей и механического транспорта, по ней проходят все инженерные коммуникации, обеспечивая кратчайшие связи с цехами, расположенными вдоль магистрали. Главная магистраль одновременно стала и главной осью архитектурно-художественной композиции. Архитектурные объемы цехов, выходящих на магистраль, создают выразительный ритмический ряд, сообщающий крупный масштаб заводскому пространству в отличие от более мелкого масштаба жилого района. Авторы сознательно ставили перед собой задачу создания целостного пространственно протяженного архитектурного ансамбля. Ритм и метр, образованные чередованием протяженных и вертикальных корпусов, а также их элементов в виде акцентированных входов, эркеров, динамично развивают художественную тему, как бы ассоциативно выражающую ритм производственного движения главного заводского конвейера.

В разработке внешнего облика зданий авторы стремились к гармоничному единству и выразительности, не поступаясь правдивым отражением типологической сущности зданий. Большие поверхности остекленных плоскостей, оправданные технологическими или бытовыми потребностями, расчленялись кирпичными импостами. Это повышало экономичность остекления (малые размеры стекол) и одновременно вводило в плоскость фасада метрический ряд в качестве художественно-композиционного приема.

В пространственном построении цехов большое внимание было уделено органичной связи производственных зданий с бытовками. Проектировщики применили два композиционных при-

67. Москва. Автомобильный завод им. Лихачева, 1937 г.
Е. Попов, С. Муравьев,
В. Златоножский.

М. Волчегорский и др. Общий вид. Фасады по главной магистрали, разрез, развертка и план магистрали

ема: для холодных производственных цехов бытовые корпуса располагались параллельно их продольной оси и соединялись с ними галереями по второму и третьему этажам; в горячих цехах с изыскательным тепловыделением корпуса бытовых устройств располагались с торцов, чтобы обеспечить наилучшие условия аэрации в основных цехах.

Осуществляя проектирование и строительство столь большого и развитого заводского комплекса, проектировщики провели одновременно большую исследовательскую работу, стремясь решить проблему типизации и унификации основных узлов и строительных элементов зданий. В результате экспериментальных проработок и проверок были введены крупные по тому времени шаги для сетки вертикальных несущих элементов — 6×12 м. Применялись железобетонные колонны Т-образной формы, поддерживающие металлические фермы с фонарями. Типизированы были элементы каркаса многоэтажных зданий, формы покрытий, осветительные фонари и др. Это позволило на строительстве автозавода впервые применить предварительную заготовку строительных конструкций и деталей.

Большая роль отводилась при реконструкции автозавода им. Лихачева благоустройству, озеленению и обводнению территории, устройству малых декоративных форм.

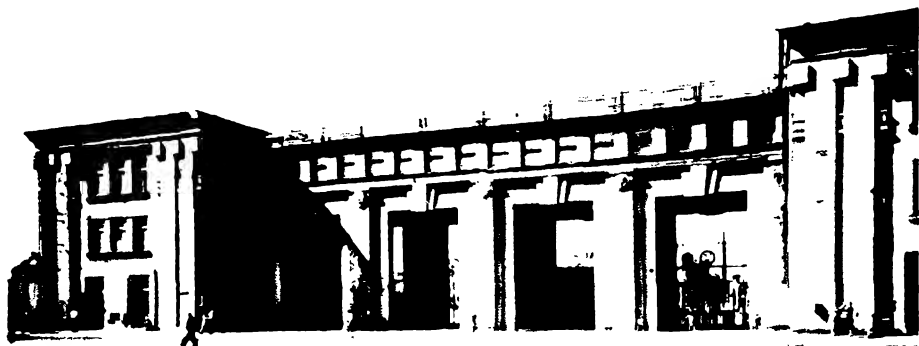
Другим крупным событием была реконструкция Горьковского автозавода. Он был построен еще в первую пятилетку, но к 1937 г. необходимость увеличения его мощности с 27 до 100 тыс. автомашин в год потребовала коренной реконструкции. В разработке проекта принимали участие Промстройпроект, мастерская Наркомтяжпрома, возглавляемая В. Весниным и другие проектные организации. Авторский коллектив состоял из А. Фисенко, А. Короткова, Л. Великовского, А. Варгазина, А. Варги и Н. Гусева. Общее руководство осуществлял А. Фисенко.

Большой рост мощности завода потребовал увеличения территории почти в 2,5 раза. Проектировщики внимательно

учли сложившуюся структуру генерального плана. Размещение существующих промышленных зданий подсказало применение так называемой «панельной» системы планировки заводской территории. Эта система позволяла осуществить кратчайшие технологические связи между основными производственными цехами, подсобными корпусами и инженерными коммуникациями, а также зданиями бытового обслуживания рабочих. Панельная система планировки дает весьма экономное использование территории и потому с тех пор широко вошла в практику проектирования промышленных комплексов.

Вся территория Горьковского автозавода размещается между шоссе, ведущим людей на производство, и рекой. Чтобы рассредоточить людские потоки (при панельной планировочной структуре это важно), авторы расчленили территорию завода двумя магистралями, выходящими на шоссе под прямыми углами. При выходе магистралей на шоссе были устроены две предзаводские площади с общественными зданиями (заводоуправление, здание общественных организаций, научно-лабораторный корпус, профтехшкола и др.). Одна из магистралей выделена как главная путем увеличения соответствующей предзаводской площади до 4,5 га.

Размещение главных заводских входов и корпусов вдоль шоссе было учтено при разработке фронта застройки. Здесь авторы, как и при реконструкции ЗИЛА, использовали ритмические и метрические повторы двух основных архитектурных мотивов в композиции цехов. Построение фасада кузовного цеха определено ритмом витражей, подчеркнутых белыми наличниками, и простенков с малыми квадратными окнами, тоже в рамке белых наличников. Фасады же инструментального и штамповочного цехов скомпонованы на основе метрического ряда узких вертикальных витражей и простенков, перекрытых архитравной балкой. Два четких и выразительных композиционных мотива позволили динамично расчленить длинный фронт заводской застройки вдоль широкого шоссе.

На Горьковском автозаводе, так же, как и на ЗИЛе, нашли применение принципы типизации и стандартизации. Основные конструкции были выполнены из железобетона, причем в одноэтажных цехах – сборные железобетонные конструкции, тогда как в многоэтажных несущие конструкции каркаса выполнялись в монолитном железобетоне, а иногда и в металле, что сокращало сроки строительства. Проектировщики также тщательно продумали систему благоустройства. Они применяли различные приемы декоративного озеленения, архитектурной обработки таких функциональных элементов, как вентиляционные шахты, фонари наружного освещения, доски Почета на главной магистрали, места отдыха и т.п. – все это превращалось в своеобразную «архитектуру земли», усиливая общую выразительность заводского ансамбля.

Два приведенных примера не исключение. Сложившиеся в предшествующий период прогрессивные принципы формирования архитектуры промышленных зданий, развитые во вторую и третью пятилетки, характерны для большинства крупных промышленных строек. Творческий учет требований технологии производства и самого строительства, внутрипостроечная типизация и стандартизация, поиски выразительности зданий параллельно с выявлением их типологической природы, разработка

68. Ленинград. Завод
им. Кирова на улице Стачек.
Главный вход

благоустройства, улучшающего гигиенические качества среды и одновременно формирующего эстетический облик промышленного предприятия, – все это в той или иной мере можно проследить и на других объектах. Достаточно сослаться на Краматорский завод тяжелого станкостроения, Харьковский и Волгоградский тракторные заводы и др.

Решение архитектурной задачи всякий раз, естественно, определялось профилем конкретного производства. На заводах черной или цветной металлургии, нефтеперегонных или химических заводах понятие «здание» для основных цехов мало приемлемо. Доменный цех, коксохимические батареи или установки по перегонке нефти – это уже технические агрегаты, технологическое оборудование. В этих случаях архитектурная задача определялась прежде всего необходимостью выбора наиболее благоприятного расположения промышленной площадки по отношению к населенному месту (учет господствующих ветров), рациональным размещением объемов, подчиненным оптимальным технологическим связям. Не последнюю роль играл и поиск выразительного силуэта промышленного комплекса. Примером решения подобных задач является строительство металлургического

предприятия в городе Жданове на берегу Азовского моря, начатое еще в 1931 и законченное в 1941 г.

Завод был построен в этом месте не случайно. Открывалась возможность промышленного использования углей Донбасса и железных руд Керчинского месторождения, удобно и дешево транспортируемых морским путем. Архитекторами и технологами было найдено весьма целесообразное и экономичное решение. Для доставки железной руды к доменным печам был прорыт морской канал, параллельно которому и располагались доменные печи. Мартеновские же и прокатные цеха разместились на отметках береговой возвышенности, тогда как коксохимический завод и коксовые батареи были расположены за мартенами и прокатом со стороны материка, чтобы связать их с железнодорожными путями, по которым шел уголь. Все подсобные и ремонтные цеха располагались на более низкой террасе, обращенной к морю. Получилось компактное решение с весьма выразительным силуэтом со стороны моря. В строительстве этого завода были применены новые типы металлических конструкций, в частности для прокатного цеха фермы пролетом 45 м при рабочей высоте 4,5 м, что тогда было значительным достижением. Здесь также впервые в компоновке мартеновского цеха были применены типизированные секции на каждую мартеновскую печь.

Во вторую и третью пятилетки ленинский план электрификации всей страны выполнялся нарастающими темпами. Получили широкое развитие тепловые электростанции, позволяющие использовать низкосортное топливо. ТЭЦ решали задачу энергоснабжения и теплоснабжения не только промышленных предприятий, но и населенных мест. Это имело важное значение для повышения гигиенического уровня городов и поселков, поскольку ликвидировало огромное число мелких котельных, загрязняющих воздушный бассейн городов. Но в решении проблемы электрификации страны первое место принадлежало строительству гидроэлектростанций. Они строились на Кольском полуостро-

ве, в Грузии, Армении, Азербайджане, в республиках Средней Азии. Гидроэлектростанции в ряде случаев служили и для обводнения земель, особенно в Средней Азии. Именно здесь, в Узбекской ССР, впервые получила осуществление идея строительства каскада гидроэлектростанций на реке Чирчик и гидротехнического водораспределительного канала Боз-су. Во второй пятилетке было начато также сооружение гигантского каскада гидроэлектростанций на Волге, сначала в ее верховье, где в 1937 г. был сооружен Иваньковский гидроузел — головное сооружение канала им. Москвы. Советские инженеры и строители достигли высокой культуры гидростроительства. Достаточно сослаться на сооружение Свирской гидроэлектростанции им. акад. Графтио, впервые в мировой практике созданной на сжимаемых грунтах.

Наиболее крупным и своеобразным произведением архитектуры инженерных сооружений рассматриваемого периода является, несомненно, канал им. Москвы, имевший чрезвычайно важное значение в качестве транспортной артерии, средства обводнения Москвы и резкого улучшения водоснабжения столицы. Канал является также весьма показательным с точки зрения изменений творческой направленности архитектуры 30-х годов, своеобразно отразившихся в строительстве промышленных зданий и инженерных сооружений.

Трасса канала протянулась от деревни Иваньково на Волге до Химок в Москве — на 128 км (для сравнения отметим, что Панамский канал, который считался грандиозным сооружением в мировом масштабе, имеет трассу 81 км). Только 8 км канала идет в естественном ложе, вся остальная его трасса — искусственные гидротехнические сооружения. В строительстве канала впервые были применены сегментные затворы в шлюзах, созданы новые виды изоляции от грунтовых вод и т.д.

Канал пересекает Среднерусскую возвышенность — Клиско-Дмитриевскую гряду, вызвавшую необходимость перевала воды на высоту 73 м. Для этого потребовалось в начале канала со сто-

роны Волги создать искусственный подпор и поднять воду с отметки 107 м до отметки 124 м, что было выполнено при помощи Иваньковской плотины, образовавшей Московское море. В конце канала была сооружена Карамышевская плотина, повысившая уровень воды в канале со 112 до 120 м. На Волжском, северном склоне было, кроме того, устроено пять шлюзовых ступеней, а на Московском, южном склоне – четыре шлюзовые ступени.

Канал пролегает по живописным местам Среднерусской возвышенности. Задача состояла в том, чтобы вписать водную дорогу от Москвы до Волги в этот ландшафт, не повредив его природной красоты. Архитектура канала

строилась в виде цепи сменяющихся ансамблей, разнообразных, но связанных единым характером архитектуры. Связь с природой, масштаб архитектурных форм, соизмеримый человеку и вместе с тем достаточно монументальный, – вот что в принципе обеспечило успех архитектуре канала им. Москвы. Конечно, результат определялся и мерой таланта авторов. Для большинства сооружений, таких как ансамбль Яхромского гидроузла (В. Мовчан), Икшинского гидроузла (Д. Савицкий), ансамбль шлюзов № 7 и 8 (В. Кринский), шлюз на реке Яузе и строившиеся последними трансформаторная станция и насосная подстанция (Г. Гольц), авторы нашли тактичную меру применения пластических

69a

69б	70а
	70б

69. Канал им. Москвы
1932-1937 гг.
а. речной вокзал в Химках.
А. Рухлядев, В. Крицкий;
б. шлюз № 3. В. Мовчан

70. Москва. Шлюз на реке
Яузе, 1938-1939 гг. Г. Голыц.
Насосная подстанция шлюза
на Яузе, 1938-1939 гг.
Г. Голыц

форм, сообщавших гидротехническим комплексам разнообразие архитектурного облика. Архитектура зданий и сооружений вполне отвечала функциональным и техническим требованиям и одновременно ассоциативно связывалась с той русской традицией, которая в усадьбах классицизма и чисто утилитарные сооружения подчиняла законам господствующего стиля (работы Стасова, Львова и др.). В архитектуре канала нет прямого подражания каким-либо образцам. Налицо свободная композиция, отвечающая типологическим требованиям, а в пластическом отношении использующая стилизованные мотивы классических форм. Композиция партеров и объемных посадок способствует

слиянию архитектуры с природой. Широкое применение получили монументальная скульптура и произведения декоративного искусства. Их содержание и архитектурное построение подчинено общему образному строю композиции.

В Москве канал завершался Химкинским портом, в структуре которого господствовал новый речной вокзал

(А. Рухлядев). Растянутая вдоль берега ярусная композиция вокзала с башней в центре ассоциируется с речными лайнерами и функционально обеспечивает удобство операций приема и отправки пассажиров. Автор правильно учел, что вокзал будет использован и как место отдыха и развлечений, и предусмотрел развитую ресторанный часть, широкие протяженные галереи на фасаде, напоминающие палубы речных судов. Однако на фасадах и в интерьерах вокзал перенасыщен декоративной лепниной, различной символикой и эмблематикой, не всегда отвечающей требованиям высокого вкуса. В подобного рода частностях уже угадываются украшательские тенденции последующих лет.

В развитии архитектуры промышленных зданий и их комплексов в период второй и третьей пятилеток все большую роль играла наука. В то время практически в каждой проектной организации были созданы отделы научного профиля, однако решающее значение имели крупные научно-исследовательские институты, созданные на базе Государственного института строительства – Институт оснований и фундаментов, Институт гидротехники, Институт водоснабжения, канализации и инженерной геологии. Был создан и Центральный научно-исследовательский институт промышленного строительства (ЦНИИПС). В разработке современных металлических конструкций и прогрессивных заводских методов их производства большую роль сыграл проектный и научно-исследовательский институт Проектстальконструкция. В конце второй пятилетки в Академии строительства и архитектуры СССР был создан кабинет промышленной архитектуры (руководитель И. Николаев), из которого впоследствии, уже после войны, развился ведущий в области промышленной архитектуры ЦНИИЭПромзданий Госстроя СССР. Расширение и специализация научных учреждений продолжались и дальше в соответствии с потребностями практики архитектуры и строительства. Большое значение для повышения качества проектирования и строи-

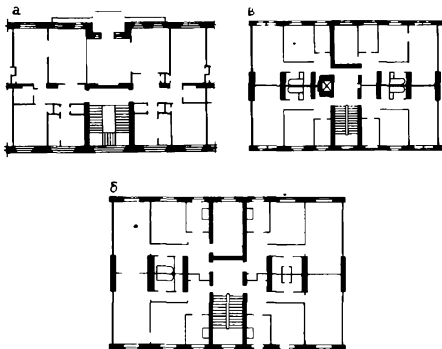
тельства промышленных зданий имела деятельность Государственного комитета по делам строительства при СНК СССР. В рассматриваемый период были практически заложены основы типизации промышленных зданий, получила разработку модульная система проектирования (работы проф. Л. Серка в Промстройпроекте). Были разработаны научные основы светотехники (работы Н. Гусева, И. Николаева).

В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 11 февраля 1936 г. «Об улучшении строительного дела и об удешевлении строительства» особое внимание было уделено повышению индустриальности решений. Постепенно стали внедряться сборные, изготавливаемые на заводах конструкции (железобетонные, металлические, деревянные). В этом направлении многое было сделано такими организациями, как Промстройпроект, Текстильстрой, Проектстальконструкция. В конце 1940 г. в Институте строительной техники Академии архитектуры СССР были впервые разработаны слоистые крупные стеновые панели заводского изготовления (Г. Кузнецов), в сущности это был первый шаг на пути к современному крупнопанельному строительству.

Жилые здания

Решая главные задачи индустриализации страны, Коммунистическая партия и Советское правительство одновременно развернули борьбу за повышение уровня материального благосостояния трудящихся. В решении этой задачи огромное значение имело строительство жилища как важнейшего материального блага, без которого невозможно повышение производительности общественного труда – главного условия успешного строительства социализма.

Во второй пятилетке по сравнению с первой объем жилищного строительства вырос в 1,5 раза. Было построено 42,2 млн. м² общей жилой площади. Такое же количество жилья было построено за три с небольшим года третьей пятилетки, прерванной нападением фашистской Германии на Советский Союз.

71. Типы секций жилых квартир, 1936–1941 гг.
а – Ленинград. Секция жилых квартир, 1934–1938 гг.;
б – Москва. Секция 1940 г.

П. Блохин, А. Зальцман и др.;
в – Москва. Секция, 1940 г.
К. Джус и др. Широкий корпус

История развития архитектуры жилища периода второй и третьей пятилеток весьма сложна не только в творческом, но и в организационном отношении. Так, в начале второй пятилетки наряду с крупными подрядными организациями строительством жилищ ведали и многочисленные мелкие конторы. В ряде случаев строительство проводилось хозяйственным способом самими застройщиками. В результате большие средства расходовались не эффективно. Измельченность строительных организаций препятствовала созданию необходимой индустриально-технической базы строительства. Даже на крупных стройках многие элементы и конструкции изготовлялись полукустарным способом, что приводило к затяжке сроков строительства и завышению его стоимости, поэтому для второй пятилетки был характерен курс на всемерное укрупнение строительных организаций и повышение уровня их технического оснащения.

Во вторую и, особенно, в третью пятилетки столь острые в предыдущий период проблемы функциональной организации дома как нового в социальном плане организма (дома-коммуны) отошли на задний план и разработкой самой удобной и экономичной квартиры стала одной из ведущих проблем архитектуры

жилища. Вопрос о связи с культурно-бытовым обслуживанием был в основном решен в пользу его размещения в структуре квартала, а впоследствии – микрорайона. Господствующим типом жилого дома стал в городах секционный дом в 5, реже 8 этажей. До 1939 г. секции из двух квартир на лестничной клетке были наиболее распространены.

Стремление повысить качество односемейной квартиры повело к увеличению ее жилой и подсобной площади, улучшению санитарно-технического оборудования. В 1932 г. Моссоветом были утверждены «Строительные правила», которые имели в виду повышение уровня благоустройства и размера квартиры¹. Вместе с тем нужна в жилище, стремление дать наибольшему числу трудящихся возможность жить в благоустроенном доме приводили к покомнатному заселению и предназначавшаяся для одной семьи квартира становилась коммунальной. Планировочное решение секций и квартир вступало в противоречие с реальными условиями расселения. Наука о жилище только еще складывалась.

Сравнение секций жилых квартир, спроектированных в эти годы различными архитекторами (И. Голосовым для Автозаводского района в г. Горьком – 1936 г.; Б. Рубаненко и Г. Симонным для кварталов Малой Охты в Ленинграде – 1933 г.; М. Синявским для дома на ул. Горького в Москве – 1937 г.; С. Дадашевым и М. Усейновым для дома Бакосвета – 1938 г. и др.), показывает, что принцип их композиции в сущности один и тот же, в то время как конструктивные схемы, размеры планировочных и конструктивных параметров различны. В больших городах – Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Свердловске, Тбилиси, Баку, Минске и др. – строились дома в 6–8 этажей с лифтами – без должного понимания зависимости стоимос-

¹ Площадь квартиры в две комнаты увеличивалась с 30–35 до 35–40 м²; для квартир в три комнаты – с 40–45 до 50–60 м²; для квартир в четыре комнаты – с 60 до 70–75 м²; допускались пятикомнатные квартиры площадью 85–100 м².

ти строительства от этажности жилого дома. Снижение стоимости жилищного строительства упиралось и в недостатки организации проектирования. Индивидуальное проектирование отдельных жилых зданий не способствовало техническому упорядочению строительства, внедрению его индустриальных методов.

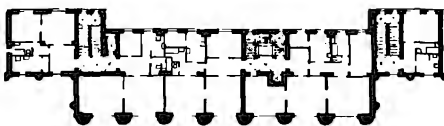
Преимуществом Ленинграда в этом отношении, равно как и некоторых иных городов – Свердловска, Челябинска и др., было то обстоятельство, что строительство в подобных городах осуществлялось в основном на новых территориях и потому относительно крупными массивами, что давало возможность провести унификацию планировочных и конструктивных решений хотя бы в пределах проектируемой застройки. Примером может служить квартал на Малой Охте (1937–1938 гг.), запроектированный

Б. Рубаненко и Г. Симоновым, где типизация и унификация были предусмотрены. Но даже в этих условиях несовершенство организации строительного производства не позволяло извлечь экономические преимущества, заложенные в проекте. Так, квартал на Малой Охте строили 11 строительных организаций с различными материально-техническими возможностями. Таким образом, не только технология, но и организация строительства еще не отвечали требованиям развития индустриализации.

Сложно протекала и перестройка творческой направленности архитектуры в области жилища.

В начале 30-х годов развернулось интенсивное строительство специальных домов для инженерно-технических работников высшей квалификации. Страна крайне нуждалась в таких кадрах и представление им жилища повышенного комфорта рассматривалось как мера поощрения творческого инженерного труда. Проектировались эти дома по особой программе – квартиры увеличенных площадей, высокий уровень благоустройства и отделки.

Большое внимание, уделяемое высшей школой и Академией архитектуры СССР изучению архитектуры историче-

72. Москва. Жилой дом на Моховой улице, 1934 г.
И. Житовский. Общий вид:

план третьего и пятого
этажей

ских эпох, не только обогащало творческое воображение архитекторов, развивало художественный вкус, понимание различных принципов гармонизации в композиции, но порождало одновременно и опасность пассивного потребительского отношения к традиции. На первых порах обращение к урокам Ренессанса, классицизма, предреволюционного неоклассицизма порождало довольно пеструю картину. Для большинства значительных работ были характерны в той или иной степени стилизация, поверхностное заимствование пластических средств архитектуры прошлого. Но даже там, где освоение традиций происходило на самом высоком художественном уровне, результаты получались противоречивыми.

Различие в подходах к проблеме использования классического наследия четко проявилось в таких двух значительных работах, как дом на Моховой улице (ныне площадь 50-летия Октября в Москве), построенный по проекту И. Жолтовского, и на набережной речки Карповки (Ленинград), построенный по проекту Е. Левинсона и И. Фомина. Еще до революции И. Жолтовский снискал славу знатока классической архитектуры, эрудита и превосходного строителя. Он стремился осознать и использовать метод мастеров итальянского Ренессанса, перед которыми уже практически стояли задачи освоения античного наследия. Многолетнее изучение непосредственно в натуре памятников античности и Ренессанса, равно как и древнерусской архитектуры, привело И. Жолтовского к идее универсальности классических законов построения архитектурного организма. Эти «законы красоты», полагал И. Жолтовский, вечны, ибо они объективны, стиль же изменчив, переходящий.

Проектируя дом на Моховой, И. Жолтовский применил архитектурную тему большого ордера, разработанную Палладио в палаццо Вальмарана. Вместе с тем, учитывая более крупную абсолютную величину здания, равно как и иную его внутреннюю планировочную структуру, мастер решительно облегчил заполнение между колоннами ордера, сделал более энергичными пропорции, выделил центр и подчеркнул это контрастом малого ордера боковых крыльев здания. Он полагал, что это изменит характер восприятия художественного образа и творческая реплика Палладио будет выглядеть вполне современно на улице Москвы.

Пока здание строилось, часть застройки Моховой снесли и новое здание вышло на открытое пространство Манежной площади (ныне площадь 50-летия Октября), на это весь композиционный строй не был рассчитан — ни у Палладио, ни у Жолтовского, ориентировавшихся на острые ракурсы восприятия. Тем не менее крупный впечатляющий масштаб здания, виртуозно разработанная тема ордера, превосходные по

рисунку детали, непривычно высокое качество строительных работ (этого И. Жолтовский умел добиваться) вызвали большой интерес к новому зданию. Москвичи приходили смотреть «красивый дом».

В планировке дома в центральном объеме здания была применена двухквартирная секция с квартирами в одном-двух уровнях в три-четыре комнаты, в боковых крыльях были расположены одно-двухкомнатные квартиры. Применена распространенная в то время продольная схема расположения несущих конструкций, при которой простенки получают максимальную нагрузку. Пространство больших квартир возвращено по принципу анфилады. Комнаты тщательно пропорционированы. Все детали внутренней отделки, столярные изделия (окна, двери), скобянка — все до мелочей нарисовано уверенной рукой мастера.

Однако утеря типологической правдивости современного квартирного жилого дома была налицо. Его однородная ячеековая структура не получила образного выражения. Так, к примеру, балконы устроены только в двух этажах и выполняют чисто фасадную функцию отсчета членений по вертикали, создавая необходимый автору пропорциональный строй. Таким образом, композиционная идея палаццо-особняка XVI в., которая у Палладио дает нам пример единства внутренней структуры и ее внешнего выражения, оказалась противоречащей структуре современного жилища. Идея «вечных законов красоты» не выдержала проверки. Тем не менее дом на Моховой оказал большое влияние на архитектуру жилища данного периода.

В том же 1934 г. в Ленинграде был закончен строительством другой жилой дом с квартирами повышенного комфорта — так называемый «Дом Ленсовета» (Е. Левинсон, И. Фомин), расположенный на набережной Карповки на Петроградской стороне, вблизи площади Льва Толстого. Это была весьма принципиальная работа, в которой авторы трактовали проблему осмысления традиции широко — как всего передово-

го, что дает не только архитектура классических эпох, но и прогрессивный опыт современной архитектуры.

Планировка квартир в 2, 3, 4, 5 и 6 комнат была строго подчинена требованиям современных бытовых удобств. Это особенно хорошо видно на планировке шестикомнатных квартир. В них последовательно проведен принцип разделения на общественную часть (холл, гостиная, общая комната, сокращенный санузел, кухня) и часть интимную – спальни, детская комната, развитой санузел.

Объемно-пространственная структура дома органично вписана в градостроительную ситуацию. Центральный объем плавно изогнут по кривой, образующей пространство своеобразного курдонера, открытого в сторону набережной. Два боковых корпуса не равновелики друг другу, но это несколько не нарушает симметричной уравновешенности архитектурных масс.

Решения ряда сложных функциональных и технических задач авторы одновременно использовали и в качестве формообразующих средств композиции. Так, например, желая избежать затопления первого этажа в случае больших наводнений, дом поставили на своеобразный стилобат общей высотой в 1,5 м, что дало возможность поднять пол первого этажа на отметку 2 м над уровнем земли. Но это практически обусловленное решение они превратили и в решение чисто архитектурное – в виде террасы-партера, использованного для цветочных посадок. Проходы, открытые лестницы, соединяющие партер с верандой второго этажа и торцевыми лоджиями боковых корпусов, создают масштабный переход от мелких форм к более крупным формам главного фасада. Открытая веранда второго этажа, светотеневые пятна крупных лоджий сообщают всему зданию легкость, открытость, лирическое начало, органично присущее образу жилого дома. В то же время веранда функционально обусловлена – она принадлежит детскому саду, встроенному в дом.

В результате дом на Моховой в Москве, при всем мастерстве интерпрета-

ции исторических мотивов, остается все же стилизацией, а дом на Карповке в Ленинграде воспринимается как вполне современный – градостроительные факторы, функция, технические решения сливаются здесь в органическом единстве архитектурного образа. Тем не менее дом на Карповке в дискуссиях тех лет практически не упоминался, тогда как дом И. Жолтовского на Моховой вызывал ожесточенную полемику.

Увлечение ренессансной системой композиции приобрело широкое распространение. В Москве это можно проследить на многих зданиях, построенных на выборочных участках столичных магистралей в 1933–1940 гг., например многоэтажные жилые дома на улице Чкалова вблизи Курского вокзала (И. Вайнштейн), на улице Горького (А. Буров), на той же улице у Белорусского вокзала (М. Синявский), на Суворовском бульваре (Е. Иохелес) и др. Для каждого из этих зданий разработана своя секция квартир, приняты свои планировочные параметры в соответствии с действовавшими тогда нормами Моссовета. Квартиры удобны. Как правило, это двух- или трехквартирные секции с трехмаршевой лестничной клеткой и лифтом. Квартиры в доме на углу улицы Горького и площади Белорусского вокзала построены по тому же принципу, что и в доме на Моховой: кухни отнесены в глубь квартиры, при помощи остекленных дверей пространство квартиры может быть раскрыто на всю ширину корпуса, смежные комнаты соединяются одна с другой в виде анфилады.

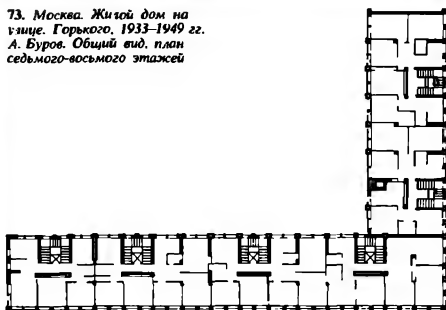
Дома эти кирпичные, чаще всего с продольной схемой расположения несущих конструкций. В композиции фасадов применена система пропорциональных отношений, разработанная в эпоху итальянского Возрождения и развитая И. Жолтовским, поскольку каждый из названных архитекторов в той или иной мере испытывал на себе влияние этого мастера. Пластические формы архитектурных элементов фасадов также варьируют ренессансные мотивы (профили цоколя и промежуточных поясов, образующих трехчастное членение плоскости фасада, венчаю-

73. Москва. Жилый дом на улице Горького, 1933–1949 гг. А. Буров. Общий вид, план седьмого-восьмого этажей

74. Москва. Жилый дом на улице Горького, 1939 г. М. Синяевский. Общий вид; план типового этажа

шие карнизы, форма наличников окон и входов и т. д.). Однако в целом эти дома по-своему самобытны. Их архитектура не является простой репликой тех либо иных ренессансных палаццо. Структура многоквартирного современного городского дома достаточно четко в них выражена, так же как и тектоника кирпичной стены. Особенно это характерно для домов А. Бурова на улице Горького и Е. Иохелеса на Суворовском бульваре. Тем не менее работа «в стиле Ренессанс» неизбежно приводила к декоративизму, к изобразительности формы внешне логичной, но на самом деле оторванной от

ее конструктивной сущности. Так, венчающие карнизы с выносом в 2 м, выполненные в железобетоне, имитировали легкие ренессансные карнизы на деревянных консолях. Чтобы осуществить большие выносы подобных карнизов, приходилось сооружать специальные противовесы и анкеры. Тем не менее архитектура этих зданий воспринималась с удовлетворением, она, очевидно, отвечала тем «ориентирам красоты», которые формировались в сознании людей в то время. Овеянный историей жизнеутверждающий оптимизм традиционных архитектурных образов был, по-видимому, эмоционально ближе массовому сознанию, чем геометрический пуризм архитектуры предыдущего периода.

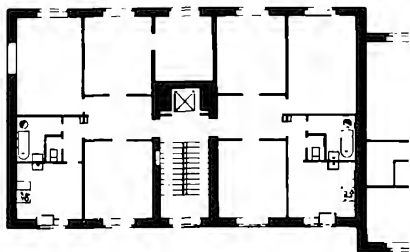
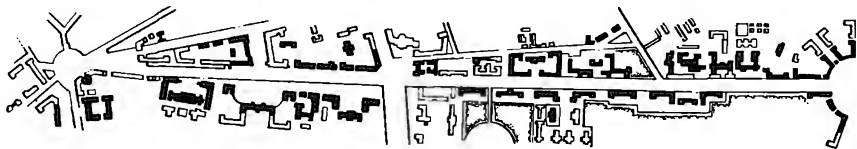
Наряду с этим разрабатывались и композиционные приемы упрощения классического ордера – в работах Л. Полякова, П. Абросимова, А. Великанова и др. Очевидно, что эти работы восходили к теоретическим положениям и осуществленным постройкам И. Фомина, еще в 20-е годы начавшего эксперименты подобного плана.

Еще одна линия стилизации возникла под воздействием русского классицизма и неоклассицизма и наиболее отчетливо проявилась в архитектуре жилищ Ленинграда. В 1935–1937 гг. здесь применялись секции жилых квартир, близкие по нормам и структуре московским (квартиры в три-четыре комнаты, как правило, две – реже три квартиры на лестничной клетке, с шириной корпуса в пределах 11–12,5 м). В большинстве случаев применялись секции с продольной схемой несущих конструкций. Поскольку строительство велось главным образом на новых территориях, большое значение приобретала разработка комплексных проектов застройки (районы Автово, Щемилловки, Малой Охты, Московского проспекта и др.). И хотя реально строили в первую очередь вдоль магистралей, композиция каждого отдельного дома определялась общим композиционным решением района. Взоры ленинградских зодчих обращались к наследию русского классицизма, оставившего образцы крупномасш-

табных градостроительных композиций. Примером в этом отношении может служить застройка жилого квартала в районе Малой Охты (Б. Рубаненко, С. Смирнов и др.). Композиция фронта жилых домов построена с учетом восприятия с дальних точек противоположного берега. Два больших дома, полукруглых в плане, фланкируемых по сторонам долевыми корпусами, создают сильную объемно-пластическую форму. В архитектурном убранстве фасадов применены декоративные формы, явно восходящие к классицизму, но самостоятельные интерпретированные авторами.

В Щемилловке (Е. Левинсон и И. Фомин) намеченная структура застройки преследовала цели создания закономерных внутренних пространств, функционально связанных как с жилищем, так и со зданиями общественного назначения. Но первая очередь строительства формировала отрезок дуговой магистрали, подводящий к мосту. Композиция жилых домов в соответствии с этим их градостроительным расположением была построена на метрическом повторе крупных архитектурных фрагментов в виде своеобразных портиков, оформляющих лоджии. Этот формально интересный прием привел, однако, к ухудшению освещенности прилегающих к лоджиям комнат.

Особенно интенсивно велась в Ленинграде застройка Московского проспекта, который явился главным стержнем формирования будущих крупных жилых образований. Несмотря на то, что строительство велось непосредственно вдоль проспекта, ему предшествовала проработка пространственной композиции всей застройки в глубину, в силу чего, в отличие от московской практики, авторам отдельных домов удавалось поддерживать тот объемно-пространственный замысел, который был намечен в общем проекте застройки. Именно им определялись отступы и выступы объемов, согласованность силуэта по улице, акцентирование форм отдельных домов, въездов во внутренние пространства будущих кварталов и т. д.

75. Москва Большая
Калужская улицы (ныне
Ленинский проспект).
Поточно-скоростное
строительство
вверху — план застройки

1939–1940 гг. А. Мордвинов,
Г. Гольц, Д. Чечулин,
П. Красильников; с лева
секция; справа — общий вид
застройки

Преимущества способа проектирования «от общего к частному» хорошо проявились и в застройке Автова (А. Оль, С. Бровцев и др.). Удалось не только запроектировать, но и осуществить в натуре комплексное строительство жилья и некоторых общественных зданий (детские учреждения, школы) и тем самым не только обеспечить необходимые удобства, но и добиться выразительных пространственных решений.

Опыт расселения показывал, что большие трех- и четырехкомнатные квартиры в большинстве случаев заселялись покомнатно. К 1937 г. было пересмотрено процентное соотношение квартир в сторону увеличения двухкомнатных квартир. В это время в Академии архитектуры проводились работы по изысканию планировочных решений, обеспечивающих возможность предоставления каждой семье отдельной квартиры при соблюдении практически тех же стоимостных показателей, что и при покомнатном заселении (авторы исследований П. Блохин, А. Зальцман, Г. Локишин и др.). В результате исследований была разработана серия типовых

секций жилых квартир для многоэтажного строительства. В этой серии впервые в практике проектирования и строительства была применена модульная система, реализованы принципы унификации основных планировочных и конструктивных параметров жилища и созданы экономичные квартиры для заселения одной семьей. Таким образом, были развиты те научные принципы типизации жилища, которые были заложены в Стройкоме РСФСР (бригада под руководством М. Гинзбурга) еще в 20-х годах.

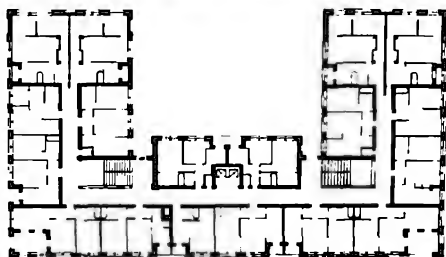
Вышедшее после первого Всесоюзного совещания по строительству постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «Об улучшении строительного дела и об удешевлении строительства» наметило пути перехода на индустриальные методы строительства (развитие промышленности сборного железобетона и строительных материалов, переход на подрядный способ ведения работ и т. д.). На совещании, в частности, было подвергнуто критике увлечение фасадничеством, пренебрежение типовым проектированием и т. д. На первом съезде советских архитекторов в 1937 г. также подверглись критике явления формализма в архитектуре, отрыв от насущных проблем массового строительства, в частности недостаточное внимание

к вопросам экономики проектирования и строительства.

В результате критики в научных и проектных организациях серьезное внимание было обращено на всестороннее изучение вопросов экономики жилища. Так, Академия коммунального хозяйства РСФСР на основе широкого обследования и анализа эксплуатации жилого фонда выявила, что секции в две квартиры на одну лестницу с шириной корпуса 10–11 м не экономичны, поскольку приводят к большим теплотерям в эксплуатации в сравнении с секциями шириной корпуса в 14–16 м, особенно с большим числом квартир на лестничной клетке. В итоге было принято специальное решение о проектировании секций с шириной корпуса не менее 14 м, появились более экономичные секции с 4–5–6–8 квартирами на одной лестничной клетке. В разработке новых экономичных секций принимали участие К. Алабян, К. Джус, З. Розенфельд и др. Примерами могут служить секция, разработанная З. Розенфельдом для Москвы (четыре квартиры на лестничную клетку с лифтами), и широко применявшаяся в практике массового строительства для домов в пять этажей без лифтов секция Академии архитектуры СССР (А. Залыцман и П. Блохин).

Идея индустриализации строительства нашла в то время выражение, в частности, в развитии крупноблочного строительства. В начале 30-х годов в Ленинграде было осуществлено строительство жилых домов из крупных шлакобетонных блоков (И. Нипоркин, И. Чайко, Д. Альперович). Опыты крупноблочного строительства проводились также в Магнитогорске по проектам Горстройпроекта (П. Блохин, Л. Гельберг). В 1935 г. в Москве был построен крупноблочный дом на Ольховской улице (А. Климухин, А. Кучеров). Все это были дома из так называемых «черных блоков», не офактуренных, требующих последующей штукатурки стен. В 1936 г. группа архитекторов и инженеров Горстройпроекта (А. Залыцман, П. Блохин, П. Ревякин, К. Соколов и др.) разработала большой комплекс жилых домов и массовых общественных зданий в рай-

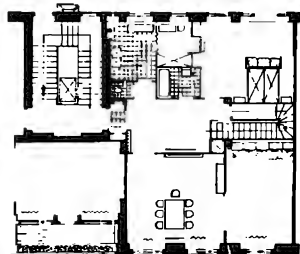
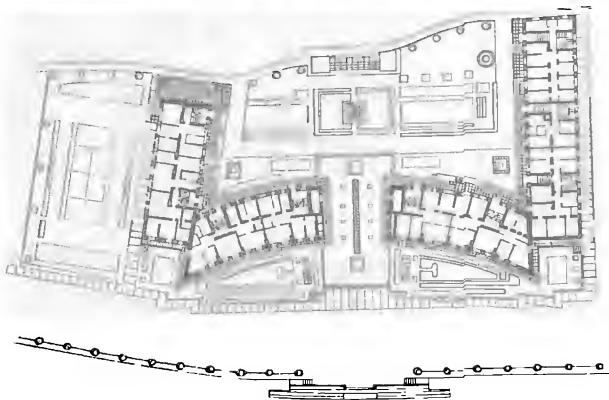
76. Москва. Крупноблочные жилые дома. 1938 г. А. Буров, Б. Блохин. сверху слева — первая очередь строительства жилого дома из крупных блоков на Б. Полянке; внизу слева — вторая очередь строительства

жилого дома из офактуренных блоков на Б. Полянке; справа — крупноблочный жилой дом на Ленинградском шоссе, 1940 г. А. Буров, Б. Блохин, А. Кучеров, Г. Карманов. Общий вид. фрагмент, план

оне Богородска в Москве из офактуренных на заводе блоков.

Прием заводского офактуривания блоков был далее использован архитекторами А. Буровым и Б. Блохиным в их работах по крупноблочному строительству. Ими были разработаны два принципа композиции крупноблочных зданий. Один был чисто тектонический —

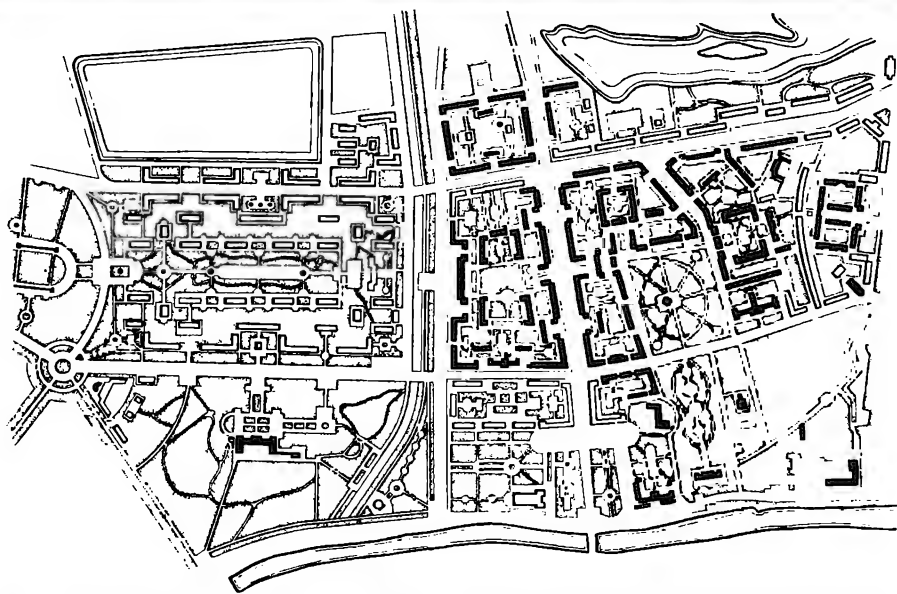

77. Ленинград. Жилой дом Ленсовета на Карповке, 1931–1934 гг. Е. Левинсон, И. Фолин. Общий вид, генеральный план, план квартиры в двух уровнях

78. Ленинград. Жилой район Шениковки, 1937–1940 гг. Е. Левинсон, И. Фолин и др. Жилой дом на Исаковской улице, неосуществленный проект планировки района

стена, сложенная из горизонтально лежащих больших блоков, укрупненные размеры которых определялись принятой авторами четырехрядной разрезкой, позволявшей значительно сократить общее число блоков на дом. Однако на практике применение этого принципа

(дом на Б. Полянке в Москве) показало, что размеры такого блока, да еще подчеркнутые рустом, нарушают масштабный строй жилого дома – в сопоставлении с обычными размерами окон и дверей входов. Тогда в другом доме на той же Б. Полянке они применили вто-

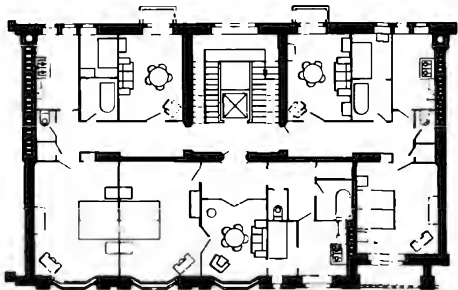
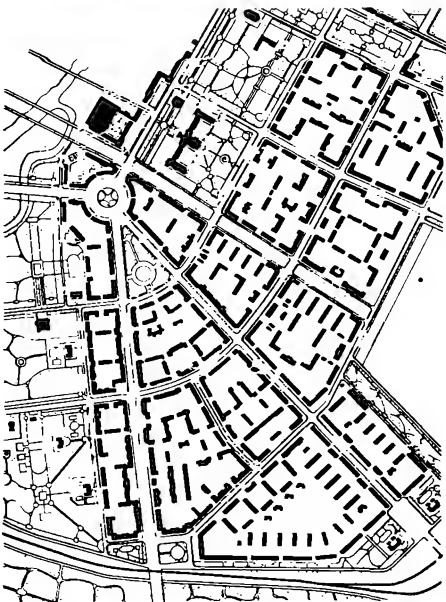
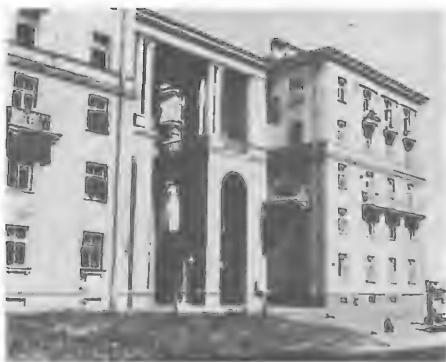
рой – «иллюзорный» принцип, разбив фактурную поверхность крупного блока рисунком и цветом на более мелкие квадраты, отвечающие привычному масштабу жилого дома.

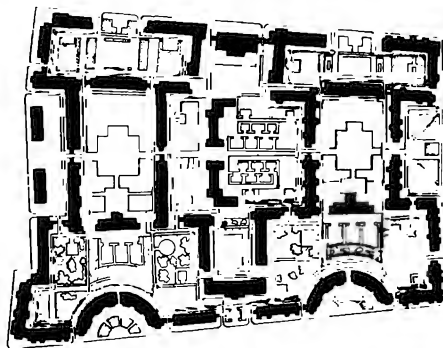
Стремясь повысить эффективность применения блоков в строительстве,

А. Буров и Б. Блохин пошли по пути их дальнейшего укрупнения, что позволяло сократить число типоразмеров элементов и одновременно повысить производительность подъемных механизмов при монтаже. Они спроектировали жилой дом на Ленинградском проспекте

в Москве, в котором применили для стены двухрядную разрезку, что резко сократило число блоков на один дом. Все стеновые блоки дома имели офактуренную поверхность, рисунок которой, равно как и характер профилировки деталей, правдиво выражает тектонику принятой разрезки стены. В сущности здесь авторы уже вплотную подошли к проблеме превращения блока в укрупненную панель, потому что следующим шагом, естественно, было уменьшение собственного веса блока. Но дальнейшим поискам помешала война. Построенный ими дом на Ленинградском проспекте был интересен и типологически. Его план в виде буквы П включал коридорную систему с двусторонней застройкой экономичными одно- и двухкомнатными квартирами. В первом этаже дома предусматривались помещения культурно-бытового обслуживания для живущих в доме. К сожалению, это не удалось осуществить, помещения были заняты под различные городские службы, прямого отношения к данному дому не имеющие.

В 1937–1939 гг. группа архитекторов и инженеров под руководством А. Мордвинова разрабатывала иной подход к проблеме индустриализации строительства. Основное внимание здесь было сосредоточено главным образом на использовании заводских элементов, механизации строительства, ликвидации мокрых процессов на стройке. Первые опыты были проведены на строительстве жилых домов на улице Горького в Москве – от проспекта Маркса (бывш. Охотного ряда) до переулка Немировича-Данченко по правой стороне, и от площади Моссовета до площади Пушкина по левой стороне улицы (А. Мординов и П. Красильников). Для жилых домов была разработана секция в три квартиры на лестничной клетке (2–1–3). Единый продольный шаг расстановки опор (металлические стойки в железобетонной обойме) в 4,2 м позволил унифицировать железобетонные элементы перекрытия. Принятые в проекте конструкции и материалы давали возможность заготовки элементов на заводах (оконные блоки, лестничные марши,

79. Ленинград. Жилой район Автово. 1936–1941 гг. А. Оль. С. Бровцев. Общий вид жилых домов, конкурсный проект планировки, план типовой жилой секции

80. Ленинград. Жилой район Малая Охта. 1936–1941 гг. Г. Симонов, Б. Рубаненко и др. Общий вид планировка квартала

плиты для перегородок и облицовочные плитки, керамические детали фасадов и т. д.). Широкое применение механизации, соблюдение графика поставки деталей и выполнения строительных работ позволило сильно сократить сроки возведения зданий. Так, корпус А между проспектом Маркса и проездом Художе-

ственного театра был закончен в 11 мес вместо обычных двух лет.

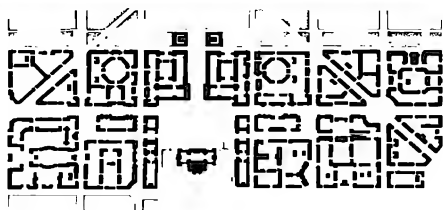
После успеха строительства на улице Горького А. Мордвинов совместно с П. Красильниковым и В. Скосыревым сформулировали идею поточно-скоростного строительства. Сущность ее состояла в том, что строительство осуществляется бригадами, специализированными по отдельным видам работ (земляные, фундаментные, кладка стен и монтаж перекрытий, сантехника и т. д.). Каждая такая бригада, закончив свою работу, переходит на другой объект, где фронт работ ей уже подготовлен. Это позволяет обслужить весь ряд зданий, включенных в поток, одним комплектом строительных механизмов и одними и теми же специализированными бригадами. В 1939–1940 гг. по этому методу осуществлено строительство целого комплекса жилых зданий на Большой Калужской улице (ныне Ленинский проспект), на Велозаводской улице и на Большой Полянке. В проектировании комплекса зданий на Большой Калужской улице принимали участие А. Мордвинов, Г. Голыц, Д. Чечулин.

Совершенно естественно, что новые методы строительства не могли не сказаться на решении жилых зданий. В основу планов жилых домов была положена единая секция (две трехкомнатные квартиры на лестничную клетку, заранее ориентированные на покомнатное заселение – все комнаты одинаковых размеров, непроходные, кухня увеличенной площади). Но и при строгом соблюдении типового решения, унификации конструкций архитекторы добивались известного разнообразия в облике жилища. Наиболее интересным был дом, возведенный по проекту Г. Гольца и занимающий центральное положение в комплексе на Калужской улице.

И в строительстве на улице Горького, и на Калужской улице во главе всего процесса проектирования стояли архитекторы. И хотя новые методы строительства, новые конструкции и требования технологии строительных работ еще не были полностью творчески освоены и известная художественная упрощенность сопровождала эти первые опыты, сам факт объединения усилий всех участников строительства под эгидой архитектора был явлением прогрессивным.

Результаты поточно-скоростного строительства были весьма внуши-

тельны. Сроки строительства каждого дома значительно снизились – до 6–8 мес. Поточно-скоростное строительство с 1939 г. стало широко распространяться по стране.

Развитие архитектуры жилища в реконструируемых и новых промышленных городах, в столицах союзных республик в 1933–1941 гг. характеризуется в типологическом отношении (типы квартир, типы жилых домов, их инженерно-технические решения, экономика) по сути дела теми же качественными показателями, которые были характерны для Москвы и Ленинграда. Этому способствовало то обстоятельство, что в Москве и Ленинграде были сосредоточены наиболее крупные и разнообразные по профилю проектные организации, которые проектировали практически для всей страны и во многом

81. Ленинград. Застройка
Московского проспекта. 1936
1940 гг. Общий вид застройки,
генеральный план (вариант)

82. Киев. Жилой дом. 1935 г.

определяли направленность работы архитекторов в других городах. Правда, в Свердловске и Новосибирске, Киеве и Харькове, Минске, в столицах Закавказских и Среднеазиатских республик в 30-е годы сформировались свои проектные организации, но и для них опыт центров был не безразличен.

В архитектуре жилища на Украине в период второй и третьей пятилеток можно проследить уже знакомые нам этапы. Вначале, осваивая опыт Москвы и Ленинграда, украинские архитекторы применяют секции с относительно малыми квартирами, но после 1932 г. в городском строительстве преобладающей становится секция из двух квартир в три-четыре комнаты, что так же, как и в РСФСР, способствовало покомнатному расселению. Вместе с тем здесь меньше встречается примеров излишней монументализации, прямого обращения к классицизму, композиций, искажающих типологическую суть жилища. Чаще всего архитектура строилась на выявлении таких органически присущих жилищу элементов, как эркеры, лоджии,

балконы. В декоративной обработке фасадов архитекторы зачастую использовали мотивы предреволюционного модерна и так называемого «украинского барокко».

В Среднеазиатских республиках до середины 30-х годов строительство жилища проводилось главным образом по индивидуальным проектам и полукустарными способами. При этом, несмотря на резкие климатические отличия от РСФСР, применялись в принципе те же квартиры и секции с шириной корпуса до 14 м и больше, лишаящие жилище сквозного проветривания, столь необходимого для Средней Азии. Только во второй половине 30-х годов начинается поиск типов многоэтажного жилища, более органичного для своеобразных климатических и бытовых условий Среднеазиатских республик. Появляются, в частности, дома галерейного типа. Много ценного подсказало изучение традиций народного жилища. Изучение проблемы «жилища и климат» находилось еще в зачаточном состоянии. Первые шаги в этой области принадлежат Г. Шейлеховскому.

Общий поворот к изучению и освоению традиций в архитектуре не мог не повлечь за собой и тяги к освоению национального наследия в союзных республиках. Однако внимание сосредоточилось сначала главным образом на изучении монументальных памятников архитектуры прошлого (мечети, медресе, дворцовые и монастырские ансамбли и т.д.), структура которых мало что могла подсказать в решении современных проблем архитектуры массового жилища.

В целом процесс обращения к архитектурному наследию имел, несомненно, положительное значение, поскольку обогащал знания архитекторов, раскрывал своеобразие композиционных приемов, их органичность для реальных исторических и природных условий, позволял понять сложение национального художественного языка в архитектуре прошлых столетий. Но обращение к классике своего народа было, к сожалению, прежде всего сфокусировано в то время на декоративном аспекте про-

блемы, на изучении орнаментального украшения зданий. Меньше всего изучение затрагивало принципы построения архитектурного организма, его пространства и объема, выработанные веками под воздействием определенных социальных условий жизни, природы и климата, строительных материалов и конструкций, условий, в которых складывался национальный тип жилища и общественных сооружений. Рассмотрим некоторые примеры этого противоречивого процесса.

В Тбилиси в 1936–1938 гг. был построен «стоквартирный дом» (Е. Калашников), в основу плана которого была положена двухквартирная секция, обеспечивающая хорошее сквозное проветривание комнат. Кроме того, ориентация большинства комнат на юг снимала излишки солнечной радиации в самое жаркое время, когда солнце стоит высоко. В композиции же фасада широко использован набор модернизированных урважных элементов (пояски, сандрики, арки, архивольты и многое другое). Если в старых трех-четырёхэтажных домах Тбилиси в XIX в. балконы, веранды, галереи были органическими элементами жилища, крепко связанными с функциональными его основами, то в данном доме, как и во многих других работах архитекторов 30-х годов в Грузии, эти важные элементы превращались всего лишь в накладные детали убранства плоскости фасада, решение которого трактовалось как самостоятельная художественная задача (жилой дом на улице Бараташвили, законченный уже в 1942 г., авторы – С. Демчинели, Г. Джандиери, А. Курдиани; жилой дом на проспекте Руставели, А. Курдиани, и др.). Вместе с тем изучение архитектуры жилища XIX в. помогало в поиске органичных для условий Тбилиси решений планов современного жилища. В доме на Университетской улице М. Кочакидзе ввел в структуру квартиры большую веранду, соединенную со столовой и кухней, что весьма удобно и характерно для Тбилиси. Автор правильно ориентировал свой дом так, что большинство квартир получило южную ориентацию, при этом было обеспечено и их сквозное

проветривание. Все это сделало секцию М. Кочакидзе популярной в Грузии.

Примерно та же картина наблюдалась в рассматриваемый период в Азербайджане. Если в 20-е годы в Баку велось комплексное строительство рабочих поселков, то в 30-е годы начинается реконструкция центральных частей города. Строительство на свободных участках вдоль красных линий главных городских магистралей и площадей становится преобладающим. Задачи архитектурного оформления магистралей и площадей приобретают такое значение, что иногда оттесняют на второй план заботу о реальных удобствах жизни в сложных условиях бакинского климата (жаркое и, как правило, сухое лето и холодные северо-восточные ветры осенью). В основу планировки домов принималась обычная двухквартирная секция. В подражание Москве строились также дома с секциями широкого корпуса, гигиенические качества которых по ряду параметров явно непригодны для Баку. Внимания зодчих было направлено прежде всего на внешнюю сторону разработки жилища, использование модернизированных декоративных форм архитектуры XVI–XVII вв.

В этом отношении показателен жилой дом «Монолит» на площади Низами в Баку (К. Сенчихин, 1940 г.). Он занимает ответственное место в ансамбле площади, где центральная ось симметрии подчеркнута памятником великому поэту средневековья Низами. Автор создал центрально-осевую композицию здания. Его симметрично раскрепованный объем обращен к площади. Главный фасад подчеркнут многоярусным расположением лоджий, заключенных в своеобразное ордерное обрамление. Здесь несомненно влияние «московского ренессанса». Дому нельзя отказать в крупном градостроительном масштабе, заданном его положением на площади, он по-своему выразителен, но типологическая сущность жилища в значительной степени утеряна в этой ренессансной стилизации. Даже центральная многоярусная композиция лоджий условна, так как использование лоджий для своей функции почти исключено.

83. Тбилиси. Жилой дом на улице Бараташвили, 1940–1942 гг. С. Демчидели, Г. Джандиери, А. Курдиани

85. Баку. Жилой дом, 1937–1940 гг. С. Дадашев, М. Усейнов. Общий вид. Фрагмент

84. Тбилиси. Общий вид улицы Ленина

83 | 84
85a | 85b

Не избежали увлечения художественными мотивами азербайджанской монументальной архитектуры прошлого известные азербайджанские зодчие С. Дадашев и М. Усейнов. Их большой жилой дом Бакинского горсовета, расположенный на сложном рельефе амфитеатра, обращенного к морю, хорошо связан с природными условиями. Сама его форма следует плавному изгибу местности. Большие квартиры удобны и комфортабельны. В композиции фасада, обращенного к парку, использованы

элементы, свойственные южному жилищу, — открытые галереи, крытые двухъярусные балконы, далеко выступающие из плоскости фасадов. Но в рисунке архитектурных деталей, в декоративной обработке элементов фасада авторы заимствовали мотивы из арсенала средневековой архитектуры.

Примерно тот же путь развития прошла архитектура жилища в Армении. Если в начале 30-х годов были характерны поиски новой объемно-пространственной структуры жилища, приспособленного к своеобразным условиям предгорного и горного климата (например жилой дом К. Алабяна и М. Мазмания в Ереване), то для второй половины 30-х годов характерны уже поиски прежде

всего национальных форм – с использованием классических образцов армянской средневековой архитектуры. В Ереване в это время возникают крупные жилые комплексы на проспекте Ленина, на улицах Пушкина, Гукасяна и др. Характерными примерами этого времени могут служить жилые дома, возведенные на улице Микояна по проектам М. Григоряна и С. Сафаряна. Авторы применили трехквартирную секцию, которая давала возможность повысить экономичность плана и в известной степени (для двух квартир) обеспечить сквозное проветривание. Композиция фасада построена на ритмическом чередовании двухколонных портиков, поддерживающих балконы, при этом сами колонны опираются на выступающие участки стены первого этажа, в котором расположены магазины. Во многих жилых домах того периода применены декоративные детали армянского народного зодчества.

В увлечении архитекторов национальной классикой не последнюю роль играло мощное творческое воздействие академика архитектуры А. Таманяна, создавшего высокохудожественные монументальные сооружения Дома правительства и Театра оперы и балета в Ереване с использованием традиций армянской классики.

Несмотря на рост объемов жилищного строительства по всей стране, потребность в нем не теряла остроты. Строительство промышленных зданий и сооружений обгоняло гражданское строительство. К концу 30-х годов возможность возникновения второй мировой войны становилась все более реальной. Несмотря на все усилия со стороны Советского Союза сохранить мир, политика германского фашизма неуклонно вела к войне, и страна была вынуждена вкладывать большие средства в оборонную промышленность. В связи с этим получало развитие малоэтажное строительство, которое позволяло резко сокращать сроки строительства и, что самое главное, широко использовать местные строительные материалы – мягкие известняки, шлакоблоки, дерево, каркасные засыпные конструкции, при-

менять облегченные системы водоснабжения и канализации. Благодаря этому резко сокращался расход таких дефицитных и важных для целей обороны материалов, как цемент и особенно металл.

Для малоэтажного строительства проектировались жилые дома одноэтажные одноквартирные и одноэтажные двухквартирные с индивидуальными участками в 800 и 600 м². Для поселковой застройки коммунального типа (без индивидуальных участков) – двухэтажные дома на 8–12 и 16 квартир. Перед проектировщиками была поставлена задача унификации планировочных и конструктивных параметров. Наркомстрой СССР в 1939 г. утвердил серию проектов таких домов для строительства. Однако недостатком этих проектов была их несоотнесенность с конкретными условиями места строительства, их унифицированная архитектура, часто совершенно не отвечающая ни климату, ни сложившимся традициям быта.

Подводя итоги, можно констатировать, что в рассматриваемый период развития советской архитектуры чрезвычайно сократилось разнообразие объемно-пространственных решений жилища. В городском и рабочем поселковом строительстве все свелось, в сущности, к секционному типу дома. При этом секций было много, но компоновка их в принципе была единообразна. Квартиры и секции изменялись только в связи с изменением норм на проектирование. Практически исчезли пространственные типы квартир. Даже поиски композиционных решений в связи с необходимостью уширения корпуса дома мало что давали в этом отношении. Крайне редко применялись жилые дома галерейного и башенного типа и была в сущности снята с повестки дня проблема жилого дома с элементами культурно-бытового обслуживания, столь актуальная в предыдущий период (дома-коммуны и др.), дом на Ленинградском проспекте (А. Буров и Б. Блохин) остался единственным эхом прошлых поисков (к тому же замыслы авторов были искажены в процессе эксплуатации). Все это свидетельствует о коренной переориентации творче-

86. Баку. Жилой дом
«Бузууннефть». М. Усейнов
(вверху); жилой дом

«Монолит» на площади
Низами. 1940 г. К. Сенчикин
(внизу)

ских устремлений, одностороннего отношения к опыту архитектуры 20-х годов.

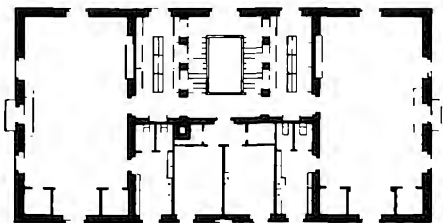
Несомненным завоеванием рассматриваемого периода были практические шаги по пути к типовому проектированию. Разрабатывались проблемы модуля и общей унификации элементов, были введены в обиход серии секций жилых кварталов, накапливался опыт постановки

и решения проблем индустриализации строительства жилища. На примере скоростного и поточно-скоростного, а также крупноблочного строительства стало постепенно складываться представление о взаимной обусловленности всей совокупности социальных, материальных и идеологических факторов в процессе архитектурного формообразования.

Процесс освоения архитектурных традиций в начальном своем этапе породил различные виды стилизации, приспособления тех или иных исторических мотивов к формированию внешнего облика современного жилого дома. Но важно отметить, что к 40-м годам в области жилища стала осознанной зависимость применения «вечных законов красоты» и от объективных формообразующих возможностей материальных составляющих сторон архитектуры.

Общественные здания

Вторая и третья пятилетки были периодом массового строительства общественных зданий культурно-бытово-

87. Москва. Детские сады
слева – типовый детский сад на
100 детей. А. Чалдымов.
Общий вид, план;
справа –
детский сад на Велозаводской
улице

88. Ленинград. Типовой
детский сад. Л. Асс.
А. Гинцбург. Общий вид, план

го обслуживания и формирования типологических основ их архитектуры.

В 20-е годы проблема культурно-бытового обслуживания и жилища рассматривалась совместно, что и привело со временем к идее организации большого социалистического квартала, которая развивалась и видоизменялась в реальных условиях массового строительства 30-х годов.

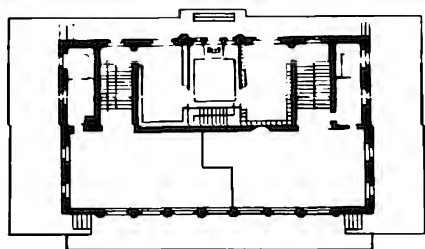
В статье «Великий почин» В. И. Ленин отмечал, что такие учреждения, как детские ясли и сады, в капиталистическом мире являются либо торговскими предприятиями, либо «акробатством» буржуазной благотворительности, которую лучшие рабочие по справедливости ненавидели и презирали¹. Только после Великой Октябрьской социалистической революции строительство дошкольных детских учреждений становится частью государственной программы раскрепощения женщин от тягот домашнего хозяйства и приобщения их к общественному труду.

Массовое строительство детских садов и яслей началось уже в первую пяти-

летку. Но проекты тех лет носили на себе следы излишнего теоретизирования и абстрактного подхода к решению задачи. Пространственная структура зданий механически подчинялась односторонне трактованным требованиям гигиены. Правильные положения о «ранимости детского организма» и отсюда необходимость изоляции детских групп доводились до крайностей. Возникали чрезвычайно сложные решения планов, с многочисленными боксами, шлюзами, коридорами, с большим количеством наружных входов, что затрудняло эксплуатацию здания и резко удорожало строительство.

В середине 30-х годов практическая необходимость решительного увеличения объемов строительства детских садов и яслей встала во весь рост, поскольку отсутствие необходимого их числа тормозило развитие отраслей промышленности, в которых особо широко применялся женский труд (текстильная промышленность, часовое и электроламповое производство и т. д.). В связи с этим в 1938 г. Наркомпросом и Наркомздравом РСФСР на основе изучения опыта эксплуатации детских учрежде-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 396.

ний была разработана совместно с Академией архитектуры СССР так называемая программа-минимум, по которой было организовано типовое проектирование зданий детских яслей на 20, 40, 60, 80 и 120 детей и детских садов на 25, 50, 75, 100, 125 и 200 детей в расчете главным образом на дневную эксплуатацию.

Примерами экономичных решений таких зданий являются проекты детского сада на 100 детей А. Чалдымова (Москва) и Л. Асс и А. Гинцберга (Ленинград). Компактное решение планов, ликвидация излишних коммуникаций, простота и унификация конструкций позволили резко снизить строительную кубатуру, а следовательно, и стоимость строительства. При этом в ленинградском проекте, благодаря расположению части подсобных помещений в цокольном этаже, удалось получить не предусмотренный программой общий зал в 77 м^2 , что позволяло улучшить воспитательную работу с детьми. В проектировании типов детских учреждений много сделали такие архитекторы, как Р. Смоленская, Л. Степанова и др. Р. Смоленской, в частности, принадлежит идея совмещенного типа здания детского са-

да и яслей, нашедшая впоследствии, особенно после Великой Отечественной войны, преимущественное распространение. Несмотря на крайне ограниченные возможности, отдельным авторам удавалось достигнуть выразительности архитектурного облика зданий.

Проблема обязательного школьного образования к началу 30-х годов приобрела чрезвычайное значение. Страна нуждалась в культурных кадрах. В 1934 г. ЦК ВКП(б) и СНК СССР приняли постановление «О начальной и средней школе», где была установлена номенклатура школ трех типов: двухкомплектная на 880 учащихся с 22 классными комнатами, однокомплектная на 400 учащихся с 10 классными комнатами и неполная средняя школа на 280 учащихся с семью классными комнатами. Для каждого типа школ были установлены соответствующие пределы кубатуры здания и определен состав помещений как учебных, так и учебно-воспомагательных.

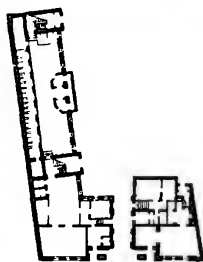
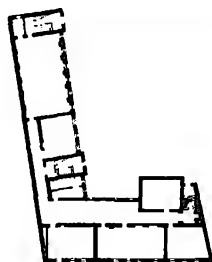
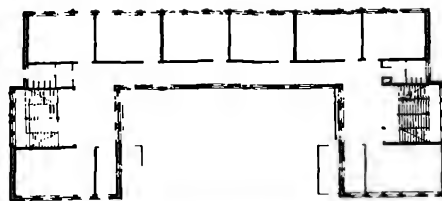
К проектированию типовых школ помимо специализированной мастерской Наркомпроса РСФСР были привлечены широкие круги архитекторов во всех республиках. Удалось создать весьма компактные объемно-пространственные композиции школ, точно отвечающие требованиям программы. Кубатуру школьного здания на 880 учащихся удалось снизить с $35\text{--}40 \text{ м}^3$ на одного учащегося (что было характерно для школ 20-х годов) до $15\text{--}17 \text{ м}^3$, т. е. в 2,5 раза. Это позволяло увеличить общий объем строительства школ и было большим достижением советской архитектуры.

Здания школ, построенные в 1938–1939 гг. в Москве (М. Барщ, Г. Зундблат, Ю. Емельянов, Д. Фридман, А. Машинский и др.), Ленинграде (Л. Асс, А. Гинцберг, Б. Рубаненко и др.), Ереване (М. Григорян, З. Бахшиян и др.), Баку (С. Дадашев, М. Усейнов и др.), варьируют в основном планировку с рекреациями в виде широких коридоров двумя входами с гардеробами и вестибюлями. Архитектурный облик зданий определялся гармоничным построением общего объема, пропорцио-

нальным расчленением фасада и прорисовкой немногочисленных его деталей. Однако уже первые опыты эксплуатации зданий, построенных по этим проектам, показали, что утвержденный набор помещений, позволяя решать задачи образования, крайне затрудняет процесс воспитания школьников. Сказывалось отсутствие общего для всей школы зального помещения и т. п.

По инициативе Союза архитекторов СССР были организованы широкие конкурсы, задача которых заключалась в том, чтобы в пределах утвержденной кубатуры расширить набор помещений школ. Примером может служить проект школы С. Дадашева и М. Усейнова для Баку, разработанный в 1936 г. Вместо двух вестибюлей и гардеробов здесь один вестибюль, нет лишних лестниц, но за счет этого введен зал на пятом этаже. Расположение всех классов на одну сторону позволяло применять этот проект в различных условиях ориентации (юг, юго-восток, юго-запад). Принцип построения плана с одним входом стал распространенным в школьном строительстве этих лет.

В реконструируемых городах часто приходилось строить на весьма затесненных участках и тогда строительство осуществлялось по индивидуальным проектам. Примером таких решений служит школа на Невском проспекте в Ленинграде, построенная по проекту Б. Рубаненко. Участок был косоугольный, его выход на красную линию Невского проспекта повышал градостроительные требования к проекту. Автор решил сложную задачу изобретательно и художественно выразительно. Обращает на себя внимание функционально продуманное расположение входа в школу. Он устроен не со стороны Невского проспекта, а из внутреннего двора школы, проход в который является активным элементом композиции главного фасада. Плоскость фасада имеет трехчастное членение красивых пропорций. Остроумно сгруппированы окна. В результате относительно небольшое здание получило монументальный масштаб и выразительность. В здании были унифицированы плани-

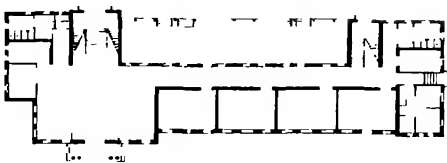
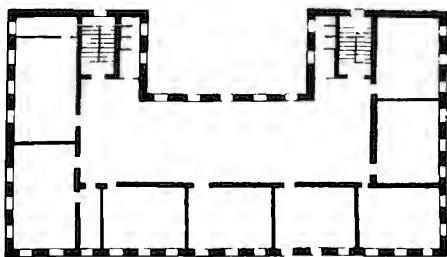
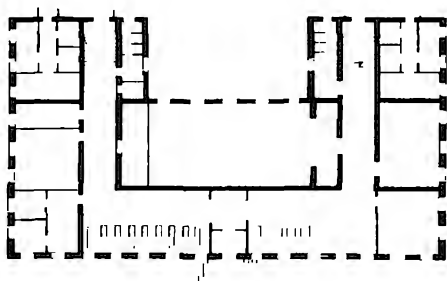

89. Москва. Школа по Бужениновскому улице. А. Машинский. 1937–1938 гг. Планы

90. Москва. Район Дангелъевский. Школа на 580

учащихся, 1935 г. Д. Фридман. Общий вид

91. Ленинград. Школа на Невском проспекте, 1939 г. Б. Рубаненко. Планы

92. Ленинград Типовой проект школы на 880 учащихся 1936-1937 гг. А. Ас. А. Гинзбург. План первого этажа; план второго этажа

93. Баку Школа на 880 учащихся с С. Давашев М. Зейнов. Общий вид плана первого этажа

ровочные параметры, применены методы одновременного ведения кладки и облицовки, все это позволило ускорить процесс строительства.

Поиски новых композиционных решений школ, которые продолжались вплоть до 1941 г., привели к появлению ряда своеобразных композиций. Так, стремление обеспечить для разных возрастных групп школьников отдельные рекреации, что очень важно с точки зрения воспитательной работы, привело к секционному построению плана, где на каждую рекреацию приходится три класса (проект З. Бахшияна в Армении). Особенно удачно развил идею отдельных рекреаций Г. Севан (Москва).

Переход на строительство детских садов, яслей и школ по типовым проектам позволил разработать и утвердить для строительства обязательные стандарты на окна, двери, скобянку, предметы санитарного оборудования, что имело значение для увеличения объемов производства и снижения стоимости этих важных элементов массового строительства.

В конце второй пятилетки начинается массовое строительство и других общественных зданий, обслуживающих бытовые и культурные потребности населения, в первую очередь поликлиник, больниц, столовых, магазинов и клубов. Изнурительные годы гражданской войны, пережитый страной голод — все это крайне обостряло потребности в лечебных учреждениях. Но в первой половине 20-х годов строительство больниц велось исключительно по индивидуальным проектам. Наибольшее распространение получила павильонная система композиции, которая давала возможность осуществлять строительство по очередям и вводить в эксплуатацию отдельные блоки, но в конечном счете это растягивало сроки строительства всего комплекса и удорожало строительство и особенно эксплуатацию зданий. На рубеже 30-х годов эти недостатки постепенно преодолевались. Во второй половине 30-х годов появлялись более экономичные и удобные решения больниц, разрабатываются нормы, организуется типовое проектирование для

всей территории СССР с учетом природно-климатических особенностей. Последовательность развития типологии этих зданий мало чем отличалась от школ и детских учреждений.

Архитектура крупных общественных зданий всегда выражала большие общественные идеи и художественные идеалы общества, его господствующих классов. Идеологическая направленность и эстетические представления той или иной эпохи с наибольшей полнотой проявлялись именно в архитектуре уникальных общественных зданий. Эти здания обычно были ведущими элементами значительных архитектурных ансамблей.

Проблема взаимодействия удобства, экономичности и красоты решалась нашими архитекторами в любом виде массовых зданий, но для уникальных общественных зданий было обязательным создание значимого художественного образа. Это была программная содержательная задача. Вот почему происходившее в 30-х годах изменение творческой направленности архитектуры наиболее полно можно проследить на значительных общественных зданиях и их комплексах.

Немалую роль в развитии архитектуры общественных зданий сыграла история проектирования Дворца Советов. Присуждение высших премий Всесоюзного открытого конкурса 1931 г. принципиально различным проектам И. Жолтовского, Б. Иофана и архитектора из США Г. Гамильтона в какой-то степени создало неопределенность в отношении к художественной тенденции в архитектуре. Однако в ближайшие годы ситуация прояснилась. Окончательно принятый к строительству в 1937 г. проект Б. Иофана, В. Шуко и В. Гельфрейха трактовал Дворец Советов в виде пьедестала для гигантской фигуры В. И. Ленина, что, как неоднократно отмечалось, тайло в себе серьезные противоречия. Нарушалась гармония масштабов самого сооружения и его взаимодействия со средой, исключалась возможность нормального восприятия скульптуры. Но длительная работа над проектом архитекторов, скульпторов, художников дала богатый опыт в реше-

нии сложных проблем композиции и разработки огромных пространств интерьеров. Появились новаторские решения в области конструкций, инженерно-технического оборудования здания, новых строительных и отделочных материалов – впоследствии это было использовано в архитектуре первых высотных зданий Москвы. На проектировании Дворца Советов выросла плеяда замечательных советских мастеров архитектуры – П. Абросимов, Я. Белопольский, А. Великанов, Е. Стамо и ряд других, а также выдающихся советских инженеров-конструкторов Н. Никитин, Е. Насонов, Д. Касаткин, Т. Мелик-Аракелян и др.

В годы третьей пятилетки почти во всех республиках возводились правительственные здания. Решения этой задачи в конкретных ситуациях были весьма разнообразны. В одних случаях имели место попытки соединить рационализм функционально разработанных планировок зданий с принципами компоновки объемов и пространств, характерными для традиций классицизма, избегая при этом прямого заимствования пластических форм и деталей исторических архитектурных стилей. В других случаях просматривается использование классического наследия – от античности до русского классицизма, приспособление для современных целей не только композиционных приемов, но и всего арсенала художественных средств архитектуры прошлого, а подчас и отдельных черт планировочных решений.

Примером первого подхода к решению творческой задачи могут служить такие постройки, как Дом правительства Белорусской ССР, построенный в Минске по проекту И. Лангбарда в 1929–1934 г., или здание Госплана СССР¹ на проспекте Маркса в Москве, построенное по проекту А. Лангмана в 1936 г.

В планировке Дома правительства БССР использована обычная для административных зданий экономичная коридорная система с необходимыми све-

¹ В 1936 г. здание предназначалось для Совета Труда и Оборона [СТО].

94. Москва. Дом Советов
Труда и Обороны СССР.
1932-1936 гг. А. Лангман

товыми разрывами в виде открытых холлов для посетителей. Вся объемно-пространственная композиция симметрична. Объемы образуют курдонер и нарастают по высоте к центру композиции. По оси, на красной линии застройки расположен монумент В. И. Ленину с трибунами. Образ правительственного здания республики в целом торжествен и монументален.

Здание Госплана СССР в Москве, решенное по сути в том же ключе, имеет симметричный, четкий и строго рациональный план. В центре и по бокам здания расположены вестибюли, из которых средний — главный и самый большой с парадной лестницей и двумя развитыми вертикальными узлами коммуникаций — обслуживает не только рабочие помещения по этажам, но и библиотеку, и залы заседаний, расположенные по оси главного входа (два зала по 250 мест и один, расположенный над ними, на 500 чел.). Основой конструктив-

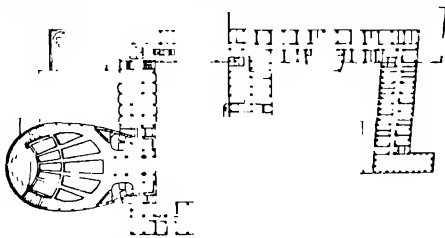
ного решения явились впервые здесь примененные железобетонные столбы с жесткой арматурой, облицованные кирпичом. Симметрия композиции и пластическая разработка темы своеобразного ордера в виде мощных вертикальных пилонов, несущих архитрав с аттиковым этажом в центре, монументальность и строгость форм создали выразительный образ правительственного здания. Приемы композиции, подобные рассмотренным, в различных вариациях нашли распространение при проектировании многих правительственных и административных зданий рассматриваемого периода.

Другую линию поисков, относящуюся к несколько более позднему времени, когда тенденция стилизации приняла более откровенные формы, а стремление к повышенной репрезентативности стало почти обязательным, можно охарактеризовать на примере зданий СНК УССР (1938 г.) и Верховного Совета УССР в Киеве (1939 г.).

Центральная часть здания СНК УССР (И. Фомин, П. Абросимов) за-

проектирована дугообразной в плане. Криволинейная форма центрального 10-этажного объема продиктована не только эстетическими соображениями, но и желанием отодвинуть здание от красной линии застройки. Развитие криволинейной формы остановлено по бокам выступающими ризолитами высотой в восемь этажей с портиками, которые как бы акцентируют направление двух боковых корпусов в глубину участка. В планировке принята обычная система двусторонней обстройки коридора рабочими комнатами и кабинетами. Коридоры перемежаются световыми разрывами, по углам здания – просторные холлы. Решая художественный образ монументального и репрезентативного здания, авторы обращаются к теме большого ордера, но трактуют его откровенно декоративно. Это уже не тектоничные цилиндрические столбы фоминской «красной дорики», действительно несущие нагрузку, здесь мастер наделил полуколонны ордера всеми атрибутами стилизованных художественных форм (база, декоративно обработанный фуст, капитель и т. д.), но превратил их в художественную метафору, нарушив классические каноны. Крупный

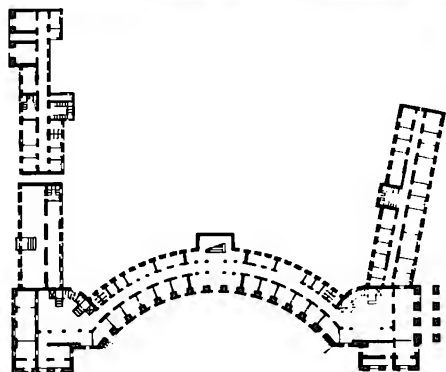
95. Москва Академия
М. В. Фрунзе. 1937 г. Л. Руднев
В. Мизи. Общий вид, план

96. Минск. Дом правительства
БССР. 1929–1934 гг.
И. Лангбард. Общий

97. Киев. Дом Совета
Министров УССР. 1934
1938 гг. И. Фомин,
П. Агросимов. План, общий
вид

масштаб ордера центрального объема подчеркнут боковыми пятиэтажными портиками малого ордера. Поставленная авторами задача создания представительного монументального здания была достигнута, но архитектурная форма потеряла здесь свою тектоническую содержательность и приобрела чисто декоративный характер.

В здании Верховного Совета УССР в Киеве В. Заболотный хорошо учел своеобразие участка строительства на высоком берегу Днепра, среди богатой

зелени парка. Центрическая композиция рассчитана на возможность восприятия со всех сторон. Основное ядро композиции – восьмигранный зал заседаний Верховного Совета СССР. Он окружен кулуарами, фойе и помещениями, обслуживающими работу Верховного Совета. Значение зала как фактического центра композиции подчеркнуто куполом, через который и освещается его интерьер. Колоннады портиков главного входа и правительственного подъезда вместе с метрическими рядами пилястр фаса-

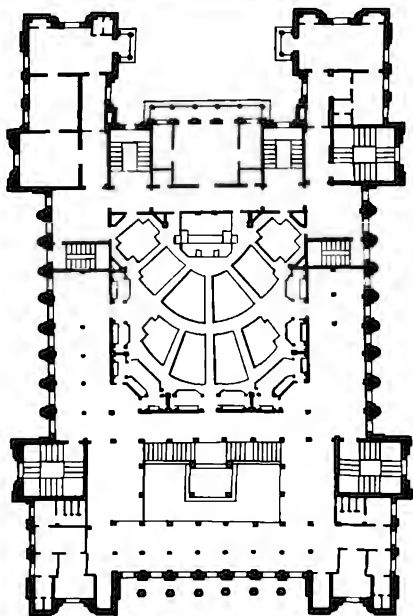
дов сообщают образу здания цельность и торжественную приподнятость, отвечающие его назначению. К сожалению, интерьеры перенасыщены лепными украшениями.

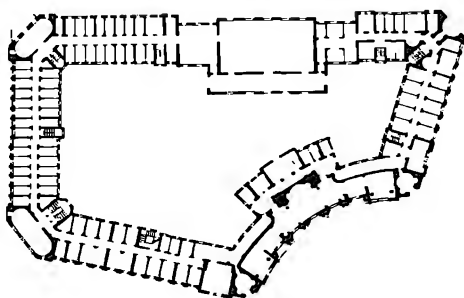
Применение ордерных композиций во второй половине 30-х годов получило распространение в самых различных вариантах: от попыток использовать ордер как систему гармонизации архитектурных стилей прошлого. У таких выдающихся мастеров архитектуры, как

И. Жолтовский, И. Фомин, А. Шусев, А. Таманян, даже стилизация могла породить и порождала художественно выразительные произведения архитектуры (достаточно сослаться на Дом Уполномоченного ЦИК в Сочи И. Жолтовского или Дом правительства в Ереване А. Таманяна), но все же стилизация в целом не отвечала идее поступательного развития искусства. В. И. Ленин говорил о выдающихся образцах искусства прошлого лишь как об отправных точках развития, об исходных пунктах на путях создания произведений, достойных общества, одухотворенного идеей строительства коммунизма. Гениальное произведение А. Шусева – Мавзолей В. И. Ленина только подтверждает поразительную по глубине мысль Ленина о развитии социалистического искусства на основе критического освоения всего прогрессивного в прошлой и современной культуре человечества.

Стилизация таила в себе реальную опасность полного перерождения художественных задач архитектуры в оформительство, оторванное от поисков правдивых реалистических форм, отражающих существо социальных и эстетических идей нового общества и связанных с объективными формообразующими потенциями новых конструкций и материалов, требованиями экономики, климата и т. д.

Возникали произведения, отмеченные гигантоманией объемов и пространств, гипертрофией пластических форм, часто противоречащих тектонической логике. Примером такого рода архитектуры может служить ленинградский Дом Советов. На его проект был проведен конкурс, в котором принимали участие Л. Ильин, Е. Катонин, Е. Левинсон, И. Фомин, Г. Симонов, Н. Троцкий. Проект Н. Троцкого был принят для строительства, ибо предложенная конкурентам программа была в нем выполнена наиболее убедительно. Мастерски был решен план здания, в котором удобство для работы всех подразделений сочеталось с несомненной художественной выразительностью пространств. Изобретательно решен главный зал заседаний и конференций:

98. Киев. Дом Верховного Совета УССР. 1939 г.
В. Заболотный. Общий вид,
фойе, план

99. Ереван. Дом правительства Армянской ССР. 1926–1940 гг.
А. Таманян. Общий вид, план

он связан как с рабочей частью здания, так и непосредственно с примыкающим участком территории, что позволяло использовать его и совершенно самостоятельно, отдельно от работы всего остального здания. Но в разработке фасадов была применена гипертрофированная система ордера в виде огромных трехчетвертных столбов. Ритм этой столбонады прерывается в центре рустованными участками стены, подчеркивающими главный вход в здание, даже иллюзорно не тектоничен — это чистая декорация. Центральный восьмиэтажный объем фланкируется торцами выступающих крыльев пятиэтажных корпусов, обработанных спаренными вертикалями полуколонн. Образ здания оставляет впечатление излишней монументальности и замкнутости, что не вяжется с представлением о демократической сущности советской архитектуры.

В русле сложившейся направленно-сти совершенно естественным было

обращение к национальным сокровищам архитектуры. Само по себе это обстоятельство было прогрессивным фактом в развитии советской многонациональной культуры. Наиболее последовательно и ярко воплотил эту тенденцию академик А. Таманян в крупных общественных зданиях Еревана. Еще до революции он примыкал к замечательной плеяде русских зодчих — И. Фомин, И. Жолтовский, В. Щуко, А. Шусев, Л. Бенуа и др., которые стремились возродить традиции большого стиля. До конца своих дней А. Таманян развивал заветы мастерства, соединяя наследие классической армянской архитектуры XII–XIV вв. с композиционными схемами классицизма. Он создал величественное здание Дома правительства Армянской ССР (1926–1940 гг.), заложив начало формированию выразительного ансамбля площади Ленина в Ереване.

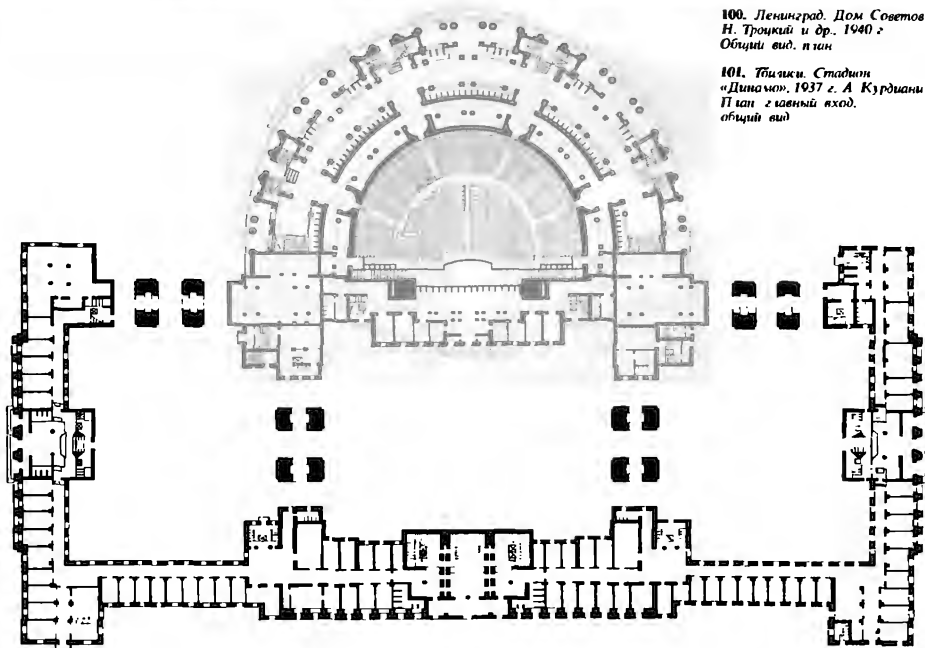
Тщательно разрабатывая план здания, функционально приспособленного для работы современного государственного учреждения (обширный распределительный вестибюль, хорошо организующий все внутренние связи группы рабочих помещений, удобное взаимодействие с кабинетами и залами заседаний), А. Таманян добился большой выразительности пространственного решения. Обращаясь к творчеству старых мастеров, он стремился постигнуть логику архитектурного языка, а не просто подражать старой архитектурной форме — сочинял ее самостоятельно, языком традиции выражая новые идеи. Он сознательно сближал материальные условия строительства с теми, в которых работали в прошлые эпохи. Его здания возводятся из камня — материала строителей классических памятников Армении. Форма не изображалась при помощи штукатурки, она вытесывалась из камня рукой народного мастера. В целом это, конечно, стилизация, но стилизация большой культуры. А. Таманян добился того, что его произведения несут в себе образ современности, органично связанный с традицией.

Однако зачастую сложная проблема взаимодействия национальной традиции и новаторства решалась в то время

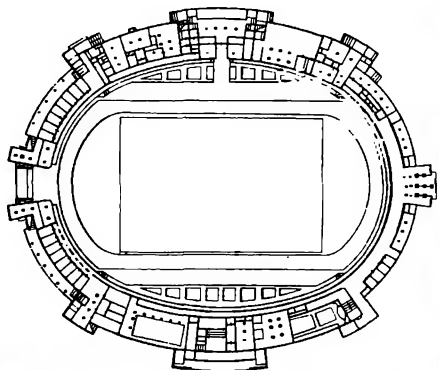
100. Ленинград. Дом Советов
Н. Троцкий и др., 1940 г.
Общий вид, план

101. Тбилиси. Стадион
«Динамо». 1937 г. А. Курдиани
План главного входа,
общий вид

механически – применением чисто орнаментальных и декоративных элементов убранства фасадов вновь строящихся зданий. В этом случае степень успеха определялась культурой, вкусом и чув-

ством меры автора. В качестве примера можно привести здание стадиона «Динамо» в Тбилиси (А. Курдиани). Здесь отдельные мотивы пластических форм, характерные для архитектуры Грузии, не

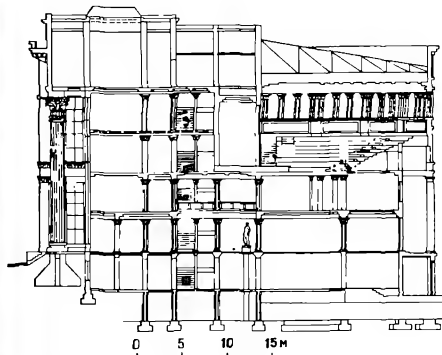

разрушают современного звучания архитектуры.

То же качество мы обнаруживаем и в Институте Маркса, Энгельса, Ленина (Институт истории партии при ЦК КП Грузии) в Тбилиси (А. Шусев). В этом здании с его простым, ясным и удобным планом свободная интерпретация классического ордера как бы «остранена» национальными элементами декоративного характера, причем все это сделано с большим тактом. Но чаще всего наб-

людались в архитектуре того времени явно компиляторские, эклектические работы, в которых архитектурные формы, взятые из различных источников, становились откровенной декорацией, часто лишенной даже изобразительной логики, не говоря уже о логике функциональной и конструктивной.

Это противоборство различных тенденций ярко выступало в архитектуре санаторно-курортных зданий и комплексов. Начиная со второй пятилетки их

102. Тбилиси. Институт истории партии при ЦК КП Грузии, 1938 г. А. Шусев. Общий вид, разрез

Н. Вилиневский, С. Орловский и др.

103. Кисловодск. Санаторий им. С. Орджоникидзе, 1937 г. М. Гинзбург, С. Вахтангов, Н. Леонидов, Е. Попов.

1 – общий вид; 2 – генеральный план; 3 – план первого этажа режимного корпуса № 1; 4 – помещения для одной семьи в корпусе № 2; 5 – план лечебного корпуса

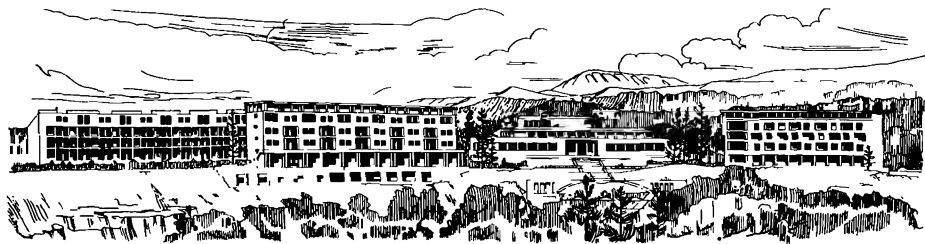
строительство приобретает поистине массовый характер. Только за годы второй пятилетки число мест в санаториях увеличилось с 66 400 до 102 500. По Южному побережью Крыма, по Кавказскому побережью, начиная с района Сочи – Мацеста, по всей группе минераловодных курортов (Железноводск, Пятигорск, Ессентуки, Кисловодск) шло строительство здравниц с одновременной реконструкцией застройки и благоустройством населенных мест курортных районов.

Применялись самые различные типы объемно-пространственной композиции, но в целом преобладало два принципиально различных приема. Первый – павильонный, т.е. сочетание отдельных зданий различного назначения – лечебных и спальных корпусов, блоков питания, клубной части. Второй – централизованный – объединение всех функциональных элементов в едином, более или менее расчлененном объеме.

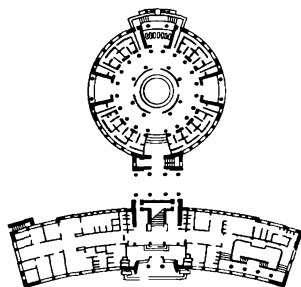
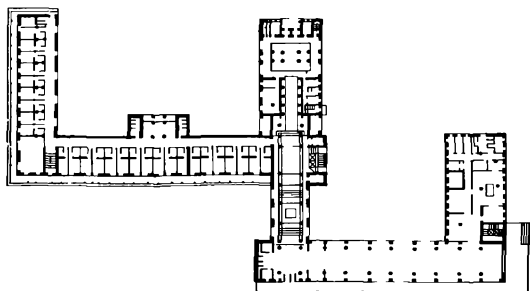
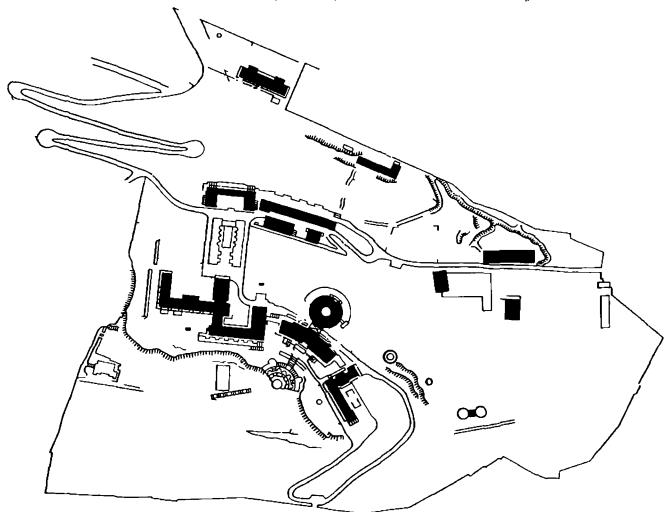
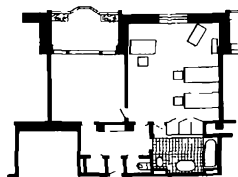
Для первого приема характерна архитектура санатория Наркомтяжпрома им. Орджоникидзе в Кисловодске, введенного по проекту М. Гинзбурга

в 1938 г. Здесь отражается и та творческая эволюция, которая происходила в результате переоценки ценностей конструктивизма в творчестве одного из лидеров течения. Санаторий расположен на высоких отметках так называемой Ребровой балки и состоит из двух спальных корпусов, между которыми расположен лечебный корпус. Левый спальный корпус с номерами на одного и двух человек включает также столовую и клуб, тогда как правый корпус, предназначенный для семейных, удален от шумных общих учреждений и занимает самую спокойную часть участка. Вся композиция изогнута вдоль кромки склона, по которому идет лестница, спроектированная И. Леонидовым. Композиция лестницы, ее пластическое построение в пространстве в единстве с рельефом, промежуточные площадки-остановки, малые формы и живописные дорожки по сторонам главных маршей ассоциируются с ренессансными композициями на рельефе.

Функционально четко решены спальные корпуса, отдельные номера, поэтажные холлы – все сделано с учетом удобств для отдыха. Они хорошо свя-

1
4 2
3 5

заны с природой – через лоджии и галереи. Плоские кровли использованы для устройства соляриев. Несмотря на то, что спальные корпуса санатория различны по величине, М. Гинзбург нашел способ создать нужную ему теперь иллюзию симметричной композиции, что было в принципе немыслимо для этого

мастера в 20-е годы. Симметричность подчеркнута также решением центрального лечебного корпуса. Ему придано значение художественной доминанты композиции не только самим фактом расположения в центре, но и характером пластической разработки его объемной формы. Корпус состоит из двух элемен-

тов. Первый, где расположены врачебные кабинеты, имеет вогнутую приглашающую форму и к нему ведет торжественно развернутая лестница. За этим корпусом расположен выразительный цилиндрический объем ванного отделения, причем ванны расположены по кольцу вокруг красивого дворика с фонтаном и зеленью.

В сущности санаторий построен как композиция классицистического развертывания объемов и пространств. Композиционное мастерство целого, стремление органично связать требования функциональности, удобства с красотой объемно-пространственного решения, тактичное введение в интерьер лечебного корпуса элементов изобразительного искусства (художники Фаворский, Бруни, Рублев, Прусаков, скульпторы Сотников и Зеленский) – все это характеризует прогрессивную линию развития архитектуры рассматриваемого периода, где достижения 20-х годов обогащаются творческой переработкой наследия классики.

Иное понимание проблемы освоения классического наследия можно обнаружить в санатории угольщиков в Сочи (И. Кузнецов). Он возводился в то же время, что и санаторий в Кисловодске (1934–1938 гг.). Но здесь автором откровенно использованы традиции того эклектизма, который был характерен для музеев, картинных галерей и загородных вилл промышленной буржуазии конца XIX – начала XX в., когда «классическая» форма выступала в виде стилизованной декорации. Функциональные процессы насильственно подчинялись априорно принятой композиции.

Здание санатория расположено на рельефе, нисходящем к морю. В боковых крыльях находятся спальные отделения, но в то же время как в одном крыле спальные комнаты имеют благоприятную ориентацию, в другом – в угоду симметричной композиции требования ориентации нарушаются. Совершенно различные по своей функции столовая и клуб искусственно втиснуты в центральный симметричный объем, украшенный колонным портиком. Это типичный пример формально-эстетическо-

го, эклектического по своей сути направления в архитектуре.

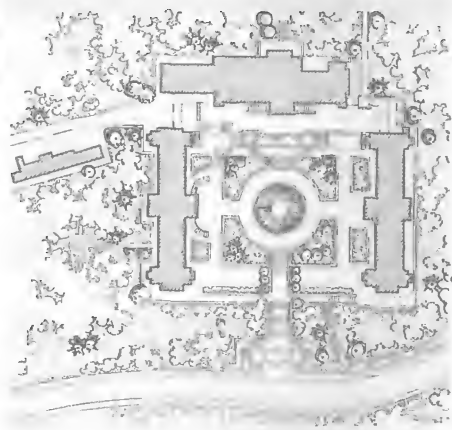
Различия творческих поисков остро обнаруживаются и в театрально-зрелищных зданиях. Вторая половина 30-х годов характерна строительством большого числа театров оперы и балета, драматических театров, кинотеатров, домов культуры, клубов. Сам этот факт отражал рост духовных потребностей трудящихся. Показателен даже простой перечень некоторых театральных зданий, построенных в период 1934–1941 гг., и география их размещения по стране. Театры оперы и балета: в Москве (Музыкальный театр им. Станиславского и Немировича-Данченко) с залом на 1600 мест; в Минске с залом на 2000 мест; в Ереване с залом на 2000 мест и концертным залом на 1600 мест; в Новосибирске с залом на 1900 мест; в Алма-Ате с залом на 1500 мест. Театры драматические: в Москве (театр Советской Армии) с залом на 1920 мест; в Ростове-на-Дону с залом на 2200 мест и концертным залом на 1600 мест; в Иванове с залом на 1900 мест и др.

При всем разнообразии архитектурных решений зданий – все они, если внимательно анализировать их объемно-пространственную композицию, вызывают ощущение некоего противоречия, известной дисгармонии и неслаженности отдельных составляющих их элементов. И это не случайно. Проектирование большинства этих зданий начиналось тогда, когда решительные преобразования сценографии требовали принципиально новой структуры театра, а кончалось их проектирование и велось строительство тогда, когда в среде театральных деятелей обозначился поворот к традиционному типу зрелища. Сценография повернула «назад к Островскому» и в архитектуре решительно изменялась к тому времени художественная направленность. В результате композиция театральных зданий как бы перестраивалась на ходу. В ней часто оставались рудименты первоначальных замыслов – теперь обремененных в несвойственную им классицистическую форму. Кроме того, забота о градостроительной значимости этих зданий – важных

104. Сочи. Санаторий им.
С. Орджоникидзе, 1937 г.
И. Кузнецов, Проект

интерьер, общий вид
генеральный план

слагаемых городских ансамблей – часто приводила к излишней монументализации образа. Преувеличивались объемы и площади помещений, повышались стоимость строительства и эксплуатационные расходы.

С наибольшей ясностью это выступает на примере Новосибирского театра оперы и балета (А. Гринберг и Т. Барт, М. Курилко). Он был начат проектированием на рубеже первой и второй пятилеток и был задуман в духе ультрановаторских идей в области сценографии (трансформирующийся зал, превращаемый в круглый амфитеатр для цирковых и особых театральных действий, устройство подвижного транспортгалаереи вокруг сцены и под амфитеатром зрительного зала, который должен был обеспечивать быструю смену декораций и перенесение действия в различные точки зрительного зала, и т. д.). В 1934 г. театр был уже в ходе строитель-

ства перделан Б. Бикенбергом и А. Щусевым. Вместимость зала была сокращена с 2500 до 1900 чел., запроектирована обычная, но огромная по своим размерам сценическая коробка, на главном фасаде появился гигантский 12-колонный портик. Огромные объемы зала и сцены, за пределами обычных норм, ухудшали акустические качества, столь важные для оперного театра. В отделке внутренних пространств все было подчинено тому холодному тому модернизированному классицизму, который тогда широко вошел в практику архитектуры. Но город получил в целом впечатляющее сооружение, увенчанное такой про-

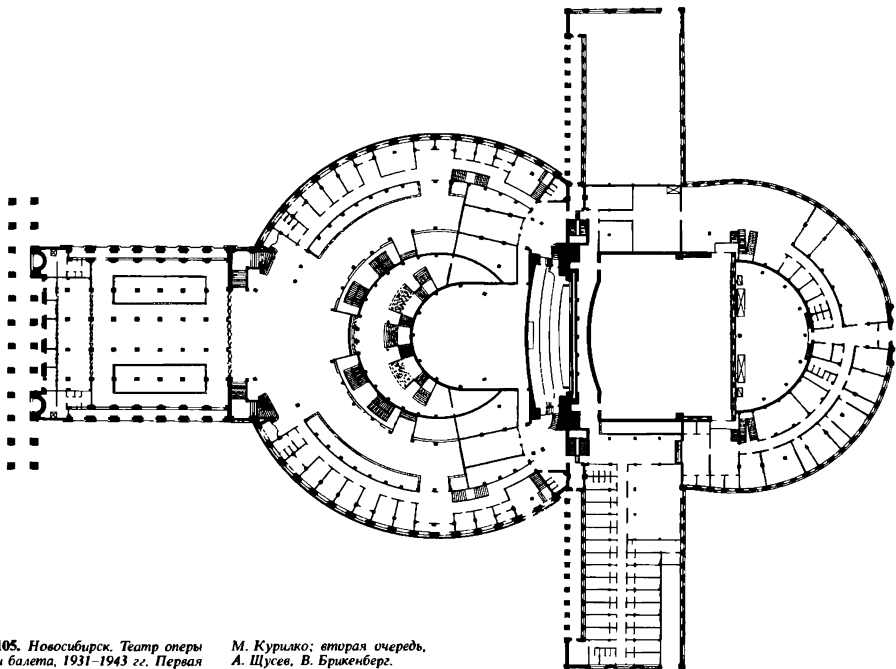
веренной в веках выразительной формой, как купол, перекрывающий зал театра. Для того времени этот купол был наиболее выдающейся конструкцией в Европе: при диаметре 60 м, его приведенная толщина равна всего 8 см (инж. П. Пастернак).

Один из крупнейших театров СССР, построенный в эти же годы, – Центральный театр Советской Армии в Москве (1934–1940 гг.). Он расположен в центре важного градостроительного узла столицы – на площади Коммуны. Цельный выразительный по силуэту объем господствует над обширными пространствами площади и подводящих к ней улиц. Звездчатое в плане здание окружено своеобразным периптером, что обогащает объем светотеневыми контрастами и связывает его с окружающим пространством. Объем театра поставлен на мощный подиум, обрабо-

танный грубо околотым гранитом, широкая лестница ведет к главному входу.

Перед проектировщиками была поставлена чисто символическая задача: «создать здание-монумент, выражающий мощь Красной Армии». Проект Дворца Советов уже давал пример символического истолкования художественного образа, а в истории мировой архитектуры здание как монумент и символ всегда выражало духовную сущность общества.

Однако существенная разница между Дворцом Советов и театром заключалась в том, что во Дворце и сама функция не имела аналогов в прошлом, тогда как театр с глубинной сценой имел веками отработанную пространственную композицию, как правило, развертывающуюся вдоль продольной оси симметрии (вход, вестибюль, фойе с ку-

105. Новосибирск. Театр оперы и балета, 1931–1943 гг. Первая очередь. Т. Барт, А. Гринберг.

М. Курилко: вторая очередь, А. Шусев, В. Брикенберг. Общий вид, разрез, план

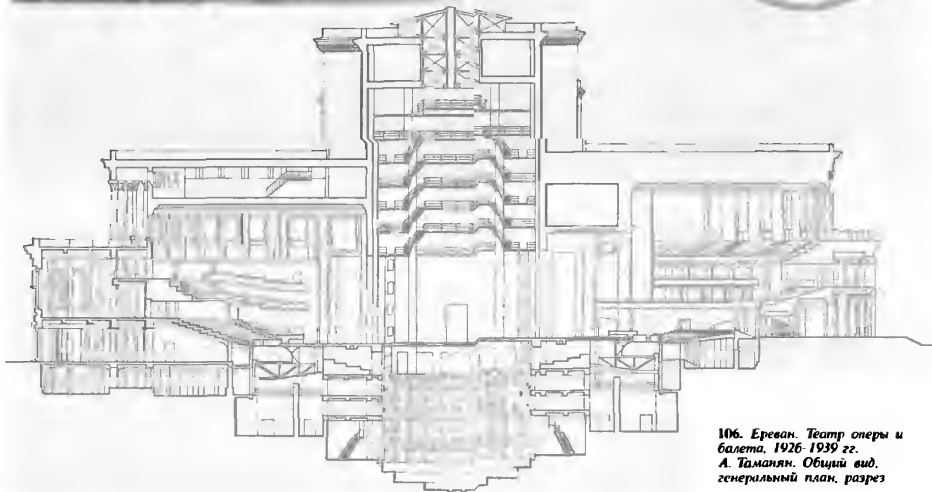
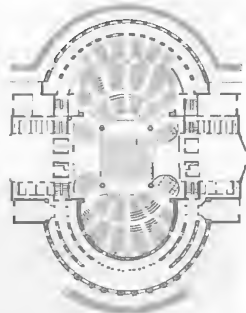
луарами, зрительный зал, сценическая коробка). Переосмыслить эту установившуюся последовательность композиции и создать иную объемно-пространственную форму, которая бы непосредственно воспринималась зрителем как монумент-символ Красной Армии, было, конечно, задачей чрезвычайной трудности.

Авторы проекта К. Алабян и В. Симбирцев пришли к идее плана в виде правильного десятиугольника, который естественно давал переход к фигуре пятиконечной звезды. И в это «прокрустово ложе» готовой символической формы с большой изобретательностью, по своему логично была втиснута каноническая композиционная схема театра. Зрительный зал получил очертания трапеции с закругленной задней стеной, все места всеором расположились в партере и амфитеатре. Сцена имеет просторные боковые карманы, арьерсцену и снабжена подвижным кругом. Сцена была оборудована наиболее совершенными меха-

низмами. Над главным залом расположены по вертикали один над другим еще два зала: репетиционный на 500 мест, теперь используемый как малая сцена, и декорационные мастерские. Вместе с объемом колосников основной сцены эти залы скомпонованы в единый пластический объем, увенчанный башенкой-постаментом для фигуры советского воина со знаменем (проект такой скульптуры изготовил тогда же скульптор И. Шадр).

Решение столь необычной задачи повлекло за собой и большие потери: увеличение числа и размеров лестниц, завышенные площади холлов и фойе, наличие ряда не предусмотренных программ помещений, значительное ухудшение акустики, конструктивные усложнения и т. д. — все это почти в 2 раза увеличило кубатуру здания.

В сходной градостроительной ситуации в Ереване начиная с 1926 г. А. Таманян проектировал и строил Театр оперы и балета Армянской ССР. Театру было

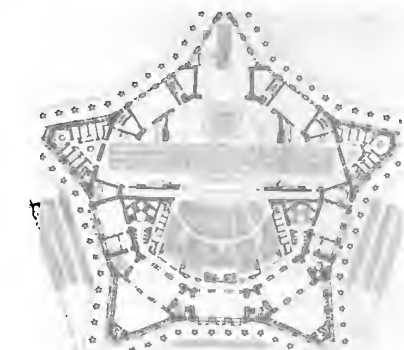

106. Ереван. Театр оперы и балета. 1926–1939 гг.
А. Таманян. Общий вид, генеральный план, разрез

отведено место на одной из центральных площадей города. Островное положение требовало композиции в виде цельного объема, воспринимаемого с различных точек окружающего пространства. А. Таманян изобретательно решил задачу, расположив за сценической коробкой театра второй концертный зал в виде открытого амфитеатра, окруженного зеленым партером площади (после войны амфитеатр был превращен в закрытый зал филармонии). Вследствие этого колоссальная башня заняла центральное положение и ощущение единого объема усилилось. Пластическая разработка объема театра развивает те же принципы преемственности с армянской классикой, которые были заложены автором в ансамбле правительственного центра.

Черты монументальности, повышенной экспрессии архитектурных форм и, как правило, превышение реально необходимой вместимости, а следовательно, кубатуры и стоимости строительства, можно легко обнаружить и в других театрах того времени. Характерным примером в этом отношении служит Минский театр оперы и балета (И. Лангбард), построенный в 1938 г. В погоне за монументализацией образа автор окружает весь периметр зала кольцом обслуживающих помещений, возводит огромные декоративные парапеты.

Начиная с 1935 г. на основе ряда архитектурных конкурсов, анализа эксплуатации существующих театров, экспериментального проектирования Театропроектом была научно обоснована возможность создания театров массового

107. Москва. Театр Советской Армии. 1934–1940 гг.

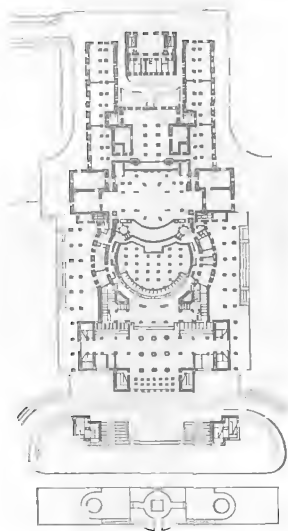
типа, потребность в которых была велика, отвечающих требованиям нормальной эксплуатации, с кубатурой на зрителя порядка $60\text{--}70\text{ м}^3$ (вместо $120\text{--}150\text{ м}^3$ в уникальных театрах) и установлена номенклатура вместимости: для драмати-

ческих театров – 800–1000 зрителей и для театров оперы и балета – 1200–1800 зрителей. При этом были разработаны принципы размещения зрителей с учетом нормальной видимости и слышимости, преимущественно в партере с укло-

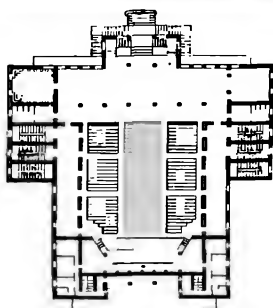
ном и амфитеатре. Только для залов вместимостью 1600–1800 чел. разрешалось устройство не более двух ярусов неглубоких балконов. Это были обоснованные требования, их выполнение обеспечивало комфортные условия восприятия спектакля. Однако поиски новой пространственной композиции, гибкой трансформирующейся сцены, способствующей реализации ряда интересных достижений в области театрального искусства, в рассматриваемый период почти прекратились.

Еще более широко и повсеместно шло строительство кинотеатров. Вначале, как и в театрах, увлекались большими залами на 1200–1800 зрителей. В составе кинотеатров часто проектировались разного рода многочисленные подсобные помещения: буфеты, читальни, преувеличенные по размерам фойе и т. д. Примером могут служить кинотеатр «Гигант» в Ленинграде (А. Гегелло и Д. Кричевский) с залом на 1400 мест; кинотеатр «Низами» в Баку (С. Дадашев и М. Усейнов) с залом на 2000 мест. Объем здания на одного зрителя достигал в подобных кинотеатрах 45–60 м³. Это было крайне неэко-

номично и в конечном итоге не способствовало широкому распространению такого массового вида искусства.

Возникла необходимость в разработке экономичных типов кинотеатров для массового строительства. Большая ра-

108. Ростов-на-Дону. Театр им. Горького, 1930-1935 гг. В. Щuko, В. Гельфрейх. Общий вид, план

109. Ленинград. Кинотеатр «Гигант», 1935 г. А. Гегетто Д. Кричевский. Общий вид, план

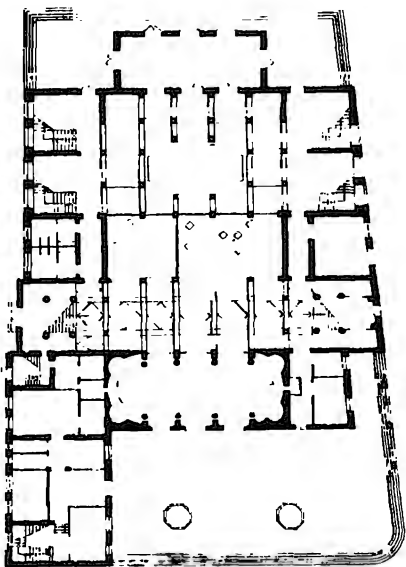
бота в этом направлении была проведена Академией архитектуры СССР и специализированными проектными организациями. В Академии была выдвинута идея многозальных кинотеатров. Это предложение давало возможность сократить объем здания на 1 чел. в 2-2,5 раза. Первый двухзальный кинотеатр им. Пушкина по проекту Я. Корнфельда был осуществлен в Челябинске в 1937 г. Затем в Москве был построен кинотеатр «Родина» (В. Калмыков). Тогда же был построен трехзальный кинотеатр «Москва» в Ленинграде (Л. Хидекель).

В 20-х годах, как мы помним, много внимания уделялось разработке клуба как нового типа социального организма. Реальное же строительство многих клубов, архитектура которых отражала рационалистические принципы, пришлось на первую половину 30-х годов, когда формировалась новая направленность советской архитектуры. Проекты во

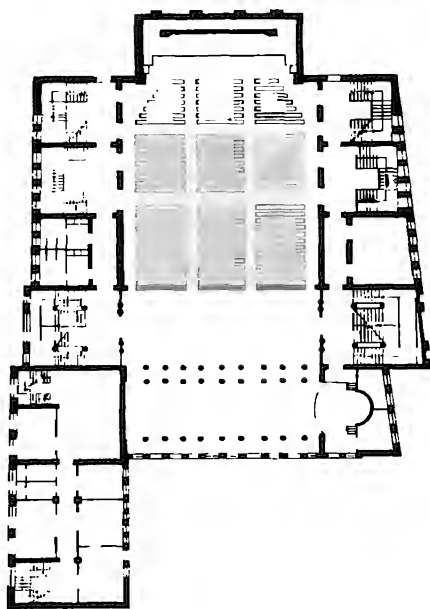
многих случаях опять-таки переделывались «на ходу» и часто концепция общегостроения оставалась конструктивистской, а внешняя форма «обогащалась» за счет использования разнообразного ассортимента форм и деталей архитектуры прошлого. В архитектуре многих клубов и Домов культуры второй половины 30-х годов проявилась стилизация ретроспективистского характера.

Значительным произведением советской архитектуры рассматриваемого периода, свободным от стилизации, стало здание Военной академии им. М. В. Фрунзе в Москве, построенное в 1937 г. по проекту Л. Руднева и В. Мунца. Замысел сооружения возник еще в 1933 г. Л. Руднев работал в это время над проектами многих крупных сооружений военного характера, среди которых наиболее выдающимся стала академия. Здание обращено своим главным фасадом к зеленому массиву Девичьего поля. Планы этажей и схема железобетонного конструктивного остовы имели строго метрическое построение, что хорошо согласуется с функциональными требованиями учебного заведения. Глухие массивы, выдвинутые вперед и подчеркнутые светотенью подрезы, стали как бы массивным постаментом, на котором покоится протяженный объем здания, равномерно прорезанный квадратными окнами. Последние окаймлены кессонами, что еще более усиливает регулярность метрического ряда как основную тему композиции, передающую средствами архитектуры идею монолитности и мощи архитектуры.

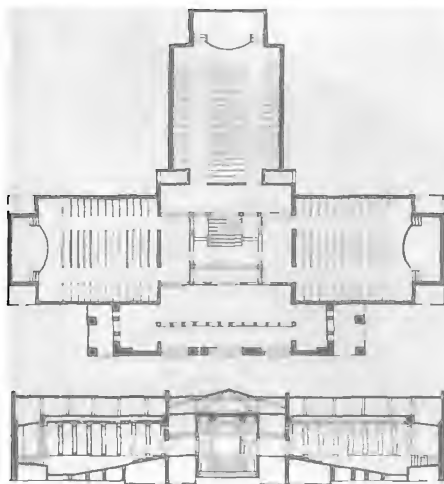
Особое место в архитектуре второй и третьей пятилеток занимает Московский метрополитен, первая очередь которого вошла в строй в 1935 г. Это событие воспринимали тогда как всенародное торжество. Сооружение метрополитена воочию свидетельствовало о достижениях науки и техники на путях индустриализации страны. Перед архитекторами была поставлена задача — решить подземные станции так, чтобы у человека не было ощущения подавленности. Они были решены в виде свое-

110. Банк
«Низинто»

111. Ленинград. Трехзальный
кинотеатр «Москва» 1939 г.

образных общественных помещений, архитектурная среда которых создавала ощущение свободы и оптимизма. Первая очередь соединяла центр города с Сокольниками и Парком культуры и отдыха и имела ответвление у библиотеки Ленина на Смоленскую площадь.

Линия имела всего 13 подземных станций и 10 надземных павильонов.

Среди станций мелкого заложения наиболее интересная по замыслу и по осуществлению «Кропоткинская» (А. Душкин и Я. Лихтенберг). Широкая платформа станции разделена двумя рядами своеобразных граненых столбов, плавно переходящих в плоское перекрытие. Столбы на $\frac{2}{3}$ высоты облицованы мрамором, причем эта облицовкаверху плавно отходит от тела колонны, образуя софиты, в которых размещены источники света, ярко освещающие белый верх железобетонных колонн и белый потолок. Классическая простота и ясность пространственной композиции, правдивость и тектоничность архитектурной формы производят впечатление легкости и гармоничности.

Из числа станций с глубоким заложением интересно была решена станция «Красные ворота» (ныне «Лермонтовская»). И. Фомин развивал в своем проекте тему «Красных ворот» — триумфальной арки, тогда еще стоявшей в центре площади и представлявшей собой уникальное произведение русского барокко. Тема арки и свода интерпрети-

а	б	д
в	г	

112. Москва. Станция метрополитена
 а – «Кропоткинская», 1935 г. А. Душкин, Я. Лихтенберг и др.; б – «Лермонтовская» (бывш. «Красные ворота»), 1934–1935 гг. И. Фомин;

в – «Площадь Маяковского», 1938 г. А. Душкин;
 г – «Площадь Свердлова», 1936–1938 гг. И. Фомин;
 д – «Динамо». Наземный павильон, 1940 г. Д. Чечулин

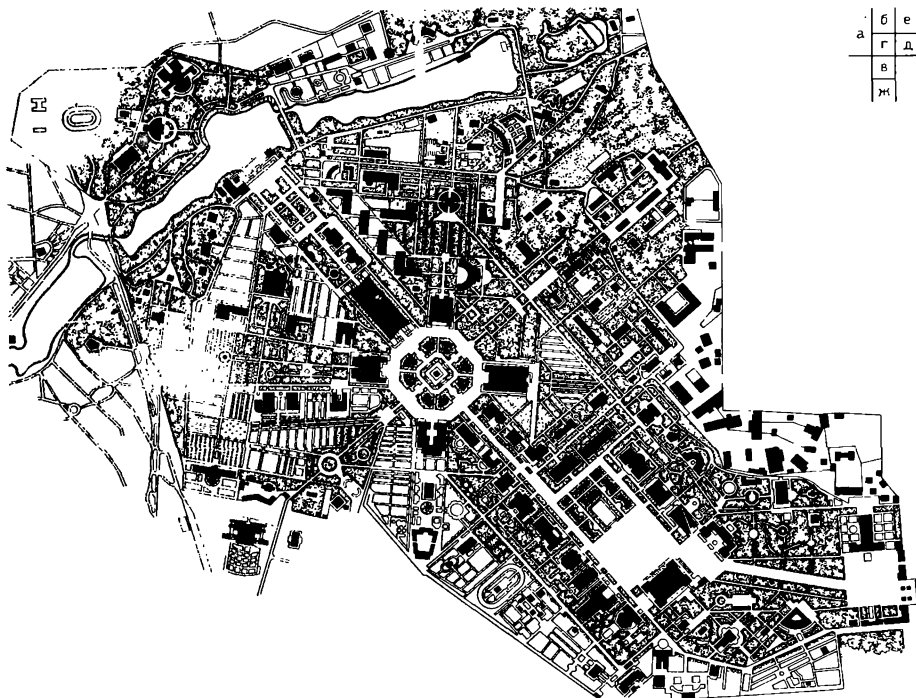
рована в интерьере станции. Мощные по форме пилоны поддерживают сильно кессонированный свод, значительность которого подчеркнута пологими гладкими сводами проходов между пилонами на перроны станции. В толще пилонов образованы ниши, завершающиеся полусферой. Эти ниши соизмеримы человеку и являются начальной масштабной величиной в ряду последовательно развернутых архитектурных форм.

В 1938 г. была введена в эксплуатацию вторая очередь метрополитена, соединившая центр с Киевским, Белорусским и Курским вокзалами, причем направление на Белорусский вокзал было продолжено до поселка «Сокол». Промежуточная станция «Динамо» имела большое значение для быстрой разгрузки скоплений народа в дни спортивных состязаний на стадионе того же названия. Среди станций второй очереди наиболее значительными по архитектуре являются «Площадь Маяковского» (А. Душкин), «Площадь Свердлова» (И. Фомин), «Динамо» (Д. Чечулин), «Аэропорт» (Б. Виленский).

В станции «Площадь Маяковского»

автор отказался от распространенного приема перекрытия пространства сводами, как бы опирающимися на мощные пилоны. Здесь были применены поперечные трехпролетные металлические рамы, что дало возможность получить обширное свободное пространство. Автор усилил ощущение простора разработкой центрального нефа, завершив пространства между рамами своеобразной системой куполов. В овальных куполах художник А. Дейнека расположил мозаичные красочные плафоны на тему «Спорт Москвы». Оригинальная трактовка архитектурной формы, использование возможностей новых конструкций, применение нержавеющей фазонной стали для обработки столбов и подпружных арок центрального нефа, спортивная тематика плафонов – все это изобретательно и свежо по форме и со звуочно образу поэта – новатора и певца социализма.

На второй очереди метрополитена качественно изменились конструкции и методы строительства. Получили применение железобетонные тубинги вместо чугунных, проходка тоннелей осу-

ществовалась механизированным щитом, были широко применены новые методы борьбы с подземными водами, в частности путем замораживания грун- та и т.д. Строительство метрополитена сыграло существенную роль в развитии техники облицовочных работ, оно стимулировало разработку гранитных и мраморных карьеров, розыск новых месторождений. Кроме того, архитектура метрополитена развила идею синтетических композиций с привлечением в архитектуру изобразительных искусств – фрески, мозаики, скульптуры и т.д. Первым, кто уделил этому серьезное внимание, был Д. Чечулин, который привлек к участию в проектировании и строительстве станции «Комсомольская площадь» крупного мастера того времени художника Е. Лансере. Это стало в архитектуре метрополитена традицией и дало впоследствии ряд замечательных результатов.

Другой своеобразной творческой за-

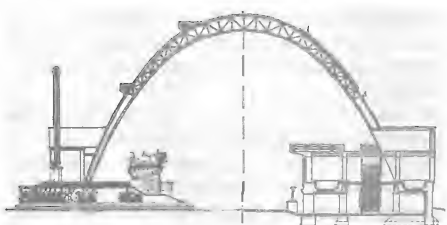
113. Москва. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, 1939 г.

а – генеральный план.
Руководитель С. Чернышев;
б – главный вход, Л. Поликов,
Г. Мотовилов; в – главный павильон, В. Шuko,
В. Гельфрейх, А. Великанов.

Ю. Шuko; г – павильон Грузинской ССР, А. Курдиани при участии Г. Лежавы;
д – павильон Армянской ССР, К. Алабян, С. Сафарян;
е – павильон Азербайджанской ССР, С. Далашев, М. Усейнов;
ж – павильон механизации.
Разрез. В. Андреев, И. Таранов

дачей было проектирование и строительство в Москве Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, которая открылась в 1939 г. Вначале предполагалось, что выставка будет носить временный характер (подобно ее предшественнице 1923 г.), но потом было признано целесообразным превратить ее в постоянно действующую школу обмена научным и практическим опытом в области сельского хозяйства.

Общая территория первой очереди выставки составляла 136 га и была расположена между Останкинским парком и Ярославским шоссе (ныне проспект Мира). Программное содержание выставки, сложившееся к 1937 г., нашло убе-

дительное отражение в генеральном плане с четко прочерченными регулярными магистралями и обширными площадями для одновременного приема больших масс посетителей и проведения крупных массовых мероприятий. В то же время выделение отдельных функциональных зон с живописными прогулочными тропами обеспечивало возможность тщательного изучения отдельных экспозиций экскурсиями, группами и одиночными посетителями.

С вводной площади при входе посетители попадали на прямоугольную в плане Площадь Колхозов, у начала которой был расположен Главный павильон (В. Шуко, В. Гельфрейх и др.). Его четкий геометрический объем с портиками по всем сторонам из простых прямоугольных в плане стоек вносил в архитектуру выставки ноту строгой торжественности. По диагонали к главному входу в павильон была сооружена башня, увенчанная скульптурой колхозника и кол-

хозяицы, высоко поднявших золотой сноп пшеницы (скульпторы Р. Будилов и А. Стрекавин). Главным павильон и башня хорошо акцентировали начало всей архитектурной композиции – Площадь Колхозов, по периметру которой расположились павильоны союзных республик и некоторых краев и областей РСФСР.

Архитектура этих павильонов разнообразна. Перед авторами была поставлена задача трактовать образ каждого здания как символ, знак национального своеобразия. Для выставки это вполне логично, равно как и широкое использование монументального декоративного и прикладного искусства. Авторы многих павильонов вместе с живописцами, скульпторами и народными мастерами, осуществляя такую программу, добились – в рамках сложившейся направленности архитектуры – интересных решений. Так, в павильоне Узбекской ССР (С. Полупанов) устройство айвана с декоративной многокрасочной ажурной беседкой непосредственно ассоциировалось с народной архитектурой Узбекистана. В таком же образом ключе разработаны и павильоны Грузинской ССР (А. Курдиани и Г. Лежава), Армянской ССР (К. Алабян и С. Сафарян), Азербайджанской ССР (С. Дадашев и А. Усейнов) и ряд других павильонов. Важно отметить, что своеобразие образа-символа чаще всего достигалось не только чисто декоративной обработкой, но прежде всего чисто архитектурными средствами. Достаточно сравнить построение павильона Грузии – с его внутренним двориком, пучками тонко прорисованных колонок портала, с трехнефной базиликальной формой павильона Армении, чтобы согласиться с тем, что сама архитектура этих павильонов выступает как знак и образ Грузии и Армении.

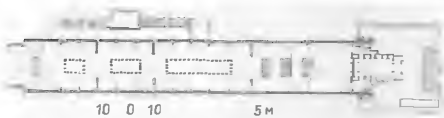
За Площадью Колхозов широкая озелененная магистраль, также обстроенная павильонами, приводила на восьмигранную Площадь Механизации, на которую выходили фасады отраслевых павильонов («Зерно», «Животноводство» и др.) и которая замыкалась павильоном «Механизация сельского хо-

зяйства» (В. Андреев и И. Таранов). Параболические решетчатые арки из металла несли легкие алюминиевое покрытие, образуя сводчатое проходное пространство. По бокам пространства павильона как бы на постаментах были размещены в двух уровнях различные сельскохозяйственные машины – экспонаты выставки. Внутренние пространства этих «постаментов» использовались как выставочные залы. За павильоном была расположена зона отдыха с ресторанами, кафе, площадками для игр, прогулочными тропинками и водными пространствами живописных прудов. По сторонам композиционной оси выставки располагались павильоны, опытные поля и экспонаты отдельных отраслей сельского хозяйства. Здесь же размещалась выставка «Новое в строительстве колхозной деревни».

Новая выставка прочно вошла в жизнь Москвы, в структуру ее генерального плана. На работах по ее проектированию и строительству помимо известных мастеров выдвинулась целая плеяда молодых талантливых архитекторов – Ю. Емельянов, В. Андреев, И. Таранов, М. Оленев, Г. Захаров, П. Ревякин, С. Полупанов, И. Мельчаков и многие другие. В работах принимали участие скульпторы Г. Мотовилов, А. Бабурин, Р. Будилов, А. Сабсай, А. Стрекавин, живописцы А. Герасимов, С. Герасимов, Л. Бруни, А. Дейнека и многие другие.

Позднее, после 1955 г., Выставку, значительно расширенную в послевоенный период, критиковали за декоративизм, украшательство и т. д. В критике было много справедливого, но при этом игнорировалась специфика выставки как таковой, где архитектура решала не только функциональные задачи приема посетителей и показа экспонатов, но и сама выступала как экспонат. Ошибка тех лет состояла в механическом перенесении опыта Выставки на массовую архитектуру.

1937–1939 гг. были знаменательны выходом советской архитектуры на международную арену – на выставки в Париже – 1937 г. и Нью-Йорке – 1939 г. Международная обстановка этих лет

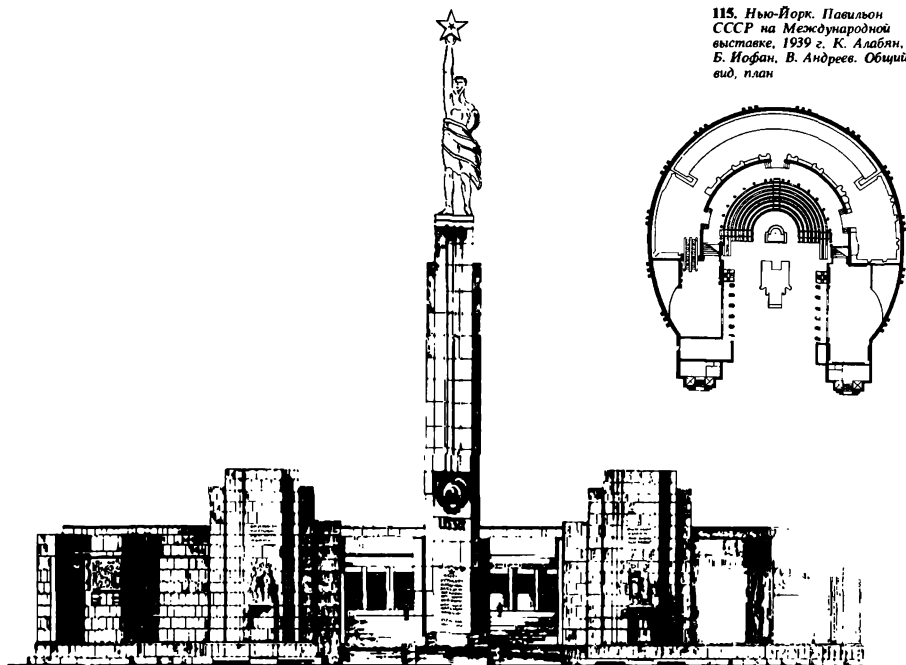
114. Париж. Советский павильон на Международной выставке, 1937 г. Б. Иофан, В. Мухина. Общий вид, план, разрез

была необыкновенно остра. Сформировалась ось Берлин-Рим-Токио. Фашизм готовился развязать войну. Единственная страна в мире – Советский Союз – последовательно отстаивала дело мира. В этих условиях идейно-художественная содержательность советских павильонов приобретала огромное политическое значение. По Парижской выставке был проведен закрытый конкурс. В нем участвовали крупнейшие мастера советской архитектуры. Проект Б. Иофана был признан лучшим. В проекте мастер необычайно лаконично и впечатляюще выразил главную идею. Это был павильон-постамент, динамичные формы которого выражали нарастающее движение,

подхваченное превосходной скульптурной группой юноши и девушки, стремительно поднявших символы труда – серп и молот (скульптор В. Мухина). Б. Иофан уже в эскизном проекте нарисовал именно эту скульптурную композицию. В. Мухина впоследствии подтверждала, что сама идея скульптуры принадлежала архитектору. «Я же шаги Рабочего и Колхозницы развернула в победный марш», – говорила она. Это действительно так. Предложенная тема была осуществлена содружеством искусств в замечательной по выразительности и эмоциональному настрою форме. Советский павильон стоял вдоль набережной Сены и против фашистского павильона, завершавшегося орлом, в лапах которого была огромная черная свастика. Это противопоставление было символично и глубоко осознавалось прогрессивной общественностью всего мира.

Выразительно был также решен павильон для выставки в Нью-Йорке (Б. Иофан, К. Алабян). Обращает на себя внимание компактный и красивый план павильона в виде подковы с открытым пространством амфитеатра античного типа в центре. Посетитель, пройдя демонстрационные помещения, попадал в амфитеатр, где мог отдохнуть, посмот-

115. Нью-Йорк. Павильон СССР на Международной выставке, 1939 г. К. Алабян, Б. Иофан, В. Андреев. Общий вид, план

реть документальные фильмы о Стране Советов, послушать музыку. По оси всей композиции стремительно поднимался ввысь пилон-постамент фигуры рабочего (скульптор В. Андреев), который нес в руке пылающую красную звезду как символ надежды всего человечества в его борьбе с фашизмом.

Архитектура села

Начало 30-х годов отмечено, по сравнению с предшествовавшим периодом, более широким развитием сельской архитектурно-строительной практики. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства в годы второй и третьей пятилеток охватила практически все основные области сельскохозяйственного производства. Массовый выпуск тракторов и других разнообразных сельскохозяйственных машин, организация на этой основе большого числа МТС изменяли структуру энергоресурсов в сельском хозяйстве, позволяя в передовых

колхозах и совхозах механизировать наиболее трудоемкие производственные процессы. Принимались серьезные меры по подготовке квалифицированных кадров, способных эффективно использовать имеющуюся технику.

Крестьянин – мелкий собственник в прошлом, все интересы которого веками ограничивались убогой усадьбой и небольшим наделом земли, бывший батрак, лишенный земельной собственности, превращался в активного члена коллектива, строящего новую систему хозяйства, осваивающего прогрессивные методы обработки земли, новую технологию животноводства.

К началу Великой Отечественной войны в стране насчитывалось уже 240 тыс. колхозов, более 4 тыс. совхозов и около 7 тыс. машинно-тракторных станций.

Производственные отношения на селе были уже социалистические, но архитектура деревни оставалась в основном еще прежней. Великий процесс освобож-

дения земледельца от «идиотизма деревенской жизни» (К. Маркс) происходил бурными темпами, но перестройка архитектурной среды только еще начиналась.

В 1934 г. в Академии архитектуры был создан специальный научный центр для разработки проблем сельского зодчества «Кабинет сельскохозяйственной архитектуры» (руководитель А. Кондахян, позже Г. Мартынов). С этого времени значительно расширились проектные и научно-исследовательские работы по созданию новых типов сельских сооружений и комплексов. Они велись как в стенах Академии, так и в ряде проектных организаций (Сельхозпроект, Тракторцентр и др.). Однако на пути этих начинаний встречались определенные трудности.

Реконструкцию сел осложняло, во-первых, чрезвычайное разнообразие конкретных условий строительства (природно-климатические условия, более устойчивые формы быта в деревне, чем в городе), во-вторых, отсутствие необходимой строительной базы и квалифицированных кадров строителей. Не хватало и архитекторов, так что нередко планировкой сел занимались землеустроители. Вплоть до начала войны благоустройство сельских населенных мест за редким исключением оставалось на низком уровне. В большинстве случаев реконструктивные мероприятия носили ограниченный характер и сводились к приспособлению для новых социальных потребностей существующих зданий и уже сложившейся системы планировки населенных мест. И все же именно в эти годы были заложены начальные основы формирования нового села, выработаны первые архитектурно-планировочные принципы, получившие в последующем развитие значение государственных норм.

Главной особенностью этих принципов был решительный отказ от хаотической застройки сел. Новые поселения располагались с учетом производственных интересов района, в их планировке появлялись начала зонирования территории, функционально оправданные планировочные приемы, зарождение общественного центра села. Сис-

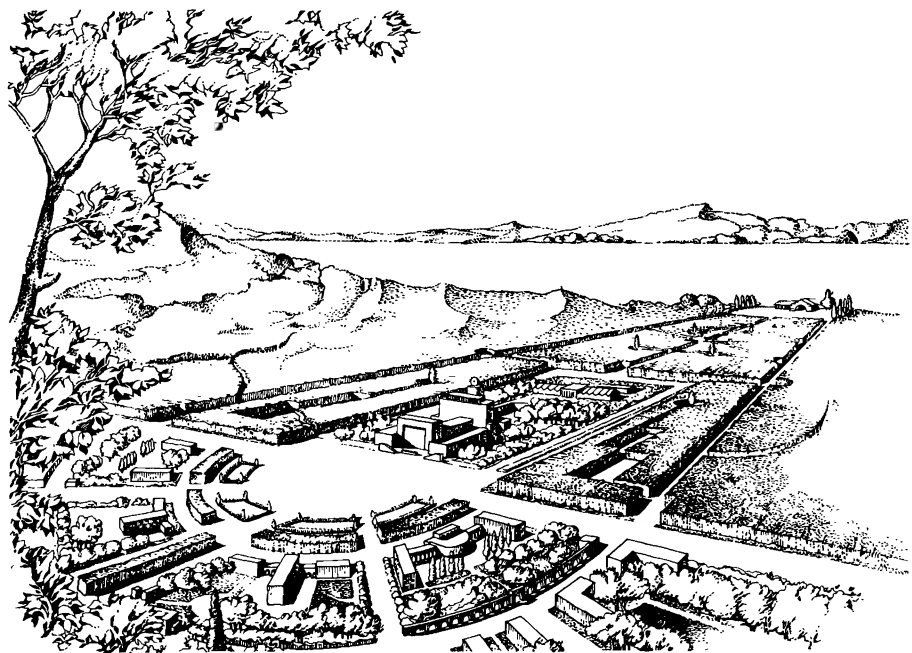
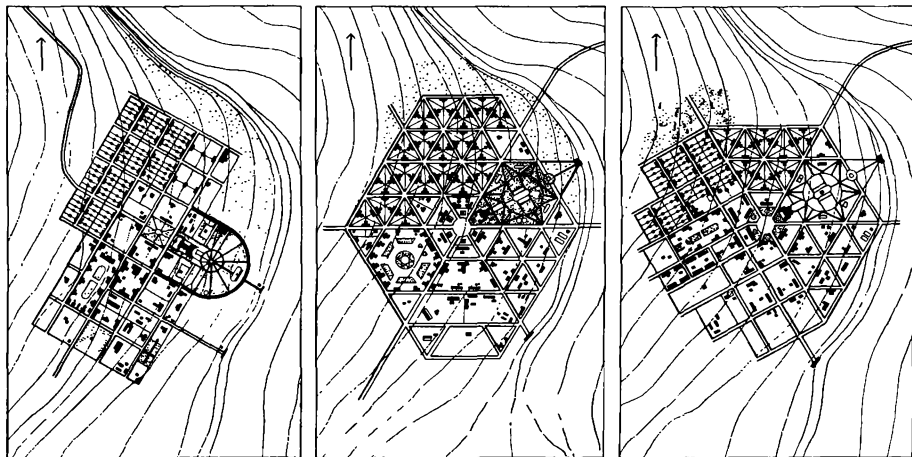
тема функционального зонирования стала основой того архитектурного порядка, который закладывался в проектах и осуществлялся в натуре в новых поселениях во многих республиках Советского Союза.

Характерным примером новой архитектурно-планировочной организации колхозного села, в основном осуществленной в рассматриваемый период, может служить поселение колхоза «Комсомол» (Украинская ССР, проект А. Зыкова). Вся его структура достаточно типична для рассматриваемого периода. Территория четко расчленена на селитебную и производственную зоны, причем последняя достаточно удалена от жилой застройки и удачно расположена по отношению к ней с учетом господствующих ветров и течения реки. Главное композиционное ядро планировки — общественная площадь, образованная зданием правления колхоза, магазином, почтой и клубом. К ней примыкает парк, в планировке которого учтены природные условия — река и лес, раскинувшийся на ее берегу.

Интересно, но достаточно формально было создано планировочное решение села Ново-Ивановки в Кабардинской АССР. Одним из характерных примеров нового села того времени была Голубовка, центральная усадьба колхоза им. В.В. Куйбышева Середино-Будского района Черниговской области, проект генеральной перестройки села, которой разработан К. Лопяло в 1934–1935 гг. Особый интерес представляют созданные архитекторами К. Лопяло, О. Вутке жилые дома, мельница-электростанция (К. Лопяло), а также спроектированные в то же время производственные постройки (Л. Кашкарова). В образном решении использованы приемы народной архитектуры Черниговской области.

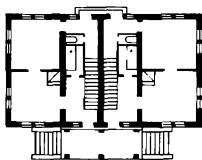
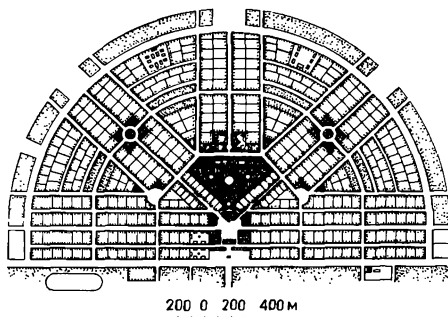
Больше всего новых сельских поселений возникало в республиках Средней Азии, где, благодаря развернувшимся ирригационным работам, крестьяне получили обширные новые земли в районах, еще по-настоящему необжитых.

В пригородных зонах больших городов создавались крупные животноводче-

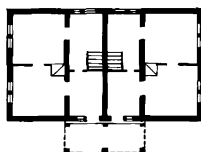

ские и птицеводческие совхозы. Такие хозяйства, как многоотраслевой совхоз «Коммунарка» Московской области, птицевосхоз «Арженка» Тамбовской области, колхоз им. К. Тимирязева Горьковской области и др., были теми

передовыми хозяйствами, опыт которых в строительстве сельских населенных мест нового типа и в организации сельскохозяйственного производства в конце 30-х годов получил значительное распространение.

116. Проекты первых машинно-тракторных станций. Архит. А. Кондахян, 1935 г. Три варианта идеальных схем генплана МТС. Перспектива жилого поселка

117. РСФСР. Кабардинская АССР. План агрогорода Ново-Ивановка, 1933 г. Планировка поселка, планы двухквартирного жилого дома

Медленное всего происходили изменения в архитектуре жилища. После коллективизации в селах в основном продолжалось строительство традиционных для данного места типов жилых домов. Так в средней полосе РСФСР, на Урале и в Сибири строились рубленые избы (четырёхстенки и пятистенки), планировочная структура которых сложилась в результате долгого развития и приспособления к особенностям климата и способу ведения хозяйства. В архитектурном облике этих домов большую роль продолжали играть традиционные декоративные приемы в виде прорезных деревянных наличников окон, ставен, подзоров, украшенных резьбой ворот и т. д. Сооружения новых жилищ в колхозе им. Тельмана на нижней Волге, в колхозе им. Фрунзе Ивановской области, в колхозе им. Шебедаева в станице Красноармейской на Северном Кавказе и в ряде других хозяйств служат примером такого традиционного строительства.

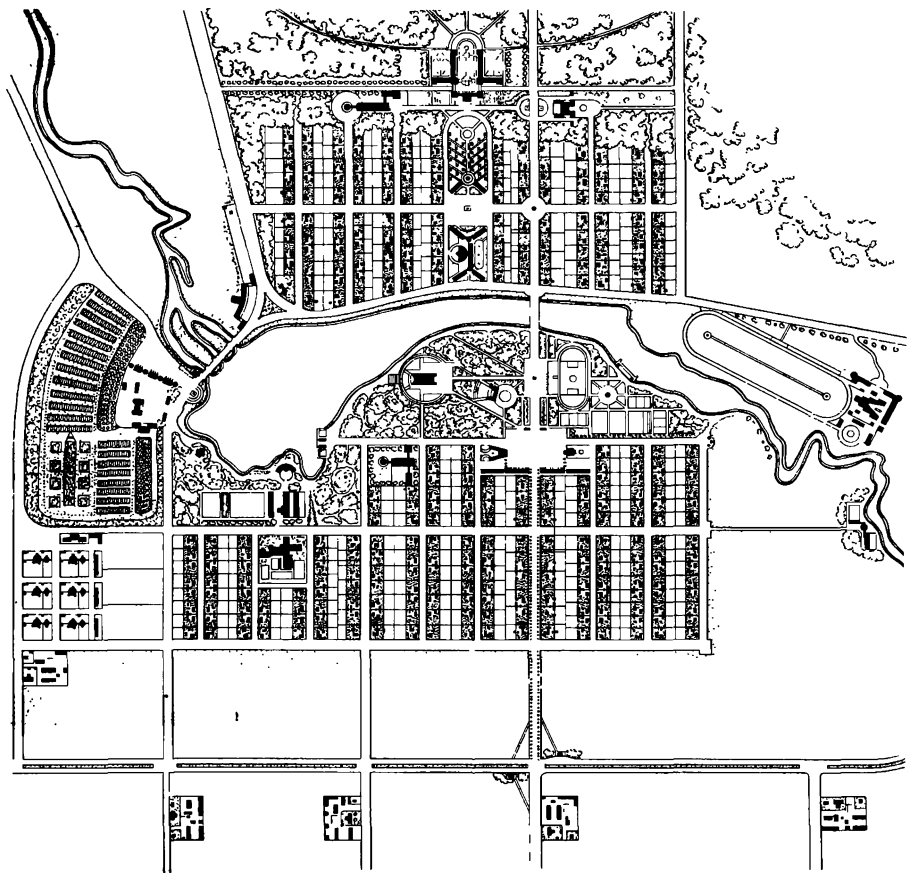
В условиях колхозной кооператив-

ной собственности сократились размеры индивидуальных участков, уменьшилось число надворных хозяйственных построек, но зато получила развитие тенденция к увеличению числа жилых комнат в доме и к большему разделению их функций. Эти и некоторые другие изменения на первых порах осуществлялись самими колхозниками в порядке самостоятельного строительства. Но с середины 30-х годов началось организованное государственное типовое проектирование для деревни.

Поначалу в проектной практике этого времени имелись существенные недостатки. Проектировщики еще не уяснили специфики задач, социальное существо перестраивающейся деревни понималось ими весьма абстрактно, поверхностно. Упускалось из виду то обстоятельство, что сельские условия строительства особенно разнообразны и по климату, и по особенностям быта разных республик и районов страны, и по видам хозяйства, и по природным возможностям. Сложность проектирования заключалась в необходимости разработки таких типов сельского жилища, которые были бы применимы в различных условиях и имели бы должное число вариантов.

Такая постановка задачи требовала развития научных исследований, наука же в этой области только зарождалась. Поэтому вначале сельский жилой дом проектировался, по сути дела, как дом городского типа или пригородная дача по абстрактной схеме, без учета национальных и климатических особенностей. Одновременно с этим появлялись и такие проекты, в которых чисто механически использовались внешние признаки «крестьянского» жилища, сложившиеся в прошлом (узкие, тесно посаженные подслеповатые окна, проходные комнаты и т. д.) и, конечно, не соответствовали новым требованиям сельской жизни.

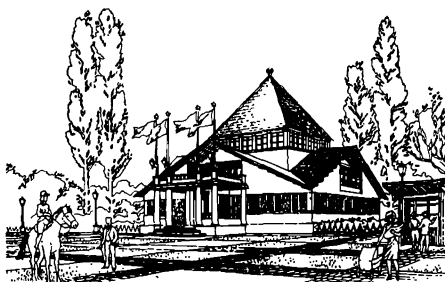
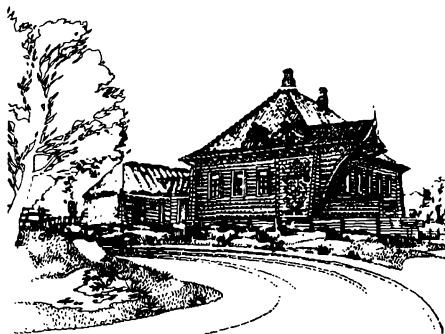
Ряд республиканских конкурсов на проекты жилых домов, проведенных во второй половине 30-х годов, творческие обсуждения проблем архитектуры социального строительства села, анализ и критика типовых проектов, развернутые Союзом архитекторов, наконец, разработка ос-

нов планировки и застройки сельских населенных мест, изучение своеобразия экономики строительства на селе – все это помогло к концу 30-х годов значительно поднять качество типовых проектов для сельских населенных мест. В это же время в целях повышения экономичности застройки и возможности улучшения благоустройства и инженерного оборудования сел в номенклатуру типовых домов были впервые введены спаренный и сблокированный многоквартирный дом. Однако эти прогрессивные идеи не получили массового распространения и не вышли за рамки проектного эксперимента, поскольку участие архитекторов в реальном строительстве на

селе еще не было должным образом организовано, тем более, что архитекторов не хватало и для городов.

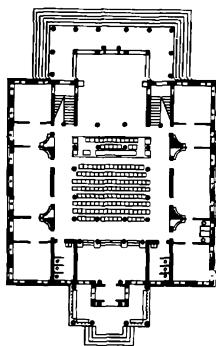
С развитием коллективизации сельского хозяйства большое значение приобрело строительство на селе общественных зданий: школ, детских садов и яслей, поликлиник, клубов, зданий сельсоветов. Это способствовало подъему общественной жизни советского села; формирование новых очагов социалистической культуры пришло на смену церкви, идеологическое значение которой резко падало в связи с большой просветительной пропагандистской работой коммунистов и комсомольцев на селе.

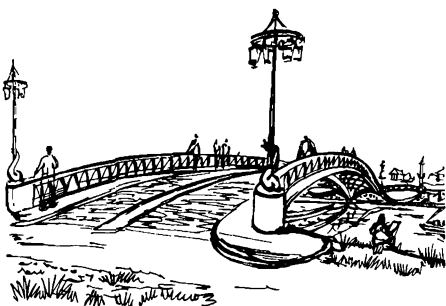
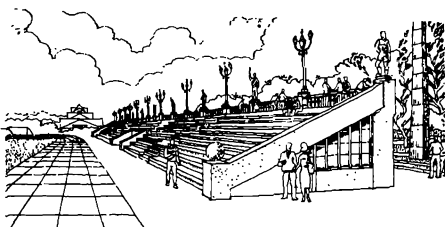
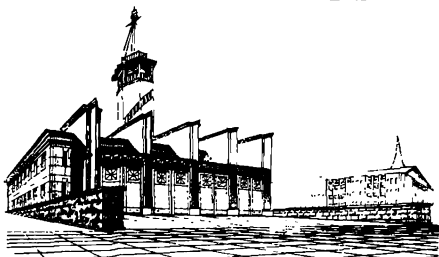
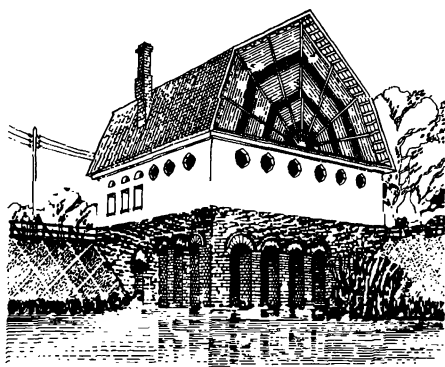
118. УССР. Село Голубовка.

Застройка

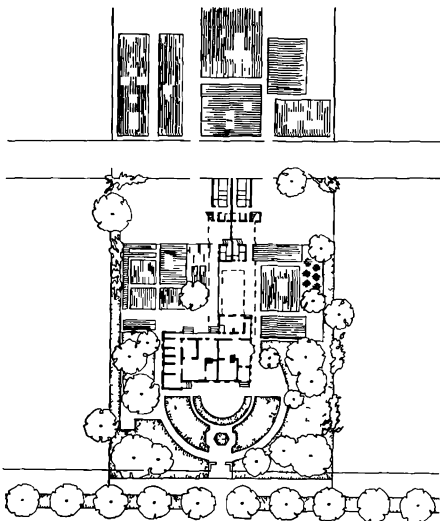
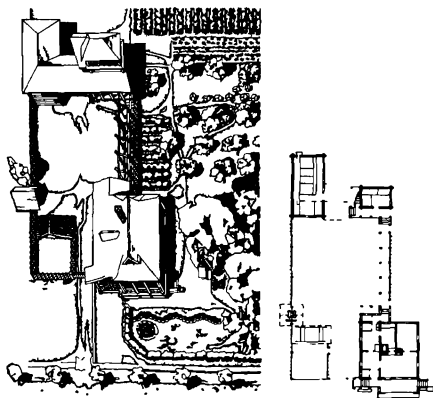
а — планировка поселка, 1935 г.;
 б — угловой жилой дом,
 К. Лопкло; в — сельсовет,
 общий вид; г — мельница,
 электростанция;
 д — пожарное депо;
 ж — трибуны стадиона;
 з — мостик

	б	в
а	г	д
	в	ж
	з	

Перед архитекторами, проектировавшими сельские клубы, стояли сложные задачи. Надо было создать совершенно новый тип здания, правильно понять его функциональную природу, найти соответствующие планировочные решения, добиться выразительной объемно-пространственной композиции и все это — при скромных материальных средствах. Архитектурный облик клубов был особенно важен, так как в большинстве случаев именно клубам как наибо-

119. Проект жилого дома
О Вутке. Общий вид, план
дома и хозяйственных
построек. Аксиометрический
план участка

120. Планировка колхозной
усадьбы в селе Голубовка
О Вутке

лее крупным зданиям отводилась ведущая роль в архитектурно-пространственной композиции села в целом.

Разработке новых типов общественных зданий для сельского строительства способствовал ряд всесоюзных и республиканских конкурсов, проведенных во второй половине 30-х годов Академией архитектуры СССР, Союзом архитекторов СССР, Наркомпросом и другими организациями.

Так же, как и в жилище, конкурсы выявили весьма различное понимание задачи. На первых порах многие проекты характеризовались недостаточным знанием конкретных обстоятельств и условий сельского строительства. Одни проектировщики предлагали излишне усложненные и в строительном отношении сложные дорогие решения. Другие отдавали дань традиционализму и архаике старых архитектурных форм, были и вовсе странные решения колхозных клубов в виде периптеральных греческих храмов. Все это убедительно по-

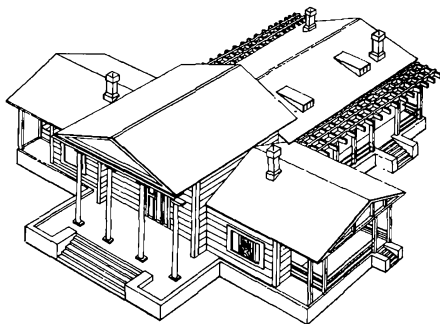
казывало, что проблема общественных зданий для села, создание новых проектов требует предварительно объективного изучения условий строительства в сельской местности.

В 1939–1940 гг. такое изучение было организовано Академией архитектуры СССР. Результатом этой работы явилось создание ряда проектов клубов для южных и северных районов нашей страны, которые Наркомземом СССР были приняты для строительства в колхозах. Эти проекты уже отличались реалистическим подходом к задачам сельской архитектуры. Одной из лучших работ можно назвать клуб Н. Колли для северных районов СССР, выполненный из дерева и построенный в ряде хозяйств, в том числе в колхозе им. Э. Тельмана Бурятской АССР. Для южных районов страны, в частности, для Украины был спроектирован клуб с залом на 400 мест (А. Добровольский, Т. Благодатный) и построен в с. Лески. В ряде сел, где объекты строились мед-

121. Слева — Проект сельского клуба для северных районов, 1935 г. Н. Колли.

Справа — Бурятская АССР. Колхоз им. Э. Тельмина, 1935 г. Клуб. Н. Колли. Макет

ленными темпами, в 1934–1935 гг. были пущены в эксплуатацию новые клубы, облик которых скорее отвечал стилистике 20-х годов, от которой в это время уже отказались в городах. Это клубы в селе Жерлье, в колхозе Назарьевский и совхозе «Кубань».

Большое значение в изменении архитектурного облика старой деревни имела архитектура производственных зданий и их комплексов, в которых вместо разбросанных по усадьбам мелких хозяйственных построек концентрированно сооружались крупные по тому времени животноводческие здания, силосные башни, складские помещения, мастерские и т. п.

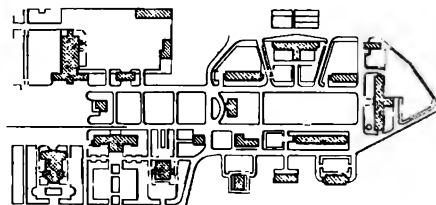
В 30-х годах в Академии архитектуры начались работы по созданию типовых схем планировок машинно-тракторных станций. Они состояли из собственно производственной части, где располагался машинно-тракторный парк с необходимыми подсобными и складскими постройками, жилого поселка и общественного центра. В планировочных схемах отчетливо прослеживались тенденции, идущие от пространственных в проектной практике 20-х годов идей городов-садов, которые не имели ничего общего с традициями застройки русских сел и основывались на формальной геометрической системе плана. В дальнейшем планировка МТС складывалась на иной, более реалистичной основе.

Учитывались природные условия, рельеф местности, водные ресурсы и т. п. В то же время сохранилось стремление создать единый целостный поселок с четкой архитектурной композицией и объемно-пространственной организацией. Типичными в этом отношении работами являются планировки Солнечногорской и Чучковской МТС Московской области и многие другие.

Особенно широко проектирование типовых производственных зданий развернулось после того, как был утвержден второй пятилетний план развития народного хозяйства. Началось всестороннее развитие типизации сельского строительства, повторного применения лучших решений и соответствующей организации проектирования.

В результате развернувшейся работы в 1937–1938 гг. были созданы новые типовые проекты коровников на 50, 100 и 200 голов, свинарников на 25, 50, 75 голов, птичников на 50, 100 птиц и более, разработаны проекты различных мастерских, складов и т. п. В 1937 г. Наркомземом СССР был выпущен альбом рекомендуемых типовых проектов, рассчитанных на использование различных местных материалов.

Особенностью этих проектов была четкая функциональная специализация, соблюдение зооигиенических и технологических требований, а также применение принципа секционного проектирования. Последний позволял менять вместимость зданий в зависимости от потребностей, что было весьма существенно в условиях большого разно-

122. РСФСР. Краснодарский край Союз «Кубань», Клуб, 1940–1941 гг.

123. УССР. Хмельницкая область. Село Жердь Клуб, 1935 г. Ю. Афанасьев, А. Межеревский

124. РСФСР. Назарьевский колхоз. Дом культуры, 1934–1935 гг. Д. Чечулин

125. Москва. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, 1939 г. Планировочное решение отдела выставки «Новое в деревне». клуб

образия производственных характеристик отдельных хозяйств.

Необходимость строительства в сельских поселках большого числа производственных зданий поставила перед архитекторами задачу разработки планировочных решений хозяйственных комплексов различного профиля. Был создан ряд новых типологических схем планировки производственной зоны, например, так называемая «батаре́йная», которая применяется для животноводческих хозяйств. Примером такой планировки может служить генплан животноводческого сектора в свиноводхозе им. Буденного в Челябинской области. В это же время стало применяться деление производственной территории на три относительно самостоятельные зоны: животноводческую, транспортную и складскую. Это позволило более четко организовать технологический процесс.

Хотя процесс становления и развития

колхозных поселений, строительство новых типов производственных, жилых и общественных зданий был приостановлен начавшейся войной с немецким фашизмом, именно в эти предвоенные годы был сделан важный шаг по пути формирования новой колхозной деревни. Определенные успехи в этой области получили свое отражение в зданиях-экспонатах Всесоюзной сельскохозяйственной выставки 1939 г. в ее разделе «Новое в деревне». На выставке были представлены прогрессивные типы производственных зданий, лучшие образцы жилых домов и сельских клубов, школ, библиотек, ветлечебниц и др., послужившие эталонами для формирования основного направления сельской архитектуры предвоенных и первых послевоенных лет.

Активное развитие этой, как и других областей советской архитектуры, было прервано началом Великой Отечественной войны.

АРХИТЕКТУРА ВОЕННЫХ ЛЕТ И ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА (1941 – СЕРЕДИНА 1950-Х ГОДОВ)

Период с 1941 г. до середины 1950-х годов занимает особое место в истории развития советской архитектуры. 22 июня 1941 г. фашистская Германия вероломно напала на Советский Союз, началась Великая Отечественная война, мирное строительство социализма было прервано. Советские люди под руководством Коммунистической партии и Советского правительства встали на защиту Родины. «Фашистская Германия развязала войну грабительскую, рассчитанную на захват наших земель и покорение народов СССР. Гитлеровцы ставили своей целью уничтожить Советское государство, восстановить в СССР капиталистический строй, истребить миллионы советских людей, а оставшихся в живых превратить в рабов германских помещиков и капиталистов»¹. В планах фашистских главарей победа над СССР рассматривалась как реальная возможность установления мирового господства фашизма. Таким образом, Великая Отечественная война Советского Союза против немецких захватчиков была войной справедливой, она слилась с борьбой других свободолюбивых народов и приобрела всемирно историческое значение.

С первых же дней войны архитекторы с оружием в руках боролись с врагом, активно участвовали в военном строительстве, в частности проводили большие маскировочные работы. Осуществлением маскировочных работ в столице руководили К. Алабян, Д. Че-чулин, Б. Иофан, С. Чернышев и другие архитекторы. На долю архитекторов Ленинграда, находившегося в условиях вражеской блокады, выпала работа

в крайне тяжелых условиях. Они активно участвовали в проведении агитационно-пропагандистских мероприятий, организуемых партийными комитетами города. Следуя традициям революционно-го Ленинграда, Н. Баранов, Л. Ильин, В. Каменский, А. Никольский, Б. Рубаненко, И. Фомин, Л. Руднев и другие архитекторы совместно с представителями художественной интеллигенции города создавали проекты военно-агитационного оформления улиц, агитационные плакаты, работали над проблемами будущего восстановления города.

С 1942 г. организуются конкурсы на проекты памятников героям и событиям Великой Отечественной войны. Эти проекты суровой и героической поры – волнующая страница истории советской архитектуры.

Фашистская тактика «выжженной земли» принесла советскому народу неслыханные разрушения. Было превращено в руины 1710 городов и поселков, уничтожено более 70 тыс. сел и деревень, 32 тыс. промышленных предприятий, 25 млн. населения осталось без крова. Страна потеряла около 30% национального богатства. Почти полностью были разрушены Сталинград, Минск, Севастополь; тяжелейшим разрушениям подверглись Ленинград, Новгород, Киев, Новороссийск, Харьков, Ростов-на-Дону, Донецк и многие другие города.

Гитлеровцы сознательно уничтожали памятники национальной истории и культуры. Фашистский генерал Райхенау цинично утверждал в своем приказе войскам: «Никакие исторические и художественные ценности на Востоке не имеют значения». Стирая с лица земли монументы и памятники архитектуры, фашисты стремились уничтожить на-

¹ История СССР. Эпоха социализма. – М., 1957, с. 551.

126. Волгоград. Вид разрушенного города

циональное самосознание народа. Особенно пострадали исторические архитектурно-художественные ценности в пригородах Москвы, Ленинграда – Петродворце, Павловске, Пушкине, Гатчине, уникальные памятники архитектуры Новгорода, Пскова, Киева и многих других городов РСФСР, Украины, Белоруссии, республик Прибалтики.

В 1942 г. была учреждена комиссия по учету и охране памятников искусств, которую возглавил академик И. Э. Грабарь. К концу 1942 г. уже были обследованы архитектурные памятники г. Калинина, Калуги, Истры, Торжка, Старицы, Боровска, Волоколамска. В том же году А. Шусевым был выполнен один из первых проектов реставрационно-восстановительных работ по Новоиерусалимскому монастырю в Ис-

тре. Особенно широко работы по восстановлению и реставрации памятников архитектуры развернулись, естественно, в послевоенные годы.

С первых же месяцев войны началась невиданная в истории величественная эпопея перемещения производительных сил – рабочих, заводов, фабрик – из областей, подвергшихся угрозе оккупации, на восток, в глубокий тыл, что потребовало мощного и срочного развертывания строительных работ в этих районах страны. Около полутора тысяч крупных промышленных предприятий, эвакуированных в первые полгода войны, уже через три-четыре месяца стали выпускать продукции больше, чем до войны. В 1941 г. были приняты постановления СНК СССР «О строительстве промышленных предприятий в условиях военного времени» и «О строительстве для эвакуированного населения». Архитекторы внесли значительный вклад в развитие

производственного потенциала страны на Востоке.

Необходимость быстрого развертывания производства часто вынуждала к упрощенным строительным решениям временного характера. Однако уже к концу 1942 г. строительство на Востоке страны перестали считать временным. Стало очевидным, что процесс перебазирования производственных сил в восточные районы не только важнейший фактор в деле обороны и будущего разгрома врага, но и средство ускорения развития индустрии потенциально перспективных восточных районов страны.

На обширных восточных и юго-восточных территориях страны возникли новые и расширялись существующие центры промышленного производства, в том числе металлургические комбинаты в Челябинске и Темиртау, машиностроительные заводы Красноярска, Омска, Иркутска. На базе разработки уральских бокситов и алюминиевого производства строились новые города — Красноуральск, а затем Североуральск. На основе развития предприятий угольной промышленности на Крайнем Севере вырос город Воркута, а в связи со строительством крупнейшего горно-металлургического комбината по производству никеля, также за Полярным кругом, возник Норильск. В Казахстане развернулось строительство городов Темиртау, Кентау, Марганец. В самый разгар войны, в связи со строительством Узбекского металлургического комбината, было развернуто строительство города Беговата и недалеко от него Фархадской ГЭС. В Беговате скоростными методами и в комплексе с промышленностью сооружались жилье и культурно-бытовые здания.

Несмотря на всю тяжесть войны, стояла не только экономика, но и культура Советской страны, ее общественные институты, организационные структуры. При всей трудности положения первых лет войны было сохранено ядро сотрудников Академии архитектуры СССР, перед которыми была поставлена задача подготовки научных нормативных и архитектурных основ будущего восстановительного строительства.

В институтах Академии архитектуры создавались типовые проекты городского, поселкового и сельского жилища упрощенного типа (Г. Гольц, А. Зальцман, Г. Мордвинов, Н. Блохин, Г. Симонов, А. Оль, Е. Левинсон), разрабатывались вопросы модульности и унификации жилища (Г. Кузнецов, А. Зальцман), его типологии и нормирования (Н. Былинкин, Б. Улинич, В. Кусаков). В институтах на местах представителями академии разрабатывались проекты планировки и застройки поселков для эвакуированного населения, предложения по приспособлению зданий под промышленные предприятия в районах Новосибирска, Свердловска, Ташкента, Перми, Уфы, Красноярска, Оренбурга, Магнитогорска (Г. Бархин, И. Николаев, И. Соболев, В. Заболотный, А. Ивановичий, С. Чернышов, В. Семенов, Г. Кузнецов, М. Элинзон) и др.

Интересным примером комплексного жилищного строительства в военное время является поселок для рабочих-нефтяников г. Гурьева (Казахстан). На этой стройке были широко применены новые типы конструкций из местных строительных материалов; в архитектуре использованы мотивы народного жилища (А. Арефьев, С. Васильковский, А. Лансере, И. Романовский). Его территория 55 га на берегу Урала. В условиях резко континентального климата в солончаковой степи была создана благоприятная для жизни среда. Архитектура соразмерна человеку, своеобразны характерные для юга открытые лестницы, навесы, айваны, интересные деревянный ордер, полихромная роспись, контрастирующая с белоснежными гипсовыми стенами. Следует особо подчеркнуть ансамблевость и комплексность нового строительства.

Советские люди даже в самые тяжелые начальные периоды войны не сомневались, что «враг будет разбит и победа будет за нами». В Москве продолжалось строительство линий метрополитена (продолжение Горьковской линии и Покровского радиуса), в Ленинграде к 1944 г., в начале которого была снята блокада, началось строительство жилых домов на Суворовском проспекте, у Ох-

тинского моста, около Финляндского вокзала. Оперативные строительные мероприятия разворачивались сразу же после освобождения территорий от врага.

Для руководства всей архитектурной деятельностью в стране и огромными работами по восстановлению городов в сентябре 1943 г. был организован Государственный комитет по делам архитектуры при Совнаркоме СССР. Комитет был первым в истории специальным государственным общесоюзным органом, непосредственно ведавшим архитектурой.

К председателю Комитета А. Г. Мордвинову 14 октября 1943 г. с открытым письмом обратился Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин, сформулировавший актуальные задачи советских архитекторов. В письме, в частности, подчеркивалось: «... Сейчас советским архитекторам представляется редкий в истории случай, когда архитектурные замыслы в небывало огромных масштабах будут претворяться в реальном строительстве... Новое строительство дает большие возможности для создания подлинно социалистических городов с большими художественными ансамблями и глубоко продуманными жилыми постройками, полностью отвечающими современным требованиям... В основу строительства жилых домов должен быть положен принцип удобства для живущих в них, чтобы эти дома были не только хороши снаружи, но внутри удобны для жилья, а общественные здания — практически пригодны для предназначенных целей». В письме содержалось и следующее предупреждение принципиальной важности: «... Социалистическое строительство должно быть целеустремленным, красивым, радующим глаз, но не вычурным и не претенциозным».

Однако это предупреждение не было учтено в должной мере. Наряду с реалистическим подходом к решению задач в массовом, особенно жилищном строительстве, дальнейшее развитие получили наметившиеся в предвоенные годы тенденции излишней монументализации

архитектурных форм, архаической стилизации и декоративизма, прежде всего в общественных зданиях.

В этом явлении есть в известной мере и объективная закономерность. Всеобщее и широкое обращение к классическому и национальному наследию в архитектуре было связано с общим возрождением общественного интереса к национальной истории, героическому прошлому народа, к великим предкам — защитникам Родины. Изменение военной формы в годы войны, восстановление традиционных воинских званий, учреждение воинских орденов Александра Невского, Суворова, Кутузова, Нахимова — все это отражение того естественного, во многом стихийного общенародного патриотического порыва, мудро поддержанного и направляемого Коммунистической партией и Советским правительством. Тенденция подчеркнутого историзма отразилась в военные и послевоенные годы повсеместно во всех видах искусства. В архитектуре она нашла, пожалуй, наиболее благоприятную почву, которая была подготовлена обозначившимся еще в довоенную пору курсом на освоение исторического наследия зодчества.

Градостроительство

Послевоенный период развития страны характеризуется огромным размахом созидательных работ. Первоочередные восстановительные мероприятия в стране были закончены еще в первое послевоенное пятилетие — к 1950 г., а весь огромный объем восстановительных работ был завершен уже к 1955 г.

План развития народного хозяйства СССР на 1946—1950 гг. помимо восстановления промышленности, городов и сел предусматривал грандиозные работы по обводнению засушливых районов, намечал такие крупные строительные мероприятия, как сооружение Волго-Донского и Северо-Крымского каналов, крупнейших электростанций на Волге; эта линия развития была продолжена в следующем пятилетнем плане на 1951—1955 гг., где предусматривалось

строительство Ангарского каскада, гидроэлектростанций на р. Оби. Новое энергетическое и промышленное строительство влекло за собой реконструкцию городов, массовое строительство жилых и общественных зданий. Крупные мероприятия, направленные на восстановление, реконструкцию, а затем и дальнейшее развитие населенных мест, проводились в сельской местности. Особенно широко развернулось проектирование сел в 50-е годы в связи с освоением целинных и залежных земель, укрупнением колхозов и совхозов, а также в связи с переносом многих населенных пунктов из мест затопления после возведения гигантских гидроэлектростанций.

Восстановление разрушенных военной городов – героическая страница советской архитектуры. Еще во время войны, в 1943–1944 гг. началась работа по составлению генеральных планов разрушенных городов. При Академии архитектуры СССР под руководством ведущих архитекторов (К. Алабян, В. Веснин, М. Гинзбург, Г. Гольц, Л. Руднев, В. Семенов и др.) были созданы архитектурные мастерские. С образованием Госкомитета по делам архитектуры подобные же мастерские были созданы при Комитете. К руководству этих мастерских были привлечены ведущие архитекторы В. Гельфрейх, А. Щусев и др. В то же время большие работы по планировке и застройке городов были развернуты в Гипрогоре, Горстройпроекте и их филиалах, в Гипрограде и других проектных организациях Украины, Грузии, Армении, Белоруссии, Азербайджана и в республиках Средней Азии. Размах восстановительных мероприятий нарастал одновременно с мощными наступательными операциями наших войск. Страна побеждала и строила. При этом речь шла не просто о возрождении разрушенных городов, но и о преодолении многих, стихийно сложившихся в дореволюционном прошлом дефектов их планировки и застройки.

В ноябре 1945 г. СНК СССР принял постановление о неотложных мероприятиях по восстановлению 15 старейших русских городов. В 1945–1950 гг. только по РСФСР разрабатывались гене-

ральные планы 250 городов, в том числе тех, где в связи с расширением промышленного производства и ростом населения требовались реконструктивные мероприятия и расширение городских территорий. Эта огромная работа являлась проверкой и подтверждением на практике тех принципов советского градостроительства, которые были выработаны в годы первых пятилеток.

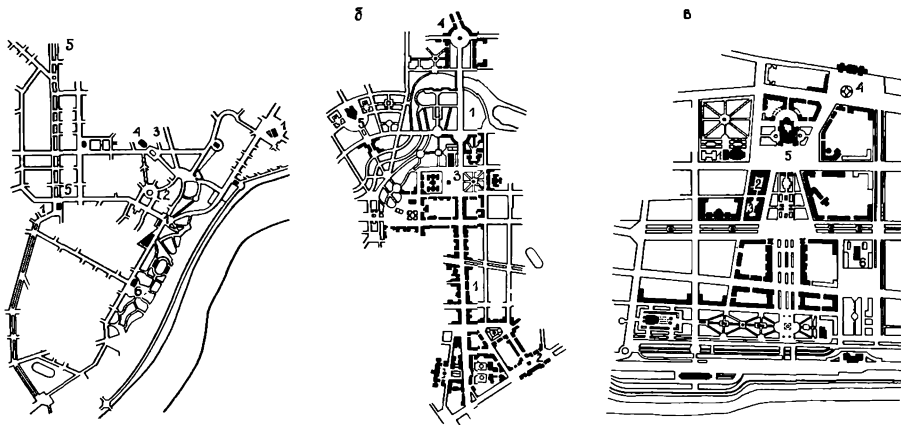
Над генеральными планами и проектами застройки центров восстанавливаемых городов работали с коллективами коллег лучшие силы советской архитектуры: К. Алабян (Сталинград), Н. Баранов (Ленинград, Псков), А. Буров (Ялта), А. Власов (Киев), Б. Иофан (Новороссийск), В. Гельфрейх (Орел), Г. Гольц (Смоленск), Н. Колли (Калинин), И. Николаев (Великие Луки), Г. Бархин и Л. Поляков (Севастополь), Л. Руднев (Воронеж), М. Парусников (Брянск), В. Семенов (Ростов-на-Дону), И. Соболев (Краснодар), А. Щусев (Новгород). В первой половине 50-х годов восстановление городов и сел нашей страны в основном было закончено.

Завершение такой грандиозной работы в столь короткий срок – явление эпохальное, отразившее величие подвига советского народа, объективные преимущества социализма.

Рассмотрим только некоторые градостроительные работы, чтобы показать разнообразие задач, которые приходилось решать советским архитекторам.

Особенно сложным было восстановление Сталинграда, битва за который стала переломным моментом в ходе Великой Отечественной войны. Город лежал в руинах, не осталось ни одного целого здания. Под грудами кирпича, бетона, искоруженного металла пропадали трассы улиц. Разработанная под руководством К. Алабяна (В. Симбирцевым, Н. Поляковым, Д. Соболевым, А. Пожарским, В. Бутягиным) в 1945 г. схема генерального плана города была одобрена СНК РСФСР.

Впоследствии схема корректировалась в процессе строительства главным архитектором города В. Симбирцевым, а в 1950 г. генеральный план был уточ-

127. Восстановление центров разрушенных городов

а—Киев, 1946–1947 гг.
А. Власов, Б. Приймак,
И. Малоземов, В. Полищук,
И. Козлов: 1—Крещатик; 2—
площадь М. Калинина; 3—
памятник Богдану
Хмельницкому; 4—Софийский
собор; 5—бульвар Шевченко;
б—административное здание;
7—оперный театр;
в—Минск, М. Парусников,
М. Барщ, Н. Богданов,

В. Король, М. Осмоловский и
др.: 1—Ленинский проспект;
2—вокзальная площадь;
3—административное здание;
4—Крутая площадь; 5—театр
оперы и балета; в—Волгоград,
К. Алабян, Н. Поляков,
В. Симбирцев, Д. Соболев,
А. Пожарский, В. Буткин и
др.: 1—драматический театр;
2—гостиница; 3—
административное здание;
4—вокзал; 5—площадь
Павших борцов; 6—банк

нен Гипрогором в связи с возникновением новых градообразующих факторов—Волго-Донского канала и Волжской ГЭС имени XXII съезда КПСС. Генплан предусматривал раскрытие города на Волгу, от которой он был раньше практически отрезан железнодорожными путями, сплошной лентой складов, нефтебаз, водозаборов промышленных предприятий. Более или менее автономные в прошлом районы промышленных предприятий, растянувшихся вдоль реки на десятки километров, объединялись по генеральному плану проспектом Ленина друг с другом и с центром, который создавался заново, ибо ни дореволюционный Царицын, ни довоенный Сталинград пространственно выраженного центра не имели. Параллельно проспекту Ленина создавались две транспортные магистрали, соединяющие промышленные районы.

Неудобные для застройки крутые изрезанные откосы Волги и склоны холмов были отведены под озеленение,

массивы которого связывали с рекой продольные городские магистрали и вместе с тем создавали защитные зоны в виде парков и садов, отделяющие промышленность от жилья. Разделенная зелеными клиньями на локальные участки огромная территория города, растянувшегося вдоль Волги, обрела масштабность, соразмерность человеку. Сложный рельеф позволил создать интересную многоярусную композицию центральной набережной.

В генеральном плане были и недостатки—недостаточно учтены перспективы роста населения и механического транспорта, измельчены отдельные кварталы, преувеличены территории, отводимые под индивидуальную застройку, и т. д. Но вместе с тем неоспоримы достоинства проделанной работы. Генеральный план Сталинграда создавал основу для широкого ансамблевого строительства. В каждом районе города предусматривался свой местный районный центр, индивидуальный по размерам, конфигурации, характеру намечаемого архитектурного решения. Эти центры намечено было трактовать как закономерные ансамбли, взаимодействующие один с другим и общегородским центром. Намечалось, таким образом, грандиозная пространственная композиция «линейного города», теоретическая концепция которого была сформулирована еще в 20-е годы.

Особо важной задачей было создание общегородского центра, который по своей выразительности был бы созвучен всемирно историческому значению Сталинграда. Разработка центра Сталинграда – города-героя – приобретала, таким образом, большое идеологическое значение. В связи с этим в конце войны был объявлен конкурс на проект центра города, который дал ряд интересных идей, использованных при дальнейшей разработке центрального ансамбля города. Центр трактовался как система взаимосвязанных площадей и эспланад, застроенных наиболее значительными сооружениями города. Новым для Сталинграда стало раскрытие центра на реку. Особенно выразительно пространственное построение центрального ансамбля было разработано в проекте Г. Гольца. В окончательном виде застройка центра определилась в проектах В. Симбирцева. Застроенный представительными зданиями центральный ансамбль площади Борцов и аллеи Героев, огромная лестница на берегу Волги с торжественными пропи-

128. Волгоград. Набережная Волги. 1952 г. В. Симбирцев, И. Фиако

129. Волгоград. Улица Мира. 1952–1955 гг. Панно у Дома Павлова

леями задали крупный масштаб всему городу.

Восстал из руин и другой город-герой – Севастополь. Г. Бархин заложил в основу его генерального плана идею раскрытия центральной части к морю и создания выразительных ансамблей, увековечивающих героическую оборону города. Более органичное объединение отдельных частей города, расчлененных бухтами со значительным перепадом рельефа, обеспечивалось путем создания кольцевой магистрали. Было упорядочено зонирование промышленных территорий. Детальную разработку генерального плана осуществлял Л. Поляков.

Разработанный под руководством А. Щусева генеральный план Новгорода предусматривал сочетание новой застройки с уникальными памятниками старины, которым был нанесен огромный ущерб и восстановление которых входило в число первоочередных мероприятий. Бережное восстановление

памятников было намечено также в планах развития Пскова (Н. Баранов), Калинин (Н. Колли) и Смоленска (Г. Гольц). Был восстановлен ампи́рный центр Полтавы. Возрождение исторических ансамблей Вильнюса, Риги, Таллина и других городов шло параллельно с их дальнейшим развитием.

Решительной реконструкцией сопровождалось восстановление города Ростова-на-Дону по генеральному плану, разработанному под руководством В. Семенова. Большие разрушения позволили автору ликвидировать два крупных недостатка города, образовавшихся в его хаотической дореволюционной застройке, — освободить набережную Дона от антисанитарных зданий мелких мастерских заводов, нефтебаз и разного рода складов для разбивки на этом месте зеленого партера и соединить огромный железнодорожный район с центральным районом города при помощи устройства путепровода общей длиной 287 м.

Архитектурная композиция генерального плана Ростова-на-Дону построена на двух пересекающихся магистралах. Это проспект Энгельса, идущий параллельно Дону, и поперечный проспект Ворошилова. Проспект Энгельса соединяет последовательно систему площадей: имени Горького с драматическим театром на ней, имени Кирова

с университетом, библиотекой и музеем, площадь Дома Советов с широким выходом к Дону и площадь против городского сада с оперным театром. Проспект Ворошилова соединяет основной массив города с площадью Дома Советов. Генеральная идея В. Семенова – повернуть город лицом к реке – получила впоследствии убедительное завершение в интересной композиции экспланады набережной, осуществленной по проекту Я. Ребайна и В. Разумовского, ставшей любимым местом отдыха ростовчан.

Примером коренного преобразования города является восстановление столицы БССР Минска. Еще в 1944–1945 гг. специальная комиссия архитекторов в составе Н. Колли, И. Лангбарда, А. Мордвинова, В. Бабурова, Б. Рубаненко, В. Семенова и А. Шусева разработала «эскиз-идею» планировки Минска, положенную затем в основу генерального плана восстановления города, 80% застройки которого было разрушено оккупантами. Был проведен также ряд крупных конкурсов на проекты центрального ансамбля Минска – главной композиционной оси города проспекта Ленина с объединяемыми им площадями.

Генеральный план Минска был разработан белорусскими проектировщиками (М. Трахтенберг, М. Андросов, К. Иванов, Р. Образцова, В. Толмачев) в 1946 г., а в 1948 г. утвержден.

Следуя установившимся принципам реконструкции советских городов, авторы сохранили в основном сложившуюся в прошлом планировочную структуру города, но подвергли ее решительному улучшению. В Минске в соответствии с планом развития народного хозяйства БССР на 1946–1950 гг. создавалась крупная автомобильная, тракторная, велосипедная и радиотехническая промышленность, а разрушения представляли возможность усовершенствования структурных узлов генерального плана.

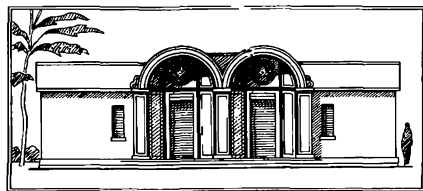
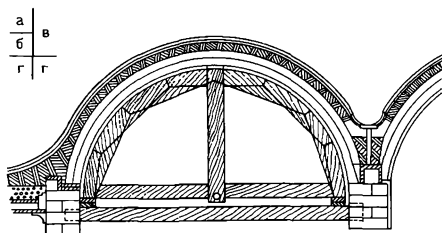
Старая главенствующая ось генплана, образованная проспектом Ленина и улицами Пушкинской, Брилиевой и Московской, идущая с востока на запад (Брест – Москва) дополнялась попе-

речной магистралью (север – юго-восток), образованной Могилевским шоссе, Долгобродской и Сторожевской улицами. Одновременно были запроектированы обходные кольцевые магистрали, позволяющие вывести транзитное движение из центральных районов города и улучшить транспортные связи между новыми промышленными районами.

Старый Минск был беден зеленью и особенно водой. Его речка Свислочь, протекающая через центр, летом просто пересыхала. Новый генеральный план намечал большие работы по созданию путем запруд в верховьях Свислочи озера площадью в 30 га, на берегах которого разбивался Парк культуры и отдыха, а обводненная благодаря этому Свислочь в пределах города становилась важным фактором городского ландшафта и улучшения городского микроклимата.

Вследствие крайне острой нужды в жилище в начальный период (1946–1948 гг.) в Минске строились малозатражные дома, для этого были выделены специальные территории, главным образом вблизи новых промышленных районов. Но уже с 1949 г. новое строительство осуществлялось домами в пять – восемь этажей. По идее генерального плана проспект Ленина, соединяющий ряд пространственных ансамблей: площадь Ленина, центральную площадь, парк 30-летия БССР и Круглую площадь, был запроектирован как своеобразный пространственно протяженный центр города. Поперечные улицы хорошо связывают ансамбль центра с другими районами. Коренной реконструкции подвергалась предвокзальная площадь, ее выразительная композиция также преследовала цель связать въезд в город с пространством проспекта Ленина (Б. Рубаненко, Л. Голубовский и С. Корабелников).

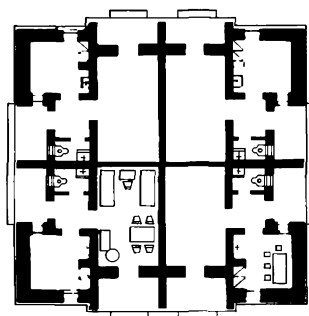
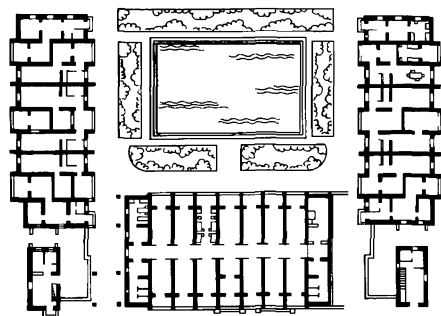
Стремление не только восстановить разрушенные города и реконструировать их, но и одновременно отразить пафос всемирно-исторической победы над фашизмом в крупных градостроительных ансамблях убедительно представляет перед нами на примере работ по восстановлению Крещатика – цент-

130. Гурьев. Поселок нефтяников, 1943–1945 гг.
А. Арефьев, В. Васильковский,
А. Лансере, Н. Романовский и др.

а – генеральный план;
б – конструкции из местных
материалов: деталь

конструкции глинокамышовых
сводов и устройство опалубки;
конструкция стен из гипсовых
плит; в – общежитие: фасад,
план; г – четырехквартирный
жильный дом; главный фасад,
план

ральной магистрали Киева, разрушенной немцами. На Софийской стороне Крещатика на протяжении километра не сохранилось ни одного дома, на противоположной, на участке от площади Калинина до улицы Ленина – всего два здания. Стоял вопрос о создании нового Крещатика. Значительным архитектурным событием последнего года войны стал конкурс на проект застройки

Крещатика. В нем приняли участие К. Алабян, А. Власов, В. Гельфрейх, Г. Гольц, М. Парусников, Е. Левинсон, И. Фомин, А. Тацкий, Н. Ивашенко и др. При всем разнообразии решений в представленных проектах ясно выявилось стремление сохранить исторически сложившиеся композиционные узлы, использовать специфические особенности рельефа местности.

На общем фоне предложений сплошной застройки обеих сторон улицы резко выделялся проект А. Таця и Н. Иващенко, предложивших сплошную застройку зданиями лишь на Софийской стороне магистрали, а на крутом склоне противоположной стороны предусматривавших отдельно стоящие объемы зданий с большими зелеными разрывами между ними. Этот прием раскрытия пространства улицы на зеленый склон Липок был в известной степени применен потом главным архитектором Киева А. Власовым при разработке окончательного варианта застройки.

Большое внимание уделялось во всех проектах художественно-образным исканиям. Предпринимались попытки в различных стилевых направлениях. Наиболее яркое, насыщенное романтической образное решение архитектуры Крещатика предложил Г. Гольц — тонкий художник и знаток классического наследия.

Оригинальные творческие идеи, полученные в результате конкурса, во

131. Москва. Застройка набережных Москвы-реки

132. Москва. Благоустройство Пушкинской площади, 1950 г. М. Минкус, А. Заславский

многим повлияли на дальнейший ход работы. В окончательном проекте застройки, созданном в 1949 г. А. Власовым, А. Добровольским, В. Елизаровым, А. Заваровым, А. Малиновским и В. Приймаком, была преодолена характерная для градостроительства послевоенных лет концепция плотно обстроенной парадной улицы — коридора. Широкая, решенная в нескольких уровнях новая магистраль, выполняющая своеобразную роль столичного форума, объединяет пространственно развитую систему площадей с многоплановым раскрытием живописного рельефа со стороны Липок и организацией зрительной связи с ансамблем Софийского собора и другими элементами исторической и новой городской застройки. Реконструкция Крещатика, невзирая на декоративную перегруженность отдельных зданий, относится по объемно-пространственной композиции к числу

бесспорных удач послевоенного градостроительства.

Рост производительных сил в восстановительный период настоятельно требовал развития многих городов, в том числе и незатронутых непосредственно войной, таких, как Новосибирск, Магнитогорск, Свердловск, Нижний Тагил, Челябинск, Тбилиси, Баку, Ташкент, Ереван и др. При корректировке генеральных планов городов все более широкое значение получала застройка крупными жилыми массивами. В этом отношении показательны работы по Магнитогорску. Еще в 1940 г. был утвержден генеральный план Магнитогорска (Б. Данчич) с перенесением строительства на правый берег Урала. Здесь на более благоприятной в санитарном отношении территории и развернулось строительство. Вначале (1946–1947 гг.) строились здания в два-три этажа, но уже с 1948 г. массовое жилищное строительство производилось домами в пять–восемь этажей. Новая планировочная структура правобережной части

города построена на соединении регулярной планировочной сетки с диагональными направлениями (Л. Бумажный, Л. Бочаров, Д. Бурдин, А. Ершов, О. Окунев). Такая система позволяла получить кратчайшие расстояния до узловых пунктов города (вокзал, центр и т. п.) и вместе с тем исторический прием трехлучевой композиции позволял создать сильный пространственный акцент как начало нового большого района на правом берегу. Достаточно большие кварталы—по 7–8 га позволили запроектировать жилище в виде отдельных комплексов со своими внутренними дворами, выделить отдельные площади для размещения детских учреждений и школ. Развивая идею коммунального обслуживания, впервые примененную еще в 20-х годах в застройке Усачевки (Москва), авторы ввели в застройку хозяйственные блоки в виде торцовых секций с прачечными, сушильными, мусоросборниками. Проекты были разработаны авторами применительно к возможностям конкрет-

ной материально-технической базы Магнитогорска. Эта система типизации для локальных условий Магнитогорска целиком себя оправдала.

Быстро росли возникшие во время войны города Крайнего Севера – Воркута и Норильск. В них велась многоэтажная застройка со всеми видами инженерного оборудования и благоустройства. Постепенно в процессе строительства стали складываться специфические композиционные приемы планировки и застройки населенных мест Заполярья. Этому способствовала и научная работа по обобщению строительства на Крайнем Севере и подготовке различного рода рекомендаций и предложений, организованная Ленинградским филиалом Академии архитектуры СССР (впоследствии ЛенЗНИИЭП) и проводимая проектными организациями Норильска.

Поскольку четвертый пятилетний план развития народного хозяйства СССР преследовал не только цели восстановления разрушенного войной, но одновременно и решительного увеличения промышленного потенциала

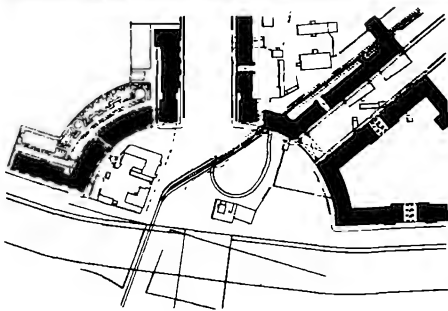
133. Москва. Реконструкция Советской площади
Д. Чечулин

134. Москва. Площадь им. Гagarина, 50-е годы
И. Левенсон, И. Фокин. Общий вид, генеральный план

страны, возникла необходимость интенсивного освоения новых еще малообжитых районов.

Так, интенсивная эксплуатация «Второго Баку» – нефтеносного района между Уралом и Волгой на территории Татарской АССР, Башкирской АССР и Куйбышевской области, вызвала появление здесь в 1947–1948 гг. ряда новых городов: Альметьевска, Салавата, Октябрьского, Новокуйбышевска. В связи с грандиозной стройкой на Волге ГЭС имени XXII съезда КПСС – в 1951 г. было начато строительство города Волжского вблизи Сталинграда. Освоение горючих сланцев в Эстонии связано со строительством в 1946 г. города Кохтла-Ярве. На Украине в связи со строительством Каховской ГЭС возникла Новая Каховка.

В числе первых в послевоенный период начали строиться город нефтехимиков Сумгаит по соседству с Баку и го-

род металлургов Рустави вблизи Тбилиси.

Характерным примером строительства новых городов рассматриваемого периода является возведение в Сибири города Ангарска, теперь крупнейшего центра нефтехимии. В нем нашли отражение типичные достоинства и недостатки строительства новых городов, возникших в этот период.

Строительство города началось в 1949 г. по проекту генерального плана,

составленному Ленинградским отделением Горстройпроекта (А. Тарантул, И. Давыдов, Ф. Кирпители, В. Ярошук, И. Левченко, инж. М. Смолич). Город располагается в 50 км от Иркутска в междуречьи Ангары и ее притока Китоа. Структура генерального плана построена на двух основных пересекающихся под прямым углом магистралях (восток — запад и север — юг) с центральной площадью на месте пересечения, обстроенной административными и общественными зданиями. Эта система двух координат предопределила регулярную планировку кварталов площадью в 5–7 га, вытянутых вдоль оси север — юг, что обеспечивало оптимальную ориентацию зданий. Кварталы были разбиты на отдельные жилые комплексы со своими внутренними дворами, причем отступы от красной линии застройки на 6–7 м и достаточно большие разрывы между строениями позволили сохранить достаточное количество древесных насаждений. Детские учреждения располагались на отдельных участках вне жилых комплексов. Для на-

селения в 35–50 тыс. жителей это была удобная, компактная и выразительная планировка и вся архитектура города, хотя и стилизованная в духе неоклассицизма, представляла собой цельную, законченную композицию. Между тем наличие больших резервов электроэнергии в связи со строительством Иркутской и позднее Братской ГЭС вызвало быстрое развитие нефтехимических и других производств, значительно превосходящее первоначальные предположения. Город должен был резко вырасти в своих размерах и поэтому принятая ранее планировочная структура, весь градостроительный пространственный масштаб вошли в противоречие с истинными потребностями расселения.

Для новых городов, возникших в рассматриваемое время, это явление было весьма распространенным. Примером может служить упомянутый выше город Волжский. Он также вначале был рассчитан на 35 тыс. жителей, но уже через три года в нем проживало 150 тыс. чел.

Проектировщики отдельных городов и градостроители не имели научной основы, определяющей виды и формы расселения. Работы по районной планировке велись в это время в совершенно недостаточных размерах. В результате размещение новых промышленных предприятий часто решалось министерствами и ведомствами без необходимой координации, что приводило к большим экономическим потерям (дублирование водозаборов, очистных сооружений, инженерных сетей, транспортных путей и сооружений и т. д.). Так, в Березниках насчитывалось к этому времени свыше десяти обособленных систем водопровода, канализации, теплоснабжения.

Отсутствие научно обоснованных перспектив развития градообразующих факторов приводило к замкнутым системам планировки без учета требований развития города и транспорта, неизбежного роста культурно-бытового обслуживания, т. е. без понимания внутреннего динамизма развития народного хозяйства, которое вытекало из природы социалистического общества.

Пассивное некритическое отношение к традициям в ряде случаев влекло за со-

бой экономические и функциональные потери, а художественный облик города приобретал подчас черты архаики и эклектики, чуждые эстетическим идеалам этапа развития советского общества.

Научные исследования в области городского строительства в это время, в силу своей односторонности, непонимания живой диалектики связи материального и идеального в динамически развивающейся ткани города, не оказали необходимой помощи практике строительства. Все это не могло не сказаться даже в работах по Москве и Ленинграду.

Еще в конце войны была начата разработка нового генерального плана Ленинграда. Авторы нового генерального плана (Н. Баранов, А. Наумов и др.) отказались от довоенной идеи создания на юге нового центра города и предложили развивать исторический центр по Неве с выходом его ансамблей к морю. Кроме того, город получил выход к морю на севере и на юго-западе. Большое значение придавалось развитию основных жилых районов Ленинграда, сложившихся еще до войны (Щемиловка, Малая Охта, Автovo, Московский проспект). Правильность этого решения полностью подтвердилась в дальнейшем. Предусматривалось расширение и обновление садово-парковой системы города. Большое архитектурное значение приобретала идея организации Центрального парка в виде системы зеленых массивов вокруг Петропавловской крепости. В 1945 г. были заложены два парка Победы, – Московский на Московском проспекте на месте бывшего кирпичного завода, карьеры которого, заполненные водой ввели в композицию парка (авторы В. Кирхоглани и Е. Катонин), и Приморский, в комплекс которого входит стадион им. Кирова на Крестовском острове, построенный по проспекту А. Никольского за счет рефулирования песка со дна залива.

В послевоенные годы развернулось строительство Ленинградского метрополитена. В 1955 г. вступила в строй первая трасса длиной в 10 км, проходящая по одному из самых напряженных на-

135. Москва Станция метрополитена
сверху — «Курская-кольцевая»,
1950 г. Г. Заларов,
З. Чернышева;

внизу — «Комсомольская-
кольцевая», 1952 г. А. Шусев,
В. Корин, А. Заболотная,
А. Семенов, П. Корин.
Центральный зал

правления северо-восток — юго-запад и связывающая промышленный Кировский район с центром. Все семь вступивших тогда в строй станций в своих образных решениях подчинены идейно-

художественной теме победы над немецким фашизмом.

С 1944 г. возобновилась временно приостановленная войной работа по реконструкции и развитию Москвы. Проводилось дальнейшее преобразование улицы Горького, Б. Калужской (ныне Ленинский проспект), Ленинградского и Можайского шоссе (ныне Кутузовского проспекта). Озеленялись и благоустраивались площади Пушкина и Свердлова, развернулось строительство новых жилых районов в Измайлово, на Хорошевском шоссе, Октябрьском поле. Создан крупный жилой район Песчаных улиц. Сооружены Варшавский, Волоколамский и другие путепроводы, началась прокладка кольцевой автострды.

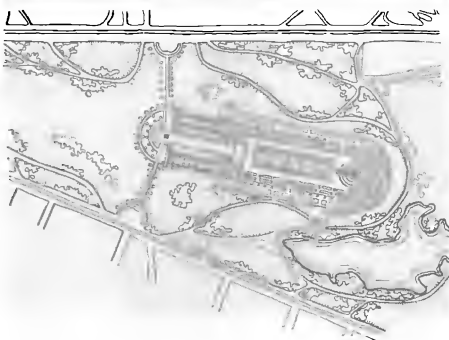
Продолжалось и расширение системы Московского метрополитена, которое, по сути дела, не прерывалось даже в годы войны. В 1943–1944 гг. была введена в строй третья очередь Московского метро, продолжившая Арбатско-Покровский радиус от Курского вокзала до Измайлова. Новые станции, образно развивающие тему победы, существенно отличались от довоенных более широким использованием скульптуры и монументальной живописи и мозаики. Еще в большей степени тенденции синтеза архитектуры и изобразительного искусства проявились в послевоенных станциях 50-х годов, расположенных на трассах Большого кольца и Арбатского радиуса.

В 1949 г. было принято решение о разработке нового генерального плана Москвы, развивающего с учетом новых условий основные социальные и градостроительные принципы генерального плана 1935 г., большинство заданий которого к этому времени оказались выполненными. В 1951 г. генеральный план, скорректированный под руководством Д. Чечулина, был утвержден в качестве документа, определяющего развитие столицы на ближайшие десять лет. В ходе реконструктивных работ приобрели законченный вид большие отрезки многих магистралей, в том числе Кутузовского проспекта. Здесь на месте старой одноэтажной застройки возни-

кла широкая магистраль с благоустроенными жилыми зданиями (В. Вольфензон, Ю. Емельянов, Л. Поляков, З. Розенфельд и др.). С начала 50-х годов началось крупномасштабное освоение юго-западного района, планировочная структура которого как бы разрывает исторически сложившуюся радиально-кольцевую систему Москвы, выводя застройку в наиболее здоровый в климатическом отношении район города. Так нашла конкретное воплощение идея Н. Ладовского о разрыве радиально-кольцевой системы, высказанная им в 20-е годы.

Общее повышение этажности жилищ, невнимание к разнообразной топографии Москвы привели к потере исторически сложившегося живописного силуэта города. Необходимы были высотные доминанты, чтобы восстановить своеобразие пространственной структуры города. Кроме того, после войны еще не исчерпала себя идея строительства Дворца Советов. Новые высотные доминанты должны были создавать своего рода промежуточный масштаб между рядовой застройкой и грандиозной вертикалью Дворца Советов. Новый генеральный план столицы разрабатывался с учетом размещения и особой градостроительной роли высотных зданий, решение о сооружении которых было принято в 1947 г. Кроме того, нужно было — и это была задача высокого идеологического звучания — с максимальной силой архитектурной выразительности именно в Москве — столице СССР запечатлеть подвиг народа, победу в Великой Отечественной войне. По давней национальной русской традиции выдающиеся исторические события отмечались постановкой архитектурных монументов. Эти архитектурные памятники всегда обладали развитым пластическим решением, устремленным вверх силуэтом.

Под руководством Д. Чечулина, бывшего в то время главным архитектором столицы, была проведена специальная работа по размещению высотных зданий в плане города. Семь первых высотных зданий были расположены в ответственных в градостроительном отно-

136. Берлин. Третье-парк.
1950 г. Е. Вучетич.
Я Белопольский Фрагмент.
план

137. Ленинград.
Мемориальный комплекс на

Пискаревском кладбище,
1960 г. А. Васильев,
Е. Левинсон, В. Исаева,
Р. Тауриш, Б. Капланский,
А. Малахин, М. Вайман,
М. Харламова. Общий вид,
скульптура «Мать-Родина»

шении местах — на пересечении радиальных магистралей столицы с Садовым кольцом и Москвой-рекой, при-

чем университет занял ключевую для Москвы позицию на Ленинских горах в вершине излучины р. Москвы. (К этому месту на Воробьевых, ныне Ленинских, горах издавна было приковано внимание зодчих, вспомним хотя бы зодчего А. Витберга, его грандиозные проекты храма-памятника в честь победы в Отечественной войне 1812 г.) При таком расположении высотных зданий они становились вертикальными акцентами нового силуэта Москвы, выявляя ее холмистый рельеф и радиально-кольцевую планировочную структуру. По контуру Садового кольца были построены административные здания на Смоленской площади (В. Гельфрейх, М. Минкус), жилой дом на площади Восстания (М. Посохин, А. Мндоянц), административное здание на Лермонтовской площади (А. Душкин, Б. Мезенцев), гостиница «Ленинградская» на Комсомольской площади (Л. Поляков, А. Борецкий). На излучинах Москвы-реки были размещены жилой дом на Котельнической набережной (Д. Чечулин, А. Ростковский), здание МГУ на Ленинских горах

(Л. Руднев, С. Чернышев, П. Абросимов, А. Хряков, В. Насонов). Несколько позже была построена гостиница «Украина» (А. Мордвинов, В. Калиш, В. Олтаржевский). Строительство высотных зданий было начато в 1949 г. Принятое размещение высотных сооружений создавало единый, далеко разнесенный в пространстве ансамбль, становилось примером градостроительной композиции, сомасштабной современному крупнейшему советскому городу.

В рассматриваемый период существенно возросла градостроительная роль монументально-декоративного искусства в застройке городов. Скульптура становится практически обязательным элементом центральных городских ансамблей. Тема войны и великой победы, памяти героев остается ведущей и в послевоенное десятилетие.

Эта тема получила глубокое истолкование в таком крупном ансамбле, как мемориальный памятник советским воинам в Трептов-парке в Берлине (Я. Белопольский, Е. Вучетич). Эта же тема развивается в мемориальном комплексе Пискаревского кладбища в Ленинграде (А. Васильев, Е. Левинсон, В. Исаева, Р. Таурит и др.), монументе героям-воинам в Калининграде (Т. Мельчаков, С. Нанушьян), в триумфальных арках многих городов, в памятниках выдающимся военачальникам.

Широкий размах приобрели в послевоенное десятилетие восстановление и реставрация памятников архитектуры, подвергшихся намеренному уничтожению и разграблению фашистами. В одном лишь Ленинграде практически все из 800 памятников, числившихся под государственной охраной, получили тяжелые повреждения. В Новгороде пострадали все 60 имевшихся памятников, а семь из них, в том числе храм Спаса на Нередице с его уникальными фресками XIII в., были превращены в руины. Тяжело пострадали памятники Киева, Чернигова, Риги, Пскова, Смоленска, Вязьмы, Калининна и других городов.

С образованием в 1943 г. Комитета по делам архитектуры работы по подготовке проектов восстановления и рестав-

рации памятников были поручены Главному управлению охраны памятников архитектуры. В Ленинграде, Новгороде, Пскове были созданы специальные научно-производственные реставрационные мастерские (к 1950 г. таких мастерских было уже 26). В 1943 г. в Ленинграде было создано специальное архитектурно-художественное училище (преобразованное в 1945 г. в Высшее художественно-промышленное училище) по подготовке лепщиков, резчиков по дереву, краснодеревцев, позолотчиков, альфрейщиков и других специалистов реставрационных работ. Аналогичное училище было создано в Москве, а в ряде других городов – средние художественно-производственные училища. Важным государственным актом стало постановление Совета Министров СССР «О мерах улучшения охраны памятников культуры» (1948 г.).

В Ленинграде к концу войны были восстановлены в черте города почти все пострадавшие памятники. На территории РСФСР в послевоенные годы было полностью восстановлено более 1400 памятников архитектуры. Большие работы по реставрации велись в Москве, Ярославле, Горьком, Казани, Астрахани, в городах Грузии, Армении, Узбекистана. Новым в послевоенные годы был переход от реставрации штучных объектов к реставрации крупных ансамблей. Реставрация приобрела подчеркнуто градостроительную направленность.

Подводя общие итоги и в целом высоко оценивая большие достижения советского градостроительства послевоенного десятилетия (всего одного десятилетия!), нельзя не видеть и его определенные недостатки. С одной стороны, прогрессивные принципы сохранения исторической структуры городов с одновременным ее совершенствованием, функциональное зонирование территории города; застройка крупными жилыми массивами; рациональное построение сетей обслуживания; оздоровление городской среды средствами архитектуры и улучшение его транспортных условий. А с другой стороны – отрыв в ряде случаев художественно-образного начала в архитектуре города

от современных материально-технических и функциональных основ градостроительства; догматизация приемов планировки и застройки городов XVIII—начала XIX в., попытки подчинить живое развитие города замкнутым и в ряде случаев архаизированным планировочным схемам. Эта противоречивость и двойственность проявила себя во всех областях советской архитектуры рассматриваемого периода.

Промышленные сооружения

В период 1941–1944 гг. было повреждено и разрушено 31 850 промышленных предприятий, в том числе 61 электростанция. Огромное число предприятий было демонтировано, их перевод в восточные районы был связан с временным прекращением выпуска продукции. В результате огромных усилий всей страны уже в 1942 г. наша промышленность не только восстановила потерянные мощности, но и значительно превзошла их. В восточных районах страны только за три года (1942–1944 гг.) было построено 2250 крупных промышленных предприятий. Совершенно естественно, что при освобождении временно оккупированных фашистами районов первой заботой было восстановление промышленных предприятий. За 1943–1944 гг. в освобожденных от врага районах было восстановлено 6000 предприятий.

В целях ускорения строительства во время войны были пересмотрены довоенные и введены новые, существенно упрощенные строительные нормы, предусматривающие сокращение производственных и подсобных территорий и площадей, строгую экономию дефицитных строительных материалов (цемент, металл).

Инженеры и архитекторы разработали много новых, совершенно оригинальных экономических конструктивных систем из дерева, кирпича и других местных материалов. Например, в условиях беслесной Средней Азии для перекрытия цехов пролетом до 22 м стали применяться пространственные тонкостенные (в 1/4 кирпича) своды двоякой

кривизны, разработанные А. Рабиновичем и Д. Хазановым. Однако даже в ту пору не все промышленное строительство велось упрощенными методами. Основные цехи ряда крупных заводов сооружались с применением капитальных конструкций.

Возникли новые, способствовавшие сокращению сроков методы строительства, в ряде случаев применялся совмещенный график строительных и монтажных работ, крупноблочный монтаж конструкций и оборудования, предварительно собираемых вне места установки. Все это было как бы подготовительным шагом к широкой реализации идей сборного строительства, общей индустриализации строительства. Однако в послевоенный период (вплоть до второй половины 50-х годов) эти прогрессивные идеи не были в должном объеме реализованы. Типовое проектирование резко отставало от действительных потребностей промышленного строительства. Типизировались в основном подсобные здания, а не основные производственные сооружения, кроме того, типовые проекты, разработанные в различных организациях, не были согласованы в отношении параметров конструкций, материалов. Не получило широкого распространения и выдвинутое еще в годы войны прогрессивное предложение по универсализации промышленных зданий. В композицию промышленных зданий проникали не свойственные их типологической сути стилизаторские архитектурные формы. Вместе с тем ряд прогрессивных идей, применяемых в нашей практике и по сей день, восходит именно к рассматриваемому периоду.

После войны получила развитие квартальная планировка внутризаводской территории с концентрацией родственных цехов, удобно связанных транспортными и технологическими коммуникациями.

В поисках выразительного облика производственных сооружений и комплексов, ведущие архитекторы-промышленники В. Мовчан, В. Мыслин, И. Николаев, Г. Орлов, Е. Попов, А. Фисенко и др., развивая традиции советской промышленной архитектуры, стремились

сочетать требования технологичности, удобства и эстетики. В тех случаях, когда промышленное предприятие не имело вредностей, сопровождающих его технологию, и размещалось в структуре городского плана – его композиция приобретала подчас черты гражданского здания, участвующего в формировании городского ансамбля. В качестве примера можно назвать строгий и монументальный комплекс коньячного завода в Ереване (О. Маркарян), играющий значительную градостроительную роль. В этом произведении ощущается влияние архитектуры здания винных подвалов Р. Исфаеляна, возведенного до войны.

Большой объем промышленного строительства осуществлялся в сельской местности. Велись поиски новых конструктивных решений: универсальные сборные железобетонные конструкции в виде треугольных ферм на Украине; шлакобетон в строительстве Каширского, Звенигородского и Истринского районов Московской области. Ряд комплексов отличался единством архитектурно-планировочного и объемно-пространственного замысла, тактичной разработкой архитектурных форм, как, например, в сооружениях производственных зон Адлеровского, Гагринского и Хостинского совхозов (Т. Макарычев, А. Зайцев, В. Глинка и др.). В послевоенное десятилетие довольно широко применялись типовые проекты и схемы планировки поселков, что стало важным шагом на пути индустриализации строительства на селе.

Самостоятельным и значительным по результатам разделом архитектуры производственных сооружений было энергетическое строительство. Хотя в результате военных разрушений страна по выработке электроэнергии оказалась отброшенной на много лет назад, уже к середине четвертой пятилетки (1948 г.) был достигнут довоенный уровень. К 1950 г. были восстановлены все пострадавшие от войны гидроэлектростанции и завершено строительство начатых в дни войны Фархадской, Краснополянской и др. Только за 1951–1956 гг. было введено в строй действующих 500

новых электростанций, среди них 24 гидроэлектростанции. Строились различные типы гидроэлектростанций, как приплотинные (Горьковская, Нарвская, высокогорная Храмская), так и деривационные (Гюмюшская, Мингечаурская). В Запоярье была сооружена ГЭС «Нива-3» с подземным машинным залом на глубине 60 м. Были освоены способы пропуска паводка через специальное водосбросное отверстие в нижней части здания, что позволило сократить длину водосливной плотины. Существенный эффект давало объединение гидроэлектростанции с водосливной плотиной (тип водосливной ГЭС).

В рассматриваемый период продолжалось возведение Волжско-Камского, Днепровского, Севано-Разданского каскадов, а также каскадов на Куре, Риони, Немане. Было начато сооружение первых ГЭС на Ангаре, Иртыше, Вахше.

В 1944 г., практически сразу же после освобождения Запорожья, началось восстановление Днепрогэса – этого выдающегося сооружения советской архитектуры. Проект восстановления был разработан Г. Орловым при консультации В. Веснина. При сохранении общего композиционного замысла грандиозного комплекса была несколько изменена архитектурная трактовка машинного зала. Замена верхнего ленточного окна ритмом небольших восьмигранных проемов подчеркнула крупный масштаб остекленного эркера и внесла новую ноту в трактовку главного фасада. Вместе с восстановлением станции шло формирование примыкающих к ней городских площадей. Одновременно с Днепрогэсом были восстановлены заводы «Запорожсталь», «Днепроспецсталь», ферросплавов, построены заводы трансформаторный, стекольный, строительных материалов. При заводах создавались благоустроенные жилые районы – на первых порах малоэтажные.

В военные годы продолжалось строительство гидроузлов Волжского каскада – Рыбинской и Угличской ГЭС, начатых еще в третьей пятилетке и сыгравших большую роль в электроснабжении Москвы, когда она во время войны оказалась отрезанной от угольных

138. Угличская ГЭС Вид с верхнего бьефа

139. Рыбинский гидроузел.
Л. Савицкий, М. Шпекторов,
М. Богданов

баз. Своеобразно архитектурное решение Угличской гидроэлектростанции (В. Петров, С. Бирюков, Д. Зезин, В. Щипакин). Здесь гидроузел расположен непосредственно среди городской застройки. Железобетонная водосливная плотина примыкает вплотную к машинному залу, который искусственно расчленен на два неравноценных помещения, причем помещение генераторов лишено естественного света. Сделано это в угоду решения чисто формальных задач.

Архитектурная композиция Волжского гидроузла (Д. Савицкий, М. Шпекторов, М. Богданов) определяется сооружениями судоходного шлюза, бетонной водосливной и земляной плотинами. На оконечности дамбы, далеко выдвинутой в водохранилище, возвышается аллегорическая скульптура «Волга» (скульптор С. Шапошников).

Машинный зал Рыбинской гидроэлектростанции (В. Мовчан, Д. Морозов) покоится на мощном бетонном основании и расчленен прямоугольни-

ми витражами и пилястрами, создающими выразительный ритмический ряд. Зубчатый силуэт монументального здания виден с противоположного берега Волги, где расположен г. Андропов.

Значительный интерес представляет законченная в 1953 г. Усть-Каменогорская ГЭС на Иртыше с бетонной плотинной высотой 65 м. Здесь сооружен оригинальный судоходный однокамерный шлюз шахтного типа, в котором суда поднимаются на 40 м. Выразительная архитектура станции органично вписывается в суровый горный пейзаж Прииртышья.

Активно строились в рассматриваемый период и сельские гидроэлектростанции. Сооружения эти, решая проблему электрификации сельского хозяйства, одновременно становились достопримечательностью близлежащих колхозов или совхозов.

В 1952 г. были введены в эксплуатацию Волго-Донской судоходный канал, начатый в 1949 г., и Цимлянский гидроузел с мощной ГЭС. Канал, разработанный под руководством С. Жука, соединил все моря европейской части СССР — Белое, Балтийское, Каспийское, Азовское, Черное — в единую водно-транспортную систему и позволил Волгоградской и Ростовской областям обводнить огромные пространства засушливых земель. На судоходном канале длиной 101 км устроены 13 шлюзов, три насосные станции, поднимающие воду Дона на 44 м, 13 плотин и дамб и многие другие сооружения. Большое внимание было уделено совершенствованию технологии строительного процесса. Мас-

совое применение архитектурных элементов, изготовленных на железобетонных заводах, было в то время новым явлением.

При сооружении объектов Волго-Донского канала использовалась мощная техника, именно здесь впервые были применены шагающие экскаваторы, были освоены крупные заводские сварные арматурные каркасы. Это была техника, свидетельствовавшая о мощи советского государства, способного осуществить после тяжелой войны столь грандиозную и сложную стройку. Но архитектура получилась противоречивой, в своей пластической части она была построена на изобразительном принципе, в основу которого авторами (Л. Поляков, С. Бирюков, А. Рочегов, Ф. Топунов, Р. Якубов) были положены мотивы русского классицизма и ампира, изобретательно интерпретированные применительно к гигантским масштабам раскинувшегося на сотни километров пространственного комплекса. Тема триумфальной арки, башни, обелиска были трактованы оригинально и осуществлены с полным пониманием стиливого единства. Но тектоническая убедитель-

140. Волго-Донской канал имени В. И. Ленина, 1952 г.
А. Михайлов, Л. Поляков.

Р. Якубов, Ф. Топунов, Г. Борис,
С. Бирюков, А. Ковалев,
Г. Васильев, В. Мусатов и др.
а – шлюз № 1; б – шлюз № 15

ность была иллюзорной, чтобы держать огромные железобетонные, изображающие каменные, детали, создавались специальные металлические конструкции. В каком-то смысле архитектура превращалась в самоценное декоративное оформление строительной основы сооружений.

Архитектура Волго-Донского канала не раз критиковалась за стилизаторство

образов, декоративизм форм. Упреки эти имеют определенные основания. Но вместе с тем следует учитывать, что авторы сознательно ставили себе задачу художественного отображения победы в гражданской и Великой Отечественной войнах, в которых сражения под Сталинградом и на Дону имели столь большое значение. Усилия авторов были направлены на решение образной задачи как определяющей. В профессиональном плане авторы ориентировались на восприятие форм с дальних и сверхдальних расстояний. Отсюда крупномасштабность и даже грандиозность, подчеркнутая лапидарностью архитектуры, — даже вопреки функциональным требованиям (машинный зал Цимлянской ГЭС, например, оказался чрезмерно затемненным по чисто композиционным требованиям построения фасада).

Тем не менее следует отметить, что даже в годы наибольшего развития декоративизма промышленная архитектура в основном развивалась, удерживаясь от крайностей украшательства, — сама ее суть, неразрывность связи с технологией, техникой, экономикой, обуславливала это обстоятельство.

Жилые здания

Осуществление огромной программы строительства в восстанавливаемых, реконструируемых и вновь возводимых городах настоятельно требовало внедрения заводских методов производства строительных элементов, а для этого — типизации проектов жилых и культурно-бытовых зданий по всей стране. В предвоенные годы уже довольно широко применялись типовые секции квартир, из которых компоновались дома различной объемно-пространственной структуры. В рассматриваемый период главным объектом типизации становится здание в целом.

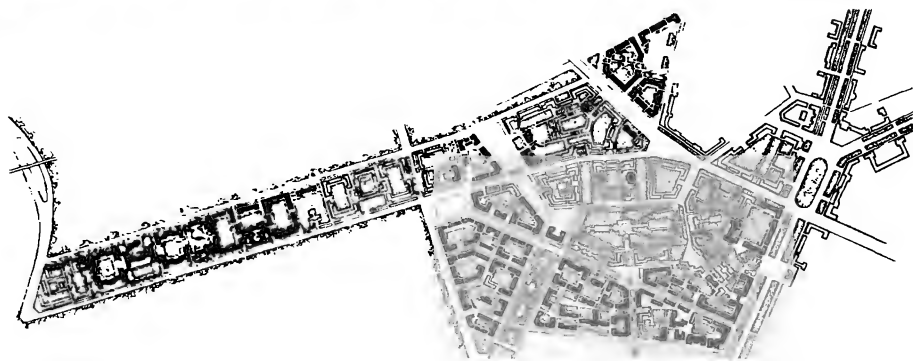
В целях ускорения строительства большого количества жилья в первые послевоенные годы было налажено заводское производство деревянных жилых домов. На основе выработанного экономичного, конструктивно рационального и удобного плана путем спе-

циальных конкурсов велась разработка разнообразных приемов архитектурно-художественного оформления. Среди материалов конкурсов на деревянные сборные дома заводского изготовления нельзя не отметить тонкий артистизм проектов Г. Гольца. Уже в 1946–1947 гг. Комитет по делам архитектуры рекомендовал к внедрению более двухсот типовых проектов малоэтажных жилых и общественных зданий из различных материалов. Эти проекты разделялись на серии, ориентированные на применение в определенных климатических зонах и географических районах СССР и широко использовались в строительстве РСФСР, Украины, Белоруссии, Казахстана и других республик. Над проектами малоэтажных жилых домов в послевоенные годы работали известные архитекторы И. Жолтовский, Г. Гольц, А. Буров, А. Власов, З. Розенфельд и др. в Москве; А. Добровольский в Киеве, Р. Исраелян в Ереване, Г. Али-Заде и М. Усейнов в Баку и т. д.

Типовая застройка жилых массивов зданиями в два-три этажа с использованием мотивов классицизма или Ренессанса довольно широко осуществлялась в послевоенные годы в Москве (Хорошевское шоссе — Д. Чечулин; Измайлово — М. Лисицян и др.), Ленинграде (Московская улица — Е. Левинсон, Л. Асс, Новая деревня и Приморский бульвар — Н. Баранов), Киеве (Дарница — А. Добровольский) и других городах.

В конце 40-х годов в связи с укреплением базы строительной индустрии застройка малоэтажными домами в Москве и других крупных городах была прекращена как недостаточно экономичная. С переходом в основном на пятиэтажную застройку развернулась интенсивная работа по проектированию отдельных типовых жилых секций и жилых домов, а затем и серий секций с общими строительными параметрами, что позволило сократить число типоразмеров базовых изделий.

Большой вклад внесли наши архитекторы в развитие самого метода типового проектирования, была создана его новая — серийная методология, при которой проекты жилых домов объединя-

лись единством конструктивной системы и используемых материалов при известном разнообразии возможностей в градостроительном отношении. Идея серийности была четко сформулирована еще в проектах секции в 1938–1940 гг. в Академии архитектуры СССР А. Зальцманом, П. Блохиным, но окончательную отработку она получила

в мастерских Комитета по делам архитектуры (Н. Смирнов, Б. Плессейн).

В поисках архитектурных вариантов различных типов жилых домов в 1947–1948 гг. в Москве было проведено широкое экспериментальное строительство четырех-восьмизэтажных домов в районе Песчаных улиц (Д. Андреев, М. Озеров, З. Розенфельд, В. Сергеев,

141. Москва. Песчаные улицы.
1948–1955 г. З. Розенфельд и др.
Общий вид застройки бульвара

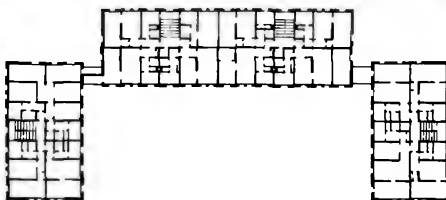
(ныне ул. Георгию-Дежа),
генеральный план. Жилой дом

Е. Резник и др.), где проверялись эксплуатационные качества новых типов жилых домов и квартир, новых видов сборных конструкций, стеновых и отделочных материалов, методов возведения зданий. Большая часть изделий для застройки этого района уже изготавливалась на заводах. С 1950 г. семиэтажные жилые дома начали возводить в новых районах Ленинграда.

В 1947 г. в Академии архитектуры СССР была разработана идея полносборного крупнопанельного строительства жилища. Были предложены легкие самонесущие панели и каркасная система несущих конструкций. В 1948 г. в Москве был сооружен первый экспериментальный четырехэтажный каркасный жилой дом на Соколиной горе (Г. Кузнецов, Б. Смирнов и др.). Этим самым практически была доказана возможность крупноразмерного домостроения,

которое резко в 2–2,5 раза сокращало затраты труда в строительстве. В следующем году М. Посохин, А. Мндоянц и В. Лагутенко застраивают каркасно-панельными домами уже целый квартал на Хорошевском шоссе столицы, а в 1952 г. – восьмизэтажными домами с панелями на два этажа. В 1949 г. в Академии архитектуры был запроектирован первый бескаркасный панельный дом, а в 1950 г. началось строительство таких домов в Магнитогорске и в Москве на Октябрьском поле, где был построен семизэтажный бескаркасный крупнопанельный дом (Г. Кузнецов, Б. Смирнов, Л. Врангель, З. Нестерова, Н. Остерман). Сейчас многие из этих домов кажутся устаревшими, примитивными. Но это были первенцы крупносборного строительства, открывшие дорогу принципиально новому этапу массового индустриального домостроения.

Одновременно с развитием крупнопанельного жилищного строительства продолжалось совершенствование крупноблочных конструкций жилых и обще-

142. Москва. Застройка Хорошевского шоссе каркасно-панельными домами, 1951 г.
М. Посохин, А. Мидяниц,
В. Лагутенко

Н. Остерман, 1952–1956 гг.
Общий вид, план

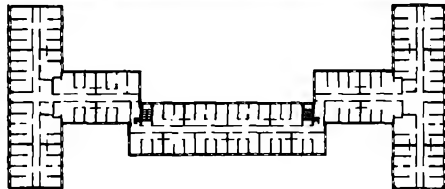
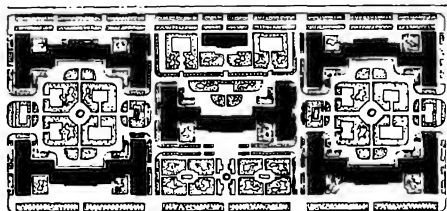
143. Москва. Крупнопанельный бескаркасный жилой дом на Октябрьском поле.
Г. Кузнецов, Б. Смирнов,
Л. Врангель, З. Нестерова.

144. Москва. Каркасно-панельные жилые дома на Хорошевском шоссе, 1952–1956 гг. М. Посохин, А. Мидяниц. Общий вид жилого дома, генеральный план жилого дома

ственных зданий. В Ленинграде широко развернулось строительство крупноблочных жилых домов (В. Васильковский, А. Гегелло, А. Жук и др.).

В начале 50-х годов развитие строительной техники позволило перейти в крупных городах к строительству жилых зданий в 7–10 и даже 14 этажей.

Дома эти размещались на основных магистралях, на свободных участках, в различной градостроительной среде и потому возводились по индивидуальным проектам. В разработке этих проектов принимали участие архитекторы разных поколений, в том числе и мастера советской архитектуры.

Было бы неправильно думать, что при этом все внимание архитекторов было сосредоточено только на разработке фасадов. Во многих жилых домах мы обнаруживаем удобные и экономичные решения секций жилых квартир, рациональные типы конструкций и, в ряде случаев, новые художественные решения, органически связанные с природой современного жилого дома. Академик И. Жолтовский, по проектам которого были построены два индивидуальных дома в Москве на Калужской улице (ныне Ленинский проспект) и на Смоленской площади, запроектировал для них весьма экономичную секцию: восемь квартир на одну лестничную клетку и лифт, при ширине корпуса 19 м. Квартиры удобно спланированы и оборудованы встроенными шкафами. В компо-

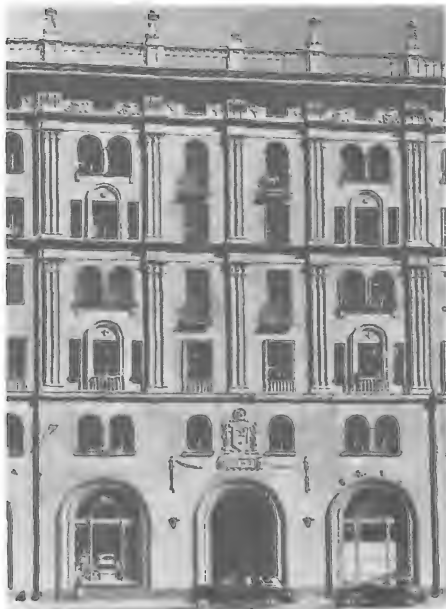
зиции на Калужской улице мастер последовательно разрабатывал художественную систему Ренессанса (убывающие кверху гармоничные пропорции, сильная пластика стены, тонко нарисованный карниз и декоративные элементы, ритмически членящие протяженную плоскость фасада). Несомненно, это была стилизация, но стилизация высокого класса, основанная на глубоком знании композиционных принципов классики, исполненная гармонии и вкуса. В доме на Смоленской площади при том же плане применена, в сущности, та же художественная система, но намечавшийся поперечный выход на набережную реки Москвы подчеркнут изящной башней.

В доме на Садово-Кудринской (Л. Руднев, В. Асс и В. Муц) план также

построен на основе экономичной секции широкого корпуса (17,5 м) с разнообразными по числу комнат квартирами — от двух до пяти комнат. Конструктивная схема в виде двух несущих продольных стен дома дала возможность унифицировать все конструкции междуэтажных перекрытий. Обычное неэффективное при широком корпусе использование центральной зоны секции получило удачное решение в виде холла, пространство которого может присоединяться к главной жилой комнате квартиры. В решении фасада авторы также применили трехчастное членение по вертикали и красиво нарисованную ордерную структуру пилястр. Важно отметить, что достаточно разнообразная пластика стены не помешала авторам разработать всю облицовку в виде унифицированной системы элементов заводского изготовления.

Принципиально иное решение архитектуры жилого дома в сходной ситуации на Садово-Триумфальной улице предложили З. Розенфельд и А. Сурис. Они также разработали весьма экономичную секцию удобных по планировке

квартир, используя поперечную систему несущих стен. В общей композиции здания авторы постарались преодолеть плоскостное решение дома путем подчеркнутого выделения центрального объема при помощи двух фланкирующих его частей, отодвинутых в глубь участка от красной линии. Объемно-пространственное решение жилого дома подчеркнуто также ритмом выступающих эркеров — органичных элементов жилища. К сожалению, обилие деталей как бы снижает выразительность общей объемно-пространственной композиции.

Примером подобного же рода композиции (выявление объемно-пространственной структуры дома) может служить дом, построенный в Ленинграде на углу пересечения проспекта Кирова и проспекта Горького (О. Гурьев и В. Фромзель). Дом хорошо вписан в существующую застройку. Место расположения дома диктовало необходимость известной репрезентативности, и авторы достигли ее, не утратив присущие жилому дому черты приветливости и лиризма. Выразительности общей

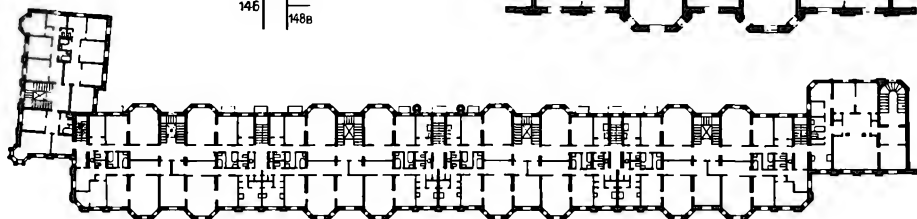
145. Ленинград.
Крупнопанельный жилой дом в
районе Шемловки, 1956 г.
А. Васильев, З. Каплунов

146. Ленинград.
Крупнопанельный жилой дом на
Московском проспекте, 1933 г.
А. Гегелле, В. Васильковский

147. Москва. Жилой дом на
Садово-Кудринской улице.
1947 г. Л. Руднев, В. Мунц.
В. Асс. Фрагмент фасада

148. Москва. Жилой дом на
Садово-Триумфальной улице.
1949 г. З. Розенфельд, А. Сурис.
Общий вид, план, план секции

145	148a
146	147
	148b

композиции помогает пластичный изгиб главного фасада, срезающий по плавной кривой угол пересечения двух проспектов. Необходимость индивидуального решения в этой ситуации градостроительно была оправдана.

В разработке подобного рода индивидуальных домов в семь-восемь этажей и в других городах мы обнаруживаем ряд принципиально важных достижений. Так, в Киеве на Владимирской улице А. Добровольский, В. Голкало и А. Косенко в это же время строят дом,

в котором органично соединены общежитие с обслуживающими общественными элементами и корпус квартир в 1,5–2; 3 комнаты. Как для общежития, так и для квартирной части использована одна конструктивная схема – два ряда внутренних несущих столбов. В композиции фасадов авторы стремились использовать органически присущие жилому дому функциональные элементы: эркеры, балконы, входы.

В Тбилиси в жилом доме повышенного типа, возведенного на улице Нико-

ладзе, М. Миминошвили, на основе опыта грузинского городского жилища XIX в., добивается органического учета особенностей климата в планировке квартиры. Его квартиры не только имеют сквозное проветривание, но вся функциональная связь комнат (расположение санузла по соседству со спальней, связь столовой через просторную веранду с кухней) способствует созданию благоприятного микроклимата в условиях жаркого душного лета с обилием безветренных дней, характерных для столицы Грузии.

Внимательное отношение к климатическим условиям и сочетание их с требованиями бытовых удобств находим мы в работах М. Усейнова, С. Дадашева, К. Сеньчихина в Баку. Более того, в пятиэтажных домах подобного типа в Баку (Э. Касим-Заде), так же как и в жилых домах на канале Анхор в Ташкенте (М. Булатов, Л. Каракаш), впервые реализуются попытки найти художественное своеобразие, отвечающее национальным представлениям о красоте (введение глубоких лоджий, функционально используемых в плане квартиры, трансформация некоторых традиционных архитектурных форм — рисунок арок, пластика декоративных деталей и т. д.).

Однако все эти дома, рассчитанные на индивидуальные условия, «не делали погоды» в решении острых вопросов массового жилищного строительства, нужда в котором сдерживала развитие производительных сил страны. Более того, индивидуальность решения задач, способствуя появлению ряда по-своему интересных, но частных предложений, тормозила развитие тех принципов, которые определяли судьбу массового строительства (развитие типизации, стандартизации, переход на сборное строительство). В ряде случаев, и притом многочисленных, сама работа над отдельно взятым домом, естественно способствовала одностороннему пониманию творческой задачи, развитию архаизма и украшательских тенденций (застройка реконструированного проспекта Навои в Ташкенте). В этом последнем случае декоративизм в виде лепных украшений зрительно разрушал

принципы тектоники, сводя проблему национальной формы к поверхностной орнаментации.

Одновременно, поскольку каждый новый индивидуально запроектированный дом выступал как решение всегда субъективное и потому всегда наиболее тесно связанное с творческим кредо, он, естественно, привлекал к себе внимание архитекторов, прессы, Союза архитекторов. В то же время большие и сложные вопросы массовой архитектуры жилища, наметившаяся в практике прогрессивная тенденция в этой области, оставались в тени, чему способствовало в большой мере и то обстоятельство, что достижения в сфере индивидуального проектирования получали поощрения на конкурсах и в виде государственных премий.

К середине 50-х годов, когда в области технологии строительства появились предложения, позволяющие в 2–2,5 раза сократить сроки строительства и снизить его стоимость, стало ясно, что сложившаяся творческая направленность в архитектуре жилища затрудняет переход на индустриальные рельсы возведение зданий из укрупненных элементов промышленного производства. Однако это было реальное средство преодоления острой нехватки жилищ, которую оставила после себя война. С очевидностью обнаружилась необходимость пересмотра творческих позиций в архитектуре, ее общей художественной направленности.

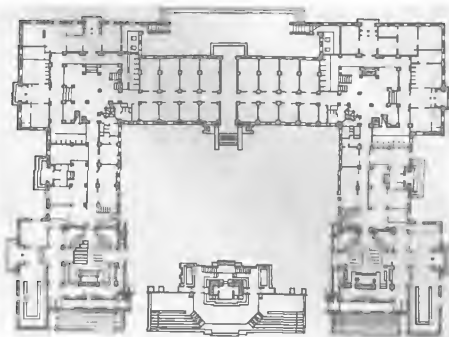
Общественные здания

Необходимость пересмотра творческих позиций в области архитектуры массовых типов зданий культурно-бытового обслуживания в послевоенные годы стала очевидной. Причиненный войной ущерб был компенсирован в исключительно короткие сроки. Только за 1946–1950 гг. в стране было построено школ на 240 тыс. мест, детских учреждений на 101,8 тыс. мест, больниц на 63,5 тыс. коек, 34 252 клуба и десятки тысяч других общественных зданий. Но одновременно росла и потребность.

При трудностях восстановительного периода в состав новых школ и детских

149. Баку. Дом правительства Азербайджанской ССР, 1952 г. Л. Руднев, В. Мунц, И. Ткаченко. Общий вид, план

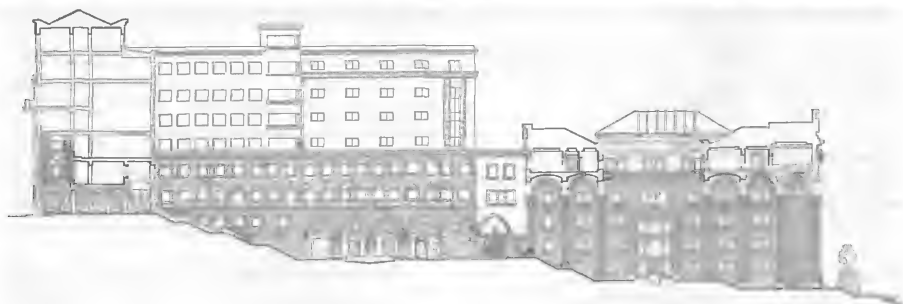
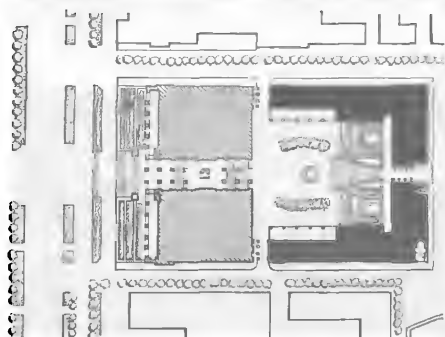
150. Сочи. Железнодорожный вокзал, 1951 г. А. Душкин

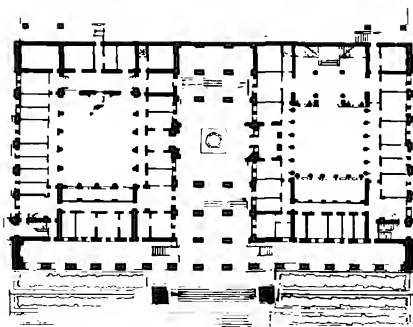
учреждений были включены помещения, отсутствовавшие в этих зданиях до войны: веранды и общие музыкальные залы в детских садах, спортзалы в школах и др. С конца 40-х годов, в связи с политехнизацией обучения, в школах начали проектировать учебные мастерские (их устройство стало обязательным в середине 50-х годов); с начала 50-х годов в крупных школах появляются актовые залы. Для строительства 1946–1950 гг. были характерны пятиэтажные школы. В Москве, например, наибольшее распространение получили пятиэтажные школы из кирпича (Л. Степанова, С. Юсина) и из крупных блоков (А. Капустина, А. Курносова и др.), в которых экономично использовались объем и территория участка. Массовым порядком строились лечебно-профилактические учреждения, магазины, предприя-

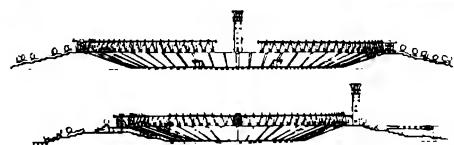
тия общественного питания. Однако все перечисленные типы зданий культурно-бытового обслуживания строились в основном по индивидуальным и в отдельных случаях повторным проектам, нередко с явно выраженным креном в сторону украшения. Типизация лишь начинала внедряться в эту область.

В послевоенное десятилетие разрабатывались типовые проекты клубов, двухзальных кинотеатров, кинотеатров, встроенных в первые этажи жилых домов. Широко использовались в строительстве типовые проекты клубов на 300 мест (А. Хряков), на 300 и 500 мест (К. Бартошевич), на 400 мест (И. Рожин). Но наиболее значительные клубы и Дворцы культуры возводились по индивидуальным проектам и, как правило, с чрезмерными историческими реминисценциями, примером чему может служить Дворец культуры в Нижнем Тагиле (В. Емельянов). Ретроспективные тенденции, естественно, переносились и

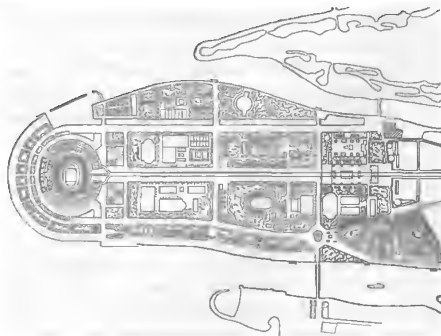

в область типового проектирования и строительства. Типовые проекты тех лет, особенно клубы, кинотеатры, несли на себе печать некритического заимствования приемов и форм исторических стилей, что затрудняло, в конечном итоге, прогрессивный процесс типизации массовых типов зданий. Господство в клубах, например, осевых симметричных объемов с портиками в подражание классическим типам зданий (храмам, базиликам, биржам и т.д.) приводило к ухудшению функциональных связей

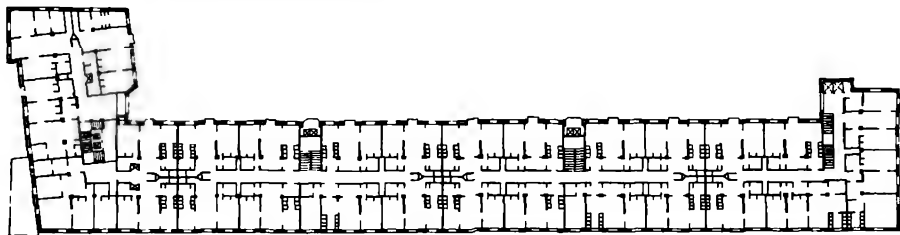

151. Тбилиси. Дом правительства Грузинской ССР. 1938–1954 гг. В. Кокорин, Г. Лежава при участии В. Насиридзе. Общий вид, генплан, план, разрез, внутренний дворик

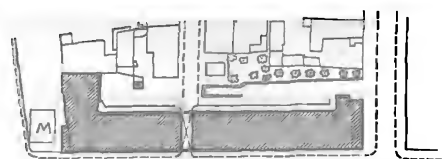
152. Ленинград. Стадион им. С. М. Кирова. 1932–1950 гг. А. Никольский, К. Кашин-Линде, Н. Степанов. Общий вид, перспектива, генеральный план, разрез

зрительской и клубно-кружковой части.

Среди наиболее значительных общественных сооружений послевоенного десятилетия следует назвать начатый строительством еще до войны и завершенный в 1952 г. Дом правительства Азербайджанской ССР (Л. Руднев, В. Мунц, И. Ткаченко) и Дом правительства Грузинской ССР (В. Кокорин, Г. Лежава и др.), также начатый до войны и заверченный в 1952 г. В Ереване в 1955 г. было окончено завершившее ансамбль площади Ленина здание треста «Арагат» (ныне здание Армпромсовета), в котором С. Сафарян, Р. Израелян и В. Аревшатян использовали мотивы архитектуры А. Таманяна. Среди спортивных сооружений выделяются стадионы в Ленинграде, Баку, Киеве и др. В свое время широкий резонанс получили санатории в Кисловодске, Сочи, Гагре, Цхалтубо, театры в Казани, Волгограде, Калининe, Чиатури, Сочи, вокзалы в городе Пушкине под Ленинградом, Курске, Брянске, Харькове, Сочи. Крупные административные здания были построены в Москве на улице Горького (В. Андреев) и на Садовом кольце (М. Посохин).

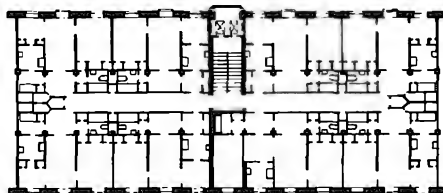
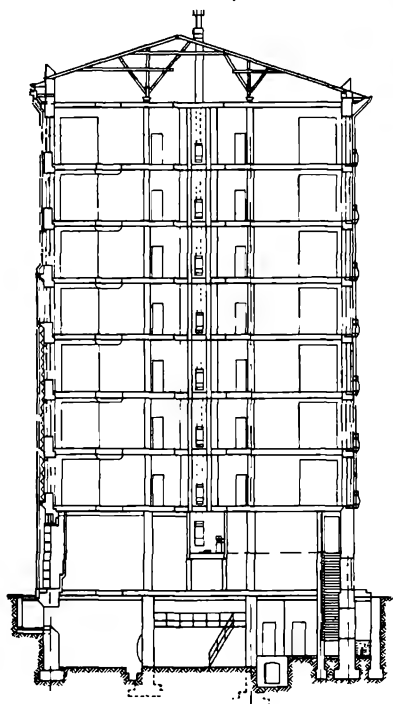
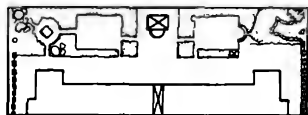
Для всех этих зданий, среди которых есть ряд несомненно мастерски выполненных, отличающихся многими достоинствами, характерна в то же время известная предвзятость. Стилизация устанавливала некий штамп в развитии композиционных приемов, зачастую в ущерб интересам удобства, конструктивной логики, экономической целесообразности. Характерный пример — построенный в 1952 г. в Ереване крытый рынок (Г. Агабабян), получивший выразительное пространство интерьера, где пластически правдиво раскрыта текто-

153. Москва. Жилой дом на Смоленской площади
И. Жолтовский. План,
фрагмент, генеральный план

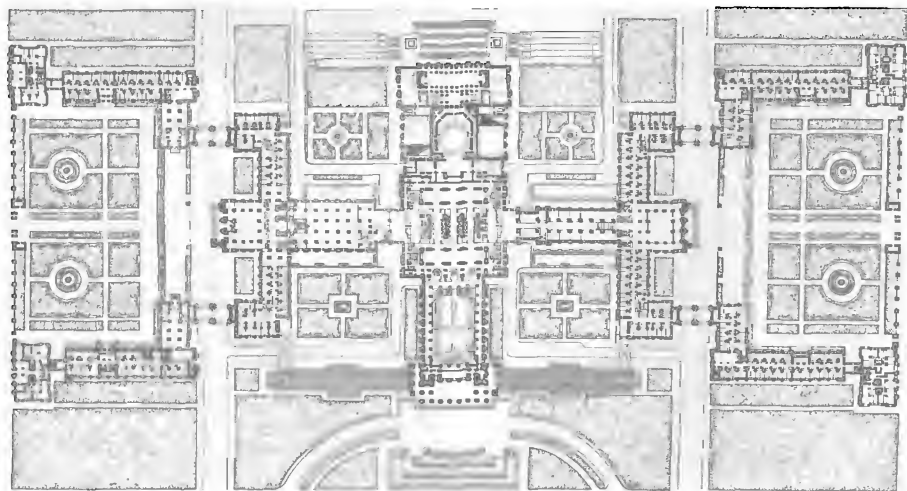
154. Москва. Жилой дом на Калужской улице (ныне Ленинский проспект).
И. Жолтовский. Общий вид,
разрез, генеральный план,
фрагмент фасада, план секции

ника 30-метровой рамно-арочной конструкции, и в то же время — в угоду стилизации — в внешнем облике не выявлены масштаб сооружения и тектони-

ческая характерность конструкций. Еще один штрих, характеризующий общую атмосферу декоративизма: монументальный многоколонный классический портик в различных модификациях, нашедший весьма широкое распространение во многих типах зданий, прежде всего театральных, стал в буквальном смысле слова «типологическим каноном», без которого театральное здание тех лет было почти немислимо.

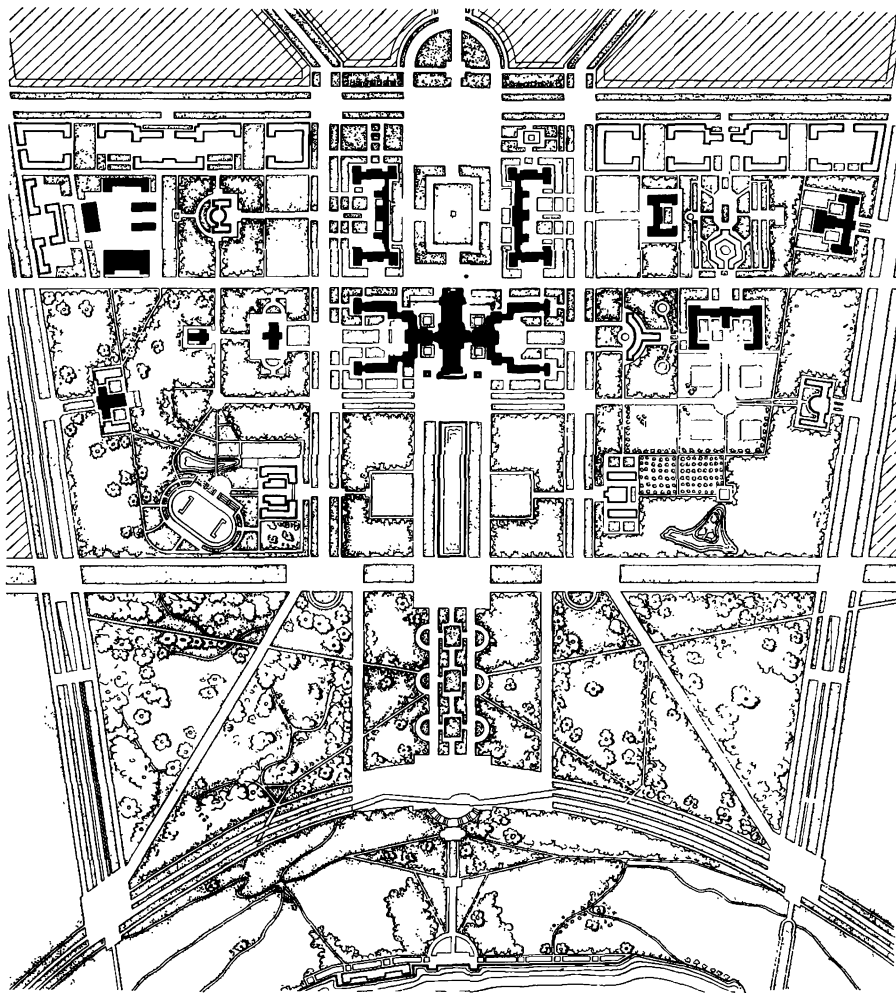
Важно отдавать себе отчет в том, что и в жилище, и в общественных зданиях рассматриваемого периода далеко не все равнозначно. Тут налицо две линии развития: одна ищущая, по-своему нова-

торская (разумеется, в исторически обусловленных рамках архитектуры того периода), а другая, в дурном смысле слова эклектическая и потому совершенно тупиковая. С одной стороны, мы видим, к примеру, тонкую, со вкусом выполненную композицию вокзала в городе Пушкине под Ленинградом (Е. Левинсон,

А. Грушке, 1950 г.), где при тщательном соблюдении функции смело, по-своему интерпретированы классические формы, а с другой стороны, — эклектическое смешение форм архитектуры вокзала в Харькове (Б. Мезенцев, Г. Волошинов, Е. Лымарь, 1947–1949 гг.).

Точно также на одном полюсе возни-

155. Москва. Университет на Ленинских горах. Л. Руднев, С. Чернышев, П. Абросимов,

А. Хряков, В. Насонов. Общий вид, план здания, генеральный план

кают санатории М. Гинзбурга «Горные вершины» в Кисловодске и «Ореанда» в Крыму, где мастер развивает линию активного поиска выразительной архитектуры, начатую им в санатории имени Орджоникидзе в том же Кисловодске еще в 1938 г. Он пытается соединить классические принципы с до-

стижениями архитектуры 20-х годов. А на другом полюсе появляются безжизненные эклектические декорации, как это видно в санатории «Металлург» в Сочи (Я. Свирский, Г. Битов, О. Угрюмов), санатории в Цхалтубо (Т. Шавишвили). В то же время дух наворота присущ многим значительным произведениям рассматриваемого периода. Отметим стадион С.М. Кирова на Крестовском острове в Ленинграде (А. Никольский, К. Кашин-

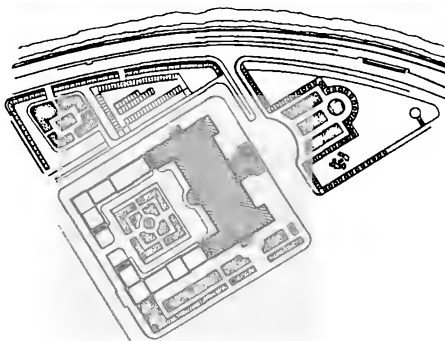

156. Ташкент. Театр оперы и балета имени Алишера Навои, 1940–1947 гг. А. Шусев. Общий вид

157. Москва. Административное здание на ул. Горького, 1949 г. В. Андреев

158. Москва. Гостиная «Украина». А. Мордвинов. Общий вид, генеральный план

Линде, Н. Степанов, 1932–1950 гг.), здесь перспектива парадной двухкилометровой аллеи замыкается искусственно созданным холмом, на который ведет широкая лестница с водяными каскадами и откуда открывается грандиозный овальный кратер самого стадиона и широкая панорама окружающего парка, залива, города; не только общее пространственное построение, но

и разработка конкретных форм – все несет на себе печать новизны. Даже, казалось бы, навеянные ренессансными мотивами аркады внутренних двориков у спортивных павильонов – и те звучат явно по-новому.

Самые спорные вещи крупных мастеров вносят определенный вклад в сокровищницу нашей архитектуры и продолжают по-своему волновать. Так, например, Дом правительства в Баку при всей своей композиционной и пластической переусложненности обладает несомненным внутренним стилистическим единством, смелостью в интерпретации форм, крупным градостроительным масштабом.

Ведущие советские архитекторы, каждый по-своему, пусть даже в пределах исторически ограниченной стилистики тех лет, вели напряженный творческий поиск. Значительную роль в развитии послевоенной архитектуры продолжал играть И. Жолтовский. Будучи художественным руководителем Московского архитектурного института, он оказал решающее влияние на формирование профессионального мастерства большого отряда советских зодчих.

Большое значение имела разработка мотивов национального зодчества в послевоенном творчестве А. Щусева. Завершенный им после войны театр имени Навои в Ташкенте остро поставил проблему использования народного искусства в поисках национального своеобразия архитектуры. Завершением поисков национального своеобразия в творчестве А. Щусева стала станция Московского метрополитена «Комсомольская-кольцевая». Расположенная в непосредственной связи с комплексом Казанского вокзала, реконструкцию которого А. Щусев завершил в эти же годы, она решена на основе переработанных мотивов древнерусского зодчества и развивает тему триумфа русского оружия.

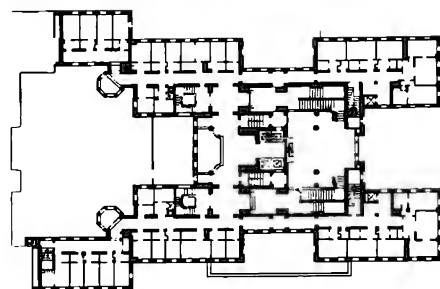
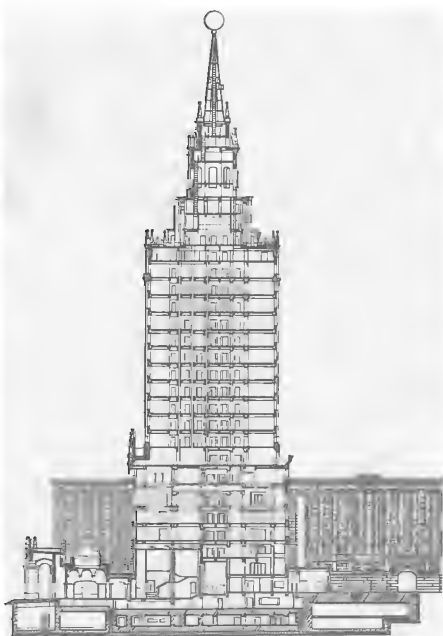
Большой пролет свода подземного перонного зала, почти вдвое превышающий габариты станций того времени, покоится на соединенных пологими арками массивных мраморных колоннах с энергично прорисованными деталями упрощенных капителей. На своде,

в лепных барочных картушах художник П. Корин разместил великолепные красочные мозаики, изображающие героические эпизоды отечественной истории. Интерьер станции оставляет запоминающееся впечатление. Автор создал содержательный художественный образ.

Древнерусские мотивы использовал для станции «Арбатская» и Л. Поляков. Однако использованные здесь элементы «нарышкинского барокко» не несут в себе живого ощущения формы. Повторенные бесчисленное число раз безукоризненно одинаковые гипсовые отливки придают всей станции оттенок холодности и бесстрастия, не свойственный древнерусской архитектуре.

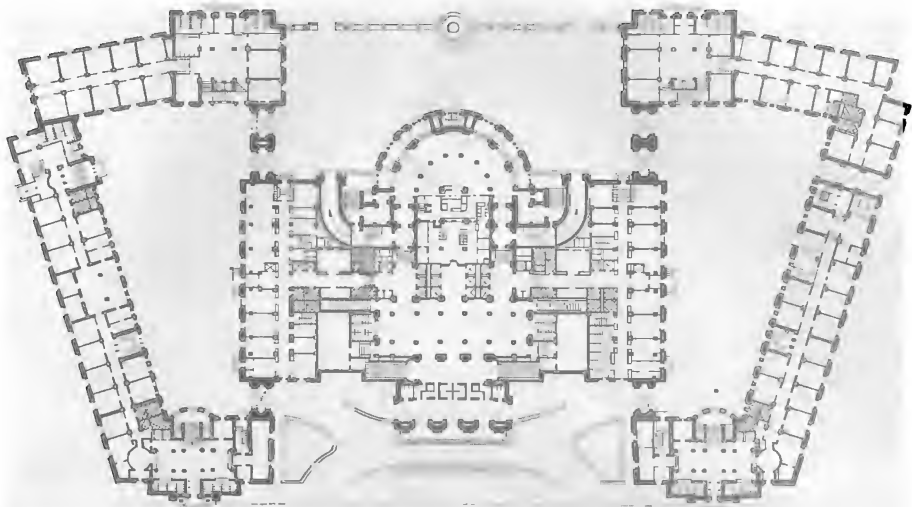
Неоднозначность оценок характерна для многих ведущих произведений того времени. И чем значительнее объект, тем более противоречиво он воспринимается. В этом плане наиболее многозначна проблема оценки высотных зданий, возведение которых как бы увенчало собой развитие архитектуры послевоенного десятилетия.

159. Москва. Гостиница на Комсомольской площади.
Л. Поляков, А. Борецкий.
Общий вид, план, разрез

160. Москва.
Административное здание на Смоленской площади.
В. Гельфрейх, М. Минкус.
Общий вид, план, разрез

В соответствующем разделе уже было рассмотрено градостроительное значение высотных зданий. Наиболее значителен в градостроительном и архитектурном отношении комплекс МГУ. Ансамбль развивается в просторстве четкую осевую композицию и состоит из 27 основных и 10 вспомогательных зданий,

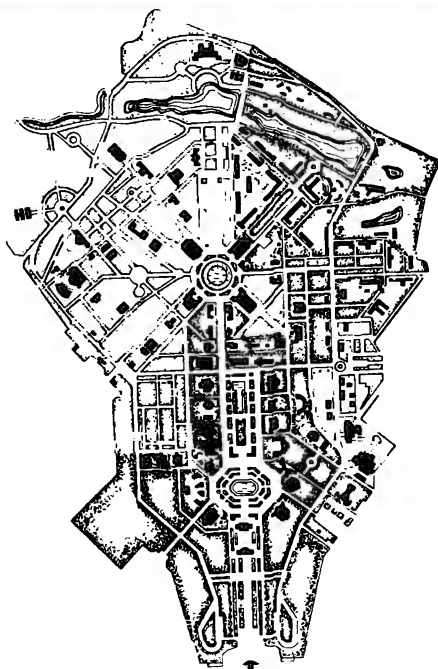
скомпонованных с большой творческой изобретательностью и с тем широким пространственным размахом, который соответствует масштабу города в целом, на который «работает» МГУ, и нового юго-западного района Москвы, где непосредственно размещен этот огромный комплекс. Композиционное пластически развитое ядро всего ан-

самбля — главное здание в виде высотного объема со шпилем как бы связывает воедино всю многоплановую композицию. С юго-западной стороны корпуса различных факультетов образуют парадный двор, открывающий торжественный подход к центральному высотному объему. Со стороны Москвы-реки подход к главному зданию организован в виде развитой системы площадей, партеров, аллей, завершающихся огромным водным зеркалом с фонтанами.

Нельзя не отметить, что сама по себе монументальность и торжественность комплекса, задуманного и выполненного с большим мастерством, воплотили лишь чисто представительские общегородские функции ведущего учебного центра страны и закономерно вписывается в общий пространственный ансамбль высотных зданий. В то же время собственно учебный процесс с его деловой и напряженной атмосферой, многообразием функций не получил удачного решения. Пространственные функциональные связи не дают необходимых для современного учебного заведения удобств, а художественная интерпретация интерьеров здания не передает своеобразия жизни современного высшего учебного заведения.

Впечатляюще разработаны композиция и архитектура большого административного здания на Смоленской площади. Общая композиция симметричного плана хорошо решает функцию административного здания (размещение рабочих комнат, вертикальных коммуникаций, холлов). В центральном объеме расположен удобный зал заседаний, библиотека, столовая и другие обслуживающие помещения. Здание было увенчано впоследствии шатровым завершением, правда, с течением времени ощущение чужеродности сгладилось – к архитектуре привыкают. Нетрудно заметить, что в характере напряженной пластической устремленности этого здания вверх, богатой и тонкой профилировке подчеркнута вертикальных членений его фасадов непосредственно интерпретируются мотивы «иофановского ордера», изобретательно разработанного в проекте Дворца Советов (сказались годы сотрудничества авторов с Б. Иофаном). Говоря в данном случае об «ордере», мы имеем в виду не каноническую систему классического ордера со всеми его пластическими аксессуарами, но об-

161. Москва. Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1954 г. Генеральный

план, главный павильон, Ю. Щуко, фонтан на площади Колхозов

ский порядок построения и развития архитектурной формы, которая в здании на Смоленской площади – здании наиболее своеобразной композиции – сочетает крупномасштабную сочную пластику с филигранной разработкой вертикальных членений. Композиция, напряженно преодолевающая огромный вес каменной массы и, преодолев его, динамично устремляющаяся вывесь, – такой остается в памяти экспрессивная архитектура этого здания. Последующая постройка перед ним высотных фланкирующих объемов гостиницы «Белград» лишь формально завершила ансамбль, а на деле приглушила, «погасила» первоначальный архитектурный эффект.

Можно по-разному относиться к высотным зданиям, но бесспорно – они «говорили» и продолжают «говорить» патетическим, энергичным языком, который находит отклик и понимание в широких народных массах, не в пример некоторым новым высотным зданиям, которые в лучшем случае оставляют людей равнодушными, а то и просто вызывают глухое недовольство и раздражение дурно сработанной архитектурой «стекла и бетона». По-видимому, не случайно оживление интереса к послевоенным высотным зданиям не только со стороны широкой общественности, но и профессионалов как у нас в стране, так и за рубежом.

Строительство высотных зданий имело большое значение для ансамбля и силуэта столицы, ее архитектуры в це-

лом, для развития отечественной строительной техники. Новые конструкции фундаментов и каркасов, разнообразные конструкции ограждающих заполнений, новые виды облицовочных материалов системы санитарно-технического и другого инженерного оборудования разрабатывались специально для высотных зданий и этим самым двигали вперед техническую базу нашего строительства в целом.

Вместе с тем, оттеняя достоинства послевоенных высотных зданий, достоинства, характерные для того времени и не утратившие своего значения в наши дни, следует иметь в виду, что именно в этих сооружениях и с наибольшей остротой проявились противоречия творческой направленности архитектуры послевоенного десятилетия. Подчеркнутая помпезность сочеталась в некоторых зданиях с явной недооценкой вопросов функциональной и экономической целесообразности. В том же МГУ помещения, особенно подсобные, затеснены и затемнены, сочетание учебных помещений с жильем студентов, аспирантов и преподавателей – усложнило и ухудшило планировочную организацию, конструктивные и экономические показатели. В гостинице «Украина» «украшения» носят явно эклектический характер. В гостинице «Ленинградская» нарушение требований экономики выступает особенно ярко. Такого рода недостатки были присущи многим произведениям послевоенной архитектуры, особенно ее уникальным представительным сооружениям.

Весь рассматриваемый период развития нашей архитектуры, охватывающий годы войны (1941–1945 гг.) и послевоенное десятилетие (1945–1955 гг.), следует оценивать в свете сложного взаимодействия двух разнонаправленных творческих тенденций. Одна из них – это поиски триумфально-возвеличивающих архитектурных решений. Другая – это конструктивная деловая работа над новыми экономичными типами зданий, над новыми методами их проектирования и индустриального возведения. Именно эти сугубо деловые проблемы приобрели в военный и особенно после-

военный период первостепенное значение. К сожалению, две названные линии творческой деятельности развивались в послевоенный период без какого-либо эффективного взаимодействия, порознь.

Более того, внешне представительная тенденция эстетически ориентированных поисков оттесняла в профессиональном сознании важнейшую государственную задачу – работу над экономичными массовыми типами сооружений на задний план, как работу в творческом плане второстепенную. Назревала кризисная ситуация. Господствующая творческая направленность становилась объективным тормозом на пути развития массового строительства, его типизации и индустриализации. Это глубокое внутреннее противоречие послевоенной истории архитектуры естественно привело на определенном этапе к изменению направленности советской архитектуры.

Если опыт 20-х годов показал неправоту полного разрыва с традициями, то последующие десятилетия с неменьшей ясностью выявили бесперспективность односторонних псевдоисторических стилизаций. Нельзя полностью рвать с традицией, но нельзя также и всецело подчиняться ей. Нужно творчески ее осваивать, всемерно развивая новаторскую сущность архитектуры, обусловленную самой природой нашего общества. Всесоюзное совещание строителей и проектировщиков 1954 г. и вышедшие вслед за тем постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР по вопросам строительства резко осудили наметившийся отрыв архитектуры от строительной техники и экономики, поддержали созрелые в практике новые прогрессивные методы строительства, ознаменовав начало нового современного этапа развития советской архитектуры.

Архитектура села

Великая Отечественная война с фашистской Германией принесла огромный ущерб сельскому хозяйству нашей страны. Было разрушено и сожжено более 70 тыс. сел и деревень, разо-

рено 98 тыс. колхозов, 1876 совхозов, тысячи машинно-тракторных станций.

В августе 1943 г. было принято Постановление правительства «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации». Уже к началу 1944 г. на территориях, освобожденных от врага, была полностью восстановлена сеть МТС. Государством была оказана широкая материальная помощь колхозам и совхозам, их работникам в строительстве первоочередных производственных зданий и жилых домов. В РСФСР, на Украине, в Белоруссии и бывшей Карело-Финской ССР была организована сеть специальных управлений по сельскому и колхозному строительству.

В условиях быстрого восстановления не всегда удавалось осуществить необходимую перепланировку и застройку сел. Для улучшения проектного дела создавались новые республиканские и областные проектные организации, разрабатывавшие проекты планировки колхозных поселков, отдельных зданий и сооружений. На их основе развернулось массовое восстановительное строительство в сельской местности.

Для распространения передового опыта и прогрессивных принципов объемно-пространственной организации сел и деревень было начато сооружение опытно-показательных сельских населенных пунктов в Калининской, Брянской, Смоленской и Великолукской областях.

Один из лучших примеров восстановления и переустройства с. Некрасово Калининской области (В. Рязанов).

На Украине и в Белоруссии для оказания профессиональной помощи в организации восстановления сел были созданы выездные бригады по планировке селений и привязке типовых проектов. Композиционной основой этих работ явилось четкое деление территории сел на селитебную часть с общественным центром и производственную, расположенную на отдельном участке и отделенную от первой полосой зеленых насаждений. Жилая зона в зависимости от размеров села членилась на кварталы.

Производственная зона также состояла из ряда секторов. Были восстановлены с. Демидово Киевской области (1948 г.) и Елизаветовка Донецкой области (1946–1948 гг.) и многие другие.

В первые послевоенные годы в Белоруссии строились в основном деревянные жилые, общественные и производственные здания. В 1947 г. в деревне Костюки колхоза «Вторая пятилетка» и ряде других мест стали возводиться типовые кирпичные здания. Капитальность сельскохозяйственных зданий стала повышаться.

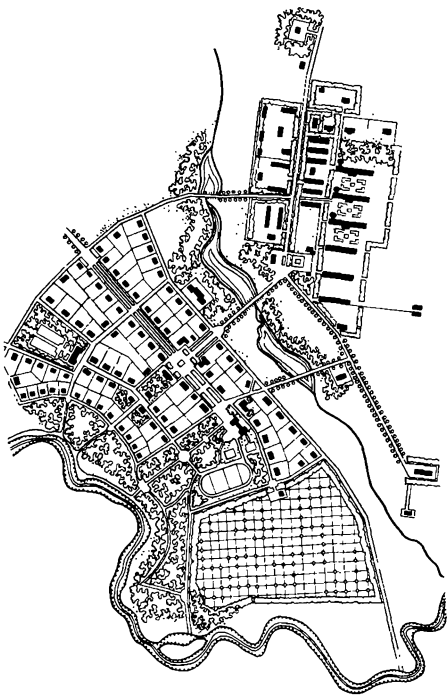
В результате усилий всей страны в 1948 г. было в основном завершено восстановительное строительство в сельской местности. Осуществлялся постепенный переход к строительству колхозов, совхозов и МТС на основе специально разработанных генеральных планов. В первую очередь это относится к РСФСР, УССР, БССР.

Наряду с восстановлением пострадавших сел и деревень в районах, удаленных от фронта, осуществлялось строительство новых сельских населенных мест. В 1946 г. по проекту Гипросовхозостроя (В. Остроумов и А. Шебакин) началось строительство усадьбы совхоза «Каравасово» Костромской области. Генеральный план обеспечивал четкое функциональное зонирование, хорошие связи между отдельными элементами застройки, учитывал природные условия и рельеф местности. Жилая зона организована по квартальной системе, в ней выделены общественный центр, спортивный комплекс, зеленые насаждения, связывающие усадьбы рабочих совхозов с поймой реки. Центр имел две небольшие площади, на которых располагался ряд отдельных общественных зданий: клуб, контора, гостиница, почта и др. Все одноэтажные и двухэтажные здания – кирпичные, оштукатуренные. Их простые объемы оживлены крыльцами, лестницами, аркадами, портиками, которые четко выступают на фоне гладких белых стен. Модулировка этих элементов проста, гладкие поверхности стен увенчаны скромными карнизами и расчленены тягами. Пропорции колонн и аркад не-

сколько тяжеловаты, а порой и грубоваты. Характер архитектуры чем-то близок к русскому провинциальному классицизму.

Производственная зона, отделенная оврагом и располагавшаяся на пригорке, выглядела внушительно благодаря рядам длинных добротных белых коровников с массивными цилиндрами силосных башен по бокам. Поселок совхоза «Караваево» был одним из первых прототипов поселка городского типа.

На рубеже 40-х и 50-х годов в советском сельскохозяйственном строительстве и архитектуре начался новый этап. Он был ознаменован постепенным переходом к укрупнению хозяйств. Этот процесс был продиктован необходимостью устранить противоречия между уровнем технической оснащенности сельского хозяйства, требовавшей широкого фронта работ, и сравнительно небольшими земельными наделами колхозов и совхозов, наличием большого количества малорентабельных животноводческих и птицеводческих ферм. Переход к укрупнению колхозов и совхозов позволил строить крупные поселки, имеющие высокую степень благоустройства и материально-бытового обслуживания. Строительство клубных зданий, школ, больниц, библиотек, магазинов, местного водопровода и канализации реально можно было осуществить при целесообразной концентрации населения. Естественно, что этот процесс создания новых форм организации сельского хозяйства и расселения, исключительно сложный и длительный, имел несколько этапов и не завершен еще и в наши дни. В результате перестройки в стране были созданы новые мощные многоотраслевые хозяйства. Эти преобразования существенным образом отразились на различных сторонах сельскохозяйственной архитектуры и прежде всего вызвали к жизни развитие территориального планирования сельскохозяйственных районов, разработку новых планировочных решений сельских населенных мест. Первые работы в этом направлении были проведены в Московской области, в ряде районов черноземной полосы, в Ставропольском и Красно-

162. РСФСР. Совхоз «Караваево». Планировка поселка, клуб, коровник

дарском края, на Украине и в Белоруссии.

Особенно широко развернулось проектирование сел в 50-х годах, когда наряду с реконструкцией центральных поселков укрупненных колхозов и совхозов проектировались новые поселения. Это были деревни, переселяемые из мест затопления в связи с возведением новых гидростанций. Одновременно началось строительство 400 новых зерносовхозов на целинных и залежных землях. В этих условиях особое значение приобрели примерные планировочные схемы, в которых получили отражение рациональные приемы функционального зонирования, системы застройки, принципы связей селитебной зоны с производством и земельными угодьями. В ходе строительства новых и переноса старых сельских населенных мест на пе-

риферии сформировались кадры опытных проектировщиков.

В широких масштабах в послевоенный период велось сооружение сельских жилых домов. В первые послевоенные годы эти дома строились в основном в самостоятельном порядке. Примерно с 1949 г. начинается возведение жилых домов преимущественно по типовым проектам. Однако они в то время недостаточно учитывали потребности и возможности застройщиков. Как правило, проекты претерпевали существенные переделки и изменения.

Делались попытки разработки образцовых проектов сельских домов различными научными и проектными организациями. Институты Академии архитектуры СССР еще в годы войны выполнили ряд работ (И. Гайнутдинов, Т. Лялина и др.), отличающихся высокой художественной культурой. Однако проекты слишком строго следовали старым образцам в планировочных решениях, и особенно во внешнем облике жилого дома (сохранялись небольшие окна, декоративные наличники и подзоры, в общей композиции усадьбы

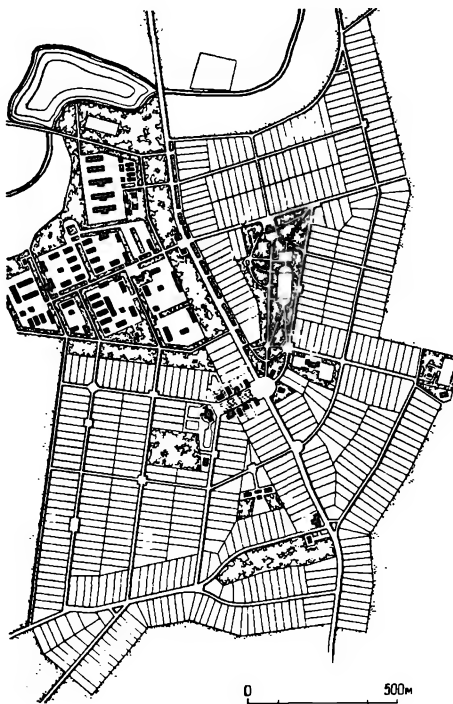
связанный с домом хозяйственный двор и т. п.).

В начале 50-х годов в передовых совхозах стали появляться благоустроенные двухэтажные сельские жилые дома, строившиеся частично по индивидуальным проектам или по проектам домов, предназначенных для рабочих поселков. Так, в Грузии в совхозах Гагринском цитрусовом, Хетском и др. был возведен ряд жилых зданий, в композиции которых найдено удачное применение приемов, бытующих в грузинском народном жилище – глубокие лоджии и балконы, защищенные от солнца узорными деревянными решетками. В Эстонии в совхозе им. Саммерлинга, в Латвии в колхозах «Лачплесис» и «Аджи» и др. были построены благоустроенные дома с развитыми санузлами.

В это время намечаются первые районы индустриализации сельского жилищного строительства. Научно-исследовательские и проектные институты в РСФСР, на Украине и в Прибалтике разработали и построили ряд жилых домов с применением индустриальных деталей и отдельных конструктивных узлов. В частности, в СССР в Броварском районе, как уже отмечалось, были построены дома с железобетонным каркасом и заполнением из твердопрессо-

ванных соломенных плит. В Ростовской области были возведены дома из шлакобетонных блоков. Получили окончательное признание и проекты спаренных двухквартирных домов, отличавшиеся более высокой экономичностью. Разрабатывались также типы трех-четырехкомнатных домов с мансардами; 100 таких домов, оборудованных местным водяным отоплением, было построено в ряде МТС Московской области (А. Аксельрод, С. Прохоров, З. Рейзерова).

163. ГССР. Совхоз «Хетский». Главная улица. Гагринский совхоз. Жилой дом

164. УССР. Совхоз «Демидово». Планировка поселка, улица

Все же основным типом сельского жилого дома, применяемым в строительстве в этот период, продолжает оставаться одноэтажный, односемейный дом с индивидуальным приусадебным участком. Он позволял не только наиболее эффективно организовывать приусадебные хозяйства, но и давал

возможность использовать местные строительные материалы, был более привычным для сельского населения. В планировке односемейных домов, как правило, выделялись кухня, спальня, жилые комнаты, часто устраивались застекленные террасы. В эти и последующие годы архитекторы внимательно изучают традиции народного жилища (работы И. Маковецкого, П. Юрченко, Е. Ащепкова и др.).

Одновременно с жилищным строительством велось и сооружение разнообразных общественных зданий. В период восстановительного строительства для размещения школ, клубов, библиотек, больниц, сельсоветов главным образом использовались временно приспособленные жилые здания. В конце 40-х годов в передовых колхозах начали сооружаться новые общественные здания, имевшие важное значение в организации общественной жизни, повышении культуры, в распространении научно-технических знаний.

Несмотря на проведенный в 1946 г. Всесоюзный конкурс на проекты сельских клубов, в РСФСР количество построенных новых клубных зданий оставалось сравнительно небольшим, а набор действующих типовых проектов — ограниченным, не всегда отвечающим реальным условиям и возможностям. Поэтому на их проектирование и строительство с 1950 г. было обращено особое внимание. Основную массу клубных зданий, строившихся в этот период, можно разделить на две группы. К первой следует отнести небольшие клубные здания, основу которых составлял зал на 100–200 мест и несколько клубных помещений. Примером может служить клуб в колхозе «Заря коммунизма» (УССР). Вторая группа включает в себя более крупные клубные здания с большим зрительным залом, стационарной киноустановкой, полным набором помещений для работы разнообразных кружков самодеятельности и т. п. К их числу относятся клубное здание в колхозе имени В. И. Ленина в с. Борисово Ленинского района Московской области со зрительным залом на 400 мест, фойе, библиотекой и читальным

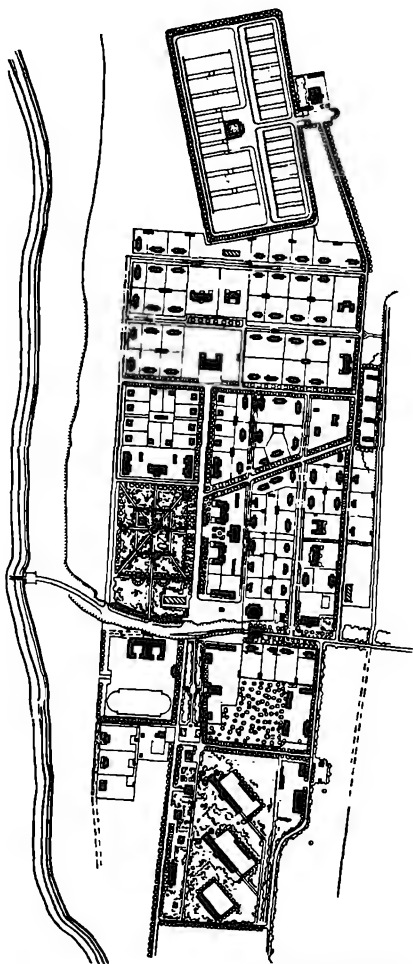
залом; клуб в с. Мячково Московской области; Дом культуры колхоза «Луч Востока» в с. Малая Станица Казахской ССР и др. Архитектура этих сооружений отражает общую направленность строительства административных и культурно-просветительных зданий конца 40-х – начала 50-х годов.

Клуб на 400 мест в с. Борисово Московской области (В. Калмыков) имеет ордерную композицию. Главный фасад украшен восемью спаренными колоннами со сложными капителями и пилястрами, обходящими по периметру все здание. Фасад и интерьеры клуба перегружены сложной дорожистой лепниной. Аналогичен по своей композиции и насыщенности декором Дом культуры в колхозе «Луч Востока» близ Алма-Аты (Казахстан, Д. Мельников). Клуб имеет по фасаду два ряда квадратных колонн со стилизованными капителями и декоративными вставками. Интерьеры обильно оснащены резьбой по алебастру, воспроизводящей формы казахского национального орнамента. Окна клуба имеют килевидное завершение, стены перегружены деталями, призванными создавать «местный колорит».

Те же тенденции в формировании облика сельских общественных зданий наблюдались и в других республиках. В Грузии строились клубы с пышными аркадами, лоджиями, колоннами, всякого рода декором. Монументальные сельские общественные здания строились в селах Армении, где они возводились из местного туфа, нередко при участии народных мастеров (клуб в селе Бамбакашат, Дом культуры села Двин Аташатского района, клуб колхоза «Верин Зейва» Эчмиадзинского района и др.).

В целом излишества в оформлении сельских клубов не способствовали развитию массового строительства культурно-просветительных зданий на селе. Нередко композиционно-художественные недостатки зданий сопровождались серьезными недочетами в архитектурно-пространственной и функциональной организации, утратой чувства соразмерности и художественного такта.

Существенное место в сельской архитектуре послевоенного времени по праву

165. РСФСР. Московская область. Совхоз «Память Ильича» Коровник. Архит. Г. Чайкина

166. РСФСР. Совхоз «Адлеровский» Планировка посёлка Коровник — общий вид

занимают производственные постройки и комплексы. В Постановлении Пленума ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР», принятом в сентябре 1953 г., специально указывалось на необходимость увеличения продуктов животноводства и создание кормовой базы, а также на

огромное значение машинно-тракторных станций в деле повышения производительности труда в сельском хозяйстве. В соответствии с постановлением за несколько лет были построены тысячи ремонтных мастерских, гаражей, хранилищ для сельскохозяйственной техники. Все строительство велось только по типовым проектам и схемам планировки, разработанным Гипросельхозом, Росгипросовхозстроем, Мособлпроектом и др.

Гипросельхоз в типовом проекте ремонтной мастерской МТС впервые в истории сельского строительства применил промышленную модульную сетку расстановки опор 6×6 и 6×12 м. Это явилось решающим шагом для развития индустриализации в строительстве сельских производственных зданий. В дальнейшем применение индустриальной модульной сетки распространилось и на другие производственные постройки, включая животноводческие здания. Архитектура зданий МТС определялась характерным силуэтом с верхним остекленным фонарем и большими квадратными окнами. Промышленный характер интерьера подчеркивал широкий шаг колонн и подкрановые балки.

Характерная особенность развития животноводческих построек в 50-х годах – увеличение их вместимости. После укрупнения колхозов и совхозов начали строиться новые производственные здания. Они, как правило, проектировались капитальными, обеспечивались механизацией, электричеством, водопроводом. Шире стали применяться автопоилки, доильные агрегаты, монорельсовые линии для транспортировки кормов. Появились отдельностоящие здания доильных залов, кормоцехов. Все это накладывало отпечаток и на архитектуру производственных комплексов и зданий: были разработаны более компактные планировки, стали применяться

167. РСФСР. Московская область. Мытищинский район. Контора совхоза

168. АрмССР. Село Бамбашат. Клуб

широкогабаритные постройки, появился более экономичный тип многоярного животноводческого помещения (коровники, свинарники). Такие здания строились в РСФСР, на Украине, Белоруссии и других республиках. Характерные примеры четырехрядных коровников, построенных с применением железобетонных деталей, – в колхозах «Память Ильича» Мытищинского района Московской области (Г. Чайкина), им. С. М. Кирова Черновицкой области и др. Одновременно для типовых сборных животноводческих построек велись поиски новых рациональных конструктивных решений стен и перекрытий.

В 50-х годах были сделаны шаги в направлении промышленной организации сельскохозяйственного производства: начали применяться интенсивные методы содержания птицы в многоярусных клетках, что способствовало ликвидации сезонности в получении продукции. Одновременно механизировались процессы кормления (совхоз «Коммунарка» Московской обл. и др.). Введение интенсивных методов содержания птицы позволило в птицеводстве «Арженка» Тамбовской области, на Томилинской птицефабрике, в совхозе «Горки II» Московской области, в Адле-

ровском птицеводстве и других приступить к строительству двухэтажных птичников. Это не только увеличило производительность труда, но и снизило строительную стоимость, создало возможность блокировки производственных помещений как по горизонтали, так и по вертикали.

Появились крупные производственные комплексы, отличавшиеся единством архитектурно-планировочного и объемно-пространственного замысла. К числу лучших относятся сооружения производственных зон Адлеровского, Гагринского и Хостинского совхозов (Т. Макарычев, А. Зайцев, В. Глинка, В. Федорова, Д. Коднир и др.). Авторы молочнотоварной фермы Адлеровского совхоза не только использовали выразительные возможности основного объема коровника с его силосными башнями, но и придали постройке большую монументальность, расширив чердачное помещение и используя его для хранения грубых кормов. В зданиях фермы и хозяйственного

двора – коровниках, телятниках, конюшнях, молочном складе и т.д. – разнообразно декорировались углы построек рустом из натурального камня, на деревянных фронтонах помещались накладные деревянные рельефы, в массивных стенах устраивались сквозные кирпичные решетки. Здесь уже можно говорить об ансамблевой застройке, хотя и наделенной чертами несколько архаического характера.

Интересно, контрастно решались теплично-парниковые комплексы Адлеровского и Хостинского хозяйств. Среди низких стройных рядов остекленных теплиц на небольшой площади, украшенной цветником с фонтаном, возвышалось двухэтажное белое административное здание. Входы в него акцентировались аркадами – лоджиями, дающими глубокую светотень и подчеркивающими массивность центрального объема. В композиции удачно использован контраст конструкции легких стеклянных теплиц и тяжести массивных стен здания; вьющиеся растения и темные мас-

169. Совхоз «Лесные поляны».
Комбикормовый завод 1955 г.

сивы зелени придавали комплексу характерную для юга декоративность.

Интересны по архитектуре инженерные сооружения этой группы совхозов: водонапорная башня (Адлеровский совхоз), станция перекачки (Хостинский совхоз), электростанция (Гагринский совхоз). Авторам построек удалось сравнительно простыми средствами придать художественную выразительность утилитарным зданиям, включить их в общую композицию села.

Хотя в целом в архитектуре Адлеровского, Гагринского и Хостинского совхозов отчетливо прослеживаются стилизаторские тенденции, характерные для зодчества первой половины 50-х годов, нельзя не отметить высокий профессионализм, композиционную слаженность и возросшее мастерство проектировщиков.

Совхозы сохранили до нашего времени значение интересных архитектурных произведений послевоенного этапа развития советского сельскохозяйственного зодчества.

В конце 40-х начале 50-х годов вернулось строительство энергетических сооружений. В 1949 г. было возведено 5500 сельских гидростанций. Стоящие у воды, и, как правило, в живописной пересеченной местности, они были весьма различны по своей архитектуре. В северных районах материалом служило дерево, в южных — естественный камень, лучшие здания становились украшением и достопримечательностью близлежащего села.

К сожалению, примеры хорошего архитектурно-художественного решения сельских построек были немногочисленны. Основная масса животноводче-

ских ферм и других сельскохозяйственных производственных комплексов не отличалась архитектурными достоинствами. Главный их недостаток заключался в большой разнородности зданий, отсутствии архитектурного единства возводимых построек и комплексного подхода, необходимого при создании крупных ферм. Несмотря на постепенное расширение сферы применения типовых проектов производственных зданий, они оставались разнообразными, редко использовались индустриальные методы строительства, учитывались прогрессивные формы механизации производственных процессов.

В 1950 г. Росгипросовхозстроем была сделана первая попытка унификации планировочных решений производственных зданий и установления единых габаритов животноводческих помещений на основе типовых секций. Однако результаты этих работ были реализованы позднее. Большая трудоемкость возводимых в то время жилых домов, общественных зданий и производственных построек, часто строившихся не по типовым, а по индивидуальным проектам, их сравнительно высокая стоимость, применение устаревших конструкций, непригодных для индустриализации строительства, объективно препятствовали дальнейшему развитию сельской архитектуры. Потребовалось решительное изменение общей направленности советского зодчества, чтобы эти недостатки в сельском строительстве были преодолены.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Попытаемся обобщить все обилие фактов, приведенных в учебнике, и, акцентируя лишь главные смысловые узлы, представить развитие советской архитектуры до середины 50-х годов в виде многосложной, но тем не менее целостной картины.

Великая Октябрьская Социалистическая революция дала мощный импульс творчеству во всех областях культуры, искусства, архитектуры. Революционные социалистические идеалы, отмена частной собственности на землю и крупную недвижимость, плановые основы социалистического хозяйства раскрыли невиданные ранее горизонты в сфере градостроительных исканий, создания новых по социальному содержанию типов зданий, новых средств выразительности архитектуры. Насыщенная творческая атмосфера характеризовала весь послереволюционный период.

Партия и Советское правительство, занимаясь в этот период первостепенными по важности политическими и экономическими вопросами, не оставляли без внимания развитие художественной культуры. Исторических аналогов не было. Социалистическую культуру, искусство приходилось создавать в сложном переплетении старого и нового, передового и консервативного. Какой должна быть новая архитектура, особенно в такой сложной, многонациональной стране, никто заранее сказать не мог. Не было здесь какой-либо одной декретированной линии. Развивались различные направления, и сама жизнь, весь ход социалистического развития страны должны были определить их истинную гуманистическую ценность и значение. В этом заключалась особенность подхода пролетарского государства к творческой жизни первых полутора десятиле-

тий после революции. Но развитие не протекало стихийно, оно тщательно анализировалось в свете коммунистической идеологии и конкретных задач построения социализма в стране. Под руководством В. И. Ленина на длительную историческую перспективу закладывались основы партийной политики в области культуры, искусства, архитектуры. С именем В. И. Ленина связан глубоко продуманный комплекс мероприятий, в результате которых в воюющей, голодной, испытывающей бесконечные лишения стране художественная жизнь не только не замерла, но обрела силу для дальнейшего подъема.

В трудную пору интервенции, гражданской войны, хозяйственной разрухи и восстановительного периода строительная активность в стране была минимальной. Соревнование архитектурных тенденций шло преимущественно теоретически, порождая обилие деклараций и экспериментальных проектных материалов. Однако «бумажное проектирование» 1917–1925 гг., несмотря на малую практическую отдачу, сыграло известную положительную роль. Оно позволило критически разобраться в обилии теоретических мыслей и проектов, отвергнуть крайности архитектурных фантазий, приблизить творческую мысль к решению практических задач.

Первые годы после революции характеризовались приподнятым восприятием новой жизни. Духовный подъем широчайших народных масс толкал фантазию к безудержному полету и чуть ли не каждый художественный замысел трактовался как символ эпохи. Это был период романтического символизма, сочинялись грандиозные архитектурные композиции, рассчитанные на многоты-

счные манифестации, митинги. Архитектурные формы стремились сделать остро выразительными, предельно понятными, чтобы подобно агитационному искусству непосредственно включить архитектуру в борьбу за утверждение идеалов революции.

Общим было стремление создать великую архитектуру, но поиски велись в разных направлениях. Как правило, представители старшего поколения мечтали о возрождении больших художественных традиций мировой и русской архитектуры. Сквозь налет гигантомании проступают мотивы могучей архаизированной дорик, римских терм и романской архитектуры, Пиранези и Леду, архитектуры Великой Французской буржуазной революции и русского классицизма. Гипертрофия исторических форм должна была, по мысли авторов, отразить величие завоеваний революции, мощь нового строя, крепость духа революционных масс.

На другом полюсе романтико-символических исканий группировалась главным образом молодежь. В работах этих архитекторов преобладали простейшие геометрические формы, динамичные сдвиги плоскостей и объемов. Связанная с влияниями кубофутуризма деструктивность и зрительная неустойчивость композиций с использованием диагональных и консольных смещений была призвана, по мысли авторов, отразить динамизм эпохи. Возможности новых материалов и конструкций (в основном — гипотетических) использовались для создания активно образительных композиций, как бы выводящих архитектуру на грань монументальной скульптуры. Многие формы, родившиеся в этих ранних «левых» проектах, в дальнейшем прочно вошли в арсенал выразительных средств новой советской архитектуры.

Некоторые архитекторы выдвигали на первый план «индустриальные» мотивы, романтическое истолкование техники в качестве особого символа, связанного с пролетариатом. К фантазиям индустриального типа иногда причисляют и знаменитый проект памятника III Интернационалу, созданный в 1919 г.

В. Татлиным. Однако значение этого проекта намного превосходит задачи романтизации и эстетизации самой по себе техники и его влияние выходит далеко за рамки архитектуры романтического символизма.

Не случайно памятник III Интернационалу стал своеобразным символом-знаком советской архитектуры 20-х годов.

Вся трудная и голодная жизнь первых послереволюционных лет была пронизана искусством, которое активно выполняло агитационные функции и было призвано мобилизовать массы на строительство новой жизни. Ленинский план монументальной пропаганды обобщал и вводил в единое русло разнородные художественные усилия. Для тех лет вообще было характерно стремление к взаимосвязи, «синтетическим формам» искусства, вторжение его в повседневность, стремление искусства как бы слиться с жизнью. Искусство, вышедшее на улицу, устремилось дальше по пути преобразования не только облика, но самой структуры и содержания жизненных процессов, их изменения по законам целесообразности и красоты. На стыке архитектуры и художественных исканий возник специфический феномен «производственного искусства», провозгласившего смыслом художественного творчества «делание вещей», предметов повседневного обихода и «через них» — переустройство самой жизни. Провозглашаемое «производственными» грандиозное, необозримое по своим задачам «искусство жизнестроения» ставило целью преобразить, одухотворить идеями коммунизма всю жизненную среду. И хотя в их программах было много непоследовательного, теоретически незрелого, а их призывы порвать с традиционным искусством и художественной культурой были просто ошибочными, объективно вредными, особенно в тот переломный период. Однако утопичность идей не помешала возникновению задатков социалистического дизайна, получившего широкое развитие лишь в наши дни.

Тесные контакты с художниками имели большое значение для обновле-

ния формального языка архитектуры. Новые средства архитектурной выразительности рождались не без влияния экспериментов «левого» искусства, включая «архитектуры» К. Малевича, «проуны» (проекты утверждения нового) Л. Лисицкого и т. д. Взаимосвязанность архитектуры и искусства отразилась на комплексном характере ряда организаций, объединявших творческие силы: Инхук, Вхутемас, Вхутеин, где формировались различные творческие концепции и проходили экспериментальную разработку в острой борьбе идей.

Начало 20-х годов было временем становления новаторских течений советской архитектуры. Основные силы группировались вокруг возникшей в 1923 г. Ассоциации новых архитекторов (АСНОВА) и созданного двумя годами позже Объединения современных архитекторов (ОСА). АСНОВА образовали рационалисты, они стремились «рационализировать» (отсюда и их название) архитектурные формы на основе объективных психофизиологических законов человеческого восприятия. Рационализм непосредственно восходил к романтическому символизму, для которого образные задачи архитектуры играли доминирующую роль. Рационалисты шли в формообразовании «снаружи-внутри», от пластического образа к внутренней разработке объекта. Рационализм не отвергал материальных основ архитектуры, но решительно отодвигал их на второй план. Рационалистов упрекали в формализме – и не без основания, они давали для этого повод своими отвлеченными экспериментами. Вместе с тем, преодолевшая традиционный эклектизм и прозу утилитаризма художественная фантазия рождала новый яркий архитектурный язык и раскрывала невиданные творческие горизонты. Весь актив рационалистов был связан с преподаванием и потому, за исключением примыкавшего к АСНОВА К. Мельникова, относительно мало проявлял себя в практике. Зато рационалисты оказали существенное влияние на подготовку будущих архитекторов.

Принципиально иной была позиция членов ОСА – конструктивистов. Рес-

тавраторским тенденциям и «левому формализму» АСНОВА они противопоставили ведущую роль функционально-конструктивной основы зданий. В отличие от рационализма, формообразование здесь шло «изнутри-наружу»: от разработки планировки и внутреннего пространства через конструктивное решение к выявлению внешнего объема. Подчеркивалась и возводилась в ранг эстетического фактора функциональная и конструктивная обусловленность, строгость и геометрическая чистота форм, освобожденных, по формулировке А. Веснина, от «балласта изобразительности». Строго говоря, зрелый конструктивизм выдвигал на передний план не конструкцию, технику, а социальную функцию. Однако нельзя отождествлять советский конструктивизм с западным функционализмом. Сами конструктивисты решительно подчеркивали существующее здесь принципиальное отличие, социальную направленность своего творчества. Они стремились создать новые в социальном отношении типы зданий, средствами архитектуры утвердить новые формы труда и быта и рассматривали архитектурные объекты как «социальные конденсаторы эпохи» (М. Гинзбург).

Метод конструктивизма не отрицал и необходимости работы над формой, но эстетическая самооценность формы – вне связи с конкретной функцией и конструкцией – принципиально отвергалась. Теперь, в исторической ретроспективе достаточно четко ощущается, что конструктивизм – во всяком случае в теории – тяготел все же к некой инженерной схематизации задач архитектуры, к подмене целостности социально-синтетического мышления архитектора техническими методами конструирования. И это было слабостью течения. Тем не менее, конструктивизм обосновал социальную обусловленность и материальные основы нового архитектурного содержания и новой архитектурной формы, заложил основы типологии нашей архитектуры, способствовал внедрению научно-технических достижений, передовых индустриальных методов, типизации и стандартизации строи-

тельства. Социально ориентированные и в то же время практичные, деловые установкой конструктивизма соответствовали периоду развертывания реального строительства после окончания гражданской войны. Это и обусловило то, что он занял господствующие позиции в советской архитектуре 20-х годов.

Отношения между рационалистами и конструктивистами были сложные. На первых порах негативизм в отношении прошлого был их общей платформой. Затем, в середине 20-х годов на первый план вышло диаметрально противоположное понимание творческого метода архитектора. Тем не менее, нельзя абстрактно противопоставлять эти новаторские течения. Революция, с одной стороны, дала творческим исканиям мощный духовный импульс и потребовала новой образности, а с другой — поставила перед архитектурой новые социально-функциональные задачи, решать которые можно было лишь с помощью новой техники. С этих двух сторон и подходили рационалисты и конструктивисты к задаче переустройства материальной и духовной среды общества, но работали разобщенно, находясь в полемическом противостоянии и потому практически были односторонними.

В творческом плане архитектура заявила о своей художественной зрелости в 1923 г. конкурсным проектом Дворца труда в Москве, разработанным лидерами конструктивизма братьями Весниными. Проект не изображал идею Дворца труда, а наглядно воплощал и выражал ее в динамической и функционально оправданной композиции, отстаивал новые принципы архитектурного мышления, новые формы и стал вехой на пути дальнейшего развития советской архитектуры.

Заметное влияние на развитие советской архитектуры оказала серия конкурсов 1924–1925 гг. Конкурсный проект здания акционерного общества «Аркос» братьев Весниных с его выраженным железобетонным каркасом и большими остекленными поверхностями стал образцом массового подражания. Еще значительнее в творческом плане был

конкурсный проект здания газеты «Ленинградская правда» тех же авторов. Его называют одним из самых артистичных проектов XX в. К 1925 г. относится первый и сразу же триумфальный выход советской архитектуры на международную арену. Построенный по проекту К. Мельникова Советский павильон на Международной выставке в Париже остро выделялся на общем фоне эклектической архитектуры.

В конце 1925 г. XIV съезд ВКП(б) определил курс на индустриализацию народного хозяйства. В предвидении предстоящего строительства развернулась дискуссия о принципах социального расселения. В связи с проблемой преодоления противоположностей между городом и деревней широко обсуждался вопрос о городах-садах. Остро выявились в конце 20-х годов позиции урбанистов, ратовавших за развитие концентрированных очагов расселения, и дезурбанистов, отстаивавших преимущества безочагового, рассредоточенного дисперсного расселения. Разумеется, ни один из утопических проектов этого плана не был реализован даже частично.

В рамках концепции урбанизма были созданы интересные с профессиональной точки зрения проекты «жилых комбинатов», также не получившие практической реализации. Более перспективным и, главное, полностью пригодным для практики оказался другой — упрощенный вариант первичной структурной единицы «соцгорода» — в виде укрупненного жилого квартала с развитой системой культурно-бытового обслуживания. Такие кварталы и жилые комплексы, появившиеся в 20–30-х годах во многих городах, можно рассматривать как своего рода реальный вклад концепции урбанизма в практику социалистического градостроительства.

Преодолевая крайности утопических концепций, советская градостроительная мысль выработывала перспективные модели развивающегося города. Так, Н. Милютин предложил свою всемирно известную теперь «поточно-функциональную» схему зонирования городской территории в виде параллельно развивающихся полос промышлен-

ности, транспорта, обслуживания, жилья и т.д. Схема Милютинина влияла не только на отечественную, но и на зарубежную градостроительную мысль — ее влияние ощущается в работах Ле Корбюзье, А. Малькомсона, Л. Гильберзаймера и др.

Вместе с тем схема Милютинина оставляла открытой проблему общегородского центра, органично включенного в структуру города и организующего его жизнь и смысловые связи. Этот недостаток преодолел Н. Ладовский, работавший над планом Москвы и предложивший разорвать ее кольцевую структуру, превратив центр из точки в направленную ось, задающую направление параболическим дугам функциональных зон — жилой, промышленной и т.д. Это было смелое и дальновидное решение — лишь в конце 50-х годов К. Доксиadis выступил с идеей «динаполиса», повторив основные позиции теоретической аргументации и проектной разработки Н. Ладовского.

С дискуссией о социалистическом расселении были связаны и экспериментальные разработки зданий принципиально новых типов, рожденных новыми социальными отношениями и специфическими задачами того этапа социалистического строительства. К их числу относятся новые типы жилищ и производственных предприятий, рабочие клубы и т.д. По-своему ярким и драматическим было проектирование домов-коммун, посредством которых стремились ускорить развитие быта, воплотить в жизнь принципы обществствования и коллективизма. Имевшие место отдельные «левацкие загибы» типа жилых комбинатов со «стопроцентным» обществствованием, дискредитировавшие поиски тех же лет, тем не менее не снижают объективного значения этих поисков. Нет сомнения, что на проекты «аппармент-хаузов» в Скандинавии, Англии и Америке, разного рода домов с обслуживанием в социалистических странах оказали влияние проекты советских архитекторов 20-х годов.

Параллельно с теоретическими и экспериментальными проработками problem самого высокого уровня — прин-

ципы расселения, переустройство труда и быта — осуществлялись практические мероприятия по проектированию городов на базе промышленных гигантов первой пятилетки — Автостроя в Горьком, Запорожья, Кузнецка, Магнитогорска, велась реконструкция существующих городов, строительство новых жилых массивов в Москве, Ленинграде, Свердловске, Новосибирске, Баку, Харькове и др. На рубеже 20 — 30-х годов в некоторых городах были построены крупные, пространственно развитые объекты, объединявшие жилище с элементами обслуживания («Городок чекистов» в Свердловске, жилой комплекс на Берсеновской набережной в Москве). Они, как правило, имели подчеркнуто градостроительное значение, выразительное пластическое решение. В начале 30-х годов советские архитекторы непосредственно подошли к идее микрорайонирования, которая распространилась по всему миру лишь в послевоенный период. Такие видные зарубежные архитекторы, как К. Перри и П. Аберкромби, высоко оценивали эти перспективные предложения и практику их реализации.

Обширные работы проводились по преобразованию центров ряда городов, прежде всего столиц союзных и автономных республик. Признание далеко за пределами нашей страны получила застройка нового центра тогдашней столицы Украины — Харькова. Здание харьковского Госпрома можно отнести к высшим художественным завоеваниям конструктивистской архитектуры.

Высшим творческим итогом развития советской архитектуры того периода стал Мавзолей В. И. Ленина, созданный по проекту А. Шусева. Мастер достиг классической отточенности, строгой, монументальной и торжественной композиции. Идейная глубина замысла, новаторство форм органично соединились с преобразованной классической традицией. Высокая профессиональная культура породила произведение поистине гениальное, до сих пор сохраняющее значение непревзойденной вершины в ряду самых крупных художественных завоеваний нашей архитектуры.

В 20-е — 30-е годы как особая область

архитектуры складывается архитектура промышленных зданий и сооружений. Именно в этой области принципы «новой архитектуры» (определяющая роль функции и конструкций в формировании объемно-планировочной композиции, создание кондиционной среды для работы и т. д.) нашли широкое применение. В ряде случаев промышленные здания и сооружения достигали звучания большой архитектуры. Архитектурным сооружением мирового уровня стала Днепровская ГЭС имени В. И. Ленина.

Гигантский рост объемов реального строительства настоятельно требовал объединения творческих усилий для решения разнообразных и сложных задач архитектуры. Это осознавалось и в среде творческих группировок. Межгрупповая борьба мешала во всех областях советского искусства, консолидации творческих сил. В 1932 г. после постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» были ликвидированы все литературные, художественные и архитектурные группировки и создан единый Союз советских архитекторов, в правление которого вошли представители всех бывших организаций и течений. Таким образом, 1932 г. стал как бы естественным рубежом дальнейшего развития советской архитектуры.

Одновременно все отчетливее проявлялась необходимость сдвигов в творческой направленности зодчества. Дело, разумеется, не только в тогдашнем низком уровне строительной техники, которая не обеспечивала адекватного выполнения рафинированных форм новой архитектуры (а именно этим подчас пытались объяснить произошедший поворот архитектуры). Суть в том, что сама новая архитектура переставала нравиться. Конечно, техника была маломощна и, безусловно, это была архитектурная «ложь», когда бетонные поверхности имитировали штукатуркой кирпичных стен, когда высокими горизонтальными парапетами маскировали скатные покрытия, чтобы создать видимость плоской кровли, когда закрашивали в темный цвет простенки между окнами, чтобы добиться видимости ленточного

остекления. Характернейшие приметы новой архитектуры, девизом которой были «искренность», «правдивость», оказывались подчас насквозь бутафорскими. Но все же только этим невозможно объяснить изменение творческой направленности. В конечном итоге это лишь узкие, внутрив профессиональные обстоятельства, в то время как причины угасания архитектуры 20-х годов имели, бесспорно, широкий общественный характер.

Новаторские формы, создававшиеся поистине великими художниками и при своем появлении поражавшие воображение даже искушенных ценителей, неизбежно опрощались рядовыми проектировщиками и, повторяясь из раза в раз в условиях все расширяющегося строительства, становились новым штампом — унылым и монотонным — особенно в глазах неискушенного массового потребителя. Пресса буквально пестрела критическими высказываниями в адрес, как тогда писали, «коробочной» архитектуры. Назревала кризисная ситуация разлада эстетических возможностей новой архитектуры с реальными ожиданиями широких слоев общества. Не последнюю роль в отрицании «новой архитектуры» сыграли и попытки некоторых «максималистов» насильственно через архитектуру изменить бытовой уклад жизни.

В середине 30-х годов уже стала очевидной коренная переоценка ценностей в архитектуре. В качестве феномена социальной психологии такой поворот в массовом и профессиональном сознании до конца не исследован. По-видимому, сказался ряд причин, но главную роль сыграло, конечно, изменение эстетического идеала общества.

Язык архитектуры 20-х годов был всецело созвучен социально-культурной специфике своего времени. Простота, нарочитая скромность жизни выступала этической нормой пролетарской идеологии и в послеоктябрьские годы, заполненные борьбой, и в годы нэпа, когда революционный аскетизм нарочито противопоставлялся показной роскоши ожившей мелкобуржуазной среды, и в трудных условиях начала социалисти-

ческой индустриализации, подчас требовавших сурового самоограничения. В этой атмосфере подчеркнутая простота архитектурных форм была естественной и прочно ассоциировалась с демократичностью, новым строем отношений.

К 30-м годам социально-культурный контекст изменился. Жизнь заметно улучшалась, облегчалась и противоречий этой глубинной тенденции аскетизм, в том числе в архитектуре, оказывался неуместным и резко отторгался общественным сознанием. Социализм побеждал на всех фронтах - и это нужно было отобразить, увековечить в искусстве и, конечно, в архитектуре. Для решения новых задач высокого идеологического звучания прежние средства архитектурной выразительности оказывались недостаточными, а то и вовсе непригодными.

Сказался и резкий разрыв с традицией - нарочито простые архитектурные формы 20-х годов, сконструированные по узким законам профессиональной логики, были понятны лишь рафинированному художественному сознанию, но мало что говорили воображению широких масс. Более того, нарочито упрощенная архитектура оказывалась для массового потребителя своего рода неприятным напоминанием о прошлых бедствиях и лишениях. В то же время классика предоставляла огромный арсенал отточенных веками приемов, форм, прочно связанных в сознании людей с культурным наследием и красотой. В этой ситуации курс на освоение классического наследия оказывался вполне естественным, и ренессансные формы дома И. Жолтовского на Моховой улице в Москве действительно стали своего рода символом изменения стилистической направленности архитектуры.

Архитектура 20-х годов оказалась столь же яркой сколь и недолговечной. В начале следующего десятилетия эта вспышка творческой активности неудержимо тускнеет и сходит на нет. Еще достраиваются комбинат газеты «Правда», Дворец культуры Пролетарского района, многие другие конструктивистские здания в Харькове, Минске, Росто-

ве-на-Дону и других городах, но все это уже эхо отгремевшей грозы. Общее движение к традиционным истокам - в сторону исторического наследия стало своего рода реакцией на «придуманную» архитектуру 20-х годов и окрасило собой последующее развитие.

То, что называется архитектурой 30-х годов, было тоже крайне недолгим, - неполные десять лет и затем война, - но не менее (а может быть, более?) ярким, хотя совершенно по-иному, в полностью ином ключе. Основные усилия творческой мысли первой половины 30-х годов были сконцентрированы на разработке промышленных зданий и сооружений, на составлении генеральных планов новых и реконструируемых городов и в особенности на строительстве массового жилища и зданий культурно-бытового назначения. Но период смены художественной направленности архитектуры наиболее убедительное отражение получил в серии конкурсов на Дворец Советов в Москве - эпохального, но так и не реализованного замысла, где задачи повышенной образности и идеологической значимости архитектуры были подчеркнуты акцентированы, нарочито выдвинуты на передний план. В конечном итоге авторская группа в составе Б. Иофана, В. Шуко и В. Гельфрейха, стремясь воплотить в монументальных формах идею величия и торжественности, предложила грандиозную многоярусную 300-метровую вертикаль своеобразного здания-постамента, увенчанного стометровой статуей В. И. Ленина. Несмотря на всю функциональную и образную противоречивость решения, авторам удалось создать динамичную и в то же время уравновешенную центрическую композицию, построенную в строгой системе пропорций, пластически насыщенную и почти скульптурно разработанную. Эта огромная вертикаль с остро характерной архитектурой на протяжении многих лет принималась во внимание в качестве ведущей высотной доминанты Москвы.

В длительной проектной эпопее Дворца Советов кристаллизовались новые творческие установки архитектуры 30-х годов, всплывали новые име-

на. Уже на первых турах конкурса не только подтвердилась, но и с небывалой силой обострилась необходимость выработки новых средств архитектурной выразительности. Нужна была иная, чем в 20-е годы, архитектура – непременно монументальная, чтобы средствами еще более внушительными, чем в давние эпохи, запечатлеть величие новой действительности; непременно яркая, сразу же запоминающаяся, в каком-то смысле даже агитационно-пропагандистская, плакатная, чтобы в сознание человека любого уровня подготовки (ведь плоды культурной революции были в ту пору еще впереди) мгновенно и глубоко внедрить целый комплекс образно выраженных идей, закрепляющих веру в победу и светлое будущее социализма.

Именно таким стал и окончательный, увенчанный грандиозной фигурой В. И. Ленина вариант проекта Дворца Советов. Таким был и спроектированный для Международной выставки в Париже 1937 г. павильон СССР, увенчанный всемирно известной скульптурой В. Мухиной «Рабочий и колхозница».

Влияние, которое Иофан оказал на становление и развитие архитектуры 30-х годов, значение этого мастера в истории архитектуры – и не только нашей – еще должным образом не оценено. В этом смысле куда более счастливыми оказались судьбы И. Жолтовского, И. Фомина, А. Шусева, В. Шуко, Л. Руднева, А. Таманяна – крупнейших фигур, определивших поворот 30-х годов. Они ушли из жизни, окруженные учениками и почитателями. Именно к ним потянулась пытливая молодежь, еще недавно ортодоксально «левая», но удивительно быстро, как-то естественно и легко сменившая символ веры. Недавнее прошлое в их глазах безнадежно обесценилось, манила новая заря, новые горизонты – во всяком случае тогда все это казалось именно обновлением архитектуры и высокой гуманистической миссией наследования и непременно развития лучших достижений мировой культуры прошлого.

В 30-е годы сформировалась система архитектурных наук и прежде всего на-

ука о градостроительстве. Много новаторских идей, выдвинутых в различных областях архитектуры в 20-е – 30-е годы, не могли получить всесторонней массовой проверки в реальном строительстве и это лишало научные разработки жизненности. Научные концепции были стерильны, как и сама «новая архитектура». Особенно это относится к градостроительству и архитектурной теории. Только массовое строительство 30-х годов смогло внести существенные коррективы в архитектурную науку и, в известной мере, приблизить ее к развивающимся потребностям советского человека.

В 1933 г. была создана Академия архитектуры СССР, в рамках которой получили развитие фундаментальные исследования по истории отечественного и мирового зодчества, изучались классические законы композиции и принципы формирования ансамблей, производились обмеры, издавались утраченные произведения архитектуры прошлого. Большую роль сыграла Академия и как учебное заведение. Многим уже сложившимся архитекторам приходилось буквально переучиваться на факультете архитектурного усовершенствования, где в течение двух лет капитально изучалась история архитектуры и искусств, углубленно анализировались лучшие образцы классического зодчества. Самые талантливые из молодых стали аспирантами Академии. Лучшие из лучших были командированы за рубеж, чтобы непосредственно приобщиться к живительному источнику классической мудрости.

Непосредственное возрождение классического наследия, тенденции прямолинейности классицизма стали преобладающими лишь в дальнейшем, особенно в послевоенное десятилетие. В первые же годы после поворота направиленности архитектуры акцентировалась прежде всего ее идеологическая нагрузка, яркость образа, монументальность форм.

Поворот архитектуры был неотвратим. Он назревал изнутри, подспудно и, главное, давно. Только этим и можно объяснить удивительно быстрое, какое-

то дружное появление многочисленных зданий нового направления. В Москве, Ленинграде, столицах союзных республик и других крупных городах буквально в течение нескольких лет строятся новые, значительные по своей архитектуруре здания.

Рассвет экономики и культуры союзных республик и общие итоги культурной революции в стране выдвинули на первый план художественной жизни предвоенной поры вопросы национального своеобразия искусства, архитектуры. Социалистический реализм, провозглашенный в 1937 г. на Первом Всесоюзном съезде советских архитекторов творческим методом советского зодчества, предполагал развитие в нашей многонациональной стране архитектуры, как тогда формулировали, социалистической по содержанию и национальной по форме. Такая установка находилась в непосредственной связи со всем спектром проблем стилиобразования архитектуры 30-х годов. Практически преобладало стремление сочетать — разумеется, в обновленных вариантах — фундаментальные традиции русской архитектурной классики (пользуясь фактически интернациональным характером композиционной системы классицизма) с разработкой и модернизацией мотивов национального зодчества, что во многих случаях давало полноценные в художественном смысле варианты. Прекрасный пример тому — возведенное в 1938 г. по проекту А. Щусева здание Института истории партии при ЦК КП Грузии. Вершиной поисков национального своеобразия архитектуры стали произведения А. Таманяна в Ереване.

Нет возможности даже упомянуть десятки крупных сооружений, характерных для того периода. Именно в предвоенные годы сложились центры многих наших крупных городов практически в том виде, в котором мы их видим и сегодня. Их достаточно явная стилистическая близость — непреложное свидетельство принципиальной однородности основного, если не всего потока архитектуры 30-х годов. Для нее были характерны значительность в соединении с яркостью и, как правило, мажор-

ностью образов. Неизменно выявлялась связь с классическим либо национальным наследием, но на первых порах не прямо, не в лоб (непосредственные воспроизведения исторических образов были в то время скорее исключением, чем правилом), а путем образного ряда ассоциативных приемов, позволяющих воспринимать здание как бесспорно новое, но в то же время не выпадающее из непрерывного ряда целостного исторического развития зодчества. Естественно, что параллельно с качественной стилизацией существовали и явления откровенной эклектики, для которой традиции были только альбомом готовых архитектурных форм. При этом с течением времени тенденции непосредственного заимствования неуклонно нарастали. Особое значение в 30-е годы приобретает развитие теории и практики градостроительства. Дискуссия о социалистическом расселении (1928—1930 гг.), подвергшая резкой критике схоластику и формализм урбанистических и дезурбанистических идей, постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» (1930 г.) способствовали формированию реалистических основ советского градостроительства.

Большую роль в развитии всей советской архитектуры и градостроительства сыграло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 10 июля 1935 г. «О Генеральном плане реконструкции Москвы». Генеральный план реконструкции был первым в истории мирового градостроительства документом, реальность осуществления которого гарантировалась отсутствием частной собственности на землю, плановой организацией народного хозяйства и другими социально-экономическими преимуществами нашего общества. Идеи и методы их осуществления, заключенные в генеральном плане Москвы, стали ведущими принципами советского градостроительства, легли в основу его теории. В работах по Ленинграду, Харькову, Киеву, Тбилиси, Баку и многим другим городам они нашли широкое применение с учетом природных и местных условий строительства.

В соответствии с Генпланом в первую очередь перестраивался центр столицы. Важным этапом реконструкции и большим событием в жизни столицы был ввод в действие первой очереди Московского метрополитена и последующее расширение сети подземного транспорта. Москва получила в предвоенные годы девять новых мостов. Превратившись благодаря каналу Москва-Волга в крупный порт, столица получила своеобразный речной вокзал в Химках. Примером представительной застройки и благоустройства новых набережных Москвы может служить Фрунзенская набережная. Под руководством А. Власова был создан напротив Фрунзенской набережной Центральный парк культуры и отдыха им. Горького.

В связи с масштабами и темпами реконструктивных работ разрабатывались новые ускоренные методы застройки. Замечательным в этом смысле началом было развернувшееся в 1938 г. по предложению А. Мордвинова поточное строительство на улице Горького в Москве. Эти же методы были использованы и при застройке Большой Калужской улицы (ныне Ленинский проспект). Велось экспериментальное строительство из крупных блоков, причем не только в Москве, но и в Ленинграде, Магнитогорске, Новосибирске. Значительная работа была проведена в области типизации секций жилых домов. С 1940 г. жилищное строительство — и опять-таки не только в Москве — проводилось в основном по проектам типовых секций.

Реконструкции подверглись в 30-е годы основные магистрали ряда наших городов. В Москве были полностью реконструированы улицы Горького, Большая Калужская и 1-я Мещанская, Ленинградское и Можайское шоссе, Садовое кольцо и др. Увеличивалась ширина магистралей, их фронт обстраивался парадными зданиями, не всегда, однако, составляющими друг с другом законченные ансамбли. В условиях реконструкции исторически сложившейся городской ткани застройка по фронту магистралей была оправданной. Но стремление к внешне показному эффекту

толкнуло к распространению такой практики и в новых районах и городах, что противоречило основному курсу социалистического градостроительства на комплексную застройку крупных жилых массивов. Чтобы достичь особой представительности и монументальности, даже жилые здания на магистралях разрабатывались с использованием различных форм исторической архитектуры. Историизирующие тенденции неуклонно нарастали, и в этом плане московская практика также существенно влияла на другие города.

Архитектура 30-х годов, как мы видели, развивалась в сложном и противоречивом переплетении различных подходов к решению конкретных задач. Наряду с прогрессивными стремлениями к всестороннему комплексному решению наблюдалось развитие одностороннего стилизаторства, особенно в работах по реконструкции городов.

Тем не менее, сегодня в несколько ином ракурсе начинаю восприниматься все эти еще столь недавно резко критично оценивавшиеся особенности творческих исканий 30-х годов, их роль в развитии не только нашей, но и мировой архитектуры. Сложилось так, что именно советские архитекторы в числе первых ощутили приближающуюся исчерпанность образных возможностей так называемой современной «архитектуры бетона и стекла» и попытались уже в 30-е годы нащупать выходы из намечающихся творческих тупиков. Еще вопрос, не следует ли считать некоторые искания тех лет в числе важных для дальнейшего развития архитектуры XX века. Во всяком случае, пустыми их не назовешь, требуется более вдумчивый анализ. Они не только повысили художественный уровень мастерства, утраченный в рядовом строительстве 20-х годов, но и породили, как выясняется, многие дальновидные прозрения о связи новой и исторической архитектуры, прозрения, направленные в завтрашний и даже в послезавтрашний день.

В июне 1941 г. созидательный труд советских людей был прерван вероломным нападением гитлеровской Германии на нашу страну.

Беспощадная фашистская тактика «выжженной земли» принесла неслыханные разрушения. Страна потеряла около 30% национального богатства. Гитлеровцы сознательно уничтожали памятники национальной истории и культуры. Советские архитекторы непосредственно на фронтах боролись с врагом, возводили фортификационные сооружения, активно участвовали в строительстве на огневых рубежах и в тылу, проводили большие маскировочные и восстановительные работы.

Война и победа внесли в архитектуру новые мотивы. Еще ждет своего исследователя триумфальная и мемориальная тематика военных лет. Несмотря на известную избыточность в использовании традиционных мотивов, материалы многочисленных конкурсов на проекты памятников героям и событиям войны до сих пор искренне волнуют пафосом патриотизма, высоким эмоциональным накалом, непренменной тональностью исторического оптимизма, веры в конечную победу над страшным врагом.

С 1942 г. после разгрома фашистов под Москвой восстановительное строительство, наряду со строительством в тылу, стало основной заботой архитекторов. В 1943 г. был организован Государственный комитет по делам архитектуры, призванный руководить всей архитектурной деятельностью в стране. В открытом письме к председателю Комитета А. Мордвинову Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин отметил, что представляется редкий в истории случай, когда архитектурные замыслы могут осуществляться в таких масштабах, и подчеркнул, что новое строительство должно быть красивым, радующим взгляд, но не вычурным и претенциозным. Однако это не было учтено в полной мере. Дальнейшее развитие получили тенденции декоративизма, архаической стилизации — буквально на всех уровнях архитектурного творчества, начиная от проектов надгробий, обелисков, пантеонов героям войны и кончая проектами восстановления городов с парадными композициями, вариациями классических или национальных мотивов.

Вместе с тем следует помнить, что в широком обращении к наследию была в то время своя закономерность. С учетом этой объективной в годы войны общественной тенденции, многое в архитектуре той поры раскрывается по-новому, заставляет задуматься над коренными проблемами зодчества многонационального советского народа.

Над восстановлением разрушенных войной городов работали практически все ведущие архитекторы того времени. Многие из созданных тогда проектов были не столько документами для строительства, сколько проектами-мечтами о прекрасных и гармоничных городах классической архитектуры. Эти в общем-то отвлеченные проекты, оставшиеся, разумеется, в основном на бумаге, тем не менее задавали высокий художественный уровень всему потоку проектных поисков. В процессе возрождения городов преодолевались многие стихийно сложившиеся в прошлом дефекты планировки и застройки. Размах реальных восстановительных мероприятий нарастал одновременно с мощными наступательными операциями советских войск. Страна побеждала и строила.

Растущие объемы строительства требовали заводского производства элементов, типизации проектов. В послевоенный период была разработана новая методология типового проектирования — серийный метод, идея которого родилась еще в 1938 г. Широко внедрялись серии типовых проектов малоэтажных домов в строительстве РСФСР, Украины, Белоруссии, Казахстана и других республик. Разворачивалось экспериментальное строительство первенцев крупносерийного домостроения. Однако не эти тенденции определяли развитие архитектуры послевоенного десятилетия. Естественная после победы тяга к триумфальности вырождалась в ряд работ в поверхностную стилизацию. Даже в наиболее значительных объектах типа высотных зданий Москвы проявились противоречия направленности архитектуры того периода. Тем не менее, высотные здания, бесспорно, — величественный жест большой архитектуры. Они «говорили» и продолжают «гово-

рять» патетическим, энергичным языком, который, не в пример некоторым новым высотным зданиям, находит отклик в широких массах, созвучен мировосприятию и понятен этим массам. Повидимому, не случайно всеобщее оживление интереса к ним в последние годы.

Тем не менее, представительские искания оттесняли в сознании архитекторов на второй план работу над экономическими массовыми типами сооружений. А эта работа приобретала все более важное значение в решении важнейших социально-экономических задач периода.

Практика украшения была резко осуждена на Всесоюзном совещании строителей в 1954 г. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР 4 ноября 1955 г. «Об устранении излишеств в проектировании и строительстве» ознаменовало собой начало нового, современного этапа развития советской архитектуры.

Теперь – в перспективе трех десятилетий многое в архитектуре той поры видится более точно и объективно. И понимая в полной мере историческую необходимость творческого поворота середины 50-х годов, те плоды, которые по большому счету явились итогом этого поворота, равно как и упущения и недостатки, неизбежно сопровождавшие в целом прогрессивное движение нашего зодчества, мы видим несомненные достижения предшествующего периода. Мы помним и все более высоко ценим героизм архитектуры военных лет, подвиг восстановления разрушенных войной городов и сел, величественные и в то же время сомасштабные и близкие человеку проекты, постройки, ансамбли городских центров, высотные здания столицы – этот большой жест победной архитектуры, увенчавший послевоенное десятилетие. Во всем мире идет сейчас трудный процесс переоценки нашей архитектуры не только 30-х годов, но и последующих полутора десятилетий – это понятно в свете новейших тенденций мирового архитектурного процесса. В нашем архитектуроведении этот процесс

проходит, пожалуй, наиболее сложно – и опять-таки понятно почему.

После коренной перестройки нашей архитектуры в середине 50-х годов весь предыдущий период был воспринят профессиональным (и не только профессиональным) сознанием как насквозь ошибочный, упадочный и, соответственно, недостойный тщательного изучения. До сих пор в работах по истории советской архитектуры сказывается эта «реакция отторжения». При этом упускается из виду, что по проектам, созданным в этот период, шло практическое восстановление страны, обширные реконструктивные работы, удовлетворявшие острые войной потребности народа. Эта разнообразная созидательная деятельность огромных масштабов не могла быть осуществлена, если бы в ее развитии не участвовали мощные прогрессивные силы. Упускается из виду и то, что архитектура той поры, при всей ее противоречивости, обладала высоким гуманистическим потенциалом, умела волновать миллионы сердец, объединить их общим порывом, была созвучна своей эпохе и по-своему ярко отразила ее героизм и драматизм. Вот почему она не может быть оценена однозначно негативно или позитивно. В данной работе сделана попытка дать объективное историческое освещение и анализ архитектуры этой поры в контексте с социальными условиями времени. Еще предстоит разобраться, что из созданного тогда навсегда кануло в Лету, что осталось неотъемлемым достоянием истории, а что нацелено в будущее и содержит зерна развития – в новых условиях, на новом уровне.

Опыт показывает, что развитие архитектуры на протяжении 1955–1980 гг., пройдя ряд этапов, оказалось связанным с оживлением ее «исторической памяти». Вот почему столь ценным становится наш опыт не только 20-х, но и 30–50-х годов, со всеми их достижениями и срывами – ведь даже эксперимент с отрицательным результатом идет в актив творческой практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Маркс К. и Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.—Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4.

Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии.—Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 2.

Ленин В. И. Великий почин.—Полн. собр. соч., т. 39.

Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу.—Полн. собр. соч., т. 19.

Ленин В. И. О национальной гордости великороссов. Полн. собр. соч., т. 26.

Ленин В. И. Задачи Союза молодежи.—Полн. собр. соч., т. 34.

В. И. Ленин о культуре и искусстве. М.: 1956. Программа Коммунистической партии Советского Союза, М.; 1973.

Материалы XXVI съезда КПСС. М.: 1981. Материалы июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. М.: 1983.

История СССР. Эпоха социализма. 1917–1957. М.: 1957.

* * *

Абрамов А. Мавзолей Ленина. М.: 1969. Аксельрод А. И. Школа, архитектура и строительство. М.: 1937.

Алабян К. С. Задачи советской архитектуры. М.: 1937.

Александров П. А., Хан-Магомедов С. О. Иван Леонидов.—М.: 1971.

Арутюнян В. М., Асратян М. М., Меликян А. А. Архитектура Советской Армении.—М.: 1972.

Архитектор Руднев. Под общ. ред. Я. О. Свицкого.—М.: 1963.

Архитектура гидроэлектростанций.—М.: 1954.

Архитектура Дворца Советов. Материалы V пленума Союза архитекторов СССР.—М.: 1939.

Архитектура и градостроительство Советской Белоруссии.—Минск, 1957.

Архитектура и строительная техника. Под ред. Н. П. Былинкина. М.: 1960.

Архитектура канала Москва-Волга. М.: 1939.

Архитектура Московского метро. Под ред. Н. Я. Колли и С. М. Кравца. М.: 1939.

Архитектура промышленных сооружений. Материалы послевоенного опыта.—М.: 1956.

Архитектура республик Закавказья.—М.: 1951.

Архитектура республик Средней Азии.—М.: 1951.

Архитектура Советского Туркменистана.—Под общ. ред. Ю. И. Кацнельсона.—М.: 1972.

Архитектура Советской Грузии.—М.: ЦНТИ, 1971.

Баранов Н. В. Архитектура и строительство Ленинграда.—Л., 1948.

Бархин Г. Б. Архитектура театра.—М.: 1947.

Бархин М. Г. Город. 1945–1970. М.: 1974.

Бархин М. Г. Архитектура и человек.—М.: 1979.

Бархин М. Г. Архитектура и город.—М.: 1979.

Бархин М. Г. Метод работы зодчего.—М.: 1980.

Бахшиян Э. Архитектура Советской Армении.—М.: 1951.

Белоусов В. Н., Смирнова О. В. В. Н. Семенов.—М.: 1980.

Блохин Б. Н. Архитектура крупноблочных сооружений.—М.: 1941.

Богорад Д. И. Районная планировка. Вопросы планировки промышленных районов. М.: 1960.

Бочаров Ю. П., Кудрявцев О. К. Планировочная структура современного города.—М.: 1972.

Бретаницкий Л. Баку. Изд. 2-е. Л.—М.: 1970.

Буков В. Е. Г. Голыц.—М.: 1978.

Буров А. К. Об архитектуре. М.: 1960.

Былинкин Н. П. Климат и архитектура. Сборник трудов VII сессии Академии архитектуры.—М.: 1947.

Былинкин Н. П., Стоянов Н. Н. Высотные здания. М.: 1958.

Былинкин Н. П. Прогрессивные черты в архитектуре массового жилищного строительства по типовым проектам. М.: 1957.

Варзар Л. В., Яралов Ю. С. М. А. Минкус.—М.: 1982.

Василевский С. П., Смирнова О. В. Запорожье.—М.: 1958.

Веселовский В. Г., Гендлин Д. Д. Архитектура Советского Таджикистана. М.: 1972.

Виноградов В. М. Театральные здания. Вчера, сегодня, завтра.—М.: 1971.

Волчок Ю. П., Иванова Е. К. и др. Конструкции и форма в советской архитектуре. М.: 1980.

Вопросы планировки и застройки жилых районов массового строительства.—М.: 1957.

Вопросы планировки и застройки жилых районов массового строительства.—М.: 1957.

Вопросы планировки и застройки сельских населенных мест, проектирования и строительства сельских жилых и общественных зданий. Под общ. ред. Б. А. Маханько.—М.: 1972.

Вопросы промышленной архитектуры. М.: 1950.

Вопросы синтеза искусств. Материалы первого творческого совещания архитекторов, скульпторов и живописцев.—М.: 1936.

Всеобщая история архитектуры, в 12-ти тт. Т. 12, кн. 1.—М.: 1975.

Воронин Н. Памятники русской архитектуры и их охрана.—М.: 1944.

Галактионов А. А. Рациональные приемы застройки жилых кварталов по типовым проектам и мероприятия по уменьшению затрат на благоустройство и инженерное оборудование жилых кварталов.—М.: 1957.

Гинзбург М. Стиль и эпоха.—М.: 1924.

Гинзбург М. Я. Жилище. Опыт пятилетней работы над проблемой жилища. М.: 1934.

Гинзбург М. Архитектура санатория НКТП в Кисловодске. М.: 1940.

Градov Г. А. Город и быт. М.: 1962.

Гуляницкий Н. Ф. Архитектурный образ и конструктивные системы.—В кн.: Проблемы теории советской архитектуры.—М.: 1958.

Градостроительные проблемы развития Ленинграда.—Л.: 1960.

Градостроительство.—Киев: 1973.

Градостроительство. Малые города в системе расселения. Киев: 1970.

Давидович В. Расселение в промышленных узлах.—М.: 1960.

Дадашев С. А., Усейнов М. А. Архитектура Советского Азербайджана.—М.: 1950.

Егоров Ю. Градостроительство Белоруссии.—М.: 1954.

Жилище. Вопросы проектирования и строительства жилых зданий. Материалы II пленума Правления Союза советских архитекторов 23–27 декабря 1937.—М.: 1938.

Жилищное строительство в СССР. Под общ. ред. Б. Р. Рубаненко.—М.: 1976.

Жуков К. В. Архитектура жилых домов из крупных блоков. Практика проектирования и строительства в городах РСФСР. Под общ. ред. Б. Н. Блохина.—М.: 1956.

Журавлев А. М., Хан-Магомедов С. О. Советская архитектура.—М.: 1968.

Из истории советской архитектуры. 1917–1925 гг. Документы и материалы. Под ред. К. Н. Афанасьева. Составитель В. Э. Хазанова.—М.: 1963.

Из истории советской архитектуры. 1928–1932 гг. Документы и материалы. Под ред. К. Н. Афанасьева. Составитель В. Э. Хазанова.—М.: 1973.

Иконников А. В. Эстетические проблемы массового жилищного строительства. Л.: 1968.

Ильин М. А. Веснины.—М.: 1960.

История советской архитектуры 1917–1958 гг. Н. П. Былинкин, П. О. Володин, Я. А. Корнфельд и др.—М.: 1962.

Кадырова Т. Ф., Бабиеский К. В., Турсунов Ф. Ю. Архитектура Советского Узбекистана. М.: 1972.

Казаринова В. И., Павличенков В. И. Магнитогорск. Под ред. Г. Б. Минервина. М.: 1961.

Казмиров Б. В. Планировка и застройка колхозного села.—М.: 1950.

Калмыков В. П. Архитектура и проектирование кинотеатров. Под ред. Я. А. Корнфельда.—М.: 1941.

Калмыкова В. Н. Архитектура советского села.—М.: 1975.

Каменский В. А., Наумов А. И. Ленинград.—Л.: 1973.

Касимзаде Э., Яралов Ю. Дадашев, Усейнов.—М.: 1951.

Книга об архитектуре. Составители А. М. Журавлев и В. И. Рабинович.—М.: 1972.

Ким Н. Н. Промышленная архитектура.—М.: 1979.

Колотовкин А. В., Эльтман И. С., Педаш Г. А. Архитектура Советской Молдавии. М.: 1973.

Кузнецов Г. Ф. Крупнопанельное строительство.—М.: 1955.

Кравчук Я. Т. Формирование новых городов.—М.: 1973.

Лавров В. А. Город и его общественный центр. М.: 1964.

Лангман А. Я. Архитектура и строительство Дома СНК СССР в Москве.—М.: 1940.

Левинсон Е. А., Фомин И. И. Архитектура и строительство жилого дома Ленинградского совета.—М.: 1940.

Лебедев Ю. С. Архитектура и техника.—М.: 1977.

Мартынов Г. М., Князев К. Ф. Планировка и благоустройство колхозного села. М.: 1948.

Мастера советской архитектуры об архитектуре.—Киев: 1953.

Мастера советской архитектуры об архитектуре. Под общ. ред. М. Г. Бархина, А. В. Иконникова и др. В 2-х тт. М.: 1975.

Милютин Н. А. Проблема строительства социалистических городов. Основные вопросы рациональной планировки и строительства населенных мест СССР. М.: 1930.

Минкус М., Пекарева Н. И. А. Фомин. Под ред. Ю. Савицкого.—М.: 1953.

Михайлов А. Группировки советской архитектуры.—М.—Л.: 1932.

Никандров Б. П. Животноводческие постройки.—М.: 1959.

Николаев И. С. Промышленные предприятия в городах. Размещение, планировка, благоустройство.—М.: 1965.

Николаев И., Мыслин В. и др. Планировка и застройка заводских территорий. М.: 1954.

Орлов Г. М., Держвинский К. А. Советская архитектура. Творческие проблемы.—М.: 1977.

Павильон СССР на Международной выставке в Париже. Архитектура и скульптура. М.: 1938.

Планировка и строительство городов СССР. Материалы IV Пленума ССР СССР. 7–11 июля 1938 г. М.: 1938.

Платонов Г. Д. Архитектура школьных зданий Ленинграда. Л. М.: 1954.

Поляков Н. Х. Основы проектирования планировки и застройки городов. М.: 1965.

Рубаненко Б. Р. Архитектурно-планировочные решения домов в современном строительстве. М.: 1959.

Рябушин А. В. Этапы развития советской архитектуры.—М.: 1979.

Рябушин А. В., Шишкина И. В. Советская архитектура.—М.: 1984.

Рязанов В. Планировка и застройка колхозного села. М.: 1958.

Савицкий Ю. Русское классическое наследие и советская архитектура.—М.: 1953.

Семья и жилищная ячейка. Под ред. К. К. Карташовой. М.: 1974.

Светличный Б. Е., Отурин П. И. Сталинск.— М.: 1958.

Соколов Н. Б. А. В. Щусев.— М.: 1952.

Стригалева А. А. Памятники героям революции на Марсовом поле.— В сб.: Вопросы советского изобразительного искусства и архитектуры.— М.: 1975.

Хазанова В. Советская архитектура первых лет Октября. 1917—1925 гг.— М.: 1970.

Хазанова В. Э. Советская архитектура первой пятилетки.— М.: 1980.

Хан-Магомедов С. О. М. Я. Гинзбург.— М.: 1972.

Хан-Магомедов С. О. Теоретические концепции творческих течений советской архитектуры.— М.: 1974.

Хан-Магомедов С. О. Архитектор Константин Мельников.— М.: 1981.

Хан-Магомедов С. О. Александр Веснин.— М.: 1983.

Хан-Магомедов С. О. Николай Ладовский.— М.: 1984.

Хигер Р. Проектирование жилищ. 1917—1933 гг.— М.: 1935.

Хигер Р. Пути архитектурной мысли. 1917—1932 гг.— М.: 1933.

Чалдымов А. Е. Архитектура детских садов.— М.: 1948.

Чиняков А. Г. Братья Веснины.— М.: 1970.

Швариков В. А., Галактионов А. А. Прогрессивные основы планировки и застройки жилых районов и микрорайонов.— М.: 1960.

Эйгель И. Ю. Борис Иофан.— М.: 1978.

Ярлов Ю. С. Национальное и интернациональное в советской архитектуре. М.: 1971.

Ярлов Ю. Таманян. М.: 1950.

УКАЗАТЕЛЬ АРХИТЕКТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ, УПОМИНАЕМЫХ В ТЕКСТЕ

Абхазская АССР

- совхоз Гагринский
- жилые дома 220
- производственная зона 192
- электростанция 226
- совхоз Хетский 220
- жилые дома 221

Азербайджанская ССР

- Мингечаурская ГЭС 192
- Алма-Ата
- Театр оперы и балета 146
- Альметьевск, новый город 184
- Ангарск
- генеральный план 185, 186
- Ангарский каскад гидростанций на реке Оби 176

Андропов

- Рыбинская ГЭС 193
- Армянская ССР
- Гюмюшская ГЭС 192
- колхоз «Верин Зейва» Эчмиадзинского района
- клуб 222
- Севано-Разданский каскад 192
- село Бамбакашат
- клуб 222, 224
- село Двин Аташатского района
- Дом культуры 222

Баку

- генеральный план 14, 94
- Девичья башня, реставрация 102
- дворец ширваншахов, реставрация 102
- Дом правительства Азербайджанской ССР 96, 203, 206
- жилой дом Бакинского горсовета 113, 129
- » » «Бузуннефть» 131
- » » «Монолит» на площади Низами 128, 131
- кинотеатр «Низами» 152, 153
- Нагорный парк имени Кирова 95
- памятник С. М. Кирову 95
- проект школы 134
- поселок имени Артема 37
- Кирова 37

- поселок имени Степана Разина 26, 37
- » » Шаумяна /Арменикенд/ 26, 39, 41
- пятиэтажные жилые дома 202
- школа на 880 учащихся 134
- Балхаш, новый город 100
- Бард
- башня, реставрация 102
- Беговат
- Узбекский металлургический комбинат 174
- Фархадская ГЭС 174
- Белорусская ССР
- деревня Костюки колхоза «Вторая пятилетка»
- типовые кирпичные здания 217
- Берлин, ГДР
- Мемориал советским воинам в Трептов-парке 188, 190
- Березняки
- генеральный план 14, 26
- новый город 90
- планировочная структура 186
- Братск
- Братская ГЭС 186
- Брянск
- генеральный план 176
- Дом Советов 51
- Бурятская АССР
- колхоз имени Тельмана, клуб 169
- Бухара
- мавзолей Исмаила Саманида, реставрация 103

Великие Луки

- генеральный план 176
- Верблюды, станция Северо-Кавказской железной дороги
- учебно-опытный совхоз «Зерноград» 79
- Владимир
- Дмитровский собор, реставрация 102
- Волжский гидроузел
- каскад гидростанций 109
- Рыбинская ГЭС 193
- Угличская ГЭС 192, 193
- Щербаковская ГЭС 193

Волжский

- планировочная структура 184, 186

Волгоград (бывш Сталинград)

- Аллея Героев 178
- Волжская ГЭС имени XXII съезда КПСС 177
- генеральный план 1931 г 22
- генеральный план 176–178
- дом Павлова 178
- площадь Борцов, застройка 178
- проспект Ленина, планировка 177
- Сталинградский тракторный завод 108
- улица Мира 178

Волго-Донской судоходный канал имени

В И Ленина 175, 193, 194, 195

Воркута, новый город 174

– многоэтажная застройка 184

Воронеж

- генеральный план 176

Глухов

- ниточная фабрика 34

Горький (бывш Нижний Новгород)

- Горьковский автозавод (ГАЗ), реконструкция 107–108

– Горьковская ГЭС 192

Дом Советов 51

– жилой район Горьковского автозавода 40

– проект города-коммуны Автострой 21

– секции жилых квартир для Автозаводского района 113

– Соцгород Горьковского автозавода 81

Горьковская агломерация, районная планировка 80

Горьковская область

- колхоз имени К Тимирязева 164

Грузинская ССР

- Храмская ГЭС 192

Гурьев

- поселок для рабочих-нефтяников 174, 181

Дзержинск

- генеральный план 26

– новый город 90

Днепропетровск

- алюминиевый завод 36

Донбасс

Штеровская ГРЭС 31

Донецк (бывш Юзовка)

– генеральный план 26

– реконструкция города 91

Донецкая область

село Елизаветовка, восстановление 217

Душанбе

- генеральный план 14, 99

- городской парк 100

– Дом правительства 99

– парк имени Кирова 100

– парк у площади имени Москвы 100

– площадь имени 800-летия Москвы 100

– проспект Ленина 99

– схема центрального района 100

Ереван

Вузовский городок 96

– генеральный план 14, 96

– Дом правительства Армянской ССР 130, 140, 141

– жилой дом 129

» комплекс на улице Гукасяна 130

» » на проспекте Ленина 130

» » на улице Пушкина 130

– здание треста «Арабат» (ныне Армпромсовет) 206

– клуб строителей 61

– комплекс коньячного завода 192

– крытый рынок 206

– памятник С Шаумяну 96

– площадь Ленина 20, 96

– проект планировки и реконструкции 1924 г 20

– рабочий поселок 38

– Театральная площадь 96

– Театр оперы и балета Армянской ССР 130, 146, 149–150

Жданов

- металлургический комбинат 109

Запоярь

– ГЭС «Нива-3» 192

Запорожье

– восстановление 192

– генеральный план 14

– Днепрогэс, гидроэлектростанция имени

В И Ленина на Днепре 11, 31, 32, 232

– «Днепроспецсталь», восстановление 192

– завод трансформаторов 92

– «Запорожсталь», комбинат 35

– восстановление 192

– проект планировки 90, 92–94

– проспект Ленина, планировка 93–94

– старый городок Александров, планировка 93

– Центральный парк культуры и отдыха на острове Хортица 93

Златоуст

- реконструкция города 91

Иваново-Вознесенск

- ГРЭС 31

- цирк 63
- Иваново
 - драматический театр 146
 - меланжевый комбинат 34
 - прядильная фабрика имени Ф.Э. Дзержинского 34
 - реконструкция города 91
 - фабрика «Красная Талка» 34, 35
- Ивановская область
 - колхоз имени Фрунзе 165
- Игарка, новый город 90
- Истра
 - Новоиерусалимский монастырь, проект реставрации 173
- Кабардинская АССР (ныне Кабардино-Балкарская АССР)
 - село Ново-Ивановка
 - планировка 163, 165
- Казахская ССР
 - село Малая Станица
 - Дом культуры колхоза «Луч Востока» 222
- Калинин
 - генеральный план 176
 - реконструкция города 91
- Калининская область
 - село Некрасово, переустройство 217
- Калининград
 - монумент героям-воинам 190
- Карабаглар
 - мавзолеев, реставрация 102
- Касимов
 - льнокомбинат 34
- Кентау, новый город 174
- Киев
 - генеральный план 14, 94, 176, 177
 - Дом Верховного Совета УССР 94, 137, 138
 - Дом Совета Министров УССР (бывш. здание СНК УССР) 94, 137, 138
 - жилой район Дарница 195
 - » дом-комплекс на улице Революции 44
 - » дом архит. Каракиса 127
 - » на Владимирской улице 201
 - Крещатик, восстановление 177, 180-182
 - памятник Богдану Хмельницкому 177
 - площадь имени М. Калинина 177
- Киевская область
 - село Демидово, восстановление 217, 221
- Кировск (бывш. Хибиногорск), новый город 90
- Кисловодск
 - санаторий Наркомтяжпрома имени С. Орджоникидзе 144, 145, 209
 - » лестница 144
 - » «Горные вершины» 209
- Комсомольск-на-Амуре
 - генеральный план 14, 26, 81
 - новый город 90
- Костромская область
 - поселок совхоза «Караваево», генеральный план 217, 218
- Кохтла-Ярве, новый город 184
- Краматорск
 - завод тяжелого машиностроения 108
- Краснодар
 - генеральный план 176
- Краснодарский край
 - колхоз «Назарьевский, клуб 169, 170
 - Краснополянская ГЭС 192
 - совхоз Адлеровский
 - планировка 223
 - производственная зона 192
 - теплично-парниковый комплекс 225
 - водонапорная башня 226
 - коровник 223
 - совхоз «Кубань», клуб 169, 170
 - Хостинский совхоз
 - производственная зона 192
 - теплично-парниковый комплекс 225
 - станция перекачки 226
- Краснодарский край, новый город 174
- Красноярск
 - генеральный план 14
- Крым
 - районная планировка Южного берега 80, 101
- Кузнецк
 - генеральный план 1930 г. 22
- Латвийская ССР
 - колхоз «Аджи», жилые дома 220
 - колхоз «Лачплесис», жилые дома 220
- Ленгер, новый город 100
- Ленинск-Кузнецкий
 - текстильный комбинат 34
 - электростанция 31
- Ленинск-Кузнецкий, часть Новокузнецкой агломерации 80
- Ленинград
 - Автово, комплексный проект застройки 89, 118, 119, 125
 - генеральный план 14, 87, 90, 176, 186
 - детский сад на 100 детей 132, 133
 - Дворец культуры имени Горького в Нарвском районе 59
 - Дом Нарвского райсовета 51
 - » Советов 140, 142
 - » на Московском проспекте 90
 - жилая застройка на Приморском бульваре 195

Ленинград

- жилой комплекс в Володарском районе 39
 - » » на Сызранской улице 40
 - » » на Тракторной улице 26, 39
 - » массив «Новая деревня» 195
- » дом на пересечении проспектов Кирова и Горького 200, 201
 - » » – проектное предложение студентов ЛИГИ 43
 - » » на набережной речки Карповки 115
 - » » так называемый «Дом Ленсовет» 115, 122
 - » дом-коммуна для общества политкаторжан 43, 44
 - » квартал на Малой Охте, комплексный проект застройки 89, 113, 114, 125
- жилые дома у Охтинского моста 175
 - » » на Суворовском проспекте 174
 - » » у Финляндского вокзала 175
 - » » из крупных шлакобетонных блоков 120
- завод имени Кирова на улице Стачек 108
 - » «Электросила» 89
- застройка Крестовского острова 40
 - » Московской улицы 195
- Зимний дворец – Дворец искусств 29
- кинотеатр «Гигант» 152, 153
- крупнопанельный жилой дом в районе Шемиловки 201
- Марсово поле, генеральный план 27
- Международный проспект 88
- мемориальный комплекс Пискаревского кладбища 188, 190
- метрополитен 186–187
 - Московский проспект 88
- Московский парк Победы на Московском проспекте 186
 - мост имени Володарского 89
 - общегородской парк на Озерках 90
 - Палевский жилой массив 26, 39, 49
 - памятник жертвам революции 27, 28
 - Приморский парк Победы 186
 - проект урегулирования Петрограда 20
 - район Московского проспекта, комплексный проект застройки 118, 127
 - Сенная площадь 88
 - Смольный институт 25
 - стадион «Динамо» 63
 - » «Красный путиловец» 63
 - » имени Красного Спортивного Интернационала 63
 - » Кирова на Крестовском острове 186, 205, 209
- схема планировки 1935 г. 89
 - » развития центра 1940 г. 89
- типовой проект школы на 880 учащихся 135
- товарищеский конкурс на проект жилища нового типа 47
- трехзальный кинотеатр «Москва» 153, 154
- трикотажная фабрика «Красное знамя» 34
- Центральный парк вокруг Петропавловской крепости 186
 - Центральный парк культуры и отдыха на Каменном, Елагином и Крестовском островах 90
 - школа на Лесном проспекте 58
 - » на 1000 учащихся в Московско-Нарвском районе 58
 - » на Невском проспекте 134
 - » на улице Стачек 58
 - » » Ткачей 58
- Шемиловка, комплексный проект застройки 89, 118, 122
- Ленинградская область
 - Волховский алюминиевый завод 35
 - Волховская ГЭС 31
 - Нарвская ГЭС 192
 - Павловск, ансамбль 29
 - Петродворец /бывш. Петергоф/ 29
 - Пушкин /бывш. Царское Село/ 29
 - вокзал 206, 208
 - Свирская ГЭС 109
- Луганск /ныне Ворошиловград/
 - паровозостроительный завод 35
- Магадан, новый город 90
- Магнитогорск
 - башенный жилой дом, проект 47
 - бескаркасный панельный жилой дом 195
 - генеральный план 14, 26, 81, 183
 - крупноблочные жилые дома 120
 - металлургический комбинат 35, 36, 81
 - общежития-коммуны 45
 - поточно-функциональная система 23, 24
 - проект 1930 г. 22
 - проект Магнитогорья 22
- Марганец, новый город 174
- Мардакяны
 - башни и минареты, реставрация 102
- Махачкала
 - Дом правительства 51, 53
- Минеральные Воды
 - районная планировка 101
- Минск
 - генеральный план 177, 180
 - Дом Красной Армии 61
 - Дом правительства Белорусской ССР 53, 136, 138

Минск

— парк культуры и отдыха на берегах Свислочи 180

— Театр оперы и балета 146, 150

— «эскиз-идея» планировки 180

Москва

— автомобильный завод имени И. А. Лихачева (ЗИЛ, бывш. АМО) 35, 36, 105

— административное здание на улице Горького 206, 210

— на Садовом кольце 206

— Белорусский (бывш. Александровский) вокзал 101

— бескаркасный панельный дом на Октябрьском поле 197, 198

— Варшавский путепровод 187

— Военная Академия имени М. В. Фрунзе 138, 139, 153

— Волоколамский путепровод 187

— Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка 1923 г.

— главный вход 68–69

— павильон Азербайджанской ССР 68–69

» Белорусской ССР 66

— » Дальнего Востока 67

— Всероссийская сельскохозяйственная и кустарно-промышленная выставка 1923 г.

— павильон «Животноводство» 66

» «Известий ВЦИК» 68–69

» «Махорка» 67

» «Машиностроение» 66

» «Мелиорация» 66

— » Татарской АССР 67

» Украинской ССР 66

— » «Шестигранник» 66

— планировка 66, 87

Всесоюзная сельскохозяйственная (ВСХВ) 1939 г.

— выставка «Новое в строительстве колхозной деревни» 160, 170, 171

— главный вход 158

— Главный павильон 158, 159

— павильон Азербайджанской ССР 158, 160

» Армянской ССР 158, 160

» Грузинской ССР 158, 160

» «Зерно» 160

» «Животноводство» 160

— » «Механизация сельского хозяйства» 160

» механизации 158

» Узбекской ССР 160

— планировка 87, 158

— Площадь Колхозов 159, 160

Москва

— Площадь Механизации 160

— Всесоюзная сельскохозяйственная выставка 1954 г.

— генеральный план 215

— главный павильон 215

— фонтан на площади Колхозов 215

— всероссийский конкурс на проекты показательных домов для рабочих 41

— Всесоюзный электротехнический институт 33–34

— высотная гостиница «Ленинградская» 189, 212, 216

— высотная гостиница «Украина» 190, 210, 216

— высотное административное здание на Смоленской площади 189, 212, 214

— высотное административное здание на Лермонтовской площади 189

— высотное здание Московского государственного университета на Ленинских горах 189, 209, 212–213, 216

— высотный жилой дом на площади Восстания 189

— » на Котельнической набережной 189

— генеральный план реконструкции 1935 г. 14, 18, 25, 26, 82–87, 102, 103, 235

— генеральный план 1951 г. 187–188

— Генеральный план 1971 г. 26

— Главный ботанический сад 87

— гостиница «Москва» 50, 86

» «Белград» 215

— Дворец культуры имени И. А. Лихачева (бывш. Дворец культуры Пролетарского района) 60, 233

— Дворец культуры имени Горбунова 61

— Дворец Советов СССР

— технический проект 72

— эскизный проект 72, 73

— Дворец Советов, конкурс

— конкурс 14, 70–74, 136, 148, 188, 214, 230, 233, 234

— Дворец Спорта «Авиахим» 63

— детский сад на 100 детей 132, 133

— детский сад на Велозаводской улице 132

— Дом Кожсиндиката 54

— дом-коммуна на Хавско-Шаболовском проезде 42, 43

— дом Пашкова (ныне Государственная библиотека имени В. И. Ленина) 70

— Дом промышленности, конкурс, проект 55

— » Совета Труда и Оборона (СТО, ныне Госплан СССР) 86, 136

— » Центросоюза, конкурс 55

— » Центросоюза (ныне ЦСУ СССР) 14

Москва

- жилой дом на Гоголевском бульваре 44
- » » на улице Горького у Белорусско-го вокзала 116, 117
- жилой дом на улице Горького 116, 117
 - » «Динамо» 54, 67, 70
 - » » на Большой Калужской улице (ныне Ленинский проспект) 199, 206
- жилой дом на Ленинградском шоссе (ныне проспекте) 121, 123–124, 130
- жилой дом на Моховой улице (ныне площадь 50-летия Октября) 14, 114–115, 116, 233
- жилой дом Наркомфина на Новинском бульваре 43, 46, 47
- жилой дом на Садово-Кудринской улице 199, 201
- жилой дом на Садовой-Триумфальной улице 200, 201
- жилой дом на Смоленской площади 199, 206
 - » » на Соколиной горе 197
 - » » на Суворовском бульваре 116, 117
 - » » из шлакоблоков 48
- жилой комплекс на Берсеневской набережной 44, 231
- жилой комплекс на Красной Пресне 26
 - » » на Усаческой улице 26, 38, 39, 49
- жилой район на Автозаводской улице (бывш. Амовской) 105, 106
- жилой район Дангауэровка 26, 39, 49
 - » в Измайлове 187
 - » на Октябрьском поле 187
 - » Песчаных улиц 187
 - » на Хорошевском шоссе 187
- жилые дома на Большой Полянке 121, 122, 125
- жилые дома на Велозаводской улице 125
 - » » на улипе Горького 113
 - » » на улице Чкалова 116
- завод «Калибр» 36
 - » «Фрезер» 36
- застройка Большой Калужской улипы (ныне Ленинский проспект) 119, 125, 126
- застройка 1-й Дубровской улицы 39, 49
 - » Кутузовского проспекта (бывш. Можайское шоссе) 188
- застройка района Усачевки 183
 - » Хорошевского шоссе 195, 197, 198
- здание Госбанка, реконструкция 67
 - » Госторга на улице Кирова 54, 55
 - » газеты «Известия» 55, 56
 - » библиотеки имени В.И. Ленина 55
- Институт библиотековедения имени В.И. Ленина 55

Москва

- Институт скорой помощи имени Склифосовского (бывш. Странноприимный дом Шереметевых) 30
- Казанский вокзал, реконструкция 211
- канал имени Москвы 83, 86
- кинотеатр «Родина» 153
- клуб завода «Буревестник» 62
 - » » «Каучук» 62
 - » » «Серп и Молот» 61
- имени Зуева на Лесной улице 62
 - » Русакова в Сокольниках 61, 62
- комбинат газеты «Правда» 56, 57
- комплекс жилых и общественных зданий в районе Богородска 121
- конкурс на проект дома-коммуны на 750–800 человек 42
- конкурс на идею генерального плана 1932 г. 25
- Концертный зал имени Чайковского 63
- Красная площадь, планировка и реконструкция 25, 76
- Красные ворота (ныне площадь Лермонтовская) 101
- Кремлевская стена 76
- Кремль 15, 102
- Арсенальная башня 76
- ремонтно-реставрационные работы 29
- Сенатская башня 76
- Спасская башня 76
- крупноблочный дом на Ольховской улице 120
- Крымский мост 88
- Кутузовский проспект (бывш. Можайское шоссе), реконструкция 85
- Ленинские горы (бывш. Воробьевы), планировка 86
- Ленинский проспект (бывш. Большая Калужская улица), реконструкция 85
- Мавзолей В.И. Ленина 14, 76, 86, 102, 140, 231
- проект 74, 75
- временный деревянный Мавзолей 74, 75
- второй деревянный Мавзолей 75
- Манеж (ныне Центральный выставочный зал) 102
- Манежная площадь (ныне имени 50-летия Октября), реконструкция 86, 115
- мемориальная доска на Сенатской башне Московского Кремля (не сохранилась) 29
- метрополитен, первая очередь 15, 83
- станция «Красные ворота» (ныне «Лермонтовская») 155, 156
 - » «Кропоткинская» 155, 156
- метрополитен, вторая очередь 174
- Горьковская линия 174
- Покровский радиус 174

Москва

- станция «Курская-кольцевая» 187
 - » «Комсомольская-кольцевая» 158, 187, 211
- станция «Аэропорт» 157
 - » «Динамо» 156, 157
 - » «Площадь Маяковского» 156, 157
 - » «Площадь Свердлова» 157
 - » «Арбатская» 212
- МОГЭС 32
- монумент «Голова Дантона» (не сохранился) 26
- монумент «Рабочий и колхозница» 234
- Московский университет на проспекте Маркса 28, 102
- Москворецкий мост 88
- Музей Революции 30
- музыкальный театр имени К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко 146
- набережные Москвы-реки 182
- насосная подстанция шлюза на реке Яузе 111
- Никитские ворота 28
- новый корпус здания Моссовета 51, 53
- обелиск Свободы 27
- памятник М. Бакунину (не сохранился) 28
 - » А.И. Герцену 28
 - » Минину и Пожарскому 76
 - » Н.П. Огареву 28
- парк культуры и отдыха имени Дзержинского 87
- парк «Останкино» 87
 - » культуры и отдыха имени Горького, планировка 67, 86, 87, 236
- планетарий 64
- площадь Гагарина (бывш. Калужская застава) 184
- площадь Пушкина, планировка и благоустройство 182, 187
- площадь Революции, реконструкция 27, 86
 - » Свердлова, планировка и благоустройство 86, 187
- поселок Дубровка 49
 - » завода АМО 37
- » «Сокол» 37, 157
- поточно-скоростное строительство жилых домов на улице Горького 85, 124, 126, 234
- проект «Большая Москва» 19
 - » «Город будущего» 18
 - » динамического города 26
 - » здания акционерного общества «Аркос» 54, 230
 - » Московского отделения «Ленинградской правды» 54, 230
 - » конторского здания «Оргаметалл» 54

Москва

- проект «Новая Москва» 15
 - » памятника III Интернационалу 50, 228
 - проспект Маркса (бывш. Охотный ряд), реконструкция 86
 - проспект Мира (бывш. 1-я Мещанская улица), реконструкция 85
 - пространственные жилые ячейки мастерской Стройкома РСФСР 47
 - пятиэтажные школы из крупных блоков 203
 - Речной вокзал 112
 - Садовое кольцо, реконструкция 236
 - собор Василия Блаженного 76, 86, 102
 - Советская площадь, реконструкция 184
 - стадион «Динамо» 63
 - стена Китай-города 27
 - стены и башни Белого города 101
 - студенческий дом-коммуна в Донском переулке 42, 45
 - Сухаревская башня 101
 - схема районной планировки 1918–1922 гг. 19
 - театр имени Мейерхольда 63
 - » Советской Армии 146, 148–149, 151
 - типовая жилая секция Моссовета 38
 - Триумфальная арка 101
 - улица Горького, реконструкция 85, 86
 - усадьба «Архангельское», реставрация живописи 30
 - Фрунзенская набережная, благоустройство 236
 - Химкинский речной порт 111
 - храм-памятник в честь победы в Отечественной войне 1812 г. 189
 - Центральный музей В.И. Ленина (бывш. здание Государственной думы) 29
 - церковь в селе Коломенском, реставрация 29
 - школа на Бужениновской улице 134
 - » на 580 учащихся в Дангауэрке 134
 - » на Русаковской улице 58
 - шлюз № 3 111
 - » на реке Яузе 111
 - Шуховская радиобашня на Шаболовке 50
 - экспериментальные жилые дома в районе Песчаных улиц 196, 197
- Московская область
- Ивантеевская трикотажная фабрика 34–35
 - Ивановская плотина 109
 - Ивановский гидроузел 109
 - Икшинский гидроузел 110
 - канал Москва–Волга 25
 - » имени Москвы 15
 - Карамышевская плотина 110
 - Каширская ГЭС 31
 - колхоз «Память Ильича» Мытищинского района

- коровник 223, 224
- комплексная схема развития городов 20
- насосная подстанция 110
- районная планировка 1918 г. 15
- санаторный комплекс «Барвиха» 64
- село Борисово Ленинского района
- клуб 221
- село Мячково
- клуб 222
- совхоз «Горки-II»
- двухэтажный птичник 164
- совхоз «Лесные поляны»
- комбикормовый завод 226
- Солнечногорская МТС
- планировка 169
- трансформаторная подстанция 110
- Чучковская МТС
- планировка 169
- шлюзы № 7 и № 8 110
- Яхромский гидроузел 110
- Михета
- Земо-Авчальская ГЭС 31
- памятник В. И. Ленину 31
- собор Свети-Цховели, реставрация 102
- Нижняя Волга
- колхоз имени Тельмаиа
- жилые дома 165
- Нижний Тагил
- вагоностроительный завод 35
- генеральный план 26
- Дворец культуры 203
- реконструкция 91, 92
- Новая Каховка, новый город 184
- Каховская ГЭС 184
- Новгород
- генеральный план 176
- церковь Спаса на Нередице, реконструкция 190
- Новокузнецк
- машиностроительный завод 35
- Новокузнецкая агломерация 80
- Новокузнецк (бывш. Сталинск)
- генеральный план 81
- Новокуйбышевск, новый город 184
- Новомосковск, новый город 90
- Новороссийск
- генеральный план 176
- Новосибирск
- генеральный план 26
- Дом Советов 51
- первый генеральный план 81
- реконструкция 81
- театр 63

- Театр оперы и балета 146, 147, 148
- Норильск
- горно-металлургический комбинат 174
- многоэтажная застройка 184
- Нью-Йорк
- Павильон СССР на Всемирной выставке 1939 г. 161, 162

Октябрьский, новый город 184

- Орёл
- генеральный план 176
- Орехово-Зуево
- реконструкция города 91
- Орша
- льнокомбинат 34

Париж

- Павильон СССР на Международной выставке декоративного искусства 1925 г. 65, 66, 230
- Павильон СССР на Всемирной выставке 1937 г. 160, 161, 234

Полтава

- восстановление центра города 179

Приуртышье

- Усть-Каменогорская ГЭС 193
- Прокопьевск, часть Новокузнецкой агломерации 80

Псков

- генеральный план 176, 179
- льнокомбинат 34

Ростов-на-Дону

- генеральный план 176, 179
- Дом Советов 180
- Драматический театр имени Горького 146, 153, 179
- оперный театр 180
- площадь имени Горького 179
- » имени Кирова 180
- » Дома Советов 180
- проспект Энгельса 179
- » Ворошилова 179
- тракторный завод 35
- театр, конкурс 63

Ростовская область

- зерносовхоз «Гигант» 78
- Цимлянский гидроузел 195
- Цимлянская ГЭС 193
- Рустави, новый город 185

Салават, новый город 184

- Самара (ныне Куйбышев)
- электростанция 1928 г. 31
- Свердловск (бывш. Екатеринбург)
- генеральный план 14, 91, 92

- гостиница «Большой Урал» 92
- жилой комплекс «Городок чекистов» 40, 92, 231
- жилая застройка на проспекте Ленина 91, 92
- жилые кварталы в районе Уралмашзавода 40
 - » дома Госпромура 40
 - » » Горсовета 40
- комплекс Уральского индустриального института 91
- клиническая больница на 285 коек 64
- медицинский городок 91
- Уралмашзавод 35, 91
- Севастополь
 - генеральный план 176, 178
- Северный Кавказ
 - колхоз имени Шебедаева в станице Красноармейской 165
- Северо-Крымский канал 175
- Североуральск, новый город 174
- Смоленск
 - генеральный план 176, 179
- Советская Гавань, новый город 30
- Сочи-Мацеста
 - реконструкция курорта 101
- Сочи
 - бальнеологический санаторий в Мацесте 64
 - Верещагинский виадук 101
 - Дом уполномоченного ВЦИК 140
 - железнодорожный вокзал 203, 206
 - мост через реку Мацеста 101
 - » » » Сочи 101
 - санаторий «Горный воздух» 64
 - » имени С. Орджоникидзе 147
 - » «Металлург» 209
 - » Советской Армии 64
 - » угольщиков 146
- Сталинград – см Волгоград
- Сумгаит, новый город 184
- Таджикская ССР
 - Фархадская ГЭС 192
- Тамбовская область
 - птицеводхоз «Арженка» 164
 - двухэтажный птичник 224
- Татарская АССР
 - Волжско-Камский каскад 192
- Ташкент
 - Дом правительства 53
 - жилые дома на канале Анхор 202
 - застройка проспекта Навои 202
 - Театр имени Алишера Навои 210, 211
 - реконструкция города 91
- Тбилиси
 - генеральный план 14
 - генеральный план реконструкции 96–99
- Дом правительства Грузинской ССР 98, 205, 206
- жилой дом на улице Бараташвили 128, 129
 - » » » » Николадзе 201–202
- » » на проспекте Руставели 128
 - » » на Университетской улице 128
- Институт Маркса-Энгельса-Ленина (Институт истории партии при ЦК КП Грузии) 143, 144, 235
- набережные Куры, реконструкция 98
- парк на горе Мтацминда 99
- проспект Руставели 98
- рабочий поселок 38
- стадион «Динамо» 142
- «Стоквартирный дом» 128
- схема планировки 1934 г 98
- фуникулер 99
- цирк 98
- Эриванская площадь 98
- Темиртау, новый город 174
- Узбекская ССР
 - канал Боз-су 109
 - каскад гидростанций на реке Чирчик 109
- Украинская ССР
 - Броварский район
 - жилые дома с железобетонным каркасом 220
 - Днепровский каскад 192
 - колхоз «Заря коммунизма»
 - клуб 221
 - колхоз «Комсомол»
 - планировка 163
 - село Лески
 - клуб с залом на 400 мест 169
- Фергана
 - текстильный комбинат 74
- Хабаровск
 - Дом Советов 51
- Харьков
 - генеральный план реконструкции 14, 94
 - вокзал 206
 - Дворец рабочего 60
 - Дом государственной промышленности 55, 56, 231
 - Дом проектных организаций 55
 - » промышленной кооперации 55
 - жилой массив «Луч» 40
 - клуб строителей 61
 - музыкальный театр 63
 - площадь Дзержинского, планировка 55
 - промышленная зона вдоль Чугуевского шоссе 94
 - рабочий поселок 38

– тракторный завод 35, 98, 108

– турбинный завод 94

Хибиногорск

– генеральный план 26

Хмельницкая область

– село Жердые

– клуб 169, 170

Цхалтубо

– санаторий 209

Челябинск

– генеральный план 26

– двухзальный кинотеатр имени Пушкина 153

– реконструкция 91, 92

– тракторный завод 36

Челябинская область

– свиноводхоз имени Буденного

– генеральный план животноводческого комплекса 171

Черниговская область

– село Голубовка, центральная усадьба колхоза имени В. В. Куйбышева 163, 167, 168

Черновицкая область

– колхоз имени Кирова

– коровник 224

Чирчик, новый город 1000

Шатура

– проект планировки поселка 22

– электростанция 31

Электросталь, новый город 90

Элиста

– Дом правительства 53

Эстонская ССР

– совхоз имени Саммерлинга

Эстонская ССР

– жилые дома 220

Ялта

– генеральный план 176

– санаторий «Ореанда» 209

Ярославль

– проект «Большой Ярославль» 20

– поселок Дядьково, реконструкция 20

– Соборный дом на Стрелке, реставрация 29, 103

– Спасский монастырь, реставрация 29, 103

– электростанция 31

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аберкромби П. 231
Абросимов П. 43, 44, 94, 118, 136, 137, 138, 190, 209
Агабабян Г. 206
Айзикович С. 42, 43
Аксельрод А. 220
Алабян К. 11, 61, 120, 129, 149, 151, 158, 160, 161, 172, 176, 177, 181
Александров А. 32
Али-Заде Г. 195
Альперович Д. 120
Андреев В. 158, 160, 162, 206, 210
Андреев Д. 196
Андреев Н. 27, 28
Андреев Ф. 78
Андреевский С. 32
Андросов М. 180
Анисимов С. 99
Аничкин М. 44
Антонов И. 40, 92
Антонов С. 58
Аревшатян В. 206
Арефьев А. 174, 181
Асс Л. 132, 133, 135, 195, 199, 201
Афанасьев Ю. 170
Ащепков Е. 221
- Бабенков В. 11
Бабурич А. 160
Бабуров В. 11, 180
Бакунин М. 28
Баранов Н. 88, 90, 94, 95, 99, 100, 172, 176, 179, 186, 195
Барановский П. 30, 103
Барт Т. 147, 149
Бартошевич К. 203
Бархин Г. 39, 55, 56, 174, 176, 178
Бархин М. 56, 63
Барщ М. 9, 23, 44, 55, 64, 65, 133, 177
Бахшинян З. 133, 135
Белогруд А. 9
Белопольский Я. 136
Бенуа А. 9
Бенуа Л. 141
Бессонов П. 103
Бикенберг Б. 147, 149
Билибин Д. 99, 100
Бирюков С. 193, 194
Битов Г. 209
Благодатный Т. 169
Блохин Б. 121, 123, 130
- Блохин Н. 174
Блохин П. 113, 119, 120, 196
Бове О. 101, 102
Богданов М. 193
Богданов Н. 177
Бондаренко И. 29
Борецкий А. 189, 212
Борис Г. 194
Бочаров Л. 183
Бровцев С. 119, 125
Бруни Л. 146, 160
Брянцев А. 62
Будилов Р. 160
Букалова Л. 81
Булатов М. 202
Бумажный Л. 183
Буров А. 9, 116, 117, 121, 123, 130, 176, 195
Буртин Д. 183
Бутягин В. 176, 177
Былинкин Н. 174
- Вавировский Н. 78, 79
Вайман М. 188
Вайнштейн И. 116
Валенков Г. 40
Варга А. 107
Варгазин А. 107
Васильев А. 188, 190, 201
Васильев Г. 194
Васильковский С. 174, 181, 198, 201
Вахтангов Е. 62, 63
Вахтангов С. 144
Ващенко А. 48
Вегман Г. 40, 55
Великанов А. 118, 136, 158
Великовский Б. 54
Великовский Л. 107
Веснин А. 9, 22, 40, 54, 64, 105, 229
Веснин В. 9, 12, 32, 34, 54, 64, 94, 104, 105, 107, 176, 192
Веснин Л. 22, 40, 104
Веснины, братья 10, 22, 51, 52, 54, 60, 63, 230
Виленский Б. 157
Витберг А. 189
Витман В. 87, 88
Вишневский Н. 144
Владимиров В. 9, 23, 44
Власов А. 11, 86, 87, 88, 176, 177, 181, 182, 195, 236
Волков Е. 42, 43
Волошинов Г. 208
Волчегорский М. 106
- Вольфензон Г. 42, 43, 91, 188
Врангель Л. 197, 198
Вутке О. 163, 168
Вучетич Е. 188, 190
- Гайдебуров П. 63
Гайкович В. 94, 95, 99, 100
Гайнутдинов И. 219
Гакен М. 55
Гальперин В. 58
Гамильтон Г. 71, 136
Гегелло А. 39, 59, 152, 153, 198, 201
Гельберг Л. 120
Гельфрейх В. 65, 67, 70, 101, 136, 153, 159, 158, 176, 181, 189, 212, 233
Герасимов А. 160
Герасимов С. 160
Герцен А. 28
Гильберзаймер Л. 231
Гинцберг А. 132, 133, 135
Гинзбург М. 9, 10, 12, 21, 23, 43, 46, 48, 54, 65, 80, 101, 119, 144, 145, 174, 209, 229
Гладков Б. 34, 35, 69, 104
Глазов Д. 103
Глинка В. 192
Говард Э. 37
Гогава Г. 97, 98
Голли В. 99, 100
Голосов И. 51, 52, 53, 56, 57, 61, 113
Голосов П. 78, 79
Голубев А. 54
Голубовский Л. 180
Гольц Г. 34, 110, 111, 119, 125, 126, 174, 176, 178, 179, 181, 182, 195
Гопкало В. 201
Гордеев Б. 51
Грабарь И. 29, 173
Графтио Г. 31
Григорян М. 130, 133
Гринберг А. 51, 147, 149
Гропиус В. 49
Грушке А. 208
Гуля А. 105
Гундобин Н. 31
Гурьев О. 200
Гусев Н. 107, 112
- Давыдов И. 185
Дадашев С. 102, 113, 129, 133, 134, 135, 152, 154, 158, 160, 202
Данчич Б. 81, 183

- Дейнека А. 157, 160
 Демчинели С. 128, 129
 Джандиери Г. 128, 129
 Джус К. 113, 120
 Дмитриев А. 55, 60
 Добровольский А. 121, 182, 195, 201
 Докучаев Н. 9
 Домбровский С. 40, 91, 92
 Душкин А. 155, 156, 157, 189, 203
 Евсеев С. 70
 Елизаров В. 182
 Емельянов В. 203
 Емельянов Ю. 133, 160, 188
 Ермишанцев Е. 78, 79
 Ершов А. 183
 Жданович Ю. 105
 Жильярди Д. 102
 Жолтовский И. 7, 14, 17, 32, 37, 53, 66, 67, 69, 71, 72, 96, 101, 114, 115, 116, 136, 140, 141, 195, 199, 206, 211, 233, 234
 Жолтус Л. 44
 Жук А. 198
 Жук С. 193
 Заболотная А. 187
 Заболотный В. 94, 138, 141, 174
 Заваров А. 182
 Загорян Н. 96
 Зайцев А. 192, 225
 Зальцман А. 113, 119, 120, 174, 196
 Зандберг-Серафимова М. 55
 Заозерский А. 39
 Заславский А. 11, 182
 Засыпкин Б. 103
 Захаров Г. 160, 187
 Захаров М. 99, 100
 Зезин Д. 193
 Зеленский А. 146
 Зильберт А. 105
 Златолинский В. 105, 106
 Зундблат Г. 133
 Иваницкий А. 38, 39, 41, 80, 94, 174
 Иванов К. 43, 47, 180
 Иващенко Н. 181, 182
 Ильин Л. 8, 87, 88, 94, 140, 172
 Иофан Б. 44, 64, 71, 72, 136, 161, 172, 176, 214, 233
 Иохелес Е. 116, 117
 Исаева В. 188, 190
 Израелян Р. 192, 195, 206
 Казakov М. 102
 Калашников Е. 128
 Калинин В. 105
 Калинин М. И. 237
 Калиш В. 190
 Калмыков В. 153, 222
 Кальгин А. 31
 Каменский В. 172
 Каплунов З. 201
 Каплянский Б. 188
 Капустина А. 203
 Каракаш Л. 202
 Каракис И. 127
 Карлсен Г. 34
 Карманов Г. 121
 Касаткин Д. 136
 Касим-Заде Э. 202
 Касьянов А. 92, 94
 Катонин Е. 90, 140, 186
 Кашин-Линде К. 205, 209
 Кашкарова Л. 163
 Клевицкий С. 96
 Климухин А. 48, 120
 Кириллов В. 88
 Кирхоглани В. 186
 Кирцителли Ф. 185
 Ковалев А. 194
 Коднир Д. 225
 Козлов И. 177
 Кокорин В. 28, 98, 205, 206
 Колли Н. 32, 66, 169, 176, 179, 180
 Кондахчян А. 163, 165
 Коненков С. 29, 74
 Константинов Б. 88
 Косенко А. 201
 Корабельников С. 180
 Корин В. 187
 Корин П. 187, 212
 Корнфельд Я. 61, 153
 Королев В. 28
 Король В. 177
 Коротков Е. 40, 107
 Кочакидзе М. 128
 Кочар Г. 11, 61
 Кравец С. 55, 56
 Крандиевская Н. 70
 Красильников П. 85, 119, 124, 125
 Красин Г. 48
 Кржижановский Г. 31
 Кринский В. 9, 110
 Кричевский Д. 59, 152, 153
 Крутиков А. 21
 Крылов В. 78, 79
 Кузнецов А. 9, 34, 104
 Кузнецов Г. 112, 174, 197, 198
 Кузнецов И. 146, 147
 Кузьмин И. 45
 Курдиани А. 128, 129, 142, 158, 160
 Курдиани З. 97, 98, 99
 Курилко М. 147, 149
 Кусяков В. 174
 Курносова А. 203
 Кучеров А. 120, 121
 Лавров В. 9, 21
 Лагутенко В. 197, 198
 Ладинский А. 47
 Ладовский Н. 9, 25, 26, 48, 65, 67, 86, 188, 231
 Лангбард И. 53, 61, 136, 138, 150, 180
 Лангман А. 63, 85, 86, 136, 137
 Лансере А. 174, 181
 Лансере Е. 158
 Левенсон И. 184
 Левинсон Е. 115, 118, 122, 140, 174, 181, 188, 190, 195, 208
 Левченко И. 185
 Лежача Г. 98, 158, 160, 205, 206
 Ле Корбюзье 14, 25, 26, 43, 231
 Ленин В. И. 7, 8, 27, 28, 31, 49, 74, 132
 Леонидов И. 9, 12, 22, 23, 47, 55, 56, 61, 144
 Леонтьев К. 31
 Лисициан М. 195
 Лисицкий Л. 229
 Лихтенберг Я. 155, 156
 Локшин Г. 119
 Лолейт А. 48
 Лопатин Б. 63
 Лопяло К. 163, 167
 Луначарский А. 27, 28, 63
 Львов Н. 111
 Лымарь Е. 208
 Людвиг Г. 51
 Лялина Т. 219
 Лялин О. 63
 Мазмания М. 11, 61, 129
 Майеры Г. и К. 25
 Май Э. 25, 49, 81
 Макарычев Т. 192, 225
 Мавошкин И. 221
 Малахин А. 188
 Малевич К. 229
 Малиновский А. 182
 Малоземов И. 61, 92, 96, 97, 98, 177
 Малькомсон А. 231
 Манизер М. 70
 Маркарян О. 192
 Марковников Н. 29, 37
 Маркс К. 29, 46, 163
 Мартынов Г. 163
 Маслеников Г. 38
 Маца И. 11
 Мачавариани М. 31
 Машинский А. 133, 134
 Маят В. 42
 Межероховский А. 170
 Мезенцев Б. 189, 208
 Мейерхольд В. 62, 63
 Мейльман Л. 34
 Мелик-Аракелян Т. 136
 Мельников Д. 222
 Мельников К. 41, 61, 62, 65, 66, 67, 69, 229, 230
 Мельчаков И. 160, 190
 Мендельсон Э. 34
 Мерджанов М. 64
 Меркулов С. 28, 72, 96
 Метлин Н. 63
 Мешков А. 38, 39

- Милинис М. 43, 46, 61
 Милютин Н. 24, 25, 230, 231
 Мишиношвили М. 202
 Минкус М. 182, 189, 212
 Мишофьев С. 63
 Мис ван дер Роэ Л. 55
 Мительман Б. 53
 Михайлов А. 11, 194
 Мидоянц А. 189, 197, 198
 Мовчан В. 34, 104, 110, 111, 191, 193
 Мовчан Г. 34, 104
 Мординов А. 11, 85, 119, 124, 125, 174, 175, 180, 190, 210, 236, 137
 Морозов Д. 193
 Морозов Н. 104, 105
 Мотовилов Г. 158, 160
 Мотылев М. 39
 Мунц В. 138, 153, 199, 201, 203, 206
 Мунц О. 31, 55
 Муравьев С. 106
 Мусатов В. 194
 Мухина В. 161, 234
 Мухин В. 70
 Мыслин В. 104, 191
- Насаридзе В. 205
 Насонов Е. 136, 190, 209
 Нанушьян С. 190
 Наумов А. 90, 186
 Непринцев Н. 98
 Нестерова З. 197, 198
 Никитин Н. 136
 Николаев И. 34, 35, 42, 45, 104, 174, 176, 191
 Николаев Н. 112
 Никольский А. 10, 39, 58, 63, 172, 186, 205, 209
 Нипоркин И. 120
- Образцова Р. 180
 Огарев Н. 28
 Озаров М. 196
 Окунев О. 183
 Оленев М. 160
 Олтаржевский В. 190
 Оль А. 34, 47, 119, 125, 174
 Оранский П. 40
 Орехов В. 92
 Орлов Г. 9, 12, 32, 94, 104, 191, 192
 Орловский С. 144
 Осипов Д. 27, 28
 Осмоловский М. 177
 Остерман Н. 197, 198
 Остроумов В. 217
 Охитович М. 21, 23
 Охлопков Н. 63
- Палладио А. 115
 Пастернак А. 58
 Пастернак П. 148
 Парусников М. 34, 177, 181
 Перри К. 231
 Петров В. 193
- Плессейн Б. 196
 Пожарский А. 176
 Покровский В. 31
 Поляков Н. 176, 177
 Поляков Л. 118, 158, 176, 178, 188, 189, 194, 212
 Полупанов С. 53, 160
 Полищук В. 177
 Попов В. 21, 34
 Попов Е. 34, 104, 105, 106, 144, 191
 Посохин М. 189, 197, 198, 206
 Приймак Б. 177, 182
 Прохоров С. 43, 46, 220
 Прусаков В. 146
- Рабинович А. 191
 Разумовский В. 180
 Райлян В. 59
 Ребайн Я. 180
 Ревякин П. 120, 160
 Резник Е. 197
 Рейзерова З. 220
 Родченко А. 66
 Рожин И. 203
 Розенфельд З. 113, 120, 188, 195, 196, 197, 200, 201
 Романовский И. 174, 181
 Ростковский А. 189
 Рочегов А. 194
 Рубаненко Б. 113, 114, 118, 125, 133, 134, 172, 180
 Рубинштейн Ю. 40
 Руднев Л. 27, 28, 138, 154, 172, 176, 190, 199, 201, 203, 206, 209
 Рухлядев А. 111, 112
 Рыбин Н. 39
 Рыльский И. 29, 30
 Рязанов В. 217
- Сабсай А. 160
 Сабсович Л. 21
 Савельев Л. 86
 Савицкий Д. 110, 193
 Сакулин Б. 17, 19
 Сатуниц С. 98
 Самойлов А. 38, 39, 41
 Сардарьян П. 88
 Сафарян С. 130, 158, 160, 206
 Свицкий Я. 63, 90, 209
 Севан Г. 135
 Семенов А. 187
 Семенов В. 14, 82, 174, 176, 179, 180
 Семенов Н. 26
 Семенов-Прозоровский В. 101
 Сенчихин К. 128, 131, 202
 Серафимов С. 55, 56
 Сергеев В. 196
 Серк Л. 112
 Симбирцев В. 149, 151, 176, 177, 178
 Симонов Г. 11, 39, 43, 44, 58, 113, 114, 125, 174
 Синяевский М. 9, 64, 65, 113, 116, 117
- Скосыров В. 125
 Смирнов Б. 197, 198
 Смирнов Н. 196
 Смирнов С. 118
 Смоленская Р. 133
 Смолин П. 43
 Смолицкий А. 81
 Смолич М. 185
 Соболев Д. 176
 Соболев И. 9, 34, 174, 176
 Соболев Н. 103
 Соколов В. 40, 42
 Соколов К. 45, 120
 Соколов Н. 23, 101
 Сотников А. 146
 Стамо Е. 136
 Страпан О. 86
 Стасов В. 111
 Степанова Л. 133, 203
 Степанов Н. 205, 211
 Страментов А. 25, 82
 Стрекавин А. 160
 Суриц А. 200, 201
 Сухов Д. 103
 Сырышев Н. 69
- Таиров А. 63
 Таманян А. 20, 21, 96, 130, 140, 141, 149, 150, 206, 234, 235
 Таранов И. 158, 160
 Тарантул А. 185
 Тартаковский Я. 7, 8, 20
 Татлин В. 50, 228
 Тауриц Р. 188, 190
 Тацян А. 181, 182
 Терехин Ф. 43
 Тимирязев К. 28
 Тихомиров А. 31
 Ткаченко И. 203, 206
 Толмачев В. 180
 Топунов Ф. 194
 Торопов С. 30
 Трахтенберг М. 180
 Троценко В. 55
 Троцкий Н. 51, 52, 90, 140, 142
 Тумбасов А. 40, 92
 Тургенев С. 51
 Турчанинов В. 40
- Угрюмов О. 209
 Улинич Б. 51, 174
 Урушадзе В. 98
 Усейнов М. 102, 113, 129, 131, 133, 134, 135, 152, 154, 158, 160, 195, 202
 Ухтомский Д. 101
- Фаворский Н. 146
 Фельер М. 55, 56
 Федорова В. 225
 Федоров Н. 58
 Финало И. 178
 Фисенко А. 34, 104, 105, 107, 191
 Фомин И. 8, 9, 11, 20, 27, 28,

51, 53, 54, 58, 67, 69, 70, 94,
115, 118, 122, 137, 138, 140,
141, 155, 156, 157, 172, 181,
184, 234

Француз И. 76
Фридман Д. 133, 134
Фромзель В. 200

Хазанов Д. 191
Харламова М. 188
Хаустов П. 92, 94
Хигер Р. 12
Хидекель Л. 153, 154
Хмельницкая Н. 99
Хряков А. 43, 44, 72, 190, 203,
209

Цеткин К. 49

Чайкина Г. 223, 224

Чайко И. 120
Чалдымов А. 132, 133
Чериковер Л. 63
Чернышева З. 187
Чернышев С. 14, 26, 82, 158,
172, 174, 190, 209
Чечулин Д. 63, 119, 125, 156,
157, 158, 170, 172, 184, 187,
188, 189, 195
Чубинашвили Г. 102

Шавишвили Т. 209
Шадр И. 31, 76, 149
Шебалин А. 217
Шейлеховский Г. 97, 127
Шестаков С. 19
Шпекторов М. 193
Штейнберг Я. 61
Шухов В. 50

Щипакин В. 193
Шуко В. 9, 65, 66, 67, 70, 72,
101, 136, 141, 153, 158, 159,
233, 234
Шуко Ю. 158, 215
Шусев А. 7, 11, 14, 17, 20,
66, 74, 75, 76, 85, 86, 88, 98,
140, 141, 143, 144, 147, 149,
173, 176, 178, 180, 187, 210,
211, 231, 234, 235

Эйзенштейн С. 62
Эйнгорн А. 94
Энгельс Ф. 46

Юрченко П. 221
Юсина С. 203

Якубов Р. 194
Ярошук В. 185

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5	Промышленные здания и соору- жения	104
Введение	7	Жилые здания	112
<i>Глава 1. Архитектура периода граждан- ской войны, восстановления на- родного хозяйства и построения фундамента социалистической экономики СССР (1917—начало 1930-х годов)</i>	<i>17</i>	Общественные здания	131
Градостроительство	17	Архитектура села	162
Промышленные сооружения	30	<i>Глава 3. Архитектура военных лет и по- слевоенного восстановления на- родного хозяйства (1941—сере- дина 1950-х годов)</i>	<i>172</i>
Жилые здания и комплексы	36	Градостроительство	175
Общественные здания	49	Промышленные сооружения	191
Архитектура села	77	Жилые здания	195
<i>Глава 2. Архитектура периода заверше- ния реконструкции народного хо- зяйства и в предвоенные годы (начало 1930-х—1941 годы)</i>	<i>80</i>	Общественные здания	202
Градостроительство	80	Архитектура села	216
		Заключение	227
		Список литературы	239
		Указатель архитектурных объектов, упо- минаемых в тексте	242
		Именной указатель	252

Указатели составлены Т. А. Гатовой

Николай Петрович Былинкин
Вера Николаевна Калмыкова
Александр Васильевич Рябушин
Галина Васильевна Сергеева

ИСТОРИЯ СОВЕТСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ (1917—1954 гг.)

Под общей редакцией
Н. П. Былинкина и А. В. Рябушина

Редакция литературы по градостроительству
и архитектуре
Зав. редакцией Т. Н. Федорова
Редактор Т. А. Гатова
Внешнее оформление художника В. П. Сысоева
Художественный редактор В. П. Сысоев
Технические редакторы В. Д. Павлова, Н. В. Высотина
Корректор Г. А. Кравченко

ИБ № 1934

Сдано в набор 19.03.84. Подписано в печать 15.04.85. Т-09245.
Формат 70 × 100¹/₁₆. Бумага офсетная № 2. Гарнитура
Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,64. Усл. кр.-отт. 41,6.
Уч. изд. л. 23,45. Тираж 30000 экз. Изд. № А1-7547.
Заказ № 304. Цена 1 р. 70 к.

Стройиздат, 101442, Москва, Калыевская 23а

Можайский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли, г. Можайск, ул. Мира, 93.

THE HISTORY OF THE SOVIET ARCHITECTURE 1917–1954

CONTENS

Introduction	5
Preface	7
Chapter 1	
The architecture of civil war time, restoration of national economy and building foundation of social economy of the USSR period (1917 and the beginning of 1930 ties)	17
Chapter 2	
The architecture of the completion period of national economy reconstruction and before war time (beginning of 1930–ties – 1941)	80
Chapter 3	
The architecture of the wartime and the post-war of national economy restoration period (1941 and in the midst of 1950–ties)	172
Conclusion	227
Bibliografy	239
Index	242

СЕРИЯ УЧЕБНИКОВ И УЧЕБНЫХ ПОСОБИЙ «АРХИТЕКТУРА» ДЛЯ СТУДЕНТОВ АРХИТЕКТУРНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВУЗОВ

Учебники

Основы архитектурного проектирования
Архитектурное проектирование жилых зданий
Архитектурное проектирование общественных зданий и сооружений
Архитектурное проектирование промышленных предприятий
Архитектурное проектирование агропромышленных комплексов
Градостроительное проектирование
История архитектуры
История русской архитектуры
История градостроительства (в 2-х томах)
Советская архитектура (в 2-х томах)
Современная зарубежная архитектура
Рисунок
Живопись (в 2-х томах)
Скульптура
Начертательная геометрия
Технические средства архитектурного проектирования
Архитектурное материаловедение
Строительная механика
Конструкции зданий и сооружений (в 2-х томах)
Технология строительного производства и охрана труда
Архитектурная физика
Экономика в проектировании и строительстве
Организация и управление проектированием и строительством
Инженерное оборудование зданий и сооружений

Учебные пособия

Введение в специальность
Методика архитектурного проектирования
Основы архитектурной композиции
Социальные основы проектирования и типология зданий
Реставрация памятников архитектуры
Интерьер
Ландшафтная архитектура
История искусств
Основы теории градостроительства
Основы районной планировки
Охрана окружающей среды
Высшая математика
Геодезия и фотограмметрия
Большепролетные конструкции в современной архитектуре
Инженерная подготовка и благоустройство территорий
Транспорт в градостроительстве
Лабораторные работы по курсу «Архитектурное материаловедение»
Сборник задач по курсу «Начертательная геометрия»
Сборник задач по курсу «Строительная механика»

TEXTBOOKS AND MANUALS ON "ARCHITECTURE" FOR STUDENTS OF ARCHITECTURAL FACULTIES

Textbooks

Fundamentals of architectural designing
Architectural designing of residential buildings
Architectural designing of public buildings and structures
Architectural designing of industrial enterprise
Architectural designing of agro-industrial complexes
Town planning designing
History of architecture
History of russian architecture
History of town planning (in 2 vol.)
Soviet architecture (in 2 vol.)
Modern foreign architecture
Drawing
Painting (in 2 vol.)
Sculpture
Descriptive geometry
Technical means of architectural designing
Architectural materials
Structural mechanics
Structures of buildings and constructions (in 2 vol.)
Technology of building production and labour protection
Architectural physics
Economy in designing and construction
Organisation and management of designing and construction
Engineering equipment of buildings and structures

Manuals

Introduction to speciality
Methods of architectural designing
Fundamentals of architectural composition
Social principles of designing and building typology
Restoration of architectural monuments
Interior
Landscape architecture
History of arts
Fundamentals of town planning theory
Fundamentals of regional planning
Environment protection
Higher mathematics
Geodesy and Photogrammetry
Large-span structures in modern architecture
Engineering site levelling and greenery provision
Transport in town planning
Laboratory work on "Architectural materials"
Collection of problems on descriptive geometry
Collection of problems on structural mechanics